

**Итоги жизни
или галопом по Европам
(из воспоминаний вояки - миротворца)**

Предисловие.

*Кусочек подлинной истории –
эта такая редкая вещь,
что им надо дорожить¹*

Эта книга возвращает читателя в то еще не очень далекое время для людей поколения автора этих воспоминаний, когда в советском государстве Армия и Флот являлись предметом всеобщего внимания, а забота о подрастающем поколении будущих офицеров была одной из первоочередных задач правительства. Создавали и поддерживали военную мощь государства конкретные люди, среди которых особое место принадлежит представителям офицерского корпуса, достойно продолжавшие лучшие традиции русского воинства в эпоху острейшего противостояния двух супердержав в эпоху “холодной войны”.

К тем, кто достойно представлял этот корпус, по праву относятся выпускники суворовских военных училищ - золотой стержень Советских Вооруженных Сил.

Вместе с суворовцем-ветераном Кавказского Краснознаменного суворовского училища, автором этой книги – Морозовым Юрием Васильевичем, мне довелось работать несколько лет в Центре военно-стратегических исследований Генерального штаба, а затем в Институте Дальнего Востока Российской академии наук.

Длительное время в Центре он руководил направлением, ответственным за разработку проблем военной безопасности государства, исследование вопросов конфликтов и миротворческой деятельности Вооруженных сил России. В решении вопросов возлагаемых на него исследований, проявлял

¹ Томас Джефферсон

лучшие качества аналитика – умение рассматривать проблему в целом и поиск наиболее рационального пути ее решения.

В его стиле работы органично сочетались требовательность к подчиненным и умение оказать им своевременную помощь. Выявленные недостатки в работе подопечных никогда не высмеивал, а доброжелательно подсказывал, как лучше их устранить, поддерживая в коллективе творческую атмосферу и здоровый соревновательный дух.

В отстаивании своей точки зрения иногда с начальством был иногда “ершист”, пытаясь при помощи аргументов и фактов убедить собеседника избрать наиболее рациональный путь решения той или иной проблемы. Избранный путь решения проблем, как правило, базировался на базе системных знаний, полученных в различных военно-образовательных заведениях, и его личного опыта участника в ряде военных конфликтов, имевших место в конце XX века.

Морозов Юрий Васильевич окончил суворовское военное училище в 1970 году, Высшее общевойсковое командное училище (1974г.), а Общевойсковую академию (1982г.) он окончил “с отличием”. Также в его багаже теоретической подготовки был запас знаний, полученных в стенах прославленной Академии Генерального штаба (1992г.) и Высших курсов наблюдателей ООН (1994г.). Кроме того, он получил диплом выпускника Военного колледжа НАТО в Риме (2000г.).

Морозов Ю.В. обладал учёной степенью “кандидата военных наук” (1985г.) и ученым званием “старшего научного сотрудника” (1990г.). Также он являлся профессором Академии военных наук и Международной академии наук по проблемам национальной безопасности, членом-корреспондентом Академии геополитических проблем.

Широкие теоретические знания позволили Морозову Ю.В. внести свою лепту в российскую военную теорию и практику. Так, в свое время он участвовал в разработке проектов документов, касающихся концеп-

туальных основ оборонной политики российского государства: мониторинга военно-политической и военно-стратегической обстановки в регионах мира; системы мер по предотвращению и нейтрализации военных конфликтов и структур региональной безопасности; Концепции национальной безопасности России; формирования единого оборонного пространства СНГ; Военной доктрины РФ (2000г.); Военной доктрины Российской Федерации – Республики Беларусь; основ миротворческой деятельности российских Вооруженных Сил.

Его подходы к разрешению проблем военных конфликтов базировались не только на глубоких знаниях, полученных в стенах военных заведений, но и на опыте, полученном им в ходе конфликтов на Балканах и Кавказе.

В 1994-95гг. Морозов Юрий Васильевич был старшим российским контингентом военных наблюдателей в миротворческой миссии ООН в Боснии и Герцеговине. Там ему пришлось служить в самых горячих точках в секторе “Сараево” бывшей Социалистической Федеративной Республики Югославии, где в то время велись кровопролитные бои между конфликтующими сторонами.

Позже он также неоднократно бывал в других республиках бывшей Югославии - в Хорватии, Сербии и в Косово. В результате анализа событий гражданской войны и миротворческой деятельности сначала войск ООН, а затем многонациональных сил с участием российского воинского контингента под эгидой НАТО им была написана монография “Балканы сегодня и завтра: военно-политические аспекты миротворчества”.

На рубеже смены веков полковник Морозов Ю.В. вновь участвовал в качестве военного наблюдателя в миссии ООН в зоне грузинско - абхазского конфликта. Его наблюдательность и аналитические способности позволили описать в очередной книге “Миротворческая деятельность России по урегулированию конфликтов на постсоветском пространстве” перипетии событий, как в самой Грузии, так и в Абхазии и Южной Осетии. В этой книге также

описываются конфликты и миротворческая деятельность России в других “горячих точках” планеты, где побывал Юрий Васильевич – в Приднестровье, в Нагорном Карабахе и в Афганистане.

Полученный боевой опыт в зонах военных конфликтов позволил Морозову Ю.В. в своих научных работах сформулировать основные уроки, извлеченные из перспектив их урегулирования и анализа миротворческих операций, а на их основе – разработать практические рекомендации российским миротворцам в будущих миссиях.

Будучи сотрудником Центра военно-стратегических исследований Генерального штаба Морозов Ю.В. много сделал для того чтобы российский опыт урегулирования конфликтов стал достоянием мировой общественности. При его активном участии были разработаны и реализованы несколько международных исследовательских проектов, в том числе: российско-американский проект, посвященный совместным действиям вооруженных сил РФ и США на Балканах; российско-датские исследования миротворческой деятельности в Евразии на рубеже 20-го и 21-го веков; российско-итальянского проекта, посвященного вопросам военной безопасности в Европе; и российско-японские исследования подходов обеих стран к обеспечению военной безопасности в Азиатско-Тихоокеанском регионе.

В результате этих проектов были изданы монографии на русском и других языках, в которых учитывались не только иностранные взгляды на решение той или иной региональной проблемы, но и популяризировались российские подходы. В ряде этих проектов Юрий Васильевич был либо идеологом, либо их руководителем. В те времена ему приходилось становиться хорошим дипломатом, чтобы получить согласие вышестоящего командования Минобороны РФ. Дело в том, что в реализации этих проектов участвовали представители аналитических центров военных ведомств, еще до недавнего времени принадлежавшие к потенциальным противникам. Поэтому “лед недоверия” эпохи “холодной войны” все еще оставался в головах

руководства оборонных ведомств обеих сторон. Но, как говорится “капля воды камень точит”, эти проекты были успешно реализованы, в чем есть и немалая заслуга Юрия Васильевича.

Помимо реализации этих проектов Морозов Ю.В. опубликовал много других статей на иные темы. Всего перу профессора Академии военных наук России принадлежит около 200 печатных изданий на актуальные военно-политические проблемы, которые были опубликованы в нашей стране и за рубежом.

Обладая хорошей памятью и будучи интересным рассказчиком, в кругу друзей и коллег по работе Юрий Васильевич иногда красочно описывал многочисленные военные эпизоды из своей жизни. Интересными у него получались и воспоминания о его друзьях-однокашниках по суворовскому и общевойсковому училищам, соратникам по службе в Генеральном штабе. О себе старался умолчать, а если и рассказывал, то только с юмором, всегда подчеркивая человеческое окружение, благодаря которому он добился успехов в службе. “Свита делает короля”, - любил подчеркивать он.

Его увлекательные рассказы о былом вызывали заинтересованность не только со стороны молодых офицеров, для которых Советские Вооруженные силы были уже недавним прошлым, но и среди ветеранов военной службы. Коллеги по работе неоднократно побуждали Морозова Ю.В. к необходимости переложить эти рассказы на бумагу, обнародовав эти воспоминания. Но не сухим научным языком, а так чтобы это было интересно всем, кто служил, и не служил в армии, и тем, кто интересуется новейшей историей российских Вооруженных сил на фоне событий, происходивших на постсоветском пространстве, на рубеже смены веков. В конце - концов эти просьбы и подвигли его на написание книги, которую Вы, уважаемый читатель держите сейчас в руках.

Читая его воспоминания “Когда я итожу то, что прожил, или галопом по Европам”, можно прийти к однозначному выводу - с поставленной перед

собою задачей Юрий Васильевич справился в полной мере, несмотря на то, это что не научный труд, привычный для него, а первый литературный дебют на художественном поприще. Богатый язык, тонкий юмор, сочные краски и легкий стиль изложения описываемых событий, позволяют читателю окунуться в атмосферу 50-х годов прошлого столетия и вместе с автором путешествовать по городам и весям до нынешних времен.

Его воспоминания о детстве и о юношестве, связанные с суворовским и общевоинским училищами, проникнутые юмором и самоиронией над собою, подробно обрисованы в части 1-ой книги - “Детство и отрочество” и во 2 –ой ее части - “Юношество в погонах”. В них чувствуется любовь к героям его повествования и некая ностальгия о системе военного образования эпохи Советского Союза.

В некоторых главах юмористическое описание событий уступает место глубокому анализу происходившего и будущего. Здесь автор выступает с позиции гражданина – патриота своей Отчизны, которому небезразлично, что будет с Российской Федерацией и ее Вооруженными силами в недалеком будущем. Это относится к разделу посвященному военному воспитанию юношей в современной России, и к разделу с анализом того, почему нужна для страны военная разведка в современных геополитических условиях.

Наибольший аналитический материал содержится в разделе “Конфликты Евразии и миротворчество”. Базируясь на собственном опыте, автор описывает события недавнего прошлого, связанные с военными конфликтами, полыхавшими на континенте в начале 90-х годов XX века и продолжавшиеся в XXI веке. Весьма поучителен анализ опыта российского миротворчества, его сравнение с западными подходами к урегулированию конфликтов, оценка того, что можно взять на вооружение российским миротворцам, и чего следует всячески избегать. С познавательной точки зрения весьма интересными являются наблюдения автора о менталитете, нравах и обычаях тех народов, которых, так или иначе, затронули военные конфликты.

Будучи военным, а затем гражданским экспертом, хорошо владеющим иностранным языком, автору довелось побывать не только в горячих точках планеты, но и во многих других государствах. Сейчас ни для кого не является секретом, что очень часто военнослужащие, бывавшие за границей по служебным делам, видят страну временного пребывания по жестко ограниченной схеме: аэропорт – гостиница – место проведения совещания либо конференции – аэропорт. Поэтому Морозов Ю.В. в части своих воспоминаний - “Галопом по Европе и другим континентам” делится впечатлениями только о тех странах и их гражданах, которых он мог увидеть не только из иллюминатора самолета, но и смог некоторое время провести с ними в стране пребывания.

В целом книга читается легко, в ней есть много интересных фактов и наблюдений, точно описаны события недавнего прошлого, а количество судеб сослуживцев Морозова Ю.В. которых он описал в своих воспоминаниях, перевалило за третий десяток.

Эта книга интересна для тех, кто решил стать защитниками Отечества, и для тех, кто не служил в Армии, и тем, кто стоит сейчас у руля военных преобразований и может извлечь для себя уроки из советской школы военного воспитания юношей.

А. Ф. Клименко

генерал-лейтенант (зап.), начальник Центр военно-стратегических исследований Генерального штаба ВС РФ (1999-2005 гг.), кандидат военных наук, профессор российской Академии военных наук, ведущий научный сотрудник Института Дальнего Востока Российской Академии наук.

От автора

Никогда не предполагал, что наступит время, когда появится желание написать о прожитых годах, начиная с раннего детства и до преклонных годов, большую часть которых была посвящена военной службе.

Поэтому каких - либо записей в течение этих лет я не вел. Однако когда кипение страстей по молодости лет улеглось и кругу друзей все чаще стало вспоминаться былое и сравниваться с тем, к чему пришло российское общество к началу XXI века – появилось желание поделиться воспоминаниями с юным поколением о годах нашей молодости.

Необходимо было отдать должное и тем, кто нас воспитал и тем, кто служил бок обок в Вооруженных силах России, претерпевших немало изменений в период дезинтеграции Советского Союза. Также появилось стремление на страницах воспоминаний рассказать о своих друзьях-суворовцах и о коллегах по работе, чей жизненный путь в эпоху глобальных перемен российского общества достоин подражания.

Впервые идея поделиться воспоминаниями о юношеских годах, проведенных в суворовском училище, зародилась у моего товарища - доктора медицинских наук профессора Сергеева Сергея Васильевича. Эту мысль он высказал в зимний вечер в 2010 году на традиционном ужине ветеранов-воспитанников Кавказского Краснознаменного суворовского военного училища. Идея всем кадетам - «кавказцам», сидящим за праздничным столом, понравилась. Среди них даже разгорелся жаркий спор о концепции такой книги и для кого она будет предназначена. И самое главное – кто будет ее писать?

К этому времени я уже выпустил несколько монографий, посвященных вопросам геополитики и локальным войнам, полыхавшим в Евразии после развала Варшавского Договора и Советского Союза. Поэтому, мои друзья, сидевшие за столом, обернулись ко мне. В их глазах читался немой вопрос с указаниями: “Чего в рот воды набрал? Немедленно берись за реализацию этой идеи!”. Однако, зная, как тяжело переходить от научной терминологии и сухой статистики на вольный стиль изложения материалов воспоминаний, сохраняя при этом историческую точность в изложении событий, я отбояривался от товарищей как мог.

Но идея, как говорится, засела в голове. Подспудно начался формироваться замысел книги. И поскольку в Министерстве обороны РФ началась очередная радикальная перестройка структуры Вооруженных Сил, затрагивающая основы военного воспитания юношей, решивших посвятить себя военной службе, я решил не откладывать это дело “в долгий ящик” и приступить к написанию книги.

В воспоминаниях “о былом” хотелось избежать клише и нудности в повествовании, которыми грешат многие мемуары достойных людей, но, увы, думающих, что и массовый читатель также хорошо разбирается в тонкостях той профессии, которой эти авторы посвятили свою жизнь. Поэтому в подготовке книги основная трудность состояла в том, что будет ли эта книга интересна для тех, кто не оканчивал суворовское училище, и смогут ли те, кто стоит у руля военных преобразований, извлечь для себя положительные уроки из советской школы воспитания юношей, решивших стать защитниками Отечества.

Прежде всего, на примере службы моих друзей, на военном, либо гражданском поприще, хотелось показать, что дает образование, полученное в суворовском военном училище, и как из суворовцев вырастают высокие профессионалы своего дела и патриоты Родины. Поэтому эта книга посвящается всем выпускникам суворовских училищ, особенно, моим друзьям-

однокашникам по Кавказскому Краснознаменному СВУ, друзьям-курсантам из КВОДКУ, женам, детям, внукам и правнукам, которые должны знать о юношеских годах своих мужей, отцов и дедов, а также тем, кто планирует связать свою жизнь с Вооруженными Силами России.

Также она адресована и тем, кто вместе с автором служил вместе в армии, воевал в горячих точках планеты, работал в Центральном аппарате Министерства обороны РФ. Теплые слова благодарности и тем коллегам, с которыми ему пришлось работать в Академии наук России. Автор также сердечно благодарит своих друзей – однокашников по учебе за оказанную ими помощь в подготовке и издании этой книги.

Удалось ли это автору этой книги достичь целей, поставленных перед собой – решать Вам, уважаемый читатель.

Ростов-на-Дону, площадь Советов, фото 60-х годов

Часть 1. Детство и отрочество.

*О, детство, как в нем удастся,
Младенцам, глядя из гнезда,
Увидеть то, что остается
Навечно в сердце навсегда?²*

Пацан из ростовского двора.

Автор этого повествования – Юрий Морозов, родился, как это было принято писать в анкетах, 3 октября 1951 г. в Ростове - на Дону в семье военнослужащего. Появился на свет “под счастливой звездой”, ибо по сравнению с поколением, родившимся ранее, не познал, что такое голод и ужас послевоенной разрухи. Но это не моя заслуга, а скорее – проказника - амура, пронзившего стрелой любви сердца моих родителей в 50-е годы XX века.

Отец мой, Василий Тимофеевич, выходец из донских казаков, пройдя всю Великую Отечественную войну, получив несколько ранений и полный иконостас медалей, в 1948 г. был назначен помощником военного коменданта Ростова-на-Дону. В то время в Ростове криминальная ситуация была неспокойной, в камышовых плавнях дельты Дона еще прятались после войны

² В.И. Гафт, актер театра “Современник”

бывшие полицейские, дезертиры и просто бандиты. Плюс ко всему амнистия, связанная со смертью И.В. Сталина, выплеснула на улицы города массу уголовных элементов. И вся эта братия активно терроризировала жителей Ростова. Недаром в то время в народе была популярна поговорка: “Ростов – папа, а Одесса – мама”.

Искоренение бандитизма, как военная помощь МВД со стороны Минобороны, было основной задачей моего отца – полковника, “красавца-мужчины”, который день и ночь пропадал на работе, а в свободное от погони за бандитами время был не прочь выпить и погулять. Моим воспитанием занимался мало и о себе оставил обрывочные воспоминания, но его рассказы о войне, военная форма и оружие оставили в моей памяти неизгладимый след.

Моя мама, Мария Дмитриевна, тоже была донской казачкой. Имея два высших образования, после развода с моим отцом по весьма популярному по тому времени мотиву - пьянство отца и его “походы налево”, работала на двух работах, чтобы содержать семью. Поэтому дома бывала редко, но когда была, постоянно затачивала мое самолюбие – “ты должен превзойти отца, добившись в этой жизни большего”. И я, как зомби, старался следовать материнским наказам в последующей жизни.

Дедов, потомственных казаков, я не знал, – уйдя добровольцами на фронт, оба погибли во время войны. Так что моим домашним воспитанием занималась бабушка Татьяна Михайловна, тихая малограмотная женщина, с тремя детьми на руках пережившая оккупацию Дона немцами и румынами, которая наложила на нее вечный страх перед любыми властями. В раннем детстве я ее воспринимал скорее как “приложение к кухне”, чем как “строгую бону”, заморочить голову которой при проверке школьных заданий и смыться гулять для меня не составляло труда.

Братьев и сестер у меня не было, зато в квартире жили мои дяди – холостяки Юрий и Александр, честно работавшие на заводе и звезд с неба не

хватавшие. По мужской линии воспитания они также потерпели фиаско. Реально моим воспитателем была улица.

В 50-е годы при распределении квартир в городе свято соблюдался принцип выделения их части военнослужащим, несмотря на то, что многие жители Ростова все еще ютились в коммуналках и в подвалах. По сравнению с их жизненными условиями моя семья из шести человек получила “шикарную” по тогдашнему времени двухкомнатную квартиру общей площадью 26 кв. метров в доме от завода “Сантехоборудование”.

Трехэтажный дом располагался на тихой улочке Чехова, в нем было всего 12 квартир и, естественно, соседи знали друг о друге все и вся. В доме был маленький внутренний дворик с клумбами, где летом цвели цветы, а аромат ночных фиалок убаюкивал жильцов, спавших из-за летней жары на своих балконах. Правда, ночью всех доставали серенады котов, чье утробное завывание напоминало детский плач, прекратить который могли либо ушат воды, либо кирпич, запущенный в район сходки кошачьих донжуанов.

Во дворе росла благоухающая акация (неофициальный символ города), плодоносили тутовник, вишня и абрикос, как неплохое подспорье для развития навыков лазанья по деревьям. Каменные стены забора обрамлявшего дворик, были увиты виноградом, в зарослях которого хорошо было прятаться, играя в казаки-разбойники.

Из местных знаменитостей в доме проживали С. Черкашин – отставной адъютант маршала М. Буденного, олимпийский призер, яхтсмен В. Гамов и директор завода А. Рыжов – единственный в доме владелец дефицитного автомобиля “Победа”.

Костяк дворовой команды составляли: я – Юрка, Витька – внук С. Черкашина, и Пашка Шпильман, сын директора ателье. Вместе мы играли, выросли, участвовали во многих проделках, и к 4-му классу школы превратились в настоящую дворовую шпану, которой до серьезных приводов в милицию оставалось совсем недолго.

Этому способствовали местные “достопримечательности” – пивная на углу улиц Чехова и Горького, где мы обогащали свой словарный запас, и Ростовская тюрьма, расположенная в двух кварталах от дома. Это место притягивало нас, как пчел на мед. У проходной тюрьмы вечно толпились тетки с передачами для зеков, а также блатные, навещавшие “паханов”, сидевших на нарах. В ожидании свиданий и от нечего делать, они учили нас, мелюзгу, как надо жить “по понятиям”. Накопленные знания мы старательно применяли на практике, особенно в драках с ребятней других кварталов. Золотая фикса на зубе и финка в кармане были для нас тогда пределом мечтаний.

Помнится, как мы совершили набег на спортзал бригады связи Северокавказского военного округа, казармы которой располагались на ул. Красноармейской напротив нашего дома. Под влиянием впечатлений, полученных от фильма “Три мушкетера”, мы стащили из спортзала рапиры и маски для фехтования. Мушкетерские плащи сварганили из скатертей, прорезав в них дырки для головы и намалевав на них красными чернилами кресты, за что были нещадно пороты домашними. Но зато в этом облачении нам не было равных в уличных боях.

Зимой, если был снег, что, в общем, для Ростова было редким явлением, мы катались на лыжах и санках. Особенно нравилось скатиться по заледенелой проезжей части улицы, ничуть не заботясь о тормозном пути автомобилей по скользкой дороге.

Ранней весной мы потихоньку от домашних убегали на Дон, где, толком не умея плавать, катались на льдинах во время ледохода. В это время река из “тихого Дона” превращалась в могучий поток, который с шумом и грохотом нес вниз по течению огромные льдины. Они с пушечным треском ломались и кувыркались в воде, вздымая фонтаны брызг. Мы прыгали с берегового дебаркадера на одну из проплывающих льдин и путешествовали на ней до следующего дебаркадера, пришвартованного ниже по течению. Нам было

очень весело, так как своим детским умишком мы не понимали, чем подобные забавы могут закончиться.

Во время весенней путины ловили самодельными снастями рыбу, которая шла из Азовского моря в верховья Дона на нерест. Для этого мы наматывали вокруг железных прутьев свои майки или штаны, привязывали веревку и бросали эти неводы в воду – улов был обеспечен, так как рыба во время путины шла плотными косяками.

Лето также в основном проводили на левом берегу Дона, ловя раков и подглядывая за влюбленными парочками, прятавшимися в прибрежных кустах. Пользуясь покровительством Витькиного деда, посещали ипподром. Кормили и поили лошадей, – и за это нам давали покататься на настоящих рысаках. Но наездника из меня не вышло. Как-то раз, мерин в стойле, которого я угостил морковкой, “любя”, укусил меня за спину. До сих пор помню, как было больно, и какой ужас меня охватил, что он съест всего меня без остатка. Как говорится – из денника “...Гарун бежал быстрее лани, быстрее, чем заяц от орла”. После такой экзекуции всю жизнь старался обходить лошадей стороной, а в Киевском суворовском училище, где я позднее учился, и на территории которого располагалась конная секция, у меня так и не хватило храбрости похвастаться перед друзьями приобретенными навыками верховой езды.

Осень для нас была весьма скверная пора – надо было идти в школу. До поступления в суворовское училище я сменил две школы. Первая школа № 47 была расположена рядом с нашим домом на ул. Горького. Как сейчас помню, угрюмо плетясь за мамой в первый класс, вместо того, чтобы радоваться будущим знаниям, я с тоской думал: “Боже мой, и это надо проделывать каждое утро целых 11 лет“. Рядом со школьным двором стоял небольшой домик, где жил мальчик с “легко” выговариваемой фамилией – Тазехулахов Саша, дальнейшая судьба с которым связала нас на долгие годы.

Под влиянием маминых мечтаний, что ее сын непременно будет дипломатом, второй год обучения я начал в спецшколе с немецким уклоном, расположенной в центре города. В обучении немецкому педсостав 53-й школы сразу брал “быка за рога” – даже на переменах детям запрещалось общаться между собой по-русски, а только по-немецки. За этим строго следили педагоги, которые вместо того, чтобы пить чай в преподавательской, как коршуны за цыплятами следили за нами в коридорах, выискивая провинившихся. Не знаю, как с точки зрения современной педагогики – хорошо это или плохо, но к четвертому классу я мог довольно бойко изъясняться на немецком языке. Эти азы знаний в дальнейшей жизни мне весьмагодились. Однако в то время, вызубривая склонения местоимений – *Ish bin, du bist, er ist...*, я с тоской смотрел в окно, где была “настоящая свобода”.

От такой “свободы” матушка пыталась отвлечь меня всеми возможными средствами. Например, дабы учебный год был закончен без троек (особенно по поведению), мне был обещан не простой велосипед, а спортивный. И какой пацан смог бы устоять перед таким искушением! Поэтому, преодолевая отвращение, приходилось учиться хорошо.

По маминым понятиям будущий дипломат должен был хорошо знать иностранные языки, быть начитанным, играть в лаун-теннис, красиво плавать и свободно играть на фортепьяно. Часть из маминых задумок с треском провалилась. Если с языком и теннисом – куда ни шло, то художественная литература тогда меня не интересовала – на улице было куда интересней. На музыкальном поприще, провалив прослушивание на пианино и других музыкальных инструментах, я осилил только пионерский марш на барабанах, доведя своим стуком соседей до безумства. О, если бы они знали, какую важную роль в последующем сыграл этот приобретенный навык! Тренер по плаванию не увидел во мне будущего чемпиона, посоветовав заняться чем-нибудь другим. Тем самым он больно ущемил мальчишеское самолюбие, и я мысленно поклялся, что на этом поприще я кое-чего достигну.

Рос я страшным непоседой, вернее сказать - юлой. Еще в детском саду, дабы умерить мой пыл на прогулках, воспитательница брала меня за руку и водила за собой. Тогда среди детворы царил относительный мир и порядок. Но стоило мне сорваться с этой цепи – песчаные куличики и замки были безжалостно растоптаны, девочки визжали, схватившись за косы, а я уже был где-то посередине кучи малы, устроенной мальчишками.

Не лучше обстояли дела и в школе, где мои обычные оценки за поведение были либо “двойка”, либо “тройка”. Наиболее яркое воспоминание о том времени – вступление в пионеры. Накануне, во время очередной битвы с соседними мальчишками, я получил фингал под глаз камнем из рогатки, а далее последовала горячая рукопашная схватка между противостоящими сторонами.

На следующее утро на торжественной школьной линейке я бойко читал стихи перед строем о том, что “пионер - всем ребятам пример”. Мой внешний вид и содержание стихов несколько не соответствовали друг - другу. Лилово-черный синяк под глазом, надорванное ухо и разбитые коленки чтеца вступали в противоречие с моральным кодексом юного ленинца, во время декларирования которого школьники давились смехом, а директор школы чуть не исключил меня из пионерской организации в этот же день.

Дабы хоть как-то усмирить мою неумную энергию, мама отвела меня в изостудию Центрального Дворца пионеров. Несмотря на то, что рисование мне давалось легко, быть будущим Васнецовым мне показалось скучным, а вот лепка из пластилина заинтересовала. Да и только благодаря тому, что во время непогоды играть с друзьями в войну во дворе было невозможно, а телевизора в доме тогда ещё не было.

Выручала игра с пластилиновыми солдатиками, которая развивала мальчишеское воображение. Будучи по природе максималистом, я создал целую армию солдат, танков, пушек и самолетов. Каждый слепленный солдат имел сапоги, каску, ранец и автомат – для чего требовалось адское терпение

и усидчивость. В играх с солдатиками мне виделось будущее великого полководца, чье имя будет блистать на отечественном Пантеоне. Родители буквально молились на это увлечение, ведь это была тихая игра. Когда я уехал учиться в суворовское училище, бабушка аккуратно сложила эту пластилиновую армию в коробки и отнесла в подвал. Вновь белый свет войско увидело через 20 лет, когда я разбираю подвальные завалы. Глядя на окаменелую армию, которая, словно гвардия из гробницы китайского императора, была готова вновь защитить своего сюзерена, впервые с теплой улыбкой вспомнились беззаботные детские годы, их запах и вкус.

В жизни каждого из нас есть такое понятие «запах и вкус детства», вспомнить которые довольно просто. Для меня запах детства ассоциируется с запахом полыни и чабреца, которые бабушка клала в наволочки подушек. Как сладко спалось на них, вдыхая этот запах! А вкусовые ощущения детства связаны со вкусом речной рыбы. Сейчас многие из современной молодежи просто не верят рассказам о рыбном изобилии Дона начала 60-х годов. А некоторые не только не пробовали на вкус, но даже не знают такие названия рыб как пиленгас, калкан, рыбец, чехонь, таранька, стерлядь, которые были обычной домашней едой. В окрошку вместо колбасы клали рыбу, за копейки на базаре раки покупались сотнями, черная икра за столом была обыденным явлением. И вся эта живность в обилии водилась в Азовском море и в Донубатюшке. Постепенно бездумная электрификация и химизация сельского хозяйства Дона сделали свое черное дело, – рыбное изобилие кануло в вечность, а морская промысловая рыба хек, которой раньше кормили кошек и собак, стала относиться к разряду «деликатесных».

Но вернемся к нашему герою. К 12 годам я начал постепенно понимать, что такое безотцовщина, и что такое уголовщина. Хотелось как-то радикально изменить судьбу, реализовать детские мечтания о военных подвигах. От того, что превратило бы меня в законченного ростовского уркагана, спасла одна встреча.

Как-то раз, гуляя летом по местному Бродвею – улице Энгельса, я увидел шедшего по тротуару суворовца. Его черный мундир со стоячим воротничком вышитый золотом и с золотыми пуговицами, алые погоны и лампасы на брюках притягивали мой взор. Это было озарение – вот то, о чем я мечтал! На удивление мама не разделяла моих восторгов, ведь она не понаслышке знала, что такое военная судьба и всячески старалась меня отговорить. Но когда я заявил, что готов лечь под нож врачей (которых я панически боялся), чтобы перед приемной комиссией вырезать гланды, она сдалась и подала мои документы в Кавказское суворовское военное училище, расположенное в г. Орджоникидзе (Владикавказе). Я был накануне новой вехи моей жизни, определившей всю дальнейшую судьбу.

Этому периоду детства я должен сказать отдельное спасибо. Приближаясь к зрелым годам, я все больше убеждаюсь в справедливости пословицы “Из кувшина может вылиться лишь то, что в нём налито”.

Эта “влага жизни” формируется еще в раннем детстве, с четырех лет, – и мечты, и навыки, и наклонности. Абрисы её силы формируют родители, школа, улица, друзья, увлечения и многое другое. В этот период родителям очень важно быть деликатными к подрастающему поколению, особенно бабушкам и дедушкам, умудренным жизнью. Не смотрите, что ваш сын еще физически кроха, он уже самостоятельная личность, как губка, впитывающая в себя все плохое и хорошее из окружающего мира. С детьми этого возраста нужно быть особенно осторожным в проявлении эмоций, четко понимать, что ты ждешь от них взамен своей любви, какова степень эгоизма и прочие щекотливые моменты, которые бывает крайне нелегко осознать.

И еще одно жизненное наблюдение. В детстве кажется, что твои родители жить будут вечно, их воспоминания о былом слушаешь в пол-уха, все время бежишь и торопишься куда-то. А когда настает момент остановиться и подвести итоги этой гонки – многое из воспоминаний родителей забылось, а их уже нет на этом свете. Вот и я, когда в зрелые годы захотел создать генеа-

логическое древо своей семьи, и получить ответ на вопрос кто такие “столбовые казаки”, от которых я веду свой род – остался “у разбитого корыта”, как тот Митрофанушка, “корней и родства не помнящий”.

Жаль, конечно, что эти понимания приходит с возрастом, а не тогда когда ты сам был молодой, или, когда в твоей семье появляется первенец. Но на то она и жизнь: “Ах, если бы молодость знала, и если бы старость - смогла”.

Главный корпус Кавказского Краснознамённого СВУ 60-х годов

Историческая справка о Кавказском суворовском военном училище

Кавказское суворовское военное училище, в которое я поступил в 1963г., имеет славную историю. Оно было создано в ходе Великой Отечественной войны в 1943 г. - в числе первых девяти суворовских училищ, основанных в соответствии с постановлением ЦК ВКП (б) и СНК СССР от 21 августа 1943 г. "О неотложных мерах по восстановлению хозяйства в районах, освобожденных от немецкой оккупации". В этом постановлении особо подчеркивалось, что суворовские училища создаются по типу старых кадетских корпусов. Поэтому училище изначально создавалось с 7-летним сроком обучения, накопив в этом богатый опыт обучения и воспитания. Позднее, в шестидесятые годы была проведена реорганизация суворовских училищ: были изменены сроки обучения и порядок их комплектования. Так, в соответствии с Постановлением СМ СССР от 21 января 1964 г. и приказом МО СССР от 30 января этого же года суворовские училища были переведены с семилетнего на трехлетний срок обучения. В училище стали приниматься не 12 -летние подростки, а юноши в возрасте 15-16 лет, успешно закончившие восемь клас-

сов школы. Выбор военной профессии для них стал более самостоятельным и осознанным.

Первоначальным местом дислокации училища должен был стать Краснодар. Но в краевом центре тогда не нашлось подходящего здания, и оно было размещено в Майкопе — административном центре Адыгейской области. Здесь СВУ находилось с 1943 по 1947 гг. В 1947 г. училище было передислоцировано в Орджоникидзе — столицу Северо-Осетинской АССР и, разместившись на базе Северо-Осетинского Краснознаменного пехотного училища, оно стало именоваться Северокавказским суворовским военным училищем (СкСВУ).

На следующий год эти два училища были объединены в Кавказское Краснознаменное суворовское офицерское училище (ККСОУ). Это был своего рода комбинат, в котором воспитанник, окончив суворовское училище, как правило, продолжал учебу в тех же стенах курсантом, а через три года становился офицером.

В 1958 г. курсантский батальон был расформирован, училище получило новое наименование — Кавказское Краснознаменное суворовское военное училище (ККСВУ), где учились только суворовцы. Среди 11 суворовских училищ ККСВУ было единственным, носившим гордое звание “Краснознаменное”. В 1965 г. оно получило наименование «Орджоникидзевское» (ОрСВКУ). В июне 1967 г. состоялся последний выпуск суворовцев, и это суворовское училище перестало существовать. Те, кто не успел доучиться до выпускного класса, были направлены на учебу в другие СВУ. А на его базе было открыто Орджоникидзевское высшее общевойсковое командное дважды Краснознаменное училище имени Маршала Советского Союза А. И. Еременко, в котором совместно с курсантами продолжала обучение 5 рота суворовцев ОрСВКУ набора 1962г., которая окончила училище в 1969г.

А в начале XXI века на территории училища стали располагаться штаб и воинские подразделения и части 58-й Армии.

Всего за четверть века существования училища (1943—1968гг.) был произведен 21 выпуск суворовцев. Из стен училища вышло много высококвалифицированных специалистов военного дела, глубоко преданных своему народу и Родине. Количество выпускников составило 1862 человека, из них 204 окончили СВУ с золотой медалью, 179 — с серебряной медалью. 60 выпускников пехотного, общевойскового и суворовского училища были награждены золотой медалью Героя Советского Союза. Генералы И. И. Фесин и П. И. Шурухин удостоены этого звания дважды, 7 выпускников стали Героями Российской Федерации, более 40 выпускников получили звание генерала.

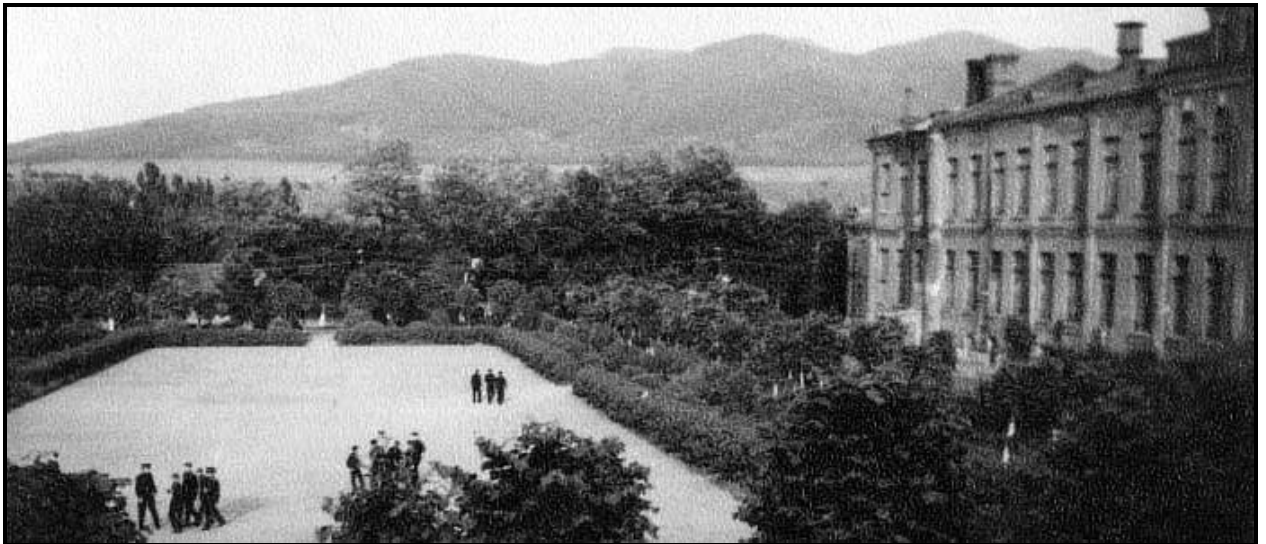
Гордостью и славой училища являются: генерал-майор В.В. Колесник. В 1979 г. руководство страны поручило ему разработать и осуществить молниеносную операцию по захвату Дворца Амина в Афганистане, что он блестяще выполнил впоследствии, получив за это высокое звание Героя Советского Союза; генерал - полковник В.В. Булгаков, Герой России; генерал-майор А.И. Отраковский, Герой России, генерал-полковник Г.П. Касперович, командовавший войсками военного округа и бывший начальником Главного управления кадров, генерал-лейтенант А.И. Соколов, занимавший пост заместителя Главнокомандующего Сухопутными войсками; генерал-лейтенант Ковров В.А., бывший заместителем командующего войсками Московского военного округа; генерал-лейтенант Черников А.Н., руководивший кафедрой в ВА ГШ; генерал-майор Тазехулахов А.А., заместитель командующего ПВО Сухопутных войск, а также генерал-лейтенанты Криунев В.П., Юрченко И.Д., Шишков А.Н., Агавелов И.А., Кащенко Г.В., Мокроус А.И. и другие.

Училище также дало стране более 120 докторов и кандидатов наук, а многие выпускники удостоились высоких правительственных наград, почетных званий СССР и РСФСР. Есть среди выпускников училища и новаторы производства, как например, фрезеровщик Н.И. Игнатов, удостоенный за свой труд ордена Ленина.

Некоторые суворовцы по состоянию здоровья, а также по другим причинам не смогли в дальнейшем стать военными. Но, получив высокую общеобразовательную подготовку в СВУ и воспитанные в духе упорства и настойчивости в достижении поставленной цели, многие из них окончили высшие гражданские учебные заведения, стали инженерами, врачами, учеными и педагогами. Это - доктор физико-математических наук, член Армянской академии наук Н.С. Ананикян; доктор исторических наук Е.В. Старостин, возглавлявший Московский историко-архивный институт; лауреат Государственной премии СССР, доктор технических наук, профессор Г.Я. Утин; лауреат Государственной премии СССР П.Н. Силивров; заслуженный учитель РСФСР И.М. Бушман; удостоенный почетного звания «Заслуженный пилот СССР» Т.Ш. Купатадзе. А.Ф. Перевознов, П.В. Токарев, С.В. Ульянов, Т.В. Хутиев, В.И. Шапкин также являются докторами науки и продолжают успешно трудиться. И этот список можно продолжить.

Некоторые выпускники являются членами творческих союзов. Так, Р.Ф. Болтачев - член Союза писателей СССР, Д.Л. Бельский и В.Л. Калинин - члены Союза журналистов СССР. А.И. Сиджах - член Союза журналистов России. Широкой известностью пользуются поэты-суворовцы - П. Березкин, М. Комаров, Р. Сидоров, Е. Кастовский, В. Бадалов, Ю. Чуриков, В. Орищенко, В. Колесов.

Поэтому Кавказское Краснознаменное СВУ по-праву занимает достойное место в плеяде суворовских военных училищ России за всю историю их существования.

Первые впечатления об училище и вступительные экзамены

В 1963 г. комплекс зданий суворовского училища располагался на берегу быстрого и шумного Терека, в живописном уголке южной части Орджоникидзе в начале Военно-грузинской дороги, на территории бывшего Владикавказского кадетского корпуса.

Более 100 лет тому назад, указом императора Николая II от 26 сентября 1901 г. для сыновей военнослужащих, проходящих или проходивших службу на Кавказе, местных дворян и детей "по избранию командующего войсками" на этом месте был создан Владикавказский Кадетский корпус, который просуществовал до 1918 года.

В этом военном «городке» было всё. Это сейчас создаются кадетские корпуса без необходимой учебно-материальной базы, в нарушение годами выверенных нормативов размещения. А Кавказское училище размещалось в зданиях, где были предусмотрены для обучения и проживания буквально все мелочи. Попробуй, найди сейчас такие спальные помещения, где бы кровати суворовцев размещались в один ярус сразу для двух полноценных рот! Найди такие залы, чтобы в них свободно стояла рота, численностью в 100 человек, в развёрнутом двухшереножном строю!

При взгляде сверху двухэтажное здание училища со стенами темно-красного цвета напоминало букву «Ш». В нем для жизни и быта суворовцев были созданы самые благоприятные условия. Дортуары, классные помещения, столовая, клуб, библиотека, спортзал, баня с крытым бассейном - все находилось в одном здании, и не надо было выходить на улицу. К услугам воспитанников на территории городка имелись медпункт, почта, магазины, строевые плацы, стадион и прилегающие к нему прекрасные спортивные сооружения, включая стрелковый тир.

Центральный вход здания вел через мраморный холл с колоннами на парадную лестницу, ведущую на второй этаж. В центре лестничного перехода был установлен бронзовый бюст А.В.Суворова, покрытый благородной патиной (в 1964 г. за успехи в учебе и дисциплине приказом Главнокомандующего Сухопутными войсками училище было награждено переходящим призом - Красным Знаменем и бюстом А.В. Суворова). Его нос всегда сиял как золотой алтын, благодаря ежедневному надраиванию ацетоном. Для кадетов это было святое – пуговицы на мундире можно и не почистить, авось на строевом смотре пронесет, но нос у дедушки Суворова должен был сверкать. В нишах по обеим сторонам бюста на муаровом фоне были начертаны его заветы потомкам.

На обоих этажах основного здания располагались классные помещения. Столовая, буфет и библиотека были на первом этаже, актовый зал и клуб - на втором. Спальни и иные подсобные помещения занимали цокольные части здания, там же были учебные лаборатории и спортзал. Высокие окна пропускали много света, на полу сиял дубовый паркет, на котором играли блики хрустальных люстр. Стенные проемы занимали исторические портреты видных отечественных полководцев.

Фронтальная часть территории была занята стадионом с футбольным полем, спортивными площадками и стрелковым тиром. В глубине училища были два строевых плаца (чистить их от снега зимой было одно мучение) и

открытый бассейн длиной 33,3 метра. Кто-нибудь в жизни встречался с такими стандартами бассейна? Чтобы проплыть в нем 100 метров, надо было сделать не четыре стандартных поворота (как в 25-ти метровом бассейне), или два (как в 50-ти метровом), а три поворота. До сих пор непонятно, чего хотел добиться архитектор этого сооружения, если по принятым тогда спортивным нормативам три поворота для присуждения разрядов по плаванию не засчитывались.

Рядом с бассейном располагались летний мини - лагерь, медпункт, почта, магазины, находились другие строения. А за забором шумел Терек.

Вся территория городка была покрыта буйной зеленью, у входа в училище журчал фонтан, дающий летом прохладу, на центральной аллее цвели цветы, росли вековые каштаны (плодами которых мы играли осенью “в войну”, запуская эти снаряды в “противника”) и липы, в районе летнего лагеря росли старые груши и заросли бузины. На опытном участке, расположенном вблизи санчасти, плодоносили фруктовые деревья.

И все это царство принадлежало буйному суворовскому братству, членами которого многие мечтали стать. Но для этого необходимо было сдать вступительные экзамены, пройти медосмотр и собеседование. И здесь для меня не обошлось без эксцессов.

В 1963 г. конкурс среди детей- абитуриентов, приехавших поступать в Орджоникидзевские СВУ в сопровождении своих родителей из разных уголков страны, был довольно большой, но экзамены по – русскому и математике я сдал хорошо.

Из процедуры медосмотра запал в душу процесс закапывания глаз атропином, что было нужно для проверки остроты зрения абитуриентов поступающих в СВУ. Во-первых, после закапывания глаза начинало резать и щипать, все плыло, как в тумане, пару часов. Во-вторых, начинало тошнить, что тоже не добавляло радости в мироощущении окружающей действительности. Временно ослепленные этой химией, соискатели суворовских погон,

страдая от физических мук, отлеживались на земле в тени фруктовых деревьев опытного участка. Слава богу, что эскулапы не додумались привлечь для медосмотра детишек проктологов!

В процессе сдачи экзаменов и в ожидании результатов конкурсного отбора, абитуриенты кучковались меж собой по принципу землячества. “Ростовчане” составляли одну фракцию, “астраханцы” – другую, “бакинцы” – третью и т.д. Наиболее сплоченной была фракция абитуриентов из Республик Средней Азии, которые первоначально прибывали на сборный пункт в Ташкент. Затем, в сопровождении представителя военного комиссариата Узбекистана, добирались поездом и паромом через Каспийское море до Орджоникидзе одной командой. Лишенные опеки родителей, эти ребята горою стояли друг за друга, так что с представителями “басмачества” (так мы их тогда называли) никто не хотел связываться. Эта и другие фракции жили в одной казарме, хвастаясь друг перед другом “крутизной” тех мест, откуда они приехали, да так, что возникало ощущение, что они сами участвовали в историческом возведении этих мест. Когда у “певцов малой родины” не хватало аргументов, зачастую в спорах “чей район или город - круче” в ход шли кулаки.

Помнится я, как закаленный уличный гладиатор, вступил в схватку со своим однофамильцем из Баку. В ней я следовал ростовским принципам разборок – “подножки не ставить и лежащего - не бьют”. А у представителя солнечного Баку были иные понятия о правилах боя, и после недолгой возни, он, подставив подножку, уселся на меня верхом и начал обрабатывать мою физиономию до тех пор, пока нас не разняли. И, с лицом, опухшим как блин синюшного цвета, я предстал перед взором училищной комиссии для собеседования. К этому времени она уже располагала информацией о моем другом “подвиге”.

Приемные экзамены в СВУ проходили летом, в это время все суворовцы разъехались по домам на каникулы. В училище оставались только те, кто

должен был на повторных экзаменах ликвидировать свою годовую неуспеваемость в учебе. Мы, мальчишки, табуном ходили за этими “двоечниками”, и, раскрыв рот от восхищения, слушали их байки про кадетское житье-бытье. Иногда сказатели былин, чтобы придать вес своему повествованию, курили папиросы, подбивая затянуться дымком и нас. Некоторые, дабы доказать свою готовность к “тяготам и лишениям кадетской жизни”, клевали на эту удочку, задыхались и кашляли до слез после первой затяжки, тем самым вызывая небывалое веселье великовозрастных детин. Вот за этим-то занятием и застучала меня чья-то мамаша, которая немедленно донесла приемной комиссии об этом, добавив от себя и иных родителей абитуриентов, что “такому разгильдяю не место в славном Кавказском СВУ”.

В свое оправдание я что-то лепетал комиссии, но её вердикт был суров – “не зачислять”. Услышав эту горестную весть и рыдая от несправедливости, бросился к тыльному забору, чтобы преодолев его, утопиться в Тереке. Вслед за мною устремилась матушка, приехавшая со мною в Орджоникидзе для поддержания меня во время сдачи экзаменов, но через двухметровый забор перескочить не смогла. С криком “Юра, подожди, не топись!” она умчалась куда-то. Поверив ей в “последний для моей жизни час”, я стал дожидаться чуда, и оно - случилось. В этот же день моя мать добилась приема у начальника училища генерал-майора Степана Семёновича Ракова, который вместе с моим отцом сражался на фронте и хорошо его помнил. В знак доброй памяти о фронтовой дружбе, он сделал исключение, приняв меня в училище условно (до первого проступка, в чем я его почти не подвел). Он же озвучил свое решение приёмной комиссии о зачислении меня в училище, вручил мне суворовские погоны с напутствием с честью пронести их по жизни.

После объявления списков поступивших в СВУ, бывшие абитуриенты были переодеты в суворовскую форму. Форма сразу преобразила ребят: они подтянулись, стали аккуратней, почувствовали свою принадлежность к армии, на их лицах сияли улыбки. Юные суворовцы старались по несколько раз

попадаться на глаза офицерам, каждый раз отдавая им честь, просили дать какое-нибудь задание. Казалось, нет такого дела, которое не могли бы свершить эти дети. Они охотно убирали помещения, расставляли мебель, приносили со склада учебники, заправляли кровати. Словами трудно передать ту радость и безмерное счастье, которыми были озарены лица ребят, впервые надевших суворовскую форму.

Кадетские будни от “Подъема” до “Отбоя”

Меж собой в повседневном общении мы называли себя “кадетами”, а официально – “суворовцами”. К сожалению, наши воспитатели давали нам весьма скудную информацию о ранее существовавших кадетских корпусах и о кадетах того времени. Наверное, потому, что время было такое.

Но уже тогда, в суворовском, мы чувствовали незримую связь с кадетами былых времён. Поэтому слово «кадет» применялось в качестве синонима «настоящего суворовца».

Как обучающиеся в ККСВУ - мы также наименовали себя «кавказцами», хотя с 1965 г. училище уже именовалось не Кавказским, а Орджоникидзевским суворовским училищем, и на наших погонах едва умещались шесть букв – ОпСВКУ.

Как в любом военном заведении наша жизнь и внутренний порядок строились по воинскому образцу. Школьные классы назывались “взводами”, четыре взвода составляли роту, которых в училище было семь. Распорядок дня, где все мероприятия от подъема до отбоя расписаны по часам и минутам, различные построения, обращения к командирам - все было в соответствии с требованиями воинских уставов, но с учетом возрастных особенностей. Эти особенности состояли в том, что по молодости лет суворовцы не принимали Военную присягу Родине и по выпуску из училища были вольны поступать в любое высшее гражданское учебное заведение. Но подавляющее большинство из них выбирали военную карьеру.

Главное внимание в СВУ уделялось учебе и всестороннему развитию мальчишек. Используя опыт войск, других военных училищ и школ, командование, воспитатели и преподаватели суворовского училища разработали

такую систему воспитания своих подопечных, которая прививала им интерес к будущей военной профессии, воспитывала самостоятельность, дисциплинированность, исполнительность, чувство локтя товарища и гордости за Вооруженные Силы, способствовала выработке у них высоких моральных качеств. При этом офицеры-воспитатели и преподаватели стремились создать такую атмосферу, чтобы для ребят училище стало родным домом, частично заменив семью.

В процессе учебы суворовцы изучали те же общеобразовательные предметы, что и в средней школе, однако преподавание русского языка, математики и физики было значительно расширенным. Начиная с младших классов, воспитанники углубленно изучали один из иностранных языков, в училищных кружках дополнительно проводились занятия по другим иностранным языкам. Кроме общеобразовательных предметов, в СВУ преподавали такие предметы как: мировая художественная культура, этика и эстетика, история мира и народов Северного Кавказа. В программу обучения входила музыка, в старших классах преподавалось вождение автомобиля. В процессе учебы ребята также постигали тонкости балльных танцев и пения. Такой насыщенной и всесторонней программы обучения не было в тогдашней обыкновенной школе, не говоря о современных школьных программах.

На высоте было и качество обучения, которое было доверено высококвалифицированному педагогическому составу. На работу в ККСВУ педагогов принимали на конкурсной основе, из расчета семь преподавателей на одно место (!). Более высокая зарплата по сравнению со школьной, престиж преподавания в элитном учебном заведении и другие привилегии для преподавательского состава, позволяли командному составу училища отбирать лучших из лучших среди педагогов Орджоникидзе и других городов.

О начальном периоде обучения в СВУ добрую память о себе оставили заслуженные педагоги и опытные преподаватели: русского языка и литературы - Лейко Е.П. и Абрамова Ю.И.; английского языка – Папанян Н.А и Рас-

топчий А.И.; алгебры – Бицоева З. Л.; естествознания – Заяц Т.М.; истории – Трунина Л.В.; биологии – Горелова Л.В.; географии - Коробко Н.П.

Уроки физкультуры у нас вел первый чемпион мира в истории северо-осетинской борьбы Алимбег Борисович Бестаев - бронзовый призёр XVI Олимпийских игр в Мельбурне, чемпион мира (1957) и СССР (1955), победитель первого розыгрыша кубка мира (1956). Будучи заслуженным мастером спорта СССР по вольной борьбе и заслуженный тренером СССР, он тренировал сборную училища по вольной борьбе.

Его стараниями в нашем многонациональном училище вольная борьба стала спортом № 1, а ребята из нашей роты впоследствии составляли основу училищных сборных других СВУ и стали призерами многих спортивных соревнований самого высокого уровня. Много красивых приемов существует в вольной борьбе, но у каждого атлета есть свой, коронный. Таким приемом у «бестаевцев» был «зацеп». Этим приемом пользовались многие борцы, но «зацеп» Бестаева был особенный, разработанный им самим, проводился он молниеносно, одинаково хорошо и правой, и левой ногой.

Распорядок дня и классные занятия также способствовали прочному усвоению суворовцами получаемых знаний. Каждое утро начиналось с команды ротного старшины: *“Рота! Подъём!! Выходи строиться на зарядку!*

Форма одежды для зарядки - номер два! Построение через пять минут!”. Ох, и ненавистны были эти команды в юном возрасте, утром хотелось прикорнуть на подушке, ну хотя бы ещё пяток минут. Но старшина был неумолим, вытаскивая из теплых постелей хитрецов, пытающихся сачкануть от зарядки и прятавшихся под одеялами, откинутыми для проветривания постели на спинку кровати. В этом ему помогали взводные “няньки” - помощники офицеров-воспитателей, которые тоже частенько приходили на подъем.

Для несведущих поясню нюансы формы одежды для зарядки: форма №1 – сапоги и трусы; форма №2 – сапоги, майка, брюки; при форме №3 – дополнительно одевалась гимнастерка, обычно в этом облачении мы делали зарядку зимой. А так, невзирая на непогоду-дождь, слякоть и ветер, будь любезен закаляться. Ежедневная зарядка, кроме воскресенья, когда нам давали понежиться в постели еще один час, длилась 30 минут на свежем воздухе, в неё входили километровая пробежка и комплекс гимнастических упражнений, мускулы и пресс мы качали на спортснарядах.

Физзарядка начиналась с пробежки в один круг по территории училища. После пробежки мы, уже разогревшиеся даже при легком морозе, приступали к физическим упражнениям, которые включали комплекс гимнастических упражнений. Они проводились по команде дежурного офицера, который, как правило, и сам выполнял упражнения, а иногда и под сопровождение оркестра. Завершалась физзарядка опять же пробежкой, включавшей теперь два-три круга. После пробежки можно было еще поработать над собой на различных спортивных снарядах, находящихся на улице, или просто сделать еще какие-то необходимые именно тебе упражнения.

Поскольку нам регулярно приходилось сдавать разные физические нормативы — по подтягиванию, отжиманию, бегу, прыжкам и т.д., — такая возможность была не лишней. Тем более что она шла в счет остающегося после зарядки времени, отведенного на приведение себя и своей постели в порядок, умывания, одевания и приготовления к завтраку.

В умывальных комнатах в то время не было горячей воды, и мы мылись до пояса холодной водой, что способствовало закаливанию еще не окрепших организмов и вырабатывало хорошую устойчивость к охлаждению и простудным заболеваниям, которые у нас были крайне редкими. За нашим умыванием до пояса следили строго наши «няньки» — помощники офицеров-воспитателей. Только выйдешь, помывшись, ими тут же учинялся досмотр качества умывания: проведет по голенькому телу рукой — теплые. Значит — топай назад и обливайся, как положено. Бывало, и удавалось прошмыгнуть мимо них незаметно, но это случалось крайне редко.

Затем следовала заправка постелей. Требовалось, чтобы они были заправлены по армейским понятиям “красиво”: для этого мы взбивали подушки, делая из них квадраты, закладывали одеяла под матрас и «отбивали» у них бортики, доводя их до прямоугольного состояния, выравнивали табуретки и т.п.

Потом приводили в порядок себя: подшивали чистые подворотнички, чистили пуговицы и бляхи (пряжки ремней), наводили блеск на сапоги. Пуговицы и бляхи в ту пору изготавливались из латуни, чистить их приходилось зубным порошком или специальным составом — асидолом. Когда кончался порошок, в ход шел мел, которым белили стены. Маленькими щеточками, а иногда и зубными щетками мы проводили сначала по стенам, а затем по смоченным слюной пуговицам и бляхе, после чего они натирались щеткой или шерстяной тряпкой до блеска. На горе ротного старшины стены в наиболее излюбленных местах забора мела через некоторое время оказывались истертыми до штукатурки, зато пуговицы и пряжки на ремнях сияли.

Далее следовал утренний осмотр, где воспитатели придирчиво проверяли чистоту одежды, сияние блях, пуговиц и сапог, стрелки на брюках. Если об этом ежедневно суворовец не заботился, он мог схлопотать взыскание — наряд “вне очереди” или “неувольнение в город”, перед которым также про-

водились осмотры внешнего вида. После смотра рота строем маршировала на завтрак в столовую.

В училищной столовой с колоннами, окна которой обрамляли малиновые гардины, а на стенах висели натюрморты, мы садились за стол по четыре человека, покрытый накрахмаленной белой скатертью. На столе в строгом порядке лежали столовые приборы и салфетки, был чайник, хлеб и масло.

Завтрак обычно состоял из двух блюд – основного (мясо или рыба с гарниром) и каши. Если манную, рисовую и гречневую кашу мы ели с удовольствием, то “бигус” (полезная с точки зрения диетологов смесь перловой каши с капустой), как правило, оставался не тронутым. Во время второго завтрака суворовцы поглощали булочки с маслом, сыр, творог/сметану, фрукты, пили чай, либо какао. Обед был как в хорошем ресторане – закуска, первое, второе и третье-компот, или кисель. Ужин, как и завтрак, состоял из двух блюд. В праздничные дни нас дополнительно почивали чем-нибудь вкусненьким - выпечкой и сладостями. Блюда подавали официантки, они же давали добавку суворовцам, обладавшим волчьим аппетитом. В этом им помогали дневальные по ротам и наряд по кухне. За порядком в столовой следил ответственный по кухне старшина и офицеры-воспитатели.

Шесть дней в неделю (кроме воскресенья) в 9.00 начинались классные занятия. Уроки длились по 45 минут с 10-ти минутным перерывом. После четырех уроков, в 12 часов, следовал 30-ти минутный перерыв на второй завтрак, а затем было еще два часа занятий. После них до обеда в 15. 00 было немного свободного времени, зато после обеда его было уже два часа, которые каждый использовал по своему усмотрению, либо шел в спортсекцию, кружок или библиотеку, либо гулял и играл с друзьями. А в это время горемыки - отстающие посещали дополнительные занятия по тем предметам, по которым у них имелись “хвосты”.

Кроме спортивных секций существовали и всевозможные кружки художественной самодеятельности: народных инструментов, игры на пианино,

аккордеоне, танцы и др. Желающие могли записаться в тот или иной кружок и посещать его. Некоторые из нас умудрялись заниматься почти во всех кружках. Правда, один из кружков — хоровой, — был обязательным для посещения. Занятия проводились в клубе, где нас ставили в несколько рядов, и по команде преподавателя мы начинаем тянуть, подвывая на разные голоса: *«Широка-а-а-а страна-а-а моя родная-я-я, Много в не-е-ей полей лесов и ре-е-ек, Где-е найдешь ещё страну таку-у-ую, где так вольно дышит челове-е-ек...»*.

В 17. 00 начиналась самоподготовка. Суворовцы шли в свои классы, садились за парты, откуда доставались книжки и тетрадки, и начиналась подготовка к завтрашнему учебному дню. Заданий для самоподготовки нам задавали помногу. Большинство ребят старались их сделать полностью, трудились добросовестно. Между параллельными взводами шло постоянное соревнование за лучшие знания и лучшие оценки. Еженедельно в коридоре вывешивались результаты учебы с указанием количества полученных отметок разного достоинства. Ох, как не хотелось никому подводить свой взвод!

Во время самоподготовки болтать меж собой, списывать у соседа, ковырять в носу или читать постороннюю литературу - запрещалось. За этим внимательно следили взводный офицер-воспитатель, который сидел во главе класса и все видел. Время от времени он вставал и ходил по комнате, проверяя, кто чем занимается. Единственное, что удавалось делать потихоньку - это написать письмо домой. Конечно, усидеть три часа за уроками было достаточно тяжело, и мы изыскивали разные способы отлынивания. Например, под учебник подкладывалась интересная книга и читалась вместо учебника, делались какие-то другие отвлеченные дела. Естественно, их надо было успеть вовремя убрать от всевидящего ока воспитателя.

Когда офицер выходил из класса в коридор или в свой кабинет — класс преображался. Начиналась возня с шумом и гамом, откровенное чтение книг, шумные споры, иногда дружеские схватки. При этом мы старались уловить

приближение вышедшего воспитателя, чтобы вновь принять образцовое положение и продемонстрировать активную работу над уроками. К сожалению, нам это удавалось не всегда, офицеры часто брали нас врасплох. Взводный входил в класс бесшумно и внезапно, в самый разгар нашей бузы. Получалась картина, чем-то похожая на немую сцену из гоголевского «Ревизора», правда, в нашем исполнении. Нарушения в зависимости от тяжести проступка карались предупреждением или взысканием.

Официально самоподготовка заканчивалась в 20.00, но она могла закончиться и раньше, но для каждого - индивидуально, т.е. тогда, когда офицер-воспитатель проверит твою готовность к завтрашним занятиям. Словом условия подготовки к завтрашним занятиям были такие, что хочешь — не хочешь, а приходилось делать уроки качественно и полностью.

После завершения самоподготовки мы шли на ужин. Потом было еще некоторое свободное время для доработки несделанного, подготовки формы к завтрашнему дню.

Далее рота строем выходила на вечернюю прогулку. На плацу, чеканя шаг, мы горлопанили какую-нибудь строевую песню. Возглавлял этот своеобразный хор им. Александрова либо старшина, либо дежурный офицер, которые добиваясь мелодичности звучания песен, заставляли исполнять их по несколько раз. Поэтому в отрогах гор вечером еще долго звучало эхо песен *“По долинам и по взгорьям...”* или *“Орлята учатся летать...”*.

Затем следовало построение на вечернюю поверку, где ты, услышав свою фамилию, должен громко гаркнуть “Я!”. Иногда кому-нибудь приходилось отвечать «Я!» за своего отсутствующего товарища, который или опаздывал, или занимался другим неотложным делом, не предусмотренным распорядком дня. Там же объявлялись фамилии заступающих на следующий день в наряд, делались другие объявления.

После следовало вечернее умывание. Основная масса шла готовиться ко сну — мыть руки, лицо и ноги, разбирать постель и укладывать свое об-

мундирование на стоящую со стороны ног табуретку. Все это должно было быть аккуратно сложенным и выровненным. Вниз укладывались аккуратно сложенные по отутюженным складкам брюки, сверху — свернутая гимнастерка погонями к проходу, рядом с табуреткой ставились сапоги с обмотанными вокруг голенищ портянками.

В 22.00 звучала команда “Рота! Отбой!”, но жизнь в ночной казарме еще долго не затихала. Засыпать нам полагалось на правом боку, спали мы полуобнаженные, левая рука должна была лежать сверху одеяла, поэтому практически вся верхняя часть тела была открыта. Дежурные офицеры после отбоя проходили по спальням, следя, чтобы мы правильно лежали и не разговаривали.

Когда выключался свет и в спальне воцарялись темнота и тишина, наступало время, самое удобное для интимных разговоров. Обсуждались какие-то касающиеся всех вопросы, философские проблемы, высказывались разные мнения, мы делились друг с другом новыми знаниями и наблюдениями. Кто-то делился своими воспоминаниями о «подвигах» на «гражданке». Иногда речь заходила и о девчонках. В то время практически никто из нас ничего не знал про секс. Поэтому, когда заходил разговор на такую тему, наши уши становились «локаторами». Рассказы «опытного» товарища, который уже обнимался и целовался с девчонками, все слушали, затаив дыхание, после чего начиналось коллективное обсуждение, носившее по преимуществу теоретический характер.

Непременным ежедневным атрибутом нашей жизни были занятия, связанные с воинским воспитанием. В расписании уроков присутствовала отдельная дисциплина — военная подготовка. В программу занятий входили строевая подготовка, изучение стрелкового оружия, его разборка, чистка и сборка, освоение порядка прицеливания, практические стрельбы из оружия в тире. При проведении стрельб вокруг училищного тира выставлялось охранение, чтобы кто-нибудь не попал случайно в опасную зону. Мы также изу-

чали теоретические основы воинских уставов, правила ношения формы, отработывали строевые приемы с оружием, учились преодолевать полосу препятствий на время.

Но военная подготовка осуществлялась и вне плановых занятий. В течение дня все наши основные перемещения — на зарядку, в столовую, на вечерней прогулке — выполнялись строем. Мы строились сразу после подъема, перед занятиями, во время вечерней проверки, по различным торжественным случаям. Для строевых занятий, подготовки к парадам и торжественных построений в училище существовало два плаца.

На плацу по торжественным дням все училище выстраивалось поротно, производился вынос Знамени училища, оглашались приказы Министра обороны, делались другие необходимые объявления. Такие праздничные церемонии завершались торжественным маршем, во время которого каждая рота строем, чеканя шаг и демонстрируя по возможности идеальное равнение, проходила мимо трибуны, где размещалось командование училища и другие должностные лица.

Причем, эти прохождения превращались в соревнование между ротами в уровне строевой подготовленности. Если нам удавалось пройти лучше других рот, то наши сердца наполнялись законной гордостью. И наоборот, если мы шли не очень хорошо, мы чувствовали неудовольствие, а командирам это давало повод провести с нами дополнительные занятия по строевой подготовке. Наши взводные строевые занятия также в основном проходили на плацу.

Во время строевой подготовки мы изучали практически основные положения устава, отработывали строевую стойку, отдавание чести на месте и в движении, уставные повороты одиночно и строем, различные способы построения и движения. Иногда строевая подготовка использовалась в качестве воспитательной меры и назначалась дополнительно за какие-либо провинности, которые не могли быть приписаны кому-то одному и относились ко все-

му отделению или взводу в целом, либо когда конкретный виновник не был выявлен. Бухая сапогами по асфальту, мы почему зря в душе костерили провинившегося, но из чувства коллективизма его офицерам не выдавали.

В выходные дни и по праздникам в училищном клубе крутили кино. Дождаясь начала сеанса, мы болтали, вертелись и от нечего делать в сотый раз перечитывали плакаты с нравоучительными цитатами “мудрейших мира сего”, которые висели по бокам сцены с экраном. Одно из изречений классиков марксизма-ленинизма Ф.Энгельса гласило: *“В науке нет широкой столбовой дороги, и только тот может достичь её сияющих вершин, кто не страшась усталости, карабкается по её каменистым тропам”*. Слово “наука” для многих из нас тогда ничего не значило, а вот Кавказские горы были видны из окон, глядя на которые в голову лезла поговорка “Умный в гору не пойдет, умный гору обойдет”. Я также не знал, что два понятия “наука” и “горы” сыграют в моей жизни определяющую роль. И если наука принесла мне в основном радости, то крутизна и каменистые тропы Кавказского хребта, Альп, Балкан и Гиндукуша буквально преследовали меня ещё долгие годы своими неприятными сюрпризами.

В выходные дни суворовцев отпускали в увольнение в город. А в предпраздничные и праздничные даты в училище устраивались концерты с приглашением звезд из местной филармонии.

Особенно нам помнится Махмуд Эсамбаев, стройный джигит в папахе и уникальный танцор, известный всему миру. На своих концертах в училище он не только исполнял танцы народов мира, но и увлекательно рассказывал нам о зарубежных странах, и о царивших там нравах и обычаях. Запомнился его рассказ, наполненный самоиронией, о поездке на Кубу. Он побывал там, когда Куба только - что обрела независимость, и в Гаване ещё не потеряли свой блеск гостиницы, в свое время соперничавшие с роскошью казино Лас-Вегаса. Вот в таком отеле и поселили М. Эсамбаева.

В первое же утро, выйдя к завтраку в ресторан гостиницы, он оторопел – по бокам тарелки на его столике лежали разнокалиберные ложки и вилки с разными зубцами, меню было на испанском и английском языках. Этих языков уже знаменитый на весь мир танцор не знал, как и в какой последовательности пользоваться столовыми приборами – тоже. А попросить помощи у официантов не позволяла гордость выходца из горного аула.

Им был найден, как ему казалось, “гениальный” выход из сложившейся ситуации. Подглядев, как за соседним столом один из туристов поедает яйцо, сваренное всмятку и, поняв, что ему это по силам, Эсамбаев небрежным жестом показал официанту “мол, принеси мне тоже - самое”. А потом все дни пребывания в гостинице, на завтрак, обед и ужин он заказывал одни и те же яйца всмятку. Вместе с Махмудом мы тоже от души посмеялись над этим казусом, но многие для себя сделали вывод, в результате которого наша успеваемость по иностранному языку, этике и эстетике резко повысилась.

Неизгладимые впечатления у суворовцев оставили и встречи с чемпионом мира по шахматам Борисом Спасским, который устраивал нам сеанс одновременной игры на 30-ти шахматных досках, в которых он, как правило, побеждал.

Также во время праздников в актовом зале устаивались балы, на которых старшие кадеты кружились в вальсе с местными красавицами. Младшие суворовцы, робея перед девчонками, предпочитали твист или лезгинку. Среди суворовцев старшего и младшего поколения тогда был особенно популярен танец “Хали – гали”, где мы, положив руки друг - другу на плечи, шеренгой выделяли незамысловатые “па” перед восхищенной девичьей аудиторией. Чтобы достичь синхронности движений в этом танце, часто, вместо того, чтобы беситься на переменах, мы группами отрабатывали танцевальные движения, напевая мелодию танца себе под нос. Эта мелодия до сих пор звучит в кинокомедии “Кавказская пленница” в тот момент, когда Балбес напе-

вает её, загоняя стадо блеющих баранов во двор товарища Саахова “Е-е-е, хали - гали, е-е-е, цоп-цобе....”.

По праздничным и выходным дням нередко организовывалась торжественная прогулка по городу: впереди - оркестр, начальник училища и офицеры. За ними, печатая шаг, шли суворовские роты с песней, и весь город выходил смотреть эти шествия.

Для расширения кругозора в праздники и выходные мы организованно ходили по музеям и историческому центру города, где находится много памятников истории и архитектуры. Большинство из них (свыше 70-ти) сосредоточены в его старой части и относятся ко второй половине XIX — началу XX вв. Посещали и театры - Русской драмы, Северо-Осетинский драматический, музыкальный и другие достопримечательности Орджоникидзе.

Но наиболее радостным событием в жизни каждого суворовца были каникулы, когда после каждой учебной четверти в году можно было поехать домой на побывку. Летом - на 45 суток (до начала этих каникул суворовцы проводили некоторое время в летних лагерях), зимой - на 10 дней, весной и осенью - на 7. Здесь нас ждали счастливые родители, любимые блюда, полное отсутствие распорядка дня, восхищенные девчонки и слегка завидовавшие нам друзья по детским играм.

Конечно, при такой жизни время каникул пролетало в один миг, и пора было возвращаться в родные пенаты. Это была самая трудная пора для неокрепшей детской психики, часто расставание с родным домом нам давалось нелегко. Но вернувшись в СВУ и погрустив пару дней по “золотым денькам”, мы вновь окунались в вихрь суворовской жизни, время которой летело быстро и вновь на горизонте маячили каникулы.

В отпуск домой и обратно мы ездили бесплатно по проездным документам, выделяемые каждому. Билеты на поезда Северокавказского направления, из-за того что эта железнодорожная ветка вела к Черному морю, всегда были в дефиците. И если их не удавалась достать в кассе, то почти всегда

сердобольные проводницы усаживали нас в свои вагоны и без билетов. Правда, зачастую, спать приходилось на жесткой третьей полке, там, где обычно размещался пассажирский багаж. Но эти временные неудобства не волновали нас. Убаюканные перестуком колес мы сладко спали, в блаженном предвкушении встречи с родными.

Трудовое воспитание начиналось с момента нашего начала обучения в училище. Воспитанники сами убирали помещения, казармы, классы и территорию городка. Летом и осенью суворовцы помогали колхозникам в уборке кукурузы, фруктов, ягод и овощей.

Также оно заключалось и в самообслуживании - каждый суворовец должен был следить за своим аккуратным внешним видом. Наш гардероб состоял из нескольких комплектов формы - зимней, летней, повседневной и парадно-выходной. И для того, чтобы шагать в ногу с модой того времени, мы сами подгоняли гимнастерки, по ночам, орудуя иголками, перешивали брюки то в дудочки, то в клеш, подрезали полы шинелей, за что нам доставалось от офицеров-воспитателей и старшины роты.

Здесь хочется сделать небольшое отступление в повествовании о самообслуживании. В период нашего обучения среди кадетов была мода на брюки клеш. То есть, начиная от колена, штанина должна была постепенно расширяться книзу и достигать в самом низу ширины до 40–42 см (обычная ширина не превышала 22–24 см). Как выглядел суворовец в хорошо расклешенных брюках, можно представить по мультфильму М. Котеночкина “Волк и Заяц”, где Волк шкандыбает по улице с папирсой в зубах, при этом вращая задом в клешах обтягивающих ноги.

Превращение уставных брюк в клеши достигалось разными способами. Одним из них были клинья, вшитые во внутренний шов брюк. Другой способ заключался в растягивании штанин с помощью специальных фанерных растяжек. Технология этого процесса заключалась в том, чтобы загнать в намоченную штанину фанерную доску и с помощью утюга высушить ее. Тогда

штанина сохраняла свое растянутое состояние в течение длительного срока. В СВУ нам выдавали брюки из хорошего черного сукна, которое такую процедуру выдерживало.

Правда, чтобы достичь нужной ширины, приходилось выполнять эту процедуру по несколько раз, поскольку за один прием засунуть достаточно далеко вглубь фанерную вставку, не удавалось. Обычно эта трудоемкая работа выполнялась ночью, украдкой, чтобы не заметил дежурный офицер, который контролировал обстановку в роте. Перед тем, как идти спать, доморощенные портные устанавливали очередь, и тот, кто завершил свою работу, будил очередного модника, а тот — следующего, и так - до утра.

Иногда попытки ускорить процесс растяжки заканчивались плачевно. Брюки не выдерживали слишком интенсивного прессинга и лопались. Приходилось их латать и довольно долго ходить в заштопанных брюках до их очередной замены. В редких случаях удавалось списать порчу брюк на “несчастный случай”, когда ротный старшина, поверив легенде о “несчастном случае”, заменял их на новые брюки.

Наша погоня за модой совсем не приветствовалась офицерами и старшиной. Когда они замечали самозванных Юдашкиных и Версаче, принимались карательные меры — брюки клеш опускались в воду, где они принимали жалкий вид, а самозванец отправлялся в бытовую комнату, где под их надзором утюжил брюки, придавая им уставной вид. Для сторонников другой технологии наказание сводилось к выпариванию вставленного клина. В конце концов, в этой борьбе был достигнут определенный компромисс, который одновременно удовлетворял модников и не слишком раздражал офицеров — ширина брюк доводилась до размера, который позволял закрывать носки ботинок, — то есть 30–32 см. А потом прошла и эта мода и мы стали носить нормальные брюки.

Как уже отмечалось, паркет в помещениях училища всегда сверкал. Его чистоту и блеск поддерживали дневальные суточного наряда и провинив-

шиеся, схлопотавшие наряд “вне очереди”, которых, из-за проделок юных сорванцов, всегда хватало. Иногда отработка наряда проводилась в дневное «личное» время — работы в роте, на кухне, в столовой. Но обычно — после отбоя. Поэтому после команды «Отбой!» сон начинался не для всех. Для нарушителей дисциплины или «разгильдяев», кто получил наряды вне очереди, наступало время расплаты.

Ночная отработка нарядов вне очереди заключалась в чистке туалетов и умывальников, натирке до зеркального блеска паркетных полов в коридоре. А коридоры в училище были длиннющие, что позволяло проводить в них построения роты в две шеренги.

Процедура натирки заключалась в следующем. Сначала горячей водой заливали в ведре жирную мастику, предварительно размяв ее руками. Затем ее размешивали и с помощью щетки-швабры намазывали тонким слоем на предварительно подметенный пол.

Пол должен был часа два сохнуть, и только потом можно было приступить к его натирке. Поскольку те, кто должен «драить» пол, были известны заранее, они в целях экономии своего времени после отбоя старались размазать мастику пораньше, уже в ходе самоподготовки или сразу после ужина, чтобы к отбою она уже подсохла и была готова к растиранию. Часто на ещё не высохшем полу поскальзывались суворовцы, спешащие по своим делам — ну и бог с ними. А вот если на пятую точку приземлялся офицер или старшина — жди беды в виде дополнительного взыскания.

Но и это еще было не все. Для придания блеска натертому мастикой полу, надо было предварительно стеклом соскоблить с него грязь. Поэтому перед полотерами стояло три задачи: найти битое стекло для того, чтобы отскоблить дубовый паркет; раздобыть мастику и хорошую щетку для натирания полов; и, наконец, надраить полы “многокилометрового” коридора — такими казались они паркетным труженикам, для которых это было весьма длительным и нудным занятием.

Для натирки полов использовались щетки и специальные бархотки — шерстяные тряпки, имеющие перемычки для надевания на ногу. Те, кто часто попадал в разряд драйщиков полов, в течение короткого времени приобретали достаточно хорошие навыки, которые позволяли им быстро и качественно выполнять порученную работу. Для ускорения процесса придания блеска паркету они зачастую усаживали своих друзей на швабру со щеткой для натирки полов и, как Савраска, таскали их за собой по коридору.

Для наказуемых “не было худа без добра” — у них появлялись координация и гибкость движений, грациозность и повышенное чувство в ощущении пола, а также разрабатывался танцевальный ритм, необходимый для натирки. Мне достаточно часто приходилось упражняться в натирке полов, отрабатывая наряды вне очереди, поэтому о премудростях данного дела говорю с полной ответственностью. Очевидно, поэтому у меня в последующем были успехи в бальных танцах. А если просуммировать длину всех натертых мной участков коридоров и комнат, могла бы получиться двукратная марафонская дистанция. После того, как выделенный тебе кусок работы был выполнен и принят дежурным офицером, ты мог идти спать.

В воспитании “здорового тела и души” много внимания отводилось активным занятиям спортом. По выпуску суворовцы, как правило, имели по два-три и более спортивных разряда. А грудь некоторых из них украшал значок “мастер спорта СССР”. Стать сильным, ловким и выносливым, способным переносить любые морально-психологические и физические нагрузки, было делом чести каждого. Ведущую роль здесь занимали военно-прикладные виды спорта: стрельба, легкая атлетика, бокс, плавание, спортивные игры. Занятия вольной борьбой и альпинизмом являлись традиционными и весьма популярными в Кавказском училище.

По сравнению с питомцами других СВУ, у «кавказцев» было большое преимущество — у них были горы, куда ежегодно проводились восхождения. Нам покорялись вершины гор Столовая, Араухох, Лысая, Фетхуз и Мальчич-

корт. Суворовцы выпускной роты совершали восхождение на Казбек. Инициатором таких восхождений был “снежный барс” - неутомимый альпинист мастер спорта Г.М. Кандинашвили.

Суворовцы младших рот с целью приобщения к природе и познания истории Республики регулярно совершались походы вокруг Столовой горы через перевал Герчеч, по Большой и Малой Санибанской “кругосветке” вокруг горы Араухох, к верхнему Кармадону, на Верхнефиагдонские источники к Майлийскому леднику, по Куртатинскому ущелью и Даргавской котловине. Руководил этими походами, оставившими неизгладимый след в сознании суворовцев, старший преподаватель географии, кандидат географических наук А.С. Будун, страстный любитель природы.

Недаром в 1967 г., на смотре лучшей постановки спортивно-массовой работы среди суворовских училищ и на спартакиаде в Казане, Кавказское СВУ стало первым.

В училище и я приобщился к спорту. Неплохо боксировал, но основной страстью было занятием плаванием. Им я бросил серьезно заниматься, когда выполнил норматив “кандидата в мастера спорта СССР”, так как достижение более высоких вершин требовало серьезной отдачи на тренировках, на которых надо было “потеть в воде”. Но для удовлетворения собственного самолюбия и этого хватило – в свое время побывал чемпионом по плаванию и в Киевском ВОКУ, и в Южной группе войск, и в Академии им. М.В. Фрунзе, и в Академии Генерального штаба. Привлекался на спортивные сборы (те, кто участвовал в них, имели определенные преимущества по сравнению с другими в питании и выполнении распорядка дня) и на состязания различного масштаба. Но особое удовлетворение приносила мне мысль, что я “утер нос” тому ростовскому тренеру по плаванию, который забраковал меня в раннем возрасте.

*Суворовцы-михайловцы в гостях у своего командира роты в день его 85-летия.
Слева-направо: супруга Аида Ивановна, Пётр Берёзкин, Василий Емельянович Михайлов,
Владимир Василенко, Александр Сердюков.
10 апреля 2009 года, город Ростов-на-Дону.*

Ротный “батя” и офицеры-воспитатели 6 роты

В юношеском становлении будущих офицеров огромная заслуга принадлежала командиру роты и офицерам-воспитателям, которые, не считаясь со временем, дни и ночи проводили с суворовцами, помогая им самостоятельно и вдумчиво работать над собой, повышать свои знания. Проявляя качества заботливого отца и умелого командира - педагога, они видели свою задачу не только в том, чтобы их питомцы получили глубокие и прочные знания, но стремились выработать у ребят нравственные и мужественные качества, необходимые будущему офицеру, привить им интерес к службе, уважение к воинскому порядку и дисциплине.

Зачастую их воспитанники были трудные, до поступления СВУ некоторые из них росли в тяжелых условиях, видели много такого, что другим и не снилось, их характеры формировались рано. Поэтому у офицеров - воспитателей к каждому из своих подопечных был индивидуальный подход. От

воспитателей, которых суворовцы часто огорчали, зависело очень многое. И они ежедневно терпеливо делали свое трудное, но благородное дело.

Нашу 6-ю роту, последнего семилетнего набора, возглавлял подполковник Василий Емельянович Михайлов. Он родился 10 апреля 1924 г. в селе Вольное Омской области. Там же пошёл в школу. В 1942 г. был призван в полковую школу, а в следующем году направлен в 4-ю ударную армию 1-го Прибалтийского фронта. С фронта был отправлен на ускоренные курсы Чкаловского пулеметного училища, которое окончил в предпобедоносные дни 1945 года. После окончания училища в течение 10 лет проходил службу на первичных командных должностях, а в 1956 г. заочно окончил исторический факультет Чкаловского педагогического института.

В 1955 г. В.Е. Михайлов получил назначение в Чкаловское СВУ (с 1958-го училище стало именоваться Оренбургским) на должность офицера-воспитателя. В этой должности он прослужил вплоть до расформирования училища (1961 г.), после чего был направлен для дальнейшего прохождения службы в Кавказское СВУ, где в 1963 г. был назначен командиром набранной им суворовской роты.

Василий Емельянович обладал прирожденным даром воспитателя-педагога и потому суворовцы относились к нему с огромным уважением. Не утратили они своих благодарных чувств к "бате" и тогда, когда сами стали офицерами. "Мы - михайловцы", - с гордостью называют себя и сейчас его воспитанники.

Когда листаешь пожелтевшие ежедневные записи рабочего дневника В.Е. Михайлова за 1964-67 гг., написанные от руки перьевой ручкой, и позднее любовно оформленного его воспитанником П. Березкиным в виде книги, понимаешь, какой кропотливый труд был проделан Василием Емельяновичем для того, чтобы из ребят выросли настоящие защитники Родины. В этом дневнике есть все – и характеристики каждого питомца с пометками, что надо сделать для устранения его недостатков, и успеваемость суворовцев по

годам и четвертям, и планы еженедельной работы, и тезисы выступлений на совещаниях и собраниях, и анализ деятельности офицеров- воспитателей и преподавателей.

“...Мальчишек просто обожал. Суворовцы у него были на первом месте. Службой не тяготился, а всей душой отдавался ей”, - так отзывается о Василии Емельяновиче его вдова Аида Ивановна. Его квартира всегда была открыта для воспитанников. Доброжелательный приём её хозяина и хозяйки, дочерей Риммы и Нины на всю жизнь оставили у суворовцев чувство неподдельной теплоты, любви и внимания к ним.

В 1967 г. начался процесс расформирования ККСВУ, и 6 рота попала в первое число расформированных. Суворовцы роты продолжили учёбу в других училищах страны. После расформирования роты подполковник В.Е. Михайлов продолжил службу начальником кафедры Кабардино-Балкарского государственного университета, а затем - в республиканском военкомате. Выйдя в запас, он продолжал работать с молодёжью в различных учреждениях образования, являлся организатором и вдохновителем большинства мероприятий военно-патриотической направленности в Кабардино-Балкарской Республике и это движение, по праву, стало также называться "михайловским". Только в 80 лет В.Е. Михайлов ушёл на отдых. В 2007 г. он из Нальчика переехал на жительство в Ростов-на-Дону, где, 28 января 2010 г., на 86-м году ушел из жизни.

Василий Емельянович неоднократно участвовал в парадах на Красной площади в Москве в составе сводных ветеранских коробок. Последнее участие - в параде в честь 60-летия Победы. Как участнику Великой Отечественной войны в 2000-м г. ему было присвоено воинское звание "полковник". Среди выпускников его роты много суворовцев, добившихся значительных профессиональных высот. “Батя” имел полное право гордиться своими воспитанниками, и он по - праву ими гордился.

С 1963 по 1967 гг. нашими офицерами-воспитателями были: 1-го взвода – майор Калмыков А.Г., 2-го – капитан Кудинов Н.Т., 3-го – майор Мартюшев В.И., 4-го – майор Голицын Г.А. В воспитании своих подопечных они в тесном контакте работали с командиром роты и с преподавательским составом.

Большим авторитетом у офицерского и преподавательского состава, а также и у суворовцев пользовался офицер-воспитатель капитан Кудинов Николай Тимофеевич, человек с педагогической жилкой, умевший к каждому подобрать свой ключик. Он "возился" с суворовцами с утра до позднего вечера, и в результате во взводе все учились в основном на «четверки» и «пятерки».

У всех вызывало восхищение работа офицера-воспитателя майора Голицына Григория Андреевича, который для своих 25 воспитанников был и командир, и отец, и мать, и нянька, если хотите. Он заботливо присматривал, чтобы каждый из них и умылся, как следует, и ботинки почистил, и за обедом съел все, и уроки приготовил, и чтобы спал спокойно. Он изо дня в день постепенно прививал воспитанникам любовь к армии, элементы воинской дисциплины, уважение к труду, чувство ответственности и суворовцы 4-го взвода, отвечая на эту заботу, стали первыми в учёбе не только в роте, но и в училище. В 1965 г., по результатам учёбы, среди всех взводов училища, суворовцы этого взвода заняли 1-е место и были премированы поездкой на автобусе в г. Пятигорск.

Также в каждого воспитанника вкладывали частицу своей души и сердца майоры Калмыков Алексей Григорьевич и Мартюшев Василий Иннокентьевич. Многие их воспитанники, даже вначале отстающие, становились передовиками и отличниками, гордостью училища. Их самоотверженный труд благотворно влияли на учебу и дисциплину суворовцев. Они работали много, прислушивались к каждому совету преподавателей и ротного.

Добрая память осталась и о помощниках офицеров-воспитателей: старшинах Карабаеве Н.Г. и Крюкове В.Т., старшем сержанте Труфанове В.Г., который, помимо исполнения своих обязанностей, тренировал сборную училища по волейболу. Старшиною роты вплоть до её расформирования был старшина сверхсрочной службы Семён Исаакович Майнен.

Они, словно “дядьки” из пажеского корпуса, заботились о том, чтобы их питомцы не только были “сыты и обуты” и получили глубокие знания, но и стремились привить суворовцам интерес к военной службе, выработать у них уже с детских лет те нравственные и военные качества, которые необходимы будущему офицеру.

Особо следует сказать о помощнике командира 4 взвода старшине Возгене Ервандовиче Гаспаряне, который до работы в училище, некоторое время был даже министром культуры в смутные дашнакские времена становления Республики Армения. Видимо поэтому в училище ему доверили руководить ротной самодеятельностью и возглавлять духовой музыкальный оркестр. С памятью о нем связан один эпизод из нашей жизни.

Внешне Возген Ервандович походил на А.В. Суворова, он также был сухощав и такого же небольшого роста, как и великий полководец. Как - то раз, его заметил режиссер из Северо-Осетинского телевидения. Под впечатлением его внешнего сходства с А.В. Суворовым, он задумал снять телепостановку о штурме турецкой крепости Измаил, где в качестве юных гренадеров участвовали суворовцы. На нас красовалась форма тех времен, под носом лихо были закручены приклеенные усы, вот только старинные винтовки были выше их роста. Но это ещё куда ни шло, проблема заключалась в другом. Дело в том, что эту постановку должны были показывать по республиканскому телевидению, и каждый из нас хотел попасть в снимаемые кадры.

Так, во время съемки одного их эпизодов штурма крепости камера располагалась за спиной атакующих. С винтовками наперевес мы, шеренга за шеренгой, бросались на приступ турецкой твердыни, но вместо того, чтобы

пламенным взором смотреть вперед, почему-то глупо улыбаясь, оглядывались назад, стараясь попасть лицом в объектив, чтобы быть запечатленным на пленке “навек”. Сколько тогда дублей и кинопленки было испорчено – только одному богу и кинооператору было известно.

Отчаявшегося режиссера выручил Возген Ервандович, который хорошо понимал мальчишечьи затаенные мечтания. Перед очередным дублем он встал не впереди штурмовых колонн, а сзади атакующих, откуда и подбадривал нас, выкрикивая знаменитые суворовские изречения. Снимаемая сцена приобрела хоть какую-то логическую завершенность, - вроде гренадеры во время штурма прислушиваются к призывам гениального генералиссимуса.

Теплая память о Возгене Ервандовиче и о других воспитателях и преподавателях сохранилась до сих пор у их питомцев. Как вспоминает один из них, ныне генерал-майор Тазехулахов А. А.: «Нас учили терпеливо, учили многому, но самое главное в том, что из нас хотели сделать хороших людей. А это было под силу только хорошим людям».

“Невинные шалости” и другие приключения

Забавы суворовцев

Несмотря на достаточно строгий режим жизни в училище, мы все же находили возможности для различных шалостей и развлечений, которые, надо признаться, не всегда были безобидными, и где юношеский задор и энергия часто выливались в не совсем “невинные шалости”. Многие из них были свойственны, наверное, учащимся любых школ. Например, какой-то период времени мы увлекались стрельбой через металлические трубки бузиной или пережеванной бумагой. Для этого “снаряды” набирались в рот и выстреливались напором воздуха в сторону цели.

В другой период между нами проводились соревнования по подбрасыванию «жожки» в воздух — металлического кружка с бахромой, придающей им правильную баллистику. Нужно было сделать как можно больше ударов внутренней боковой частью стопы, не давая ей упасть на землю. Были специалисты, которые могли держать в полете эту штуку более сотни ударов, в течение нескольких минут.

Был период, когда среди нас проводились соревнования, кто выпьет на спор больше воды. Единицей измерения был двухлитровый графин. Находились водохлебы, которые могли выпить до четырех графинов воды за один раз, не выбегая при этом в туалет. Были также соревнования на спор – кто больше выпьет банок сгущенки.

Некоторые наши забавы были весьма специфичны. Например, старшие кадеты, шутя, подвешивали за ремень “щенков” (так неофициально именовались суворовцы первого и второго годов обучения) на краны пожарных гидрантов, замурованных в стены коридоров. Там мы висели, дрыгая ногами, словно куклы из театра Карабаса - Барабаса, пока кто-нибудь из сердобольных не снимал нас с этих крючков.

Либо на переменах между уроками мальцов, усаживали на высоченные шкафы в классе старшеклассников, прыгнуть с которых они не могли до тех пор, пока в класс не войдет очередной преподаватель и вызволит их оттуда. В коридорах или в спальне можно было встретить запертую в проемах между двумя оконными рамами очередную “жертву” шуток, которая, дабы не повредить стекла своими неверными движениями, распластывалась, словно лягушка под микроскопом и в этой неудобной позе стояла там неподвижно до обретения свободы.

“Подставь под сорок пять!” - часто такой приговор мог слышать проигравший спор, либо провинившийся перед старшим кадетом. Жертва должна была склонить голову под углом в 45 градусов по отношению к экзекутору, который накладывал свою растопыренную пятерню на склоненную лысину. Далее им взводился напряженный безымянный палец и с оттягом спускался на череп жертвы. В других СВУ это наказание называлась по-разному – “щелчок”, “шалобан” и т.д., но только “дети гор” додумались до подобного. Если экзекутор считал что необходимый градус наклона головы жертвы не был достигнут – наказание повторялось. Когда получаешь щелчок от одноклассника – ничего страшного, почесешь лысину, и все пройдет. А вот если этим неоднократно занимается великовозрастный детина – то у наказуемого в уме начал звучать звон из песни *“Вечерний звон, Вечерний звон, Как много дум навеял он! Бом! Бом! Бом!”* - гудело у него в голове.

Часто после отбоя, мы претворялись спящими до тех пор, пока старшина роты либо дежурный офицер не уйдет. Как только он покидал спальное помещение, сонное царство оживало, и начинались гонки на кроватях. Один из наездников усаживался на эту импровизированную тачанку, движущей силой которой было три или четыре сорванца. Рядом пристраивались еще две, три аналогичные кареты, и после старта начинались гонки от одного конца спальни к другому. Иногда из-за колонн навстречу им вылетала тачанка из засады, всадники из карет летели вверх тормашками кувырком, и воца-

рялось невиданное веселье, пока в спальню не возвращался офицер, привлеченный шумом импровизированного ипподрома.

С ночными забавами было связано и еще одно не совсем обидное развлечение. Наши кровати были сборно-разборными. Каркас сетки имел на концах специальные выступы, которые вкладывались в соответствующие выемки на специальном утолщении спинки. Кто-то додумался ставить под сетку табуретку, или, вытащив соединения кровати, класть ее на опору, не вставляя в выемку. Это делалось для того чтобы насладиться полученным зрелищем от падения на кровать несведущей об этом жертве розыгрыша. Часто, вместо того, чтобы нормально лечь в кровать, эта жертва, взявшись руками за спинку кровати, делали кульбит в воздухе, и приземлялась на сетку спиной, дабы насладиться её колыханием. А когда вместо этого спина встречалась с табуреткой, или бедолага летел вовсе на пол - случались травмы, а далее следовали долгие утешения с извинениями. После ряда подобных случаев нами эти шутки уже не повторялись.

В общем, творческая мысль кадетов не стояла на месте, мы не давали ей дремать.

Насколько я помню, драки меж собой были только в первый год обучения в СВУ, когда мы еще не притерлись друг к другу и доказывали “кто есть кто” кулаками. Чуть позже, осознав, что такое кадетское братство, стычки меж собой и с суворовцами из соседних рот - прекратились.

В нашем училище также не было такой практики, позже получившая название «дедовщина». Старшие суворовцы опекали младших, поначалу помогая им освоить казарменную жизнь. Почти у каждого суворовца-малыша были друзья из старшей роты, как правило земляки из того же города откуда приехал юный воспитанник. Обычно это были наиболее заметные спортсмены, отличники учебы, авторитеты художественной самодеятельности, а иногда и наиболее ретивые нарушители дисциплины. Такие тоже у нас были, и это вполне естественно. Малышня бегала стайками за своими кумирами и

были очень горды, когда им перепало внимание своих любимцев. Они покровительствовали им и, когда требовалось, защищали. В благодарность за это мы добровольно таскали своим “вассалам” что-нибудь из столовой, отрывая от себя: булочку, яблоко или еще что-нибудь.

Изредка кто-нибудь из нас получал посылки из дома. Присылали колбасу, конфеты, печенье, пряники, яблоки. Правило было для всех одно — все делить поровну, или почти поровну, так как владельцу посылки разрешалось оставлять себе чуть больше гостинцев. Продукты не прятали, хранили их в тумбочке рядом с кроватью. Негласным правилом, которое неукоснительно выполнялось, было — “чужого не брать”.

Среди нас также не было мелких воришек и стукачей, первые же поползновения которых жестоко пресекались - “темной”. Это когда ночью на голову провинившемуся в этих неблагородных делах набрасывалось одеяло, и после ему задавалась жестокая трепка, напрочь отбивавшая охоту к повторению подобных поступков.

Никогда меж нами не было драк на этнической почве, хотя в ККСВУ где, помимо ребят славянской национальности, учинились дети многих “горячих” наций и народностей Кавказа - и чеченцы, и осетины, и грузины, и ингуши, и лезгины, и аварцы. Никто не смотрел, к какому роду и племени ты принадлежишь, важно чтобы ты соответствовал требованиям высокого понятия “кадета”.

Мы всегда стеной вставали друг за друга во время инцидентов с “внешним супостатом” - с гражданскими ребятами с Малаканки, района Орджоникидзе, прилегающего к училищу. Традиционно между нами существовала вражда. Лишенные возможностей суворовской жизни они завидовали нам, а мы страдали из-за того, что для нас не было возможностей поухаживать за девушками из этого района без печальных для нас последствий.

На суворовцев, идущих в увольнение в город или возвращающихся оттуда, малаканцы нападали стайей. Если это происходило недалеко от учили-

ща, они, отбиваясь от налетчиков, зывали к помощи своих братьев. И она приходила. Как сейчас помню, в клубе идет захватывающий кинофильм, вдруг раздается чей-то крик *“Наших бьют!”*, раздается грохот отбрасываемых сидений кресел и, невзирая на заслоны дежурных офицеров, суворовская масса несется выручать своих, сметая на своем пути “внешних супостатов”.

Еще одним отвлечением от размеренной суворовской жизни были занятия танцами. В Кавказкам СВУ это были принудительно-обязательные танцевальные занятия, которые проводились факультативно, то есть сверх плановых уроков и потому не встречали у нас большой эмоциональной поддержки. Занимались мы с неохотой, особенно на начальной стадии, когда речь шла об освоении классических позиций, отработки положения и движений ног и рук, элементарных танцевальных па. Тем более, что эти занятия проводились тогда, когда нам было по 11–13 лет и танцы никак не вписывались в круг наших интересов. Мы считали танцевальные занятия потерями времени. С большим желанием мы бы погоняли на спортплощадках.

Горные приключения

Из воспоминаний о детстве нам на всю жизнь запомнились первые походы в горы, куда мы выходили поротно. Эти походы длились от 10 до 15 дней, дневные переходы, в зависимости от сложности маршрута, составляли 9-15 км. Первый горный поход для 13-ти летних мальчишек был протяженностью 85 км. и длился 10 дней.

Покинув училище, наша рота пешим строем, прошла по маршруту: Орджоникидзе – Гизель – Кобань – Даргавс – Редант – Балта. По пути следования суворовцы преодолевали стремнину горной реки Гизельдон и штурмовали вершину горы Чижин-Хох, возвышавшейся на 2823 метров над уровнем моря.

Вот где была настоящая школа жизни и приключения! В этом и в других походах мы все делали сами - ставили палатки, сконструировав их из своих плащ-накидок, готовили еду на костре, ориентировались на местности, поднимались и спускались со скал, преодолевали горные ручьи и реки. Первоначально нам в этом помогали офицеры, и горе тем, кто не запоминал их инструктаж по поведению в горах. Такие, столкнувшись с суровой действительностью гор, на “собственной шкуре” испытывали прелести своего невнимания к этому инструктажу.

И я на своем опыте познал, что нельзя ставить палатку на склоне горы, ночью обязательно пойдет дождь, который смоем её. Нельзя в качестве подстилки в палатке использовать лопухи и другие сочные растения – ночью продрогнешь от влажности и холода, проснувшись лежа в луже под собой. В запасе надо всегда при себе иметь сухой мох и мелкие сучья, чтобы можно было под дождем разжечь мокрые дрова и приготовить себе горячую еду. А во время приготовления пищи надо хорошенько кипятить воду, чтобы потом не было диареи.

Запас продуктов надо распределять рационально по количеству дней похода, а не так, как первоначально делали мы, съев любимую нами тушенку и сгущенку в первые же дни, а потом питались только консервированной кашей. На горную кручу нельзя карабкаться “в лоб”, надо подниматься и спускаться по диагонали. Если во время форсирования горной речки тебя снесет поток, надо выбираться на берег также плывя по диагонали.

Также в горах мы учились собирать съедобные растения, отличая их от ядовитых. Эти жизненные уроки суворовцы познавали на собственной практике, многим из них опыт выживания в горах пригодился в Афганистане и в других горных странах, куда забрасывала их судьба в последующем.

А в те далекие времена, мы, идя по своему маршруту и вдыхая чистейший горный воздух, беззаботно любовались снежными вершинами Кавказа, с интересом осматривали “мертвый город” в ущелье Мальчикорта и даже приняли участие в строительстве полигона в Тарском ущелье, где до нашего прихода царила девственная природа, росли папоротники выше человеческого роста, вода в реке и ручьях была кристально чистой, и где водилась горная форель.

Следует также сказать несколько слов о “мертвом городе”. По древнему аланскому обычаю некоторые осетинские семьи из горных аулов клали усопших родственников в специально сложенные из валунов башни, в которых были бойницы для постоянного притока свежего горного воздуха. Под его влиянием тела покойников не разлагались, а высыхали, превращаясь в мумии, которые либо лежали, либо сидели на смертном одре. В дни поминовения усопших сородичи навещали их, совершая ритуалы. Поэтому “мертвые городки” были священным местом, где покой усопших строго запрещалось нарушать. Однако мы тихонько проникали в это священное место, чтобы разглядеть их. После таких экскурсий у нас оставалось жутковатое впечатление. Заглядываешь в бойницу – а на тебя смотрит незрячими зеницами высохшая мумия, седые костмы которой развеваются на сквозняке вместе и истлевшей

на ней одеждой. Но зато после таких впечатлений нам не надо было отправляться в египетскую долину царей в Луксоре, и платить деньги за экскурсию.

Вспоминается ещё один забавный эпизод, связанный с приключениями в горах. Кто-то из “мудрецов” учебного отдела училища предложил в виде поощрения за отличную успеваемость в году выдать велосипеды одному из взводов суворовской роты, отправлявшейся в горный поход.

В 1966 г. этот выбор пал на 4-й взвод нашей роты. В те времена, в учебном отделе училища ни о каких горных велосипедах с широкими шинами и надежными тормозами, и слышать не слыхивали, не говоря о специальных велосипедных шлемах, необходимых в горных условиях. Взводу были выданы обыкновенные городские драндулеты, на которых даже ручных тормозов не было.

Поначалу, когда наша рота шла по равнинной местности, суворовцы из других взводов завидовали 4-му взводу, которые катил на велосипедах, а не топал пешком. Но когда рельеф сменился, и начались крутые горные спуски и подъемы – картина изменилась. Карабкаясь в гору, велосипед надо было тащить на собственном горбу, обливаясь потом от его непомерной тяжести и громоздкости. А для того, чтобы скатиться на нем вниз с горы по узенькой каменистой тропинке, надо было вообще быть ассом горного спорта.

Спускаясь вниз с очередной кручи, эти горе - велосипедисты с вытаращенными от ужаса глазами, пытались на спуске притормозить своих железных коней. Да какое там! Тормоза не “держали”, и очередная жертва отличной учебы, вихляя на велосипеде, с воплями исчезала на наших глазах долой с тропинки, рухнув куда-то глубоко вниз. Словом, наши горные велогонщики в этом походе получили “массу удовольствия и незабываемых впечатлений”.

По завершению похода, вид многих из них являл печальную картину – тела были покрыты многочисленными ссадинами и царапинами, замазанными зеленкой, а их головы украшали повязки из бинтов. Некоторые из них,

ещё заикаясь от пережитого “восторга”, прилюдно и громогласно проклинали свои успехи в учебе, а особенно много “теплых слов” досталось тому энтузиасту, который придумал столь необычное поощрение.

Другие приключения были связаны с помощью колхозникам в уборке урожая. Поздней весной суворовцы отправлялись в колхозы помогать собирать клубнику и черешню труженикам села.

Во время уборки урожая клубники, на поле каждому из нас выделялись деланки с несколько рядами грядок поспевающей ягоды, которую надо было собирать в ящики и сдавать учетчикам. Работа считалась выполненной, если ты сдавал требуемое количество полных ящиков. Приступив к сбору урожая, мы естественно первоначально наполняли клубникой не корзины, а собственные желудки, да так, что в последующем передвигались с трудом.

Переполненное витаминами пузо мешало нагибаться, но норму надо было выполнять, очищая грядки от спелой клубники. К полудню весеннее солнце припекало все сильнее и мешало собирать норму, казалось, что уже ненавистные грядки заканчиваются где-то за горизонтом, хотелось испытать холодной водички и прилечь в тенечке, сладко вздремнув. Но этому препятствовали и невыполненная норма, и замечания колхозных бригадиров, обнаруживших несобранные ягоды на уже пройденном тобою участке, и позывы желудка, “возмущенного” немойтой клубникой.

Иногда, чтобы догнать передовиков уборочной страды, чьи задранные “пятые точки” маячили на грядках где-то далеко впереди отстающих, у последних временно возникал энтузиазм, который быстро стихал под влиянием чрезмерной сытности и лени, характерных для большинства сборщиков урожая. Так что не верьте тем, кто рассказывает, что собирать ягоды клубники в поле – сплошное удовольствие.

Гораздо веселее было собирать черешню. Опытные колхозные бригады с начала не спеша вели нас к отведенному участку сбора черешни, минуя деревья, на которых урожай был уже почти собран. А мы, как голодная

саранча, подъедали на своем пути оставшиеся ягоды. Сбор черешни также предусматривал выполнение определенного норматива, включающего энное количество ящиков и “чистоту” от ягод крон деревьев.

Не насытившись по пути, мы лихо вскарабкивались на отведенные деревья и начинали наполнять свои животы сочной черешней до полного их заполнения.

Известно, что черешня обладает большим мочегонным действием, поэтому через некоторое время всем приспичивало в туалет “по-маленькому”, а слезать с дерева было уже тяжело, да и неохота. Поэтому, привязав себя к ветке поясным ремнем, сборщики черешни, как беременные коалы, справляли малую нужду, не слезая с деревьев, ходить под кронами которых было небезопасно из-за “дождика”, капающего сверху в течение всего периода сбора урожая.

Хуже дело обстояло с уборкой кукурузы. Её собирали поздней осенью, когда в Осетии начинался период затяжных морозящих дождей. Этот сезон наиболее точно нашел свое отражение в стихах неизвестного суворовского барда – “ *Средь хмурых гор и каменных долин, Обеими ногами в луже, Стоит Орджоникидзе – город осетин, Страна полей, камней и кукурузы...* ”. Сырость и слякоть были везде, над головой и под ногами, влага пробиралась к нам под шинели, в которые мы зябко кутались, внешним видом напоминая пленных немцев под Сталинградом.

В таком виде мы и являлись на колхозное поле, где нас уже поджидали гурты убранной комбайнами кукурузы, очистить от листьев початки которой была наша основная задача. Нормативов очистки не было, что убивало энтузиазм на корню, сырая кукуруза была несъедобной, разве что пожарить ее на костре. Но костры разводить не разрешалось, поэтому единственным развлечением было запустить початком в сторону соседней кукурузной кучи, вокруг которой, словно воронье, сидели нахохленные коллеги по несчастью, вяло освобождавшие царицу полей от её одежд. Ответные початки не за-

ставляли себя ждать, начиналась кукурузная дуэль, но она быстро стихала, так как наши офицеры были рядом. Словом - тоска зеленая, а не веселые приключения во время уборки урожая.

По завершению уборочной страды в училище приезжали благодарные председатели колхозов. Нас собирали в клубе, где и отмечали передовиков уборки урожая. После теплых слов, высказанных в наш адрес, председатель колхоза вызывал к себе отличившихся, вручая ему ценный подарок. Некоторым из нас до сих пор помнится его гортанный голос “Суворовец такой-то, награждается Альбомом с картинками! Такой-то – Фибровым чемоданом! Другой – Фотографическим альбомом с карточками! Четвертый – Мячом футбольным! Четвертый – Мячом волейбольным!“, и так далее по списку, до тех пор, пока у местного Деда Мороза не иссякнут в его мешке привезенные суворовцам подарки.

Немного о грустном и нравоучительном

Не мною замечено, что человеческая память устроена так, что все плохое, как правило, быстро забывается, а все хорошее помнится долго. Но, по моему мнению, к этому правилу не относится память об обиде, нанесенной несправедливостью. Приведу лишь несколько примеров, так сказать из общего и личного плана.

Первый пример связан с поголовной стрижкой младших суворовцев налысо. Эта ежемесячная экзекуция проводилась четыре года подряд, с 12 до 15 лет. Понятно, что во время Отечественной войны, когда в невымытых головах мальчишек ставших суворовцами водились вши, способствующие заболеванием тифом, такая мера гигиены была обоснованной. Но в 60-е годы XX века, когда суворовцы жили, как А.С. Пушкин в Царскосельском лицее, и ходили в баню каждую неделю, эту процедуру стрижки наголо иначе как издевательством над юношами не назовешь. Наступала эра “битломании” и “Роллинг Стоунз”, у молодежи в моде были длинные волосы. Кроме того, 15 лет – это также пора первой ребячьей влюбленности, а у тебя при встрече с дамой твоего сердца на голове вместо прически торчат оттопыренные уши.

Это сейчас современные модники бреют свою голову наголо, но тогда мы жутко страдали из-за наших лысин. И если в СВУ, среди себя подобных, это было как-то не сильно заметно, то во время каникул из-за такой стрижки мы не находили себе места. На наш вопрос: “почему нас карнают под ноль?”, внятного ответа от офицеров не получали.

И неотменная инструкция времен Великой Отечественной войны о поголовной стрижке младших суворовцев наголо, которая уже давно утратила здравый смысл, продолжала приносить боль легко ранимым юношеским душам.

С сугубо личной точки зрения другая несправедливость была связана с иностранным языком и моим нарядом “вне очереди”. В суворовское училище

я поступил с определенными знаниями немецкого языка, а основным языком, который преподавали в нашей роте, был английский. Переход с одного языка на другой мне давался тогда нелегко, поэтому первое время я “хромал” по успеваемости.

Это потом третий язык “шел как по маслу”. В лейтенантские годы мне довелось пять лет служить в Венгрии, где посещая курсы, в общем, сложного венгерского языка, удалось его поверхностно усвоить. Во всяком случае, местные жители меня понимали, когда я, окончательно запутавшись в топографической карте, расспрашивал их, как проехать из Секешфехервара в Дьюлафератот, минуя Эштерхази (уважаемый читатель, Вы ещё не сломали себе язык, читая “простые” для произношения на русском языке названия населенных пунктов Венгрии?). Разбуди меня глубокой ночью и усади за праздничный стол, я и сейчас могу сказать тост на венгерском языке, в конце обязательно добавляя “*Кедвеш шёге эге шегёдра/Ваше здоровье*” и, при удобном случае вежливо откажусь от лишней рюмки, сказав “*Нем, кессёнем сипань/Спасибо - не хочу*”.

А сербский язык, который был нужен во время войны на Балканах, вообще по сравнению с венгерским – «семечки». Он напоминает украинский язык Западных Карпат с некоторыми специфическими словами и оборотами, но понять его довольно легко. Поэтому после первого месяца пребывания в бывшей Югославии я отказался от услуг переводчика, получая необходимую развединформацию от местных жителей “с глазу на глаз”.

Но тогда, в 1963 году, переход с немецкой грамматики на английскую мне доставался с трудом. Плюс ко всему в тот период я пристрастился к чтению художественной литературы, открывая для себя новые миры. Этому способствовал громадный выбор книг училищной библиотеки. Я читал бессистемно и запоем везде – на уроках в классе, на самоподготовке, в столовой, ночью после отбоя, восхищаясь героями Майн Рида, Джека Лондона, Эриха М.Ремарка, Ильи Эренбурга и многих других авторов. Это, естественно, от-

влекало от учебы, и, как результат, осенью я получил “неуд” по английскому за плохие знания исторического центра Лондона. Об этом “хвосте” я быстро забыл, так как в тот момент был погружен в таинственный мир “Саги о Форсайтах” Джона Голсуорси, что и “аукнулось” мне впоследствии на зимних каникулах.

В эту же осень, как и в прочие осенние времена, суворовцы, убирая территорию, активно боролись с падающей с деревьев листвой, собирая её в кучи и затем, сжигая (до сих пор помнится этот приятный горьковатый запах горевшей листвы). Я, получив за какую-то очередную проделку наряд “вне очереди”, смысл которого заключался в уборке листвы “от забора и до обеда”, добросовестно выполнил задание и побежал докладывать об этом офицеру, наложившему на меня взыскание.

Пока я искал его где-то на задворках училища, осенний ветер вновь набросал каштановых листьев на убранную мною территорию. Глядя на вновь захламленную листопадом землю, проверяющий исполнение взыскания не поверил тому, что я что-либо делал во исполнение приказа. Напрасно я взывал к его логике, указывая на собранные мною кучи листвы и ссылаясь на то, что из-за ветра я буду убирать территорию до “второго пришествия Христа”. От офицера вновь поступил приказ – убрать территорию. Кипя от несправедливости и от того, что мне не поверили, я отказался выполнить приказание, о чем было и доложено моему офицеру - воспитателю капитану Кудинову Н.Т. Напрасно он напоминал мне статью из устава, где было написано что приказ, пусть и не справедливый, сначала надо исполнять, а затем опротестовывать. Я стоял на своем, и в нашем споре “нашла коса на камень”.

И когда все суворовцы поехали на зимние каникулы, из-за несданного “хвоста” и неисполнения приказа, я был оставлен в училище до устранения оных недостатков.

Задолженность по английскому я ликвидировал быстро, но в мою детскую голову тогда почему-то запала нелепая мысль о необходимости от-

мщения этому “капиталистическому Лондону”. Приблизительно эта мысль выглядела так: надо поехать в столицу Великобритании и плюнуть на колонну адмирала Нельсона, установленную на Трафальгарской площади. И, как ни странно, это замысел я выполнил в 1995 году (ну об этом позже).

А вот с уборкой территории было куда сложнее. Во исполнение давнего приказа замерзшую листву мне приходилось доставать из-под снега руками, покрытого ледяной коркой. После такой своеобразной уборки выделенной территории и сдачи “хвоста” по – английскому, через три дня после начала каникул я был отпущен домой, куда я поехал уже простывшим. В Ростове простуда переросла в воспаление легких, так что отпуск я провел в окружном госпитале.

С высоты прожитых лет я понимаю, что наказание за неуспеваемость было абсолютно справедливым, но горький осадок оттого, что тебе не поверили и некая жестокость в методе, которым добивалось исполнение несправедливого приказа – остались. Мне думается, что с мальчишкой можно было поступить и более милосердно. Так поступил со мной и моими друзьями наш ротный старшина Семён Исаакович Майнен, несмотря на наш проступок.

Дело было ранним летом 1965 г., когда мне и моим закадычным приятелям по роте Толе Горожанкину и Саше Курочнику, уже стукнуло по 14 лет. Да так стукнуло, что мы решили приобщиться к “прелестям” взрослой жизни – алкоголю и табаку. Родительский дом Толика был в Орджоникидзе, его мама работала в городской поликлинике, поэтому стащить из дома бутылку чистого медицинского спирта, которым мама Толика обычно мыла окна, для моего друга не составило труда. При посредничестве кого-то из незнательного гражданина мы с Сашкой купили пачку сигарет без фильтра (кажется, это была пачка “Примы”), и с этой добычей втроем, скрывшись от посторонних взоров в зарослях бузины в районе санчасти, приступили к дегустации строго запрещенных для нас плодов.

Помнится, что мы уже знали – спирт надо разбавлять водой, а для курения “по – настоящему” – надо затягиваться. Вода, вступив в реакцию с 95% спиртом, превратила эту жидкость в горячее пойло, которое мы, не закусывая, мужественно хлебнули из большой алюминиевой кружки по очереди, затянувшись при этом сигаретами. Что было дальше, “святая троица” уже не помнила. В воспоминаниях осталось лишь то, что нас буквально выворачивало от неудержимой рвоты, и что Семён Исаакович обнаружив “бездыханные тела”, отнес их на руках в санчасть, где нам было сделано промывания желудка. Придя в себя, мы, размазывая слезы и сопли по щекам, горько каялись старшине в содеянном, обещая, что такое больше не повторится.

За этот проступок мы могли запросто вылететь из училища. Но старшина Майнен С.М., понимая, что это было сделано нами впервые и из чистого любопытства, не дал этому делу хода, наказав нас собственной властью. А ведь, если Семён Исаакович последовал бы букве устава, все могло быть иначе, и это приключение закончилось бы для нас весьма плачевно. Нравоучительность поведения Семёна Исааковича в том эпизоде дошла до нас позднее, когда мы стали офицерами под чьим командованием были подчиненные - всегда надо давать шанс исправиться тому, кто впервые оступился и искренне раскаялся в содеянном.

Раннее употребление алкоголя и курение также преподали нам жестокий жизненный урок. После их “дегустации”, спиртное в СВУ мы не пили вплоть до выпускного вечера. Толик не курил всю жизнь. Я же закурил, когда бросил серьезно заниматься плаванием, тогда мне было уже 21 год, так и не научившись пить спирт, при виде которого мой желудок начинал автоматически предательски сокращаться.

Пожалуй, хватит о грустном и нравоучительном, лучше опишу еще один эпизод из суворовской жизни в Кавказском СВУ.

Барабанные палочки

Два раза в году, осенью и весной, суворовцы ККСВУ участвовали в военных парадах в ознаменовании годовщин Великой Октябрьской революции и Дня Победы над фашисткой Германией. Парад 7-го ноября проходил в Орджоникидзе, где участвовал сводный суворовский батальон, а парад 9-го мая в честь Дня Победы в Ростове-на-Дону открывала суворовская рота барабанщиков, приезжавшая в столицу Северокавказского округа из Кавказского училища.

Тренировка перед парадом войск в городе Ростове-на-Дону на территории бывшего полка связи по улице Красноармейской (сейчас здесь размещается отдельный батальон охраны и обеспечения штаба СКВО).

Коробку барабанщиков от роты подполковника Михайлова возглавляет капитан Голицын.

В эту роту я попал благодаря приобретенным в детстве навыкам стучать на барабане марш пионеров, когда пытался осилить хоть какой-нибудь музыкальный инструмент. Когда рота была сформирована, начались каждодневные тренировки, где мы старательно учились выбивать походный марш на барабанах в ходе движения, соблюдая равнение роты по шеренгам и в затылок впереди идущему барабанщику.

Для суворовцев, участвующих в параде, было очень почетно открывать торжественное шествие сводных батальонов ростовского гарнизона. Поэтому, несмотря на то, что эти парады проходили во время весенних каникул, барабанщики готовились к этому событию очень ответственно. Приехав в Ростов-на-Дону и разместившись в казармах бригады связи Северокавказского военного округа, мы продолжали усиленно тренироваться. Казармы бригады располагались на ул. Красноармейской, прямо напротив моего дома, поэтому после вечерней поверки я потихоньку сбегал в самоволку домой, а утром вновь был в строю.

Как сейчас помню, 8 мая 1965 г. на центральной площади города шла последняя генеральная репетиция парада. На ней мы несколько раз проходили мимо парадной трибуны торжественным строем, чеканя шаг, во всем блеске парадных мундиров. На сверкающих на солнце барабанах играли марш, задавая тон позади идущим батальонам. В руках, на которых были надеты белоснежные перчатки, мы держали барабанные палочки. Подойдя к трибуне, мы по команде прекращали бой, и, держа равнение с отмахом руки с палочками до подбородка, отдавали честь командующему, принимающему парад, поворотом головы направо. Со стороны это выглядело очень красиво и эффектно.

Вот только иногда, из-за энергичных взмахов руки, скользкие круглые палочки вылетали из наших рук. Красиво описывая дугу в воздухе, они падали на землю. И если на них наступали офицеры, идущие за нами побатальонно, они поскальзывались на них, нарушая равнение в шеренгах. Ведь они, как и мы, не смотрели себе под ноги, а “ели глазами начальство” на трибуне. Поэтому на последней репетиции чуть ли не к каждому барабанщику подходили офицеры из сзади идущих коробок и, звеня медалями, склонившись к уху, просили: “Сынок, поплрой на перчатки и, пожалуйста, держи палочки покрепче”. И, как не жалко было портить белоснежные перчатки, понимая катастрофические последствия их утери для всего парадного

строю гарнизона, мы смачно сплевывали на них, дабы палочки не выскальзывали из рук.

9 мая начинался парад в ознаменование Дня Победы. Улицы города были украшены флагами и транспарантами, сияло солнце, из репродукторов гремела музыка. С утра нарядно одетые жители Ростова, “от мала до велика”, не спеша подтягивались к Театральной площади. Те, у кого не было приглашенных билетов на трибуны центральной площади, выстраивались живой стеной вдоль главной улицы города, которая тянулась от Театральной площади и заканчивалась у железнодорожного вокзала. В воздухе царило праздничное настроение, лица людей то и дело озаряли улыбки. В руках праздничного люда были цветы, флажки и воздушные шары, которые они от чистого сердца дарили ветеранам войны, одевших по случаю праздника мундиры, украшенные воинскими наградами. У передвижных лотков бойко шла торговля мороженым, булочками и прочими сладостями, тут и там то и дело в толпе раздавался заразительный смех.

В 10.00 на площади все замирало. После встречи командующего войсками округа и его приветствия солдат, старшин и офицеров, стоящих в парадных коробах, торжественно выносилось Знамя округа. Затем следовала короткая, но пламенная речь, посвященная Дню Победы. После исполнения Государственного гимна СССР раздавались протяжные команды командующего парадом, усиленные репродукторами: *“ПарААд! Равняйсь! СмИИИИр-Но! К торжественному маршу! Побатальонно! На одного линейного дистанции! Первый батальон – прямо! Остальные – НапрААА-Во! ШагОООм марш!”*. И наступал “звездный час” роты барабанщиков, открывавших парад. Задышавшись от волнения и переполнявшего душу восторга, проходя мимо трибуны, мы дружно отбивали походный ритм на барабанах, этот ритм подхватывал сводный оркестр, и вся масса войск приходила в движение.

Пройдя Театральную площадь, мы напрямик шли по улице Энгельса к вокзалу, где нас уже поджидал воинский состав, следующий в Орджоникид-

зе. Идти надо было километра четыре, что занимало около часа. Но какие это были счастливые минуты! Проходя по живому коридору, который, несмотря на милицейское оцепление, постепенно, словно питон, сжимал нас, мы, буквально “кончиками фибр души” чувствовали любовь, исходившую от народа к суворовцам, а в их лице - и к Армии в целом. Нас забрасывали цветами, на барабаны летели металлические рубли, выпущенные по случаю юбилея - 20-летия Победы. Особенно много монет падало на барабан правофлангового в первой шеренге суворовца – Петра Березкина, тогда ещё совсем небольшого подростка, барабан которого скрывал, чуть ли не треть его роста.

Юбилейные монеты барабанщики не подбирали, хотя тогда на рубль можно было приобрести очень много соблазнительного для мальчишки. От удара палочкой по туго натянутой коже барабана, монета, лежащая на ней, высоко взмывала вверх и падала на землю. А мы, невзирая на эти потери, били походный марш, заглушаемый приветственными криками и аплодисментами восторженных горожан. Эти счастливые праздничные минуты мне не забудутся никогда. Не забудутся они и другим тысячам суворовцев, в свое время открывавшим парады в других городах Советского Союза и России, или проходившим торжественным маршем в сводных батальонах.

Кое-что о песенном фольклоре и о поэзии

В повседневной и праздничной жизни песня и стих часто отображали и изливали состояние души кадета-«кавказца». В памяти до сих пор хранятся слова стихотворения о Кавказском СВУ «У гор Кавказских городок есть небольшой», с которого чаще всего начинались блокнотики-песенники некоторых из суворовцев. На главной странице альбома, как правило, ими рисовались горы, а ниже старательно выводилось «ККСВУ» - аббревиатуру училища.

Особой популярностью у всех пользовалась песня «Кадеточка», потом по рейтингу популярности шла «Кадетская мама». Суворовцы-ветераны до сих пор, собравшись вместе, с удовольствием их напевают. Хотя в этих песнях зачастую присутствуют весьма нелепые утверждения неизвестных бардов. Не мне судить, но, по-моему, эти популярные у суворовцев песни были сложены или в период Великой Отечественной войны, или сразу после неё - когда в обыденной жизненной среде у населения страны, ещё не пришедшей в себя после ужасов войны, были популярны душещипательные и грустные песни. По их подобию и складывался суворовский песенный фольклор, описывающий «тяготы и лишения» кадетской жизни.

Так, например, «У гор Кавказских городок...» есть строка – *“Семь лет прожили мы, лаская автомат”* Конечно, все семь лет, изо дня в день мы не могли «ласкать автомат». И понимать эти строки нужно не в прямом, а в аллегорическом смысле, ибо всем укладом суворовской жизни, нас каждодневно готовили к военной службе.

Или другой пример. В песне «Кадеточка» есть слова:

“ Кадеточка, кадетские мечты.

Я водку пью, я так тебя люблю.

За то, что водку пью и за то, что я тебя люблю,

Под рыдающий гитары звон, ты прогнала меня вон“.

А далее с надрывом поётся:

“ Забыт ли я, быть может, проклят я.

Кадеточка, не забывай меня.

Мечты кадетские, жизнь "собачья", нравы светские.

Плачут струны с ними плачу я, где же ты любовь моя?”

А в песне «Кадетская мама» бедолага - суворовец и вовсе горюет –
“...Мама, милая мама, ну зачем ты меня так рано в СВУ отдала...”.

Сидя в компании, где есть не только кадеты, поющие эти песни, но и посторонние, не знающие реальную суворовскую жизнь и быт (особенно если это родители, только что отдавшие своих любимых отпрысков в СВУ), было интересно наблюдать за их реакцией на содержательную часть песен. У гражданских лиц округлялись глаза – надо же, оказывается в СВУ поголовно все алкоголики, которые всеми “прокляты и забыты”. А жизнь в их училище - "собачья". Слушая песню «Кадетская мама» на глазах у многих родителей появлялись слезы, градом катившиеся по их печальным лицам.

Ветераны СВУ и те, кто читал предыдущее повествование о жизни и быте в суворовском училище, понимают всю абсурдность подобных утверждений неизвестных бардов. В подтверждении этому, приведу лишь несколько аргументов, навскидку пришедшие в голову.

Во-первых, что-то не припоминается, чтобы кто-то из однокашников - семилеток в 12 лет “из - под палки” поступал в СВУ, а уж в 15 лет – тем более. Для поступления в суворовское училище кандидатам надо пройти жесткий конкурсный отбор, существовавший всегда. А сейчас, когда училищ стало меньше, в приемных начальников СВУ во время сдачи экзаменов уже толпятся не “простые родители”, а генералы и старшие офицеры – выпускники предыдущих наборов в училище и иные лица, достигшие успехов в жизни, ходатайствующие за своих сыновей и внуков.

Во-вторых, жизнь и быт суворовцев в училище, качество преподавания учебной программы в СВУ, возможность занятий различными видами спор-

та, не идут ни в какое сравнение даже с элитными современными школами, за обучение в которых надо платить большие деньги. Уровень полученных в училище знаний, позволял суворовцам-выпускникам с 99-ти процентной вероятностью поступать в гражданские ВУЗы, включая университеты, в тех случаях, когда выпускник СВУ по тем или иным причинам не желал, либо не мог продолжать учиться в высшем военном заведении.

И, наконец, в-третьих, во все времена в СВУ к разряду тяжких проступков, за которые даже можно было лишиться суворовских погон, относилось употребление спиртных напитков, не говоря уж об употреблении наркотиков, являющиеся бичом современной молодежи. Случавшиеся иногда единичные случаи употребления алкоголя суворовцами, становились предметом тщательных разбирательств со стороны командования и общественных организаций (включая комсомол) училища. Провинившейся не только получал суровые взыскания (длительное “неувольнение” в город, кучу нарядов “вне” очереди, лишение возможности поехать на каникулы), но и последовательно проходил “училищное чистилище”, начиная от “пропесочивания” на взводном и ротном собраниях, и заканчивая беседой в учебном отделе, а также с начальником училища. За ним в последующем очень надолго устанавливался жесткий контроль со стороны офицеров-воспитателей и родителей, которым также сообщалось о проступке. Так что *“водку пить под рыдающий гитары звон”* суворовцы могли только в песнях.

Жаль, что эти аргументы, слишком долго надо рассказывать несведущим лицам, внимающим песням «Кадеточка» и «Кадетская мама».

Совсем другое отношение у кадетов-«кавказцев» было к стихам, особенно к тем, в которых отображались события, непосредственно связанные с их жизнью.

Так, на безвременную смерть суворовца-«кавказца» Павелецкого Жени, любимца 6-й роты ККСВУ, спортсмена – гимнаста, поэта - песенника и лидера вокально-музыкального ансамбля, погибшего 21 сентября 1995 г. при

загадочных обстоятельствах, будучи командиром бригады ПВО в уже “самостоятельной” Украине, наш поэт Петр Александрович Березкин отозвался такими пронзающими душу стихами:

"Памяти кадета"

*Плач гитара, скорбят наши души.
Он ушёл, свой куплет не донев.
Звонкий голос нам больше не слушать
И не спеть вместе с ним нам припев.*

*Что за надобность? Что за случай?
Ты ответь нам, "косая", ответь.
Почему ты стреляешь по лучшим?
Заставляя сердца холодеть.*

*Разве боли накоплено мало?
Столько было разлук и потерь.
Всё стерпела кадетская мама,
Всё смогла превозмочь, а теперь?*

*Он ушёл, но, как - будто, совсем недалеко
Слышен ей его голос родной,
Две сыновней руки обнимают за плечи
И стоят они вместе, обрета свой покой.*

*Он ушёл, но я знаю, в такой же вот вечер,
Так же осенью, через год,
Снова он соберёт нас на встречу
И возьмёт свой "кадетский" аккорд!*

Новые пенаты для суворовцев - «кавказцев»

Весть о том, что Кавказское СВУ закрывается, застала нас летом 1967г. в Тарском ущелье, где мы строили полигон. Работёнка была ещё та.... Мы, как рабы эпохи Римской империи, таскали из горной речки тяжеленные носилки, наполненные речной галькой, чтобы ею мостить дорожки строящегося военного городка. Нелегкий физический труд, холодная речная вода, дождь, непрерывно лившийся сверху и сырость в палатках - многократно усиливали наше желание поскорее уехать домой на летние каникулы. И тут еще грянул неприятный гром – приказ Командующего округа № 59 от 18. 07. 1967г., гласивший, что во исполнение Директивы Генерального штаба ВС СССР от 10. 06. 1967г., суворовцы 6 роты ОрСВКУ направляются доучиваться в другие суворовские училища. Сначала мы обрадовались – конец нашим мучениям в Тарском, а затем горько опечалились – ведь распадался наш дружный коллектив. Все кадеты были буквально «убиты» этим сообщением.

О судьбе перевода в другие СВУ нам объявили приблизительно в такой форме: «Закончить лагерные работы, послезавтра вы будете направлены в отпуск, а затем в другие суворовские училища. Время на сборы и убытие в отпуск – одни сутки». Поэтому разъехались мы по домам «в авральном режиме». Даже не сфотографировались на память ротой или хотя бы повзводно. Из нашей роты в Свердловское СВУ попало 48 человек, в Казанское – 16, в Киевское – 25.

*Последний начальник ККСВУ генерал-майор Н.А.Сарапин
при вручении училищу Знамени ЦК КПСС. 1967 г.*

Судьба кавказцев в Свердловском СВУ.

Спустя годы, выпускник - «кавказец» Свердловского СВУ Валерий Горбунов вспоминал: *«В Свердловске нас приняли тепло, мы не почувствовали большой разницы в условиях обучения в новом для нас суворовском училище»*. В обучении и воспитании суворовцев в Кавказском и Свердловском училищах было много общего, хотя существовали и некоторые различия.

По сравнению с ККСВУ, территория Свердловского училища была маленькой - здание училища, футбольное поле, где зимою заливался каток, открытый для всех свердловчан, волейбольная площадка, строевой плац, спортгородок, вот и вся территория. Образно говоря о соизмеримости территорий обеих училищ – “Кавказский великан Голиаф и щупленький Уральский Давид”.

Зато у этого училища есть особые страницы в истории его создания. Днем образования СвСВУ, как и ККСВУ, считается 19 декабря 1943 года. Первоначально училище называлось Орловское СВУ, хотя и располагалось оно в старинном русском городе Ельце.

Ранее, в Орле располагался “Орловский Бахтина кадетский корпус”, который был учрежден в 1843 г. (Владикавказский Кадетский корпус был создан лишь в 1901 г.) на пожертвование отставного полковника Бахтина, завещавшего ему 11 млн. руб. ассигнациями (это была громадная по тем временам сумма), плюс выделил 2700 крестьянских душ. За это деяние «во славу русского воинства» Бахтин был удостоен российским императором памятной медалью «За благотворение юношеству».

В сентябре 1947 г. училище перевели в Свердловск/Екатеринбург, в здание офицерского пехотного училища. Рядом с СВУ располагался Уральский политехнический институт, его в свое время заканчивал первый Президент России Б.Н. Ельцин, студентам которого суворовцы - «кавказцы» отнюдь не безвозмездно оказывали помощь в сдаче зачетов по английскому языку.

Атмосфера в СВУ по отношению к «кавказцам» как со стороны воспитателей и педагогов, так и со стороны суворовцев-аборигенов, была теплой и дружественной.

До начала учебы первоначально прибывших «кавказцев» разместили в спортивном зале училища, стены которого были только что покрашены зеленой краской. Встречал их старшина роты И. Осинцев полный кавалер орденов “Славы”. К вновь прибывшим воспитанникам относился по-отечески, но был строг.

Как-то раз «кавказцы» затеяли игру в мини-футбол в спортзале. В результате матча ещё не высохшие стены спортзала стали напоминать зеленую лужайку с распутившимися одуванчиками (так как эти стены ранее были выкрашены в желтый цвет, а свежая краска была зеленой). Грозный старшина, зычным голосом “метая гром и молнии”, заставил новоявленных Пеле и Эйсебио быстренько вновь покрасить стены. Махая кистями, оскорбленные в лучших чувствах, недооцененные футболисты, с угрозой в голосе бурчали старшине: “Погоди, вот придет Петя Березкин – он разберется”.

И эта фраза повторялась почти каждый раз, когда какой – либо «кавказец» получал очередное взыскание от Осинцева. Старшина, прошедший войну, был заинтригован, - кто этот Петя Березкин, именем которого его так страшат? И когда этот “страшила”, опоздав на двое суток из отпуска, предстал перед светлыми очами старшины, он расхохотался, поняв, что «кавказцы» его все время разыгрывали. Дело в том, что 15-ти летний суворовец П. Березкин не сильно изменил свои показатели в росте и весе по сопоставлению с Орджоникидзе и в 1967 г. весил 23 кг., при росте 127 см.

В учебе, по сравнению с суворовцами-аборигенами, «кавказцы» были сильнее. Уровень образовательной подготовки у суворовцев-кавказцев был намного выше, чем у их одноклассников по СвСВУ. Это было результатом труда офицерско-преподавательского коллектива Кавказского СВУ. Данный факт вызывал доброе, лояльное отношение всего коллектива училища к “кавказцам”. Вместе с тем, очень схожими были подходы к воспитательному процессу у командиров рот, офицеров – воспитателей и старшин рот СвСВУ и ККСВУ. Их жизненный путь, военная карьера, мало чем отличались.

Как и в Кавказском СВУ, в Свердловском училище был сильный преподавательский состав, основная часть которого имела большой опыт работы с суворовцами-семилетками. Появление суворовцев-кавказцев у основной массы коллектива учителей не вызвало какого-либо негативного отношения к ним, напротив, просматривалась какая-то “ностальгия” с их стороны по прежним временам 7-ми летнего суворовского образования.

В спорте - суворовцы-кавказцы тоже были на голову выше остальных. На училищных соревнованиях «кавказцы» постоянно занимали первые места во многих игровых видах спорта, будь то футбол, баскетбол или ручной мяч. В этих играх сказывалось мастерство, которое начинало коваться ещё в Кавказском СВУ.

Костяк сборной училища по вольной борьбе также составляли «кавказцы». Успехи в вольной борьбе - национальном виде спорта Северной Ос-

тии, достижение которых было им возможным благодаря навыкам, привитым великим мастером А. Б. Бестаевым в Орджоникидзе, вызывали у многих суворовцев - свердловчан неподдельный восторг и желание заниматься этим видом спорта.

В 1969г. по итогам спартакиады, проводимой в Ленинграде среди суворовских училищ, Свердловское Суворовское стало первым в общекомандном зачете. На этой спартакиаде, в отличие от маститых тренеров, руководивших сборными училищ по вольной борьбе, сборную Свердловского СВУ возглавлял суворовец - «кавказец» Валерий Горбунов. Под его руководством свердловчане завоевали Кубок спартакиады по вольной борьбе.

Тогда же сборная Киевского СВУ, в которой было тоже немало «кавказцев», заняла второе общекомандное место. И как вспоминал Валерий Горбунов, перед спартакиадой «кавказцы» специально переписывались меж собою, чтобы в схватках на ковре у них были разные весовые категории, позволявшие в финале не «пересекаться» друг с другом.

Но не все было так гладко в жизни «кавказцев», как кому-то может показаться. Озорство, мальчишеское желание показать себя более «крутым» и подготовленным, чем сверстники по училищу, «игра на публику», драки с городскими ребятами, необдуманные нарушения дисциплины, которых было намного больше, чем в соседних ротах, приводили к горестным последствиям — к отчислению «кавказцев» из училища. Потери были впечатляющими — из 48 суворовцев-кавказцев, прибывших доучиваться в Свердловское СВУ, из его стен выпустилось только 28, то есть каждый второй (!) кадет-«кавказец» был отчислен. Но, несмотря на эти потери, у «кавказцев» остались самые теплые воспоминания о днях учебы в Свердловском СВУ, ставшего для них родными пенатами, и где офицеры-воспитатели и преподаватели стремились создать такую атмосферу, чтобы для этих ребят училище стало родным домом.

Новые пенаты в Казанском училище

В конце августа 1967г. в Казань стали прибывать 16 суворовцев - «кавказцев», ставшие впоследствии воспитанниками Казанского СВУ. Позже кадет-«кавказец» Володя Мунаев делился своими впечатлениями о Казанском СВУ.

Это суворовское училище было расположено в центре старинного города. С двух сторон от него размещалось много высших и средних учебных заведений, административных зданий и учреждений. Через овраг от СВУ находился один из старейших парков Отдыха горожан, где каждое воскресенье зимою суворовцы бегали лыжные кроссы по 5 и 10 километров и далее по реке Казанка. Парк Отдыха заканчивался старейшим в городе кладбищем, где захоронены много знаменитостей России и Татарстана.

Как и у других училищ, у Казанского суворовского есть большая и славная биография, много событий произошло за годы его существования. Его не постигла судьба большинства училищ, расформированных в 60-е годы прошлого века, из-за недальновидной военной политики тогдашнего руководства страны и за 60-летнюю историю училища из его дверей вышло в большую жизнь много хороших людей - будущих генералов и командиров под-

разделений, героев Отчизны, ученых, творческих деятелей, великий спортсменов. Все они умножали славу Родины, активно способствовали её укреплению и развитию.

В 1967 г. на территории Казанского СВУ располагались: стадион с футбольным полем, гимнастический городок, спортивные площадки для игр и большой лесной массив - любимейшее место встреч и свободного время проведения кадетов. В конце парка с высоты «пяточков» открывалась красивая панорама на реку Казанка, впадающую в величественную Волгу и на современную часть города.

«Пятачки» для многих кадетов являлись “историческими”, где обсуждались «важные» проблемы: взаимоотношения с «гражданской» молодежью и между различными категориями суворовцев, спорные вопросы жизни, многие здесь впервые закурили и попробовали вкус зеленого «змия».

Вместе с тем, здание училища (бывший пансионат благородных девиц), которое было построено также как и Кавказское СВУ в конце XVIII века, смотрелось несколько удручающе. После просторных и светлых коридоров, классов и казарм Кавказского СВУ в Казани “кавказцам” было сложно сразу привыкнуть к узким и темным коридорам и помещениям.

Прибыв в училище, двое из “кавказцев” – сразу же забрали свои документы и уехали домой, позднее ещё трое покинули стены СВУ добровольно, поэтому Казанское училище закончили 11 кадетов, которых преподаватели да и все остальные ласково называли - «кавказский мини взвод».

К приезду “кавказцев” командование подготовилось. Первоначально их разместили в отдельном спальном помещении вместе с одной из рот 10 класса и со своими однокашниками они соединились только через два года.

Встретили их тепло, но строго – отобрали ушитую и расклешенную форму, в которой они приехали и выдали новую, строго уставную. Но “кавказцы” восприняли это «оптимистично», и в первую же ночь они вновь перешли выданную форму в соответствии с требованиями моды того времени.

Ее опять конфисковали и выдали новую, а они снова перешли уставную форму, и так повторялось несколько раз. После этого кадеты нашли особый подход к своему старшине, хранившему их модные «сокровища» – и каждый из «кавказцев» стал обладать двумя комплектами формы – одну для увольнений, танцев, самоволок и отпусков – другую для официальных мероприятий. Конечно, об этом все знали и видели, но конфликтов на эту тему никогда практически у «кавказцев» не было.

Вели «кавказцы» себя всегда с достоинством, держались сплоченно и независимо, и тем самым вскоре ими был завоеван авторитет и уважение среди всех категорий персонала училища, как среди командиров и преподавателей, так и среди суворовцев.

Об уровне учебной и спортивной подготовки «кавказцев», прибывших в Казанское СВУ, свидетельствуют два интересных примера.

В начале сентября 1967г. вновь поступившие суворовцы и «кавказцы», сдавали единые для всех письменные контрольные работы по русскому, литературе, алгебре и геометрии. Результаты контрольных работ практически по всем предметам показали:

кавказцы (13 человек) - «отлично» - 15-25%, «удовлетворительно» - 10-15%, остальные – «хорошо»;

их ровесники (150 человек) - «отлично» до 5%, «хорошо» - не более 10%, «удовлетворительно» - от 10 до 20%.

Многие преподаватели были удивлены и с восхищением долго говорили об этом.

Правда, в дальнейшем эти результаты сыграли с ними злую шутку – очевидно, «кавказцы»- «зазнались» и совсем перестали учиться, увлекшись спортом и иными, более интересными деяниями. поголовно все записывались в разные секции, кружки, библиотеку и консультации. Для большинства из них это был явный предлог, лишь бы не сидеть на самоподготовке в классе. А для их одноклассников с первых дней обучения и до конца пребывания в

СВУ, самоподготовка, дополнительные занятия и консультации - начинались сразу после обеда и продолжались практически до отбоя, а для многих из них эти “мучения” продолжались даже и в выходные дни.

В итоге – к концу учебной программы 9-го класса - почти все “кавказцы” стали «троечниками», среди них объявились даже “двоечники”. И к первоначальному уровню оценки их знаний они возвратились только к концу 10 класса.

Об уровне физической подготовки “кавказцев” свидетельствует другой факт.

Ежегодно в конце сентября в КзСВУ проводилась спартакиада училища практически по всем видам легкой атлетики и игровым видам спорта.

При этом соблюдались следующие правила: сборные команды выставлялись от рот, в легкой атлетике один суворовец мог выступать не более чем в двух видах, кроме эстафеты 10 по 333 метра вокруг футбольного поля (как тут не вспомнить бассейн в Орджоникидзе!). После долгих прошений и ходатайств «кавказцам» было разрешено выставлять на спартакиаде училища отдельную команду, приравняв «мини взвод» (13 человек) к роте (численностью в 100 суворовцев), одному “кавказцу” из «мини взвода» разрешалось выступать не более чем в трех видах соревнований.

И каков результат такого численного представительства на соревнованиях? Все три года (!) – «кавказский мини взвод» занимал только первое общекомандное место (среди 6 рот + взвод), а легкоатлетическую эстафету они всегда выигрывали с отрывом.

Из интересных воспоминаний Володя Мунаев о Казанском СВУ нельзя не рассказать о том, как “кавказцев” обучали ходить на лыжах и чего они достигли на этом поприще.

В мини взводе все кадеты были уроженцы из Кавказа, поэтому никто из них до прибытия в Казань толком не стоял на лыжах. В ноябре 1967 г. “кавказцам” выдали по паре «деревяшек» - лыж, объяснили, как надо пере-

ставлять ноги и руки, и в ближайшее воскресенье им дали команду - «На старт», дабы они пробежали лыжный кросс длиной 5 км.

Сейчас это событие ветеранам - “кавказцам” Казанского СВУ вспоминается с улыбкой, а тогда... пройдя 300-400 метров, им предстояло подняться вверх 20-25 метров вверх, что для них было настоящим испытанием. Они, неоднократно падая и скатываясь вниз, со смехом и легкими травмами, все же вскарабкались на этой “Эверест”.

Но тут их ждали другое испытание - моральное. В тот день первого для них лыжного кросса, в городском парке ярко светило солнце и играла музыка. И казалось, что за лыжниками наблюдают все самые красивые девушки Казани, собравшиеся в парке. А неудавшиеся лыжники - «джигиты», мокрые и жалкие, еле плелись на деревяшках, привязанные к их ногам, невпопад переставляя лыжные палки, и им виделось, что над ними все потешаются.

Кое-как преодолев аж 1,5 км., от одного изнеможенного снежным ма-
рафоном лыжника - «джигита» поступило предложение – снять лыжи и далее добираться до финишной ленты пешком. Не сговариваясь, все дружно сняли лыжи и потопали пешком, взвалив на себя на спину предмет их мучений – тяжеленные лыжи. Пройдя несколько метров, они провалились в снег по пояс, и после этого для них началось самое интересное.

Они плелись до финиша пешком еще часа два, утопая в снегу, спотыкаясь и падая, и когда мокрые и уставшие еле живыми добрались до финиша, их никто не встречал: ни спортивные судьи, ни оркестр, ни “Скорая помощь” - все давно были в училище. Только злой взводный офицер-воспитатель топтал валенками снег, чтобы согреться, дожидаясь прибытия своих «джигитов».

Эта первая в жизни лыжная дистанция задела гордость и самолюбие детей Кавказских гор. К выпуску из Казанского СВУ 5 кадетов из мини взвода выполняли нормативы в беге на 10 км по 1-му спортивному разряду, а остальные - по 2 разряду.

Картина впечатлений о Казанском СВУ была бы не полной, если не отметить то, что вся повседневная деятельность командования училища, прежде всего, была направлена на строгое соблюдение распорядка дня, качество организации учебного процесса и соблюдения дисциплины. Если в Кавказском СВУ к суворовцам относились, прежде всего, как к детям, то в Казанском «кавказцы» не сразу поняли, что они уже не те детишки – а подростки. И довольно-таки «строптивые», которые повзрослев, иногда вытворяли такое...

Поэтому, спустя годы, В. А. Мунаев, сам побывав «в шкуре» и командира и преподавателя, понял - сколько терпения и мудрости проявили к ним офицеры и преподаватели. В Казанском СВУ, по сравнению со Свердловским училищем, не отчислили ни одного из кадета-кавказца, хотя могли бы и ни одного, и не один раз. И «кавказский мини взвод» могли бы разогнать сто раз за их проделки, распределив суворовцев по другим взводам, но этого командование училища не сделало.

В связи с этим нельзя не вспомнить добрыми словами начальника училища генерал-майора Смирнова А.П., офицеров-воспитателей майора Разинкина В.В. и капитана Знаменского В.В, преподавателей: Ягунд М.К., Малышеву Е.М., Бурмистрова В., Тозоровскую Ж. В., Лемешко Н. и многих, многих других.

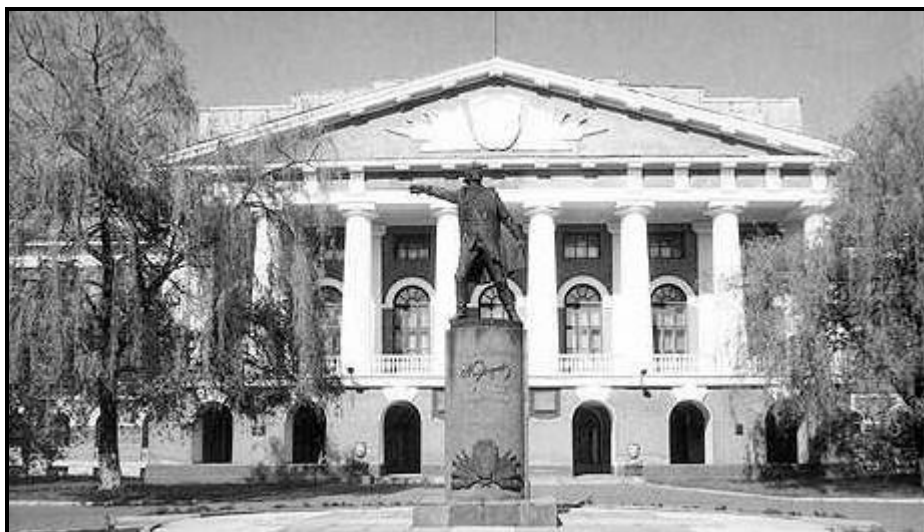
Совсем противоположное отношение к себе почувствовали «кавказцы» переведённые в Казанское СВУ из Орджоникидзе на год позже. Один из суворовцев, оказавшихся в этом училище - А. Костин, вспоминал: «В выходные дни с утра до вечера показывали одни и те же фильмы, от которых начинало «тошнить». И не выйдешь (!), чего и быть не могло в Кавказском СВУ. Перед началом просмотра – построение в коридоре напротив дверей клуба с переключкой по списку – и сразу в зал. На всех входах-выходах сидят офицеры. В баню водили в 5 часов утра, когда ещё город спит. Зимой в моечный зал войдёшь – а там иней на стенах. Мы всей ротой - в парилку, чтобы хоть немного

там погреться. На выпускной вечер нашу роту даже не чествовали – всех поставили в наряд по обслуживанию этого вечера”.

Его «односум» С. Галкин тоже был не лучшего мнения: “Последний год учёбы - в Казанском СВУ - был ужасным. Постоянные конфликты с местными “трёхлетками”, семилеток на то время у них не было. Если бы не наш ротный - подполковник Рогов с его огромным перед нами авторитетом – неизвестно, что бы там было... Ужасные порядки: гулять – не менее трёх человек, строем и в определённых местах. А в выходные дни на танцах - один pozor: дистанция между танцующими – не менее полуметра; чтобы не опирались на стены – была верёвка, протянутая на расстоянии одного метра от стены. А выпуск наш был ограничен только посещением строем местной филармонии”.

Как вспоминает другой «кавказец» В. Тимофеев: “В Казани мы чувствовали себя изгоями. Нам навязывали чуждые порядки, а мы пытались сохранить свои. В нашей роте был вокально-инструментальный ансамбль, который играл и пел на танцах в СВУ, выступал с шефскими концертами. Они исполняли не только советские песни, но и из репертуара ансамблей «The Beatles» и «Little Richard». Начальник училища был ярким противником этих песен и запрещал их исполнение. А мы в знак протеста устраивали забастовки”.

Однако большинство бывших питомцев этого училища и поныне высоко несут звание "выпускник Казанского суворовского военного училища". За почти 60-летний срок со дня открытия Казанского СВУ здесь сложилась добрая традиция - через каждые пять лет проводятся юбилейные встречи в расположении училища. В Казань съезжаются гости со всех концов страны, чтобы встретиться со своей юностью, друзьями, вспомнить прожитые здесь годы. Ежегодно в четвёртый День Победы организовывается встреча бывших работников училища и суворовцев, проживающих в Казани. Периодически проводятся встречи суворовцев по выпускам по случаю окончания училища.

Первая встреча “абреков с Кавказа” с Киевским СВУ

Как уже упоминалось, 25 суворовцев - «кавказцев», среди которых был и я, были направлены доучиваться в Киевское суворовское военное училище. В соответствии с предписанием, в Киев мы прибыли на четыре дня раньше до окончания летних каникул - 28 августа, когда воспитанники КвСВУ были ещё дома, и здание СВУ было пустынным.

Училище своим внешним видом и расположением сразу понравилось нам. По сравнению со знанием темно-красного цвета Кавказского СВУ, которое утопало в тени вековых каштанов, светло-желтое здание Киевского училища как бы парило над землей в небесной синеве, возвышаясь среди окружающей его зелени.

В 1967 г. суворовское училище размещалось на территории Печерского района в трехэтажном здании, построенном специально для военно-учебного заведения в 1915 г. Это было одно из красивейших зданий города, расположенное на проспекте им. Леси Украинки, возвышающееся на холме, отроги которого плавно спускались к величавому Днепру.

Стены здания были выкрашены светло-песочной краской, на фоне которого выделялись дорические колонны белого цвета. Перед центральным

фасадом стоял памятник русскому полководцу А.В. Суворову работы офицера-воспитателя СВУ майора И. Заречного. По его бокам были установлены статуи оленей. Справа и слева от центрального входа был разбит палисадник с фруктовыми деревьями, плоды которых никогда не доживали до своей природной спелости из-за неумного аппетита суворовцев. По правую сторону “П”-образного здания был разбит опытный участок с овощными грядками и фруктовым садом, где воспитанники СВУ на практике занимались уроками по ботанике. С левой стороны и внутри двора училища располагались спортивные сооружения с гимнастическими снарядами, баскетбольным полем и полосой препятствий. В тыльной части училища были строевой плац с трибуной, баня и магазины. Там же располагались дома офицерского состава училища.

В глубине территории располагался стадион с футбольным полем. К нему прилежала конюшня с выездной площадкой и крытый спорткомплекс, где можно было заниматься круглогодично, включая проведение тренировок по легкой атлетике и фехтованию. Территорию училища ограждала высокая узорчатая чугунная решетка, перемахнуть через которую опытному самовольщику не составляло особого труда.

Но главный интерес для нас представляла территория, расположенная за пределами училища. Во-первых, вход на неё был свободным, никаких контрольно-пропускных пунктов, препятствующих входу в эту “запретную зону”, не было. А во-вторых, она была громадна и весьма интересна для неугомонных суворовцев.

На этой холмистой местности было кладбище и несколько фруктовых садов, что было кстати в познании бренности мира сего и в поддержании непрерывно растущего организма кадета фруктовыми и ягодными витаминами. Зимой крутые склоны холмов позволяли суворовцам с “ветерком” вдоволь накататься на лыжах. Тенистые деревья весной и летом укрывали от посторонних взоров влюбленные парочки современных Ромео и Джульетт, перед

взорами которых открывалась панорама Киевско - Печерской Лавры и могучий Днепр. Эту идиллическую картину “райских кущ” дополняли соловьиные трели, доносившиеся из глубины развесистых кустарников, обильно растущих на склонах холмов. Тропинки, петлявшие меж деревьев, выводили и к Лавре и к речной набережной.

Внешний осмотр здания с прилегающей к нему территорией, позволило вновь прибывшим в училище прийти к умозаключению, что они, как и Кавказское СВУ, обеспечивают все необходимое для их вольной жизни. Удовлетворенные этим, мы приступили к исследованию внутренних помещений училища.

На первом этаже располагались учебные и лингафонные классы, лаборатории, библиотека, санчасть и ряд подсобных помещений. На втором этаже также были учебные классы. Кроме того здесь были кабинет начальника училища, который в то время возглавлял генерал-майор Кибардин Б.М., помещения учебного отдела и преподавательские комнаты, столовая, актовый зал и кинозал. В торцевой части здания на втором и третьем этажах располагались спальные помещения, каютки, бытовки, умывальные и туалетные комнаты, кабинеты командиров рот и офицеров-воспитателей. Учебные классы были просторными и светлыми.

Б.М.Кибардин

Внутреннее убранство актового зала в неоклассическом стиле с высокими потолками и громадными окнами, стены которого были украшены мраморными досками с выгравированными фамилиями выпускников, окон-

чивших СВУ с золотой медалью, большой, но уютный кинозал, классы и спальные комнаты, словом, - все полностью удовлетворяли взыскательный вкус «кавказцев», который был привит в ККСВУ.

Пока не приехали с каникул другие суворовцы, мы, держась вместе, не спеша приступили к более детальному осмотру территории училища. Первое, что привлекло наше внимание, было обилие яблок, которые, из-за отсутствия суворовской братии, благополучно дозревали на ветвях деревьев опытного участка. Там и случилось наше первое в Киевском СВУ чрезвычайное происшествие.

Территорию опытного участка ограждал забор из сетки - рабицы, перелететь который не составляло труда. Наш однокашник Витя Хохлов, калмык по национальности, паренек среднего роста с круглым, как луна, лицом и раскосыми глазами, перепрыгивая через забор, почему то просунул пальцы руки в сетку, которая, по законам линейной физики, и отчекрыжила его плоть с указательного пальца.

Витя приземлился на участке, а его палец остался сиротливо висеть на заборе. Мы замерли в ожидании болезненного ора Виктора. Не тут- то было. Он, молча, но уже не касаясь руками предательской сетки, перемахнул забор обратно, нахлобучил оторванную плоть на пострадавший палец и деловым тоном поинтересовался, где находится санчасть. Мы, под влиянием проявленного им мужества, также молча, указали нужное направление, куда Виктор побежал, нет, скорее полетел, исчезнувши с наших глаз. Через одну, в крайнем случае, две минуты, он запыхавшись, появился с другого конца училища, оббежав его кругом (а бежать надо было метров 800!), так и не найдя входную дверь в санчасть.

“Где она, эта лечебница...?” (здесь автором упущен непечатный коктейль из калмыцких, осетинских и русских ругательств, характеризующий ни в чем не повинную дверь, отдельно - санчасть и мировую медицину в целом) - опять тихо спросил он. И этот, странно звучащий в подобных случаях ти-

хий голос, вывел нас из оцепенения. Знающие местоположение этой двери подхватили Витю под руки и побежали с ним в лазарет, где ему благополучно зашили палец. И в дальнейшем, почему-то только В. Хохлов попадал в переделки, связанные с травмами, которые он всегда мужественно переносил.

Неумолимо приближался последний день каникул, вот-вот киевские кадеты должны вернуться в родные пенаты. И поэтому на душе у нас становилось все более беспокойно и тревожно. Этому способствовало два обстоятельства.

Первое было связано с итогами спартакиады среди суворовских училищ в 1967 г., где Кавказское Суворовское стало первым. Тем из нас, кто уезжал в КвСВУ, но не участвовал в этой спартакиаде, было как-то необычно слышать от старших кадетов соболезнования и какие-то странные рекомендации, типа: *“Будут бить – валите все на нас, а вы, мол, не виноваты”*. Позднее мы узнали от однокашников - участников спартакиады, что «кавказцы» до и во время финальных соревнований не совсем “корректно” относились к «киевлянам», с применением угроз и прочего набора кавказских шуток. Узнав об этом, мы поняли, что нас по “законам гор” - обязательно будут бить в отместку за поруганную честь и достоинство, а также за другие обиды, нанесенные на спартакиаде.

Второе обстоятельство было связано с тем, что за умение стоять друг за друга “стеной”, и за то, что в ККСВУ обучалось много ребят кавказской национальности, в других суворовских училищах нас неофициально прозвали “дикими абреками с Кавказа”, чуть что, пускавшие в ход кулаки и “даже кинжалы, которые они всегда носят с собой”.

Осознав эти обстоятельства, мы, стойкие в рукопашных схватках с мальчишками с Орджоникидзевской Малаканки, решили подороже отдать свои жизни в неминуемой схватке. День этой битвы настал 30 августа 1967 г., когда основная масса «киевлян», вернулась из отпуска.

Перед сражением диспозиция сторон выглядела следующим образом: “Войска противника“, то бишь «киевлян», которые беззаботно приезжали в училище с чемоданами, набитыми домашними гостинцами, скапливались у входа в спальню на втором этаже, возмущаясь по поводу того, что “какой-то охламон запер входную дверь”.

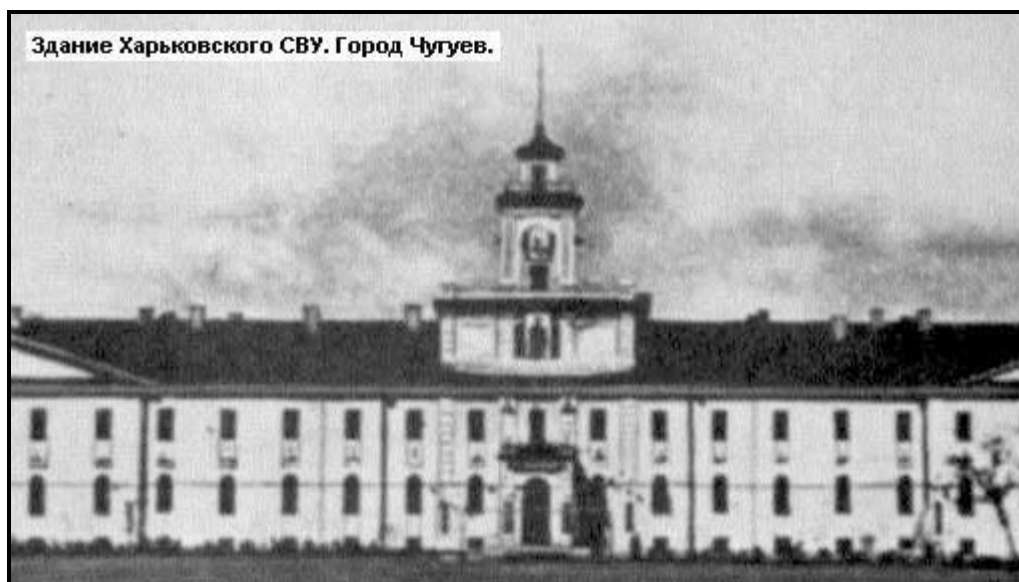
“Наши войска” – взвод кадетов-«кавказцев», подперев дверь в спальню стулом, выстроились “свиньёй”, заграждали проход - словно спартанцы в начале битвы при Фермопилах. Во главе строя стояли “Тоха” и “Дзоха” (партийные прозвища осетин Таймураза Тотиева и Алика Дзодзиева, которые были борцами, уже достигшие в спорте значительных результатов), фланги когорты прикрывали “Зверь”, “Ксиша” и “Халва” (соответственно – Олег Зверев, Сергей Сергеев и Георгий Халин, ребята могучего телосложения и тоже спортсмены). На руки остальной рати, сгрудившейся вокруг ударных сил, были намотаны поясные ремни с грозно свисающими вниз металлическими бляхами. Дверь трещала под напором сил “противника” и, наконец, распахнулась... Решающий миг схватки настал!

Но она не состоялась, благодаря цивилильным и миролюбивым отношениям «киевлян» к иногородним пришельцам. Тот, кто первый ввалился в спальню со своим чемоданом, ойкнул, видя наш боевой строй, и исчез за дверью, где сообщил об увиденном своим коллегам. Через некоторое время в спальне появились парламентареры, с которыми состоялся такой диалог” – Кто вы? - спросили они, - Кавказцы - с вызовом отвечали мы, - Ну и что?- вопрошали они, в ответ мы угрюмо молчали.

Окончательно наш боевой дух был сломлен вопросами «киевлян» - Голодные ли мы и не хотели мы бы поесть домашних заготовок. После такого радушия лёд недоверия к киевлянам, которые нас собирались “убивать” окончательно растаял в наших головах. Началось знакомство сторон, за которым последовал “пир горой”. С аппетитом поедая вкуснятину, которую заботливо подкладывали кадеты, приехавшие с отпуска, мы делились первыми

впечатлениями о Киевском училище, рассказывали «киевлянам» о Кавказском СВУ, узнавали от новых друзей об особенностях жизни в Киеве. Глупый инцидент был исчерпан, «кавказцы» и «киевляне» побратались, и в последующем дружно уживались вместе вплоть до нашего выпуска из училища.

В процессе становления в Киевском СВУ мы изучали историю этого училища.

Краткая история Киевского суворовского военного училища

Также как и Кавказское СВУ, Киевское училище было сформировано в соответствии с постановлением Совета Народных Комиссаров СССР и на основе директивы Генерального штаба Красной Армии от 27 сентября 1943 года.

Первоначально СВУ располагалось в городе Чугуев Харьковской области и называлось оно Харьковское Суворовское военное училище. В целях создания более благоприятных условий для обучения и воспитания суворовцев Харьковское училище Директивой ГШ ВС СССР от 17 мая 1947 г. было переименовано в Киевское Суворовское военное училище и переведено в город Киев.

В 1955 г. училище было реорганизовано в Киевское Суворовское офицерское училище. Его выпускники получали воинское звание лейтенант. Таких выпусков было произведено всего три. В 1958 г. училищу было возвращено название – суворовское военное и срок обучения был увеличен на один год - с 6 до 7 лет.

В 1964 г. училище было переведено с семилетнего на трёхлетний срок обучения, начался приём юношей в возрасте 15-16 лет после окончания ими

8-ми классов. Суворовцы, зачисленные в это училище до 1964 г., продолжали доучиваться по старому учебному плану с семилетним сроком обучения. Их последний выпуск был произведен в 1970 году.

В 1969 г. в училище был введен двухлетний срок обучения.

В 1992 г., когда начался развал Советского Союза, в соответствии с постановлением Кабинета Министров Украины № 490 и приказом Министра Обороны Украины №133 на базе Киевского Суворовского военного училища был создан Киевский военный лицей.

1 июня 1998 г. лицей было присвоено имя участника освободительного движения за независимость Украины И. Богуна, и училище стало именоваться - Киевский военный лицей имени Ивана Богуна.

Тысячи выпускников Киевского Суворовского военного училища в разных уголках тогда еще общей советской Родины и за ее пределами, выполняя интернациональный долг, несли военную службу во всех видах вооруженных сил и родах войск. Широкий диапазон воинских званий и должностей бывших суворовцев: от лейтенанта - командира взвода, до генерал-лейтенанта. Многие выпускники училища служили в аппарате Министерства обороны СССР и военных округов, работали в военных научно-исследовательских институтах, преподавали в военных академиях, институтах, высших училищах.

Многие из выпускников добились высоких ученых степеней кандидатов и докторов наук, получили ученые звания доцентов и профессоров и посвятили себя военно-научной и преподавательской работе.

Все познается в сравнении...

Когда попадаешь на новое местожительство или учебы, либо переводом отправляешься к очередному месту службы, автоматически сравниваешь, что “было и что стало”, выискивая плюсы и минусы в этих сравнениях. Так и мы, попав в Киев, занимались этим, делись своими впечатлениями с друзьями.

Первое, что бросалось в глаза ребятам, приехавшим из Орджоникидзе в Киев для учебы, это то, что по мальчишеским параметрам, территория и здание училища не уступали Кавказскому СВУ, а по некоторым показателям, они были лучше.

Разница в быту, по нашему мнению, заключалась в следующем.

По каким – то, неизвестным нам причинам (может быть потому, что нас считали “дикими с Кавказа” не только суворовцы, но и командование училища), наш взвод все три года вплоть до выпуска из СВУ, держали вместе с суворовцами выпускных рот. Живя в общем помещении, мы вместе с ними выполняли распорядок дня, а учебная программа была разная – они “грызли гранит науки” по программе 11-го класса обучения, а мы проходили её последовательно за 9, 10 и 11 классы. Поэтому, по сравнению с Кавказским СВУ, у нас часто менялись офицеры-воспитатели и командиры рот.

Последним ротным у нас был подполковник Салата В.П. Командирами взводов рот были майоры: 1-го взвода – Рыбальченко Б.В.; 2-го - Злобин А.Э.; 3-го - Зимин А.Е и 4-го (нашего) - Ризванов Б.М.

А вот помощников офицеров-воспитателей сверхсрочно служащих старшин, уже не было, был только старшина 7-й роты Коваленко Иван Тимофеевич – бог и царь распорядка дня суворовцев от подъёма до отбоя. Заместителями командиров взводов назначались из числа наиболее подготовленных суворовцев.

В первый год пребывания в Киеве, командиром нашего взвода был майор Блохин А.Д. Он, наверное, был назначен на должность потому, что был “мастером спорта” по боксу и, очевидно, как считало командование, со своими боксерскими навыками ему будет легче справляться с «кавказцами». На самом деле он был добрейшей души человек.

Единственное что себе он позволял, это на утреннем подъеме для того, чтобы разворошить сонное царство и выгнать нас на зарядку – взять швабру в руки и колотить ей по спинкам кроватей, приговаривая “Что лежишь? Что валяешься? Вставай! Выходи строиться!”. Спящий суворовец, услышав стук швабры о спинку своей кровати и призывы Анатолия Дмитриевича о необходимости идти на зарядку, не открывая глаз, автоматически принимал позу “положения сидя”. Как только майор приступал к обработке следующей кровати, кадет, словно кегля в боулинге, валился на спину и в “положении лёжа” досматривал утренние сны. Дойдя до последней в ряду кровати, Блохин вновь начинал будить спящего на первой кровати, и история повторялась вновь.

Первоначально, по сравнению с нашими одноклассниками по Киевскому СВУ, средний балл успеваемости во взводе «кавказцев» был выше. Командование Кавказского училища направило на учёбу в Киев, в основном, отличников и хорошистов. Так, к началу обучения в Киевском СВУ, семеро из нас реально претендовали на “золотую медаль” за учебу. На первых же экзаменах в СВУ суворовцы-«кавказцы» показали глубокие и прочные знания. Их ответы отличались четкостью и уверенностью. Чувствовалось, что четыре суворовских года обучения в Кавказского СВУ сделали свое дело: из Орджоникидзе в Киев прибыли эрудированные и обладающие военными навыками юноши.

Однако к выпускным экзаменам количество отличников, претендующих на медаль, резко сократилось, и “золото” получил лишь один из нас – Нерсес Ананикян. Но это случилось не потому, что к нам преподаватели

предъявляли завышенные требования. Нас “совратили” прелести киевской “цивилизации”.

И в спорте мы тоже были на голову выше наших однолеток, особенно в вольной борьбе. Вплоть до нашего выпуска из Киевского СВУ костяк сборной училища по борьбе составляли «кавказцы». В то время эту сборную возглавлял чемпион олимпийских игр 1960 г. по греко-римской борьбе в тяжелом весе, чемпион мира 1958 и 1961 гг., трехкратный чемпион и пятикратный призер СССР, беззлобный великан с весом под 140 кг. И.Г. Богдан. *“Иван Гаврилович – любили расспрашивать его после тренировок, - а как Вы выиграли “золото” на олимпиаде в Риме?”* И, наверное, в сотый раз, хитро прищурившись, он отвечал с характерным украинским акцентом: *“Как да как?! Перед финальной схваткой мне приснился сон - скачу на лошади и вырываюсь вперед. Утром вышли на ковер. Встали в стойку. Он навалился на меня, а я на него. Он повалился, а я рухнул на него. Вот и все дела!”*

По сравнению с Орджоникидзе, в Киевском СВУ не было своего бассейна. Тренироваться мы ездили три раза в неделю на открытой машине в спорткомплекс Киевского округа, расположенный возле Воздухофлотского моста. Сидя в кузове, в теплое время года было интересно наблюдать за городской жизнью киевлян. Но зимою, распаренные после тренировки, мы быстро замерзали в открытой машине, и чтобы как - то согреться – прижимались друг к другу, словно пингвины во время снежной бури в Антарктиде.

Также по сравнению с бывшим училищем, в столовой Киевского СВУ уже не было официанток, и столы не были покрыты белоснежными скатертями. Еда была “пожиже”, таких разносолов, как в ККСВУ, также не было, хотя кормили на убой. Накрывали на стол и с него и убирали дневальные суточного наряда по роте. За добавкой надо было идти к раздаточному окну, где выстраивалась очередь таких же “страждущих”.

В связи с этой очередью, вспоминается забавный эпизод, случившейся поначалу нашего пребывания в КвСВУ с нашим однокашником Толей Тара-

совым. Не наевшись за завтраком, он побежал к раздаточному окну за добавкой, рассчитывая получить тарелку с дополнительной порцией. Очередь “оголодавших” была длинная, но шла быстро, так как повариха, быстро орудуя черпаком и не глядя в раздаточное окно, от души клала дополнительные порции в протянутые тарелки. А у Толика, уже использованной им тарелки, при себе не оказалось (привык, знаете ли, что в Кавказскому СВУ дополнительную порцию ему подавали на новой тарелочке). Отчаявшись, что ему вновь придется вставать в конец длинной очереди, он, сложив руки ковшиком, протянул их раздатчице, куда и получил порцию каши. Бережно держа этот ковшик добавки, и повизгивая от боли, причиняемой горячей кашей, он поплелся к своему столу, сопровождаемый хохотом, наблюдавших за этими действиями суворовцев.

Пожалуй, на этом и заканчиваются отличия двух суворовских училищ, которые располагались на берегах бурного Терека и могучего Днепра. В остальном все было схожим. Педагоги, решая общеобразовательные и воспитательные задачи в процессе обучения, стремились полнее использовать возможности своих предметов для воспитания суворовцев.

Преподавательница русского языка и литературы Виноградова С.С. большое внимание уделяла изучению с нами произведений, важных с точки зрения военно-патриотического воспитания. Правда, в патриотическом воспитании иногда случались “перегибы”. Так, на уроках литературы Софья Самойловна утверждала, что настоящий патриот никогда не может написать какое либо значимое произведение, находясь вдали от Родины. Я ей пылко возражал, вступая в полемику с заслуженной учительницей СССР, и приводя примеры из жизни И. Тургенева и других классиков русской литературы (к этому времени, пройдя увлечение приключенческой литературой, я уже читал серьезных мировых классиков). Не находя ответа на мои доводы, Софья Самойловна отправляла меня за шкаф, стоящий в углу класса, где уже томил-

ся другой оппонент – правдолюб и знаток русской литературы Володя Василенко.

Салата В.П.

Богдан И.Г.

Виноградова С.С.

На уроках математики, физики, химии, географии в тесной связи с изучением программного материала решались задачи военно-прикладного характера. Особенно поучительна в этом плане работа майора Сулимы - Самойлова К.И., преподавателей Шапиро А.И., Дупло А.П., Ранцевой Н.П., Краснянской Е.К., Макарова А.Г. и Мошкова В.В.

Особенно нам нравились уроки по физике, которую нам преподавал Шапиро А.И.

На своих уроках он больше уделял внимание тем, кто стремился более глубоко познать законы физики и был снисходительным к другим, которые считали, что гуманитарные науки важнее, а законы “буравчика” им в дальнейшей жизни не пригодятся. Выставляя таким “лирикам” за знания своего предмета порою незаслуженную “тройку” вместо “неуда”, Анатолий Израильевич любил иронично приговаривать *“Меньше знаешь – крепче спишь, не так ли, молодой человек?”*.

Совсем по иному подходил к усвоению суворовцами знаний по своему предмету майор Сулима - Самойлов К.И. Можно сказать он был фанатом математики и искренне не понимал, как можно не любить эту точную науку. Для “лириков” он был бич божий, нещадно карающий тех, кто не был готов с блеском доложить ему корень квадратный из какого-либо числа. Выводя не-

уд очередному “лирику” не выучившему его урок, он приговаривал, грозно сверкая очами *“Не знал, не знал, да вдруг забыл?”*. Спасением для «кавказцев», не выучившим уроки по математике были теоретические споры, затеваемые на уроках Сулимы – Самойлова “высоколобыми” друзьями “лириков”. С юношеским азартом майор хватался за мел и начинал чертить вместе с юными Лобачевскими на доске различные варианты решения той или иной задачи, переходя во время спора на “ты” и повышая голос на друг друга. А в это время “лирики” сидели, тихонько затаившись, дожидаясь спасительного звонка, извещающего об окончании урока математики.

В Киевском СВУ на очень высоком уровне было поставлено преподавание иностранных языков, особенно – английского. Заслуга в этом принадлежит преподавателям Гавинскому А.Н., Пулло Н.Ю., Краснянской Е.Н., а также майору Дмитриенко В.М. и Тительману Г.Е., которые преподавали нам военный перевод.

В свое время, побывав на войне во Вьетнаме, и, как мы подозревали не на стороне Вьетконга, а в американской армии, Григорий Ефимович Тительман заставлял нас заучивать наизусть громадные тексты американских оригиналов, буквально слово в слово. Будь то текст воинской присяги, полевых уставов и наставлений вооруженных сил США или тактико-технические характеристики самолетов, танков, пушек и подводных лодок. На его занятиях мы обучались на практике тонкостям искусно вести допрос военнопленных.

Ведомые опытными педагогами Киевского СВУ, мы начали читать английскую литературу в оригинале, что позволяло более полно осваивать этот предмет.

Полученные глубокие знания по английскому языку многим из нас пригодились в дальнейшей службе. А по выпуску из СВУ мы получили дипломы “Военный переводчик”.

В учебно-воспитательный процесс вносила свой вклад и библиотека училища. В ее фондах в середине 70-х годов было почти 80000 книг, подобранных с учетом требований учебных программ по общеобразовательным предметам и военной подготовки. Библиотека проводила большую работу с воспитанниками, устраивались читательские конференции, встречи с писателями, обсуждение книг, выставки новых поступлений и т. д.

Физическая подготовка и спорт рассматривались педагогическим коллективом училища как важнейшее звено в подготовке суворовцев к службе в офицерском звании. Суворовцы, достигшие высоких показателей по различным видам спорта, сводились в училищные секции, где совершенствовали свое мастерство. В масштабе училища функционировали секции гимнастики, легкой атлетики, плавания, бокса, стрельбы, баскетбола и шахмат. В каждой секции занималось от 25 до 80 суворовцев. Работа спортивных секций всегда сочеталась с массовыми спортивными соревнованиями, которые проводились по всем видам спорта во взводах, внутри рот и между ротами в масштабе училища.

С точки зрения «кавказцев», Киевское СВУ по некоторым параметрам было лучше Кавказского училища.

Шесть благоприобретений КвСВУ и очарование Киева

Заповеди из ученического билета суворовца

По приезду в Киевское училище нам были выданы “Книжки суворовцев”, что-то вроде удостоверений личности. В ней указывались Ф.И.О. владельца, имелась фотокарточка, а также памятка суворовцу, в которой были записаны их права и обязанности: что можно делать суворовцу, а чего нельзя. В моем домашнем архиве мне время от времени попадает на глаза эта маленькая книжица. Обтрепанная по краям и с отвалившейся картонной обложкой. С фотографии из далеких времен смотрит паренек в парадном кадетском мундире. Книжица эта - издававший виды ученический билет суворовца. Тогда мой единственный официальный документ, ибо паспорт, полагавшийся всем гражданам СССР, нам по заведенному кем-то порядку не выдавали. Поэтому этот ученический билет был достоин своего времени и не безынтересен по содержанию. Обратимся к одному из его разделов. Итак... суворовцам во всех случаях воспрещалось:

- *нарушать установленный в училище порядок;*
- *появляться не по форме одетым, держать руки в карманах;*
- *сидеть в присутствии начальника или старшего без их разрешения;*
- *иметь на руках деньги и ценные вещи без разрешения офицера-воспитателя;*
- *носить продукты питания в спальни или в класс;*
- *читать книги, взятые не в библиотеке, если они не проверены офицером - воспитателем;*
- *в каникулах при нахождении у родных носить смешанную форму одежды;*
- *купаться в реках или водоемах в одиночку или без разрешения родителей;*

- брать в руки найденные в лесу или других местах старые снаряды, гранаты и другие взрывающиеся предметы;
- ездить без билета в трамваях и других видах транспорта;
- посещать рынки, рестораны, кафе и другие закусочные;
- играть в какие бы то ни было азартные игры;
- курить;
- употреблять спиртные напитки и выражаться непристойными словами.

Ни дать ни взять заповеди. Хотя и не библейские. Да еще и 13. А, как известно - запретный плод сладок. Это неоспоримо. Бесспорна и репутация чертовой дюжины. Надо же чтобы это сомнительное число пунктов содержал именно раздел о запретах. Не отсюда ли и соблазн напомнить об эпизодах, связанных с некоторыми из них.

Так, с философской точки зрения заповедь “нарушение установленного в училище порядка” – было понятием перманентным и что ещё хуже - наказуемым. Это, увы, аксиома. Суворовцам, как не принимавшим присяги, “гауптвахта” в то время не светила. Другое дело лишение увольнения или наряды вне очереди. Вот этого добра для нас в инструментариях командования было хоть отбавляй.

Другая заповедь – “запрет на курение”. Хотя суворовцы курили отнюдь не все. И, естественно, тайком. Так сказать - самоутверждались. И никакими запретами и гонениями эту дурь было не одолеть. Облавы на курильщиков в туалете в училище были рутиной. Кадетов выручало предупреждение товарищей за счет подаваемых ими условных сигналов курильщикам. Тогда курцы успевали сбросить свой компромат в клозет. А кое - кто - даже спрятать незагашенные бычки под язык. А уж попавшимся с поличным – на гора обильно выдавались наряды вне очереди.

В воспоминаниях остался один нетипичный эпизод той борьбы с пороком. Однажды, некий курящий ротозей из нашей роты, запоздал и спрятал

окурок в свой карман незагашенным. И шмыгнул к выходу из туалета мимо ротного. Ан поздно, ротный - следом. Эффектная последовала сценка и неожиданная. Дело в том, что расчески тогда делались из горючей пластмассы. Они легко загораясь и чадили сверх меры. Итак, наш бедолага как мог неспешно вышагивал по спальне подальше от ротного. Оставляя при этом за собой шлейф дыма. Вот уж подымил, так подымил. И в прямом и в переносном смысле. Но не долго. Чай не античный мученик Сцевола, спаливший на огне кисть своей правой руки не подав и виду что больно.

Случались случаи и редкого употребления суворовцами алкоголя. Глупо отрицать этот факт и культивировать страусиную позицию. Впрочем, не будем о печальном. Обратимся к трагикомичной ситуации. Попался как-то кадет нашей роты на употреблении спиртного. И в своей объяснительной записке, он, по наивности, написал: *«...после чего я решил опохмелиться»*. *«Что?!!»* - взвился как ужаленный офицер, читавший этот опус - *так Вы и до того пили?»*. *«Почему?»* - пришла очередь удивляться кадету. Только тут офицера осенило. *«Это ж надо! Ведь даже разницы между выпивкой и опохмелкой не знает! А туда же!»* - с возмущением изливал он душу своему коллеге.

А сквернословие? Вот за это попадало сравнительно редко. И совсем не потому что не грешили матерщиной. Но место и меру в подавляющем большинстве знали. При необходимости могли и обложить виртуозно, но нормой общения это не считали. Случалось, что кара настигала сквернослова и вовсе с неожиданной стороны. Один кадет опростился до того, что без мата обойтись уже не мог. Матюки сыпались с его языка едва ли не в каждой фразе. Совершенно беспричинно. Это настолько достало всех, что реакция не заставила себя долго ждать. Как то во время второго завтрака он брякнул товарищу с соседнего стола: *«Налей ка кофейку, нах ..»* Опрометчивая концовка. Просьба его была выполнена в точности. То-то было крику. Но ведь помогло.

С того момента это «идиоматическое» выражение из его репертуара исчезло.

Это по нынешним временам и махровая порнография и мат-перемат в печатном либо электронном формате не редкость. Тогда же за подобное можно было и под “фанфары загреметь”. Причем и распространителям и потребителям. Вплоть до уголовной статьи. А по комсомольской линии и говорить нечего. Потому- то наше знакомство с неувядающим матерно - эротическим стихотворным эпосом типа «Лука М.....» проходило в условиях страхов и строжайшей конспирации. Вундеркинды даже зазубривали все наизусть.

Многое попадало к нам, минуя училищную библиотеку. Среди кадетов ходили слухи о таинственном списке книг, якобы не рекомендованных для чтения суворовцами. Запретными, согласно молве, числились в частности произведения таких писателей как Ремарк, и даже Куприн с Достоевским. Это только подогревало любопытство к ним. Чья- то зачитанная до дыр «На западном фронте без перемен» передавалась из рук в руки строго по очереди. Мне она досталась по блату ровно на одну ночь. Читали мы в те годы действительно много. Можно сказать запойно. Случалось и себе во вред. Кстати, о книгах и начитанности травили такой анекдот.

Кадет идет по коридору, уткнувшись носом в обложку только - что найденной книги и не замечает вышедшего из двери генерала. Генерал: *«Товарищ суворовец! Вы что себе позволяете?!!!»*. Кадет: *«Извините, товарищ генерал! Увлёкся книгой!»*. Генерал, добрея: *«Книга - источник знаний. О чем, кто автор?»*. Кадет: *«Да, про летчиков. Ас Пушкин называется. А автор..., еврей какой то - Учпедгиз.»*. Самокритично, хоть и беспочвенно применительно к кадетам.

Пункт о безбилетном проезде в общественном транспорте невольно приводит в смущение. Это сколько же лет мы с чистой совестью разъезжали по Киеву “зайцем”? Припоминаю, как отдельные бессердечные личности из-

редка пытались призывать кадетов к приобретению билетов. На что мы с неподдельной искренностью заявляли, мол проезд для нас бесплатен. Вопрос же вроде «почему» отфутболивался стереотипно. На радость пассажирам трамвая либо автобуса с апломбом оглашалось: *«Ваш министр нашему должен!»*. И какая благодарная публика попадалась в те годы в киевском транспорте! Только аплодисментов и не хватало.

Скромное обаяние порока общеизвестно. Это объясняет многое из упомянутого. Да и молодость по природе любопытна и падка на эпатаж. И не думайте, что *« старики, потому так любят давать хорошие советы, что уже не способны подавать дурные примеры»*. Никаких советов. Лишь напоминание о днях нашей небезгрешной, небезупречной юности. Впрочем, лучше поэта не скажешь: *“Юность шла и травку приминала, Я не вижу в этом криминала”*. Прибыв в Киев, мы также научились виртуозно ходить в само-волку, посещать рестораны и многое другое, чего нам категорически запрещалось согласно ученическому билету, относя это к благам “Цивилизации”.

“Земляничная” поляна посреди училища

К первому и к несомненному благу, обретенному «кавказцами» в Киевском училище, относилась возможность пользоваться лингафонными кабинетами по своему усмотрению. Не потому, что мы так жаждали улучшить своё английское произношение, доведя его до оксфордского, а потому что в этих кабинетах были магнитофоны, при помощи которых можно было прослушивать модные тогда “тлетворные” западные мелодии и запрещенные командованием песни российских вольнодумцев.

Раздобыв ключ от кабинета, после уроков, либо вечером мы потихоньку пробирались туда и врубали на полную мощь песни любимых ансамблей и шансонье. Эта музыка не была слышна в коридоре, так как мы надевали наушники, поэтому дежурный офицер, проходя “вечерним дозором свои владения”, минуя кабинет с нештатными любителями музыки, ничего крамольного не замечал. Не подозревал он и то, что мы, лежа на столах лингафонного кабинета, уже мысленно были далеко от училища, где-то там, на “Земляничных полянах” или на борту “Желтой подводной лодки” Beatles. “Strangers’ in the night...” мурлыкали мы вместе с Фрэнком Синатрой, либо полегоньку хрипели вместе с Владимиром Высоцким песню о порванном парусе. Хихикая, слушали крамольные песни Кукина и Клячкина, либо впадали в транс от мелодий Led Zeppelin и Rolling Stones, преданных анафеме Всесоюзным Ленинским комсомолом.

Плюсы и минусы кадетской влюбленности

Второе благо заключалось в неоспоримой красоте юных киевлянок и их благорасположению к суворовцам. Девушки в Орджоникидзе не всегда обладали точеными носами, зато были весьма строгих нравов. И нужно было быть совсем сорвиголовой, чтобы сбежать в самоволку под окна своей Дульсинеи. Так что в Кавказском училище мы мечтали, но не рисковали вырваться в город к своей возлюбленной, зная, как печально может закончиться незапланированная встреча с “горячими ребятами” с Малаканки.

А вокруг Киевского СВУ – сплошное миролюбие со стороны местных ребят к суворовцам, ни одной массовой потасовки кадетов с ними не было за три года! Здешние красавицы с удовольствием ходили на бальные вечера и иные мероприятия, устраиваемые в СВУ. Им было лестно, что за ними ухаживают такие галантные кавалеры. Поэтому девушки позволяли нам некоторые вольности, о коих мы и мечтать не могли на Кавказе, а хотелось. Это “хотелось” у «кавказцев» в Киевском СВУ достигло невероятных высей – у 15-16-ти летних юношей начался бурный период полового созревания.

Поскольку речь зашла о созревании, надо добавить несколько слов о нашем половом воспитании, точнее о его полном отсутствии. Этой темы у нас не касались ни офицеры-воспитатели, ни преподаватели. Предмета под названием «про это самое...» у нас тоже тогда не было. Кое-какую информацию мы получили, изучая ботанику и анатомию. Но на этом наше просвещение из области пестиков и тычинок по проблемам взаимоотношений полов практически заканчивалось. Более реальные вопросы, касающиеся техники сексуального общения, нам приходилось решать самостоятельно, опираясь на сведения, полученные от более опытных товарищей, которые прошли этот же путь чуть раньше. Там же, где его не хватало, включался общеизвестный метод проб и ошибок.

Ввиду заметного различия в физическом развитии ребят, особенно лиц кавказской национальности в период полового созревания был значительно растянут по времени. Одни ребята уже почти прошли его, а другие-все еще пребывали в безмятежном детском возрасте. Поэтому они слушали, наострив уши, своих более “продвинутых” в этом деле товарищей, весьма смутно представляя себе предмет обсуждения.

Очевидно, учитывая особенности возрастного периода, который мы переживали в тот момент, необходимо было бы эти вопросы как-то в доходчивой форме нам все-таки преподносить. Но где находится золотая середина в этом деле? А, может быть, этот вынужденный аскетизм позволил многим из нас сохранить в тот период свои достаточно важные силы, которые потом сыграли свою положительную роль в достижении успехов в других областях?

В период полового созревания, бурно играющие гормоны так и пёрли из нас. Словно мартовские коты, мы влюблялись во всех подряд лиц противоположного пола, бросаясь ради них “во все тяжкие”. Горящими от страсти глазами буквально прожигали насквозь одежды молоденьких преподавательниц, взглядами “опытных знатоков своего дела” оценивая их фигурки и походку. Как бы невзначай, совсем уж сгорающие от страсти донжуаны на их уроках роняли авторучки на пол, долго возились под партами, якобы ища потерю, а, на самом деле - разглядывали точеные ножки педагогов женского пола, позже появляясь на свет божий с пунцовыми от смущения лицами. Но это были лишь “ахи, да охи” у воздыхателей молодых учительниц, до практических амурных дел у них ничего не доходило.

Зато это здорово получалось в отношениях с милыми хохляночками – одноклассниками, и даже с взрослыми красавицами. Во взаимоотношениях с последними, дабы придать своему возрасту дополнительные годы, некоторые усиленно скоблили свои гладкие щеки опасной бритвой, дабы первая щетина росла быстрее. К любовным рандеву мы тщательно готовились - умывались и

чистили зубы, приводили прическу в порядок, подшивали свежие подворотнички, о стрелки брюк можно было порезаться, а в бляху ремня или в обувь можно было смотреться как в зеркало.

Такие приготовления не ускользали от глаз опытных офицеров-воспитателей, они уже заранее знали, кто будет отсутствовать на вечерней поверке. Поэтому у них на поверке попытки прикрыть своего друга, находящегося в отлучке по амурным делам, выкрикнув на переключке вместо него: “Я!”, как правило, не проходили. Особенно поднаторел в этом деле, наш ротный старшина Коваленко. Он знал традиционное место амурных свиданий – “райские кущи” сразу за оградой училища, время и место, куда возвращались самовольщики после свиданий.

Как-то, весною, возвращаясь ночью в казарму, хмельной от удовольствий, полученных на свидании и утратив бдительность, попался в лапы старшины и я. Его сильная рука заботливо помогла мне взобраться в окно на первом этаже, предварительно открытое мною. Взлетая на подоконник, я тогда подумал “Надо же, везет, кто-то мне помогает вскарабкиваться“. Моя вера в везение улетучилась, когда я увидел того, кто мне помогал.

Надо отметить, что к воспитанию провинившихся Иван Тимофеевич подходил очень обстоятельно. Проштрафившийся в глазах старшины приглашался в каптерку, где стоя среди рядов вешалок с суворовской формой и полок чемоданами по команде “Смирно”, он должен был, не шелохнувшись, выслушать от “Боцмана” (такое прозвище прилипло к старшине) длинную нравоучительную нотацию.

Поэтому и в ту весеннюю ночь по отработанному старшиной сценарию началось разбирательство причин моего проступка. Грузно усевшись на стол, который под весом старшины предательски затрещал, Иван Тимофеевич сначала выслушал меня. Моя легенда о том, что я хотел улучшить оценку по астрономии и для этого ночью вышел на улицу, чтобы хорошо отличать в бу-

дущем “Большую медведицу” от “Малой” и запомнить где на ночном небосклоне находится “Полярная звезда”, у старшины не прошла.

Затем последовал анализ моего поведения за последние шесть месяцев, где детально припоминались все прегрешения. Далее следовало философское отступление на полчаса типа “что делать, да как быть?” с таким разгильдяем. Потом шло цитирование устава и передовиц из газет, плавно переходящее к требованиям Партии и Правительства, предъявляемым к Вооруженным Силам. И только после них старшина, подняв к небу указательный палец, напоминая сардельку, не спеша и обстоятельно переходил к текущим делам и задачам роты, взвода и меня лично.

Тускло горела лампочка в каптерке, за чемоданами выводил свои трели сверчок, часы на стене показывали уже 3 часа ночи, а до финального аккорда нотации – наложение взыскания за проступок, было еще далеко. Глаза слипались, и очень хотелось спать под баюкающий бубнеж “Боцмана”. Здесь следует отметить, что Иван Тимофеевич обладал глубоким басом, и когда он подавал команды роте – всем слышались раскаты Иерихонской трубы, а когда говорил тихо – его голос напоминал мерный рокот океанских волн. И дабы не разбудить спящих суворовцев, воспитательная беседа со мною проводилась в полголоса. Поэтому словно сквозь вату до моего сознания доносилось “суворовец Морозов должен..., дальше - бу-бу-бу... Суворовец Морозов - не спите, а слушайте, а далее опять - бу-бу-бу...”.

К 4-м утра нотация заканчивалась, взыскание за проступок - 3 наряда “вне очереди” воспринималось как “манна небесная”, так как можно было идти немножко поспать.

Неоднократно побывав у старшины Коваленко И. Т. “на промывании мозгов”, по выпуску из Киевского СВУ, многие из нас научились спать стоя с полужакрытыми глазами. Это весьма пригодились впоследствии на нудных лекциях в других учебных заведениях или на затянувшихся собраниях. Со стороны это выглядело так, словно ты, внимая сказанному, ищешь глазами в

черепной коробке место, куда надо положить услышанную от собеседника гениальную мысль.

А метод “капания на мозги” провинившемуся подчиненному иногда был страшнее, чем “буря в стакане” с криками и скоротечным взысканием. Так, что эти полученные навыки с чистой совестью можно отнести к третьему благу, обретенному в стенах Киевского училища «кавказцами».

Украинская природа и ландшафт

Наша учебная подготовка продолжалась в летних учебных лагерях, которые проводились после окончания всех плановых занятий в училище и сдачи экзаменов. Хотя вокруг КвСВУ и не возвышались седые вершины Кавказских гор, зато в училище был оборудован летний лагерь в окрестностях города Белая Церковь. Училище выезжало туда с целью оздоровления суворовцев, их физической закалки и изучения предметов военной подготовки. В лагере проводились учебные занятия, военные игры, военизированные походы, спортивные соревнования по общим и военно-прикладным видам спорта.

Ежегодно с первой декады июня и по середину июля этот лагерь открывал нам свои объятия. Суворовцы, за исключением выпускной роты, покидали зимние квартиры в стольном граде Киеве и разбивали палаточный городок в лесу близ речки по имени Рось. Все волнующие перипетии последующих дней и ночей были насквозь пронизаны неистребимой жаждой открытий и приключений столь не достающих подросткам в тисках повседневной городской обыденности.

Хотя и здесь продолжались регулярные занятия под руководством педагогов. Они перемежались спортивными играми и соревнованиями, а также несением службы в составе суточного наряда и работами по благоустройству территории. Да и извечно притягательные для мальчишек аксессуары походного быта придавали всему иной колорит.

Сам характер занятий по мере возмужания парней год за годом последовательно менялся в сторону целенаправленной военной подготовки. С учениями и стрельбами из различных видов оружия, марш-бросками и выездами на практические занятия в воинские части, дислоцировавшиеся неподалеку в районном центре.

Сейчас в моей памяти безнадежно смешались частички мозаики лагерной суворовской жизни состоявшей не только из занятий, учений и походов, но и казалось бы обыденных, рядовых событий, без которых блекнет палитра общей картины давно минувших дней. Приведу лишь несколько зарисовок из общей копилки бывших воспитанников КвСВУ воспоминаний³.

Ландшафт в районе летнего лагеря был умиротворяющим. Наши палатки окружал бор, вековые сосны которого наполняли ароматом хвои воздух, поэтому дышалось легко. Вокруг лагеря простирались поля, покрытые цветами, над которыми все время щебетали какие-то пташки. Вдали виднелась ферма, где нас угощали парным молоком местные колхозники. Сразу возле околицы лагеря тихо журчала речка Рось, чьи неглубокие и чистые воды хорошо прогревались солнцем, так что купаться в речке можно было долго, вплоть до посинения. Нырять в прозрачной воде, было интересно наблюдать за маленькими рыбками, шнырявшими в водорослях, на дне речушки грозно шевелили усами большие раки. Либо кататься по речке на самодельных плотках.

В лагере размещались большие армейские палатки из расчета одна палатка на 10–15 человек с дощатыми стенками высотой около шестидесяти сантиметров, а далее — брезентовое полотнище, опирающееся в центре на большой шест-столб. К их сборке приступали вскоре по прибытии на место, относясь к этому занятию со всей подобающей серьезностью. Как - никак в палатках предстояло жить на природе более месяца. Погода же, хоть и в самый разгар лета и под Киевом, случалось, не баловала. Даже нескольких прохладных, дождливых дней вполне хватало, чтобы внутри палаток воцарялась еще та зябкая и промозглая атмосфера. А под деревьями дождь идет дважды. Листья да ветки на промокшем палаточном тенте - считай протечки.

³ Описываемые далее события взяты из воспоминаний выпускника Киевского СВУ и КВОДКУ Сорокина Алексея Леонидовича, чье восприятие летних лагерей КвСВУ полностью совпадает с мнением автора. см. http://www.kvoku.org/index.php?page=creative_literature

И капало в тех палатках, капало, на что ни попало, день и ночь напролет. Но влагу песчаная почва этих мест впитывала прилежно, что не позволяло лагерь утонуть по уши в грязи.

Некоторое развлечение, хотя и не очень приятное, доставляли дожди. Если палатка была плохо натянута, то она от дождя начинала провисать и в таких местах могла скапливаться вода, которая потом начинала капать на наши матрасы и одеяла. Естественно, спать в таких условиях было не особенно приятно и тем, кто лежал у края палатки, приходилось сонными выползать под дождь и натягивать палатку посильнее. Такие же проблемы могли возникнуть, если во время дождя по неосторожности заденешь брезент изнутри головой или рукой. После этого, при затяжном дожде на тебя начинало потихоньку капать, и сон уже не доставлял удовольствия или просто становился невозможным. Приходилось искать более сухое место, выжимая своего соседа, который, естественно, сопротивлялся.

По счастью погожих, теплых и пронизанных ласковым солнцем летних деньков было все - таки больше. В такие дни уже обжитые палатки с самого подъема стояли с поднятыми полами тентов, чем то, напоминая корабли со свернутыми парусами. Только вместо волн их по периметру опоясывала сочная зелень выложенных дерном откосов. Лишь по обе стороны от входа оставались небольшие площадки для календарей и обозначения подразделений. На песке или ином фоне, например подсыпке из тертого кирпича вся эта информация выкладывалась камушками или шишками. Встречались и более богатые композиции. Среди песчаных дорожек эти красочные элементы придавали всему ощущение ухоженности и даже определенного уюта. Командование мудро поощряло всякую инициативу, проявлявшуюся при благоустройстве и содержании, как отдельных палаток, так и расположений подразделений в целом. Победителям того негласного конкурса вручались призы и объявлялись благодарности.

Коль скоро речь зашла и о календарях позволю себе короткое отступление. Блестящий афоризм Ф. де Ларошфуко « *Философия торжествует над горестями прошлого и будущего, но горести настоящего торжествуют над философией* » объясняет многое из восприятия нами реалий жизни, в том числе и той лагерной. Кадеты, считали каждый день, оставшийся до каникул, а стало быть, до встреч с родными и друзьями детства. Ведь сразу после лагеря домой! Вот и числился этот календарь без вины виноватым в том, что мы все еще не там, куда так рвались. Поэтому особой привязанности или тяги к лагерям мы, честно говоря, в ту пору не испытывали. Признание, как принято, пришло значительно позже, когда со временем отсеялась шелуха несущественного и возникла база для сравнений.

В лагере палатки роты занимали несколько рядов в глубину, по 3–4 палатки в ряд. Они были разделены узкими дорожками, за которыми был постоянный уход, подметены и посыпаны песком. На деревянных нарах, устроенных внутри палатки, размещались вплотную друг к другу матрасы, на которых мы спали ночью. После подъема все это должно было аккуратно заправляться, полы палаток сворачивались и поднимались вверх, как паруса, и привязывались к растяжкам. И весь палаточный городок в утренних лучах солнца напоминал большую стоянку парусных судов.

Впереди училищного городка проходила так называемая «генеральская линейка» — песчаная аллея шириной около пяти метров. По этой аллее нам ходить запрещалось. Она предназначалась для прохода руководства и других важных персон. Но мы часто нарушали девственность этой аллеи ногами, что было особенно заметно по утрам, поскольку она была мягкой, как контрольная полоса на границе, из-за толстого слоя песка. Поэтому по утрам дневальным приходилось в первую очередь заравнивать «раны» на генеральской линейке, а уж потом наводить порядок на остальной территории лагеря.

В целом, лагерь, не требуя взаимности, ежечасно одаривал своих постояльцев интересными наблюдениями и встречами. Бесперывное общение

с природой и изобилие всяческой живности вокруг, часто приносили в полифонию лагерной жизни и вовсе неожиданные нотки.

Так, одним из увлечений суворовцев в лагере становились жуки-олени. Эти красивые и по своему величественные создания, водились в ближней дубраве. Жуки зачаровывали мальчишек. Охота на них временами становилась просто массовой. Самодовольные жуковладельцы похвалялись друг перед другом размером, возрастом и следами от былых сражений на панцирях своей добычи. А какие захватывающие бои в кругу болельщиков устраивались между фаворитами среди жуков. Их ловким броскам противника на спину могли бы позавидовать и бывалые борцы. И все же участь этих гладиаторов была незавидной. В неволе они дохли. По ночам, в палатках то тут, то там раздавались странные звуки. То скреблись запертые в коробочки жуки.

Время от времени нам встречались и ядовитые змеи, например гадюки. Укусов последних побаивались. После отбоя, в темной палатке, среди прочих ужастиков на сон грядущий рассказывались и леденящие душу истории о гадючьих укусах. Как правило, этим гадам нами выносился приговор - ничего кроме смерти с последующей отправкой в муравейник. Это чтобы пару дней спустя, полюбопытствовать верность утверждения, что от них останется один скелет. Сказано-сделано. Несмотря на суету и треволнения исход таких экзекуций был удачным. Не для гадюки, конечно. А для наших воспитателей тайные казни гадюк, вскоре - стали явными. И после отеческих разъяснений на тему бессмысленности, жестокости и опасности таких забав «Змееловы» соизволили угомониться, заключив с пресмыкающимися мир.

Какая жизнь в лесу без ягод и грибов. Они встречались в окрестностях лагеря если не в изобилии, то в радующих грибника ассортименте и количествах. Чего стоили одни белые, ядреные, с расширяющейся к низу ножкой. В редком молодом березняке чуть не доходя до горохового поля, их будто рассыпал кто - то среди зеленой шелковистой травы. По возвращению с тихой

охоты у нас было принято почти все грибы, раздавать персоналу лагеря на засушку для дома и семьи.

Не обходилось и без набегов на окрестные поля. Особым успехом пользовалось то самое гороховое. Ах, этот сочный и сладкий стручковый горох! Подобно саранче мы могли бы, наверное, причинить и заметный ущерб, но поле находилось далековато, а со временем у нас всегда была напряжёнка. Да что жалоб на наши периодические поползновения не припомню, так как по размерам поле было не слабым. Поди, заметь сколько съедено.

Трижды в неделю по средам, субботам и воскресеньям в лагере крутили кино. Вечером, после ужина, с наступлением темноты прямо под звездным небом раздавался стрекот киноустановки. Посмотреть кино часто приходили деревенские, в особенности ребяташки. Случались и розыгрыши кадетами местных жителей. Помнится, как морочил голову деревенской тетке один весельчак, взявшийся ответить на вопрос, что это за погоны на некоторых суворовцах такие с желтой окантовкой, а то еще и с продольной полоской. Действительно откуда было знать деревенским, что окантовку из галуна желтого цвета имели вице - сержанты, а старшие вице - сержанты в дополнение еще и продольную полоску посреди погона. *«О це, мати, - заливался соловьем доморощенный Мюнхгаузен – зроблено для того, чтобы можно было отличать сирот - тех, что с кантом на погонах, от круглых сирот - тех, что еще и с полоской».*

К слову сказать, наш распорядок дня в лагере был аналогичен тому, к которому мы привыкли в училище: шесть часов занятий, включающих строевую подготовку, изучение воинских уставов, тактику, инженерное дело, огневую подготовку, а вечером — самоподготовка. Немного оставалось времени для личных дел и отдыха.

Во время дневных занятий мы тренировались в ползании попластунски, в рытье окопов, начиная с окопа для стрельбы лежа и кончая окопом полного профиля. При этом насыпанная спереди выкопанного окопа

земля маскировалась срезанным при копании дерном, в окопах устраивались необходимые упоры для рук при стрельбе и полочка (берма) для размещения боекомплекта. Причем на откапывание окопов отводилось определенное время, в которое мы должны были уложиться. Такие окопы за время нашего пребывания в лагере приходилось копать неоднократно. Хорошо еще, что почва там была песчаная, а не каменистая или глинистая.

Иногда в летних лагерях нам устраивали учебные тревоги. Среди ночи, ближе к утру, вдруг раздавалась команда: «Тревога!». Мы вскакивали с постелей и начинали суматошно одеваться, поскольку времени на одевание нам практически не давалось. Некоторые из нас вместо того, чтобы аккуратно навернуть портянки, клали их сверху сапога и сквозь них просовывали внутрь ногу. При этом портянка создавал внутри складки. Хорошо, если тревога заканчивалась просто тренировкой быстрого подъема. Но иногда после этого с нами проводили марш-броски на несколько километров. Вот тогда эти портянки со складками давали даже о себе очень даже знать! Несмотря на то, что отцы-командиры старались такие тревоги проводить неожиданно, мы как-то узнавали об их проведении заранее и проводили соответствующую предварительную подготовку. Некоторые ребята перед тревогой ложились спать, не снимая некоторых деталей одежды, чтобы быстрее одеться при объявлении подъема.

Щедрым источником многих радостных и памятных событий неизменно оставалась река Рось. Она бескорыстно учила, лечила, поила, кормила и развлекала не одно поколение кадет. Скольким восторгам научившихся здесь плавать стала она свидетелем, сколько рыбацкой удачи подарила? А удовольствие от купаний? Всего и не перечесть.

Загорая на берегу и мечтательно созерцая плывущие по небу облака, мы иногда становились зрителями эффектного представления. Внезапно и поначалу бесшумно, как во сне, в небе над рекой скользили стратегические бомбардировщики Ту-16. Летали так низко, что казалось рукой достать.

Ко всем прочим достоинствам вода в реке обладала еще и поистине целебными качествами. Кто не знаком с таким бичом подросткового периода как прыщи. Для некоторых это гормональное испытание принимало формы серьезного бедствия вполне сопоставимого с обезображивающей лицо оспой. Так вот к концу лагерного периода речная водица делала то, что и по сей день не под силу косметологам. Прыщи как рукой снимало.

Что, как и на что ловилось в той реке, заслуживает отдельного разговора в рыбацком кругу. Умолчим о ловле на самодельные удочки или недостижимые даже в мечтах спиннинги офицеров и преподавателей. Ловом налимов под камнями на вилку тоже вряд ли кого удивишь. Если, конечно, сбросить со счетов число рук и ног пострадавших от тех вилок в пересчете на выловленных налимов. А вот лов на веревку с камнями встречать больше не приходилось. Поделюсь опытом. Не помню, кто нам насоветовал, но задумка была явно браконьерская. Помимо водоема с водорослями на сравнительно мелком месте требовалось иметь прочную, с палец толщиной веревку и несколько камней. Они, крепились примерно через каждые 1-2 метра веревки в роли грузил. Численность рыбацкой артели определялась длиной веревки и количеством камней. Следовало зайти в воду на глубину, позволяющую опустить веревку с камнями на дно, в водоросли. А затем, рассредоточившись цепью, подкручивать все по дну к берегу, сохраняя ровную линию. Ли-ха беда начало. И вот, нахлебавшись воды и чуть не перессорившись, мы выперли на берег изрядного диаметра рулон водорослей, намотавшийся по всей длине веревки.

Нет смысла перечислять всяческую рыбную мелочь, выбранную нами из того мотка. Набралось не менее пары ведер. Не пропадать же добру. Тут же вблизи берега на костре сварили из улова и предусмотрительно прихваченных продуктов уху. Не то чтобы объединение не съели с аппетитом и без остатка. А там и печеная в золе картошечка подоспела. Словом тренинг по добыванию пропитания в отсутствии должного инвентаря удался. Вот только

руки и ноги потом еще долго зудели, от какой-то заразы в тех водорослях водившейся.

Часто по выходным, накупавшись вдоволь, мы устраивались на теплом песке, отогревая тела, покрытые “гусиной кожей”. Дремали и нежились на солнце, не спеша вели беседы, лениво сравнивая ледяные струи Терека и теплоту воды в местной речушке, или усилия которые надо приложить, чтобы влезть на горную вершину с окружающими нас полями с цветущим клевером, который не надо было убирать, помогая колхозам строить развитой социализм. А военизированные походы или марш-броски по равнинной местности, по сравнению с Кавказскими приключениями – были для нас вообще лечебным моционом престарелых отдыхающих в санатории. А какое потрясающее звездное небо, и какие лунные ночи, пронизанные колдовским светом, были в том лагере. Даже «Лунная ночь над Днепром» А. Куинджи знакомая нам по киевскому музею русского искусства не оставляла такого впечатления как сама украинская природа!

Что ни говори, но для некоторых ленивых «кавказцев», это было несомненное четвертое благо Киевского СВУ.

Благоприятные условия для культурного роста

Пятое благо Киевского СВУ, которое очень понравилось «кавказцам» - благоприятные условия для интеллектуального и духовного роста, эстетического воспитания и их музыкального образования. Эта была заслуга не только преподавателей, но и командного состава Киевского училища.

Суворовцы постоянно участвовали в городских и республиканских олимпиадах по различным дисциплинам, часто занимая там призовые места, что поощрялось командованием СВУ. Командование училища также выделяло средства на приобретение музыкальной аппаратуры для вокально-инструментальных ансамблей, создаваемых суворовцами. Так, в 1968 г. с согласия начальника политического отдела училища полковника Русакова М.Н. суворовцы Е. Павелецкий, С. Шинкаренко, В. Броварец и А. Тазехулахов создали первый в училище вокально-инструментальный ансамбль «Алые погоны». Ансамбль выступал с концертами и на танцевальных вечерах в училище, а также в других учебных заведениях Киева. Запретов, как в Казанском СВУ, на исполнение западной музыки, не существовало. В июне 1970 г. ансамбль выступил на сцене училища перед руководством училища и родителями, приехавшими в Киев по случаю XXII выпуска Киевского СВУ, с прощальным концертом.

При помощи офицеров-воспитателей и преподавателей в СВУ была создана команда КВН, с успехом соперничавшая с киевскими школами и даже институтами. Таким образом, в Киевском суворовском училище, благодаря усилиям офицеров и педагогов, все способствовало духовному росту и культурному образованию будущих офицеров.

Раз уж речь зашла о культурном воспитании “кавказцев”, необходимо сказать несколько слов о нашем приобщении к танцам. В клубе училища в выходные дни проходили разные торжественные мероприятия, какие-либо тематические вечера, смотры художественной самодеятельности. Часто по

субботам в актовом зале устраивались танцевальные вечера, где играл ансамбль «Алые погоны», лидером которого был “кавказец” Женя Павелецкий, который уже начал сочинять собственные песни.

И по мере нашего взросления интерес к танцам стал возрастать. Мы стали активнее участвовать в танцевальных вечерах, и с благоговением следили за скольжением девушек по паркету. От этого рождалось желание и самому поучаствовать в таком мероприятии, а для этого надо было научиться танцевать.

Хотя занятия по танцам проводились факультативно, мы стали заниматься с большей охотой. Многие из нас стали замечать за собой, что танцы как-то преображают. Во время танцев наши спины распрямлялись, мы чувствовал себя легким и стройным, движения были четкими и красивыми. И впоследствии мы замечали, что вступая в танец, непроизвольно принимали классическое положение, выпрямлялись и ощущали себя уверенными, а свои движения — изящными. Думается, что именно ради таких эстетических моментов многие из нас ходили на танцевальные занятия. С тех пор большинство из нас сохранило в душе это трепетное отношение к женщинам, чистое желание любоваться ими, ухаживать за ними, проявлять галантность и заботу о них.

И еще немного о прекрасной половине человечества. Конечно, дамская тема нас волновала. К выпуску из СВУ мы уже что-то про любовь знали. Конечно, не столько, сколько знают нынешнее поколение. Мы встречались со сверстницами, знакомились, целовались, расставались и вновь встречались. Суворовская форма, конечно, украшала мальчишек, мы это знали и этим пользовались в своих интересах.

Многие киевские девушки мечтали познакомиться с суворовцами. Это было престижно, поэтому они и приходили к нам на танцевальные вечера, и, как мы знали, охотились за приглашениями на них. Симпатичные девочки имели шанс попасть к нам на вечер и без приглашения. Дело в том, что на

входе в здание училища стояли 2–3 дежурных суворовца из выпускных рот. Они придирчиво осматривали гостей: если девочка, по их мнению, была достаточно привлекательной, ее пропускали дальше. Таким образом, происходил естественный отбор по Дарвину наиболее красивых, с нашей точки зрения, партнерш для танцев, и, возможно, для последующих амурных отношений.

Поэтому мы всегда с нетерпением ждали субботы. В субботу будут танцы, девочки, поцелуи в темных углах коридора, в укромных местах “райских кущ”, а потом, после отбоя — жаркие воспоминания о любовных волнениях за прошедший день в кругу таких же Ромео. В субботу и отбой был на час позже, что добавляло нам дополнительное время для развлечений. За субботой следовало воскресенье, а значит, выходной, когда можно было подольше поспать, и от этих сладких мыслей на нашей душе становилось радостней и светлее.

Зимние забавы

Шестым благом для “кавказцев” был снег и связанные с ним зимние приключения. Надо отметить, что с зимними видами спорта у “кавказцев” были натянутые отношения, снега в долинах Северного Кавказа, да и там, где мы родились - было мало. А в Киеве, иногда после сильных метелей с ветром, которые были все же редкостью, в оврагах “райских кущ” за забором училища наметало огромные сугробы. Эти овраги были любимым местом наших зимних походов в свободное время, что также давало дополнительную физическую нагрузку. Зимой на сравнительно пологих склонах этих оврагов мы отрабатывали технику спуска на лыжах, выполнения разных поворотов, прыжков с естественных трамплинов.

Надо сразу оговориться – бог миловал “кавказцев” в Киевском СВУ от участия в лыжных гонках, как это делали их однокашники в Казанском и Свердловском суворовских училищах. Поэтому наши усилия освоить этот вид спорта напоминали потуги африканских спортсменов на зимних олимпийских играх.

В те времена мы, становясь на лыжи, пользовались полужесткими креплениями, которые охватывали обувь. Такие крепления не обеспечивали жесткой стыковки лыжи и ноги, поэтому приходилось дорабатывать свои крепления для катания на лыжах с горок. Но, несмотря на отсутствие горной экипировки, многие из нас освоили катание с крутых склонов, научились закладывать виражи на лыжах при спуске, чтобы объехать деревья, ямы, или для остановки после спуска.

Естественно, на склонах возникали соревнования: кто спустится с горки, где еще не ступала лыжа человека. Причем для спуска выбирались достаточно сложные трассы, сопряженные с объездом стоящих на склоне деревьев или проездом по естественным неровностям. Выбирались самые головокружительные спуски, изобилующие неровностями. В этих упражнениях наи-

большого успеха добивался Володя Игнатенко, единственный из суворовцев-киевлян, зачисленный во взвод “кавказцев”, после того как они прибыли в суворовское училище.

Сколько же было комичных ситуаций при выполнении этих трюков!

Помню свой первый спуск. Когда с верхней точки разгона я выехал на импровизированный стол трамплина, меня начало заваливать назад во вращении, и это движение продолжилось, когда я уже прошел стол отрыва и взлетел в воздух. Так я и вращался в полете до момента приземления на свою спину и последующего кувыркания вниз по склону.

Помню и другой трагикомический случай, когда мой товарищ Саша Курочкин, сделал толчок ногами не в момент взлета, а чуть-чуть позже, когда он его уже прошел и находился в полете. Это вызвало движение его лыж вниз и вращение всего тела вперед. Так он и приземлился на снежный склон горки своей передней частью, туловища включающей лицо, грудь, живот, что называется - «мордой об асфальт». Потом довольно долго его лицо хранило заметные следы того героического полета.

А сколько снега приносили мы в карманах своих брюк и шинелей после таких упражнений, не заметив, что он туда набрался! Наши шинели потом висели колом на вешалках, снег таял, затем из карманов потихоньку стекала вода по подолу шинелей. Как же неприятно было надевать такую промокшую шинель на следующий день или вечером для прогулки.

Очарование Киева

Теперь о “прелестях очарования” Киевом, которые последовательно снижали первоначально высокую успеваемость в учебе взвода суворовцев-«кавказцев», оказавшихся в этом городе. Если говорить коротко – это сам Киев с его достопримечательностями, раскинувшийся на холмах, покрытых зеленью деревьев. Мать городов русских являлась и сейчас является одним из красивейших городов Европы, облик которого не смогли испортить даже местные новоделы последнего времени.

Прибыв в Киев, «кавказцы» сразу влюбились в этот град. После того, как мы обустроились в училище, нас повели осматривать город. Знакомство со столицей Украины мы начали с Владимирского собора, который строился почти два десятилетия, испытав трудную судьбу «долгостроя». Зато он порадовал нас фресками и иконами великих русских художников Васнецова, Нестерова и Врубеля. Осмотрели мы и красивое здание Киевской оперы, которое запомнилось и тем, что в этом здании в 1911 г. был убит премьер-министр Российской империи Петр Столыпин. Нас опутали своими чарами и мощная боевая башня Золотых ворот, и возвышающаяся над нею церковь Благовещения. Благодаря реставраторам мы увидели, какими были Золотые Ворота в XI столетии.

Неизгладимое впечатление на нас произвела Киево-Печерская Лавра. Она была основана в XI веке и застраивалась в течение девяти следующих веков. Здесь мы узнали, что название "Печерская" происходит от слова "пещеры", которые были найдены на этой территории и в которых селились первые монахи, а Лавра - это почетное название, которое давалось очень крупным и значительным монастырям.

Архитектурный комплекс монастыря в день его посещения оставил в нашей памяти неизгладимый след. В тот солнечный день отблески многочисленных куполов и звонниц слепили глаза. А осмотр мрачных пещер с келья-

ми, церквями и усыпальницами – был очень интересен даже для нерелигиозных сорвиголов. Кроме того на территории Киево-Печерской Лавры мы имели возможность бегло осмотреть ряд других музеев.

Нам сразу же захотелось более подробно ознакомиться с местными достопримечательностями. Но официально отпущенного времени на такое знакомство с городом не хватало. В училище все было подчинено выполнению распорядка дня, учебе и спорту. Официально выход в город разрешался по субботам и воскресеньям. Однако в увольнение отпускались лишь те, у кого не было текущих “двоек” по учебе и не было взысканий по поведению. С последним обстоятельством у «кавказцев» все время были определенные проблемы. Выход из сложившейся ситуации ими был найден довольно быстро.

Мы тщательно изучили распорядок дня, выискивая в нем “окна”, неподконтрольные офицерам – воспитателям, а также критическое время, при котором надо было быть обязательно в СВУ. Затем разработали “легенды прикрытия” отсутствующих. Как правило, это были либо занятия в спортивной секции, либо посещение медпункта, или же убытие на дополнительные занятия к неизвестно каким преподавателям.

И после этого мы начали частенько бегать в самоволку для познания Киева, благо, что местные военные патрули “сквозь пальцы” смотрели на суворовцев, находящихся в городе в обыденные дни. Должен признаться, что к выпускному классу нам больше понравилось ходить именно в самоволки, а не в нормальное увольнение. Это было гораздо проще.

Во-первых, не нужно было проходить процедуру придирчивого осмотра своего внешнего вида. Во-вторых, не нужно было объяснять цель своего выхода в город. В-третьих, выйти в город и возвратиться не представляло никакого труда: хочешь — через КПП, если там “свои” дневальные суворовцы, хочешь — через забор. Важно было только вовремя вернуться и в городе не встретиться с офицером-воспитателем из своей роты или патрулем. Прав-

да, избегать этого удавалось не всегда. Забросив учебу и самоподготовку к занятиям, либо стайкой, либо в одиночку, мы изучали “прелести киевского очарования”.

Во время самостоятельных вылазок мы обязательно посещали Крещатик, главную улицу города, которая была прекрасна в зелени каштанов в любое время суток и всегда оживлена. Блуждали и по петляющим улочкам старого города. Гуляя по ним, рассматривали необычные фасады домов, изучая таблички на них, чтобы узнать, кто еще из “великих, кроме нас”, жил и любил гулять по Киеву. Нам поначалу было как-то необычно читать знакомые на русском языке вывески общественных заведений в Киеве: Обувь – “Взуття”; Чулки – “Панчохи”; Парикмахерская – “Перукарня”; Столовая – “Идальня”; Ботинки – “Черевики”, и т.д. Однако на бытовом уровне все говорили на русском языке, а если кто-то изъяснялся на украинском - из-за схожести славянских языков понять его было легко.

Посещали мы и Верхний Город – колыбель княжеского Киева, где на высшей точке расположился Софийский собор – главная святыня Руси, архитектурная жемчужина XI века, славная своими мозаиками и фресками. Либо гуляли по Владимирскому спуску, по которому некогда бежал первый в Российской империи трамвай, спускаясь на Подол, где располагался кафедральный храм киевского купечества – церковь Богородицы Пирогощи, упомянутую еще в «Слове о полку Игореве».

Организованно либо самостоятельно мы посещали спектакли в Национальном академическом театре оперы и балета им. Т. Шевченко, в Академическом театре украинской драмы им. И. Франко. Были и в Киевском академическом театре оперетты, в Национальном театре русской драмы им. Леси Украинки и в других театрах.

Местные жители любили суворовцев, и этим мы часто пользовались. Практически всегда пожилые билетерши пропускали нас в театры на спектакли без билетов. Например, благодаря этому, мы смогли посмотреть почти

весь репертуар знаменитого тогда московского театра “Современник”, с легендарным актером В. Высоцким, приехавшим в Киев на гастроли.

Но особенно нам нравилось бывать на концертах, устраиваемых во Дворце спорта, недалеко от стадиона “Динамо”. Здесь и приключилась очередная история, героем которой стал опять Витя Хохлов. Дело было на концерте югославских артистов, дававших концерт во Дворце спорта, на который «кавказцы», довольно большой группой сбежали в самоволку.

Стоя на галерке, мы с упоением слушали песни Радмилы Караклавич и Джорджа Марьяновича. Особенно запомнилась его песня “Об отце”, исполненная на русском языке и пронзившая душу тех суворовцев, кто рос без отца *“Полыхали без грома закаты, Не косил больше траву свинец, Возвращались домой с похода солдаты, Лишь один не вернулся - мой отец...”*. Мы бешено аплодировали артистам, время летело быстро, приближался критический момент вечерней поверки в училище.

Дабы не опоздать на неё, мы кубарем скатились с галерки, перепрыгивая целые лестничные пролеты, и к выходу из Дворца развили приличную скорость. Впереди этого живого болида несея Витя Хохлов. Не заметив стеклянную выходную дверь из-за ее прозрачности, он с размаху отворил её своим лбом и вылетел на улицу.

“Ой, кажется, ударился!”, философски заметил он, потирая ушибленное место и не снижая набранной рыси. А тяжеленная дверь, чудом уцелевшая после такого мощного удара, еще долго бешено вращалась, препятствуя входу и выходу через неё.

Много еще было в жизни «кавказцев» приключений и веселых историй, связанных с “прелестями киевского очарования” и любовными похождениями, которые неумолимо снижали наши успехи в учебе, для которых нами все меньше отводилось времени.

Этот период душевного состояния «кавказцев» в Киевском СВУ, наиболее точно выразил заместитель старшины роты вице – старшина Борис

Дзодзиев, своей статью и внешнем видом напоминавший Аполлона Бельведерского.

Вернувшись как-то ночью с очередного randevu, он, делаясь впечатлениями с нами об увиденном и сияя от удовольствия, полученного им во время свидания, в порыве чувств воскликнул - *“Братцы! Да какая к черту учеба, когда кругом такая красота и любовь!”*. Этим возгласом, идущим от души, он разбудил спящих соседей, грубо нарушив положение распорядка дня, которое постоянно вдалбливал нам в головы наш ротный старшина - “шуметь после команды «Отбой» – запрещается”.

Таким образом, юношеская влюбленность в местных барышень и красота Киева окончательно погубили учебную успеваемость взвода «кавказцев» Киевского СВУ.

В ожидании перемен

Два года обучения в Киевском СВУ для «кавказцев» были весьма насыщены событиями. Учеба, спорт, первая влюбленность, самоволки, лагеря, познание Киева – все для них было познавательным и интересным, поэтому и время для них летело быстро. К выпуску из училища они повзрослели – вытянулись и раздались в плечах, у некоторых над верхней губой появился пушок, гордо именуемый “усами”, кое-кто начал впервые брить что-то наподобие щетины, но у большинства из нас юношеская припухлость щек – осталась.

Как и прежде мы по праздникам участвовали в парадах, шествуя по Крещатику с барабанами, но то восхитительное чувство счастья, которое мы впервые испытали на параде в Ростове - на - Дону – уже притупилось. Да и топать по плацу, готовясь к параду, надо признаться, тоже надоело.

Суворовцев всегда искренне любили киевляне. А руководство города приглашало их на открытие всех мало-мальски значимых мероприятий в Киеве. Но уже несколько комичным выглядело после слов ведущего - *“Вас приветствуют юные суворовцы!”* появление повзрослевших кадетов на сцене залов, где эти проводились мероприятия.

Как сейчас помню наше явление на собрании городского актива города в Октябрьском дворце города в начале 1970 г. Вяло стуча в барабан, болтавшийся у него где-то между ног, первым на подиум вышел небритый здоровенный детина – Сережа Шинкаренко, парень, под два метра ростом, за ним следовали другие “юные суворовцы”, правда, меньшего роста, но отнюдь не дети, на уровне ширилки которых также висели аналогичные бубны. Кое-как отыграв вступительный марш, скрывая зевоту и переминаясь с ноги на ногу и щурясь от ярких софитов, мы с нетерпением ждали конца официальной части мероприятия, чтобы поскорее заняться более важными делами.

К этим важным делам относился процесс окончательного выбора места дальнейшей учебы после окончания СВУ. К тому времени я получил от начальника ВУЗов Сухопутных войск письмо⁴, в котором сообщалось, что я допускаюсь к сдаче вступительных экзаменов в Московский институт иностранных языков. Одновременно меня предупреждали, что если я не сдам туда экзамены, то буду направлен учиться в Алма - Атинское высшее общевойсковое командное училище.

С одной стороны поступить в престижный ВУЗ было очень заманчивым, но с другой стороны конкурс туда был очень большой, и решение о зачислении принимались не только по результатам экзаменов, а под давлением весьма влиятельных родителей абитуриентов. Меня также не прельщала перспектива вместо киевского сала вкушать алма-атинские яблоки (г. Алма-Ата в переводе с казахского означает “город яблок”), и по выпуску из ВОКУ – стать “простым пехотинцем”. Имея тяготу к гуманитарным наукам, и следуя принципу “от добра добро ни ищут”, я попросил направить меня в Киевское ВОКУ на разведывательный факультет.

Огрызки сомнений я заглушал рассуждениями типа: что переводчик, что и официант работают по принципу “Чего изволите – с?”, не имея права высказать собственное мнение, слово в слово переводя то, что было им сказано. А Штирлиц, или на худой конец - Джеймс Бонд, живут за границей, ездят на “Мерседесах” и “Остен Мартинах” и пьют с шикарными девицами мартини с водкой, говоря при этом бармену - “Взболтать, а не смешивать”. Знал бы я тогда, как отличается кино от суровой прозы жизни!

С принятием окончательного решения по дальнейшей военной карьере у многих из нас настала томительная пора ожидания перемен. Нам уже хотелось поскорее покинуть стены суворовского училища и окунуться в новый

⁴ Письмо суворовцу Морозову Ю.В. от Начальника ВУЗов Сухопутных генерал-лейтенанта В. Голофаст от 23 марта 1970г., исх. № 554/-94-п.

мир. Постепенно среди нас началось расслоение по группам суворовцев, которым предстояло учиться вместе в будущем.

Как уже упоминалось, учеба во взводе «кавказцев» шла с переменным успехом. В выпускном классе наш взвод неофициально окончательно разделся на две группы. Одну группу составляли ребята, которые после СВУ планировали сдавать вступительные экзамены в высшие военно-технические заведения. Большую группу взвода составляли те, кто был окончательно совращен прелестями “киевской цивилизации” и, отдавшись течению волн, планировали поступить в военные училища по разнарядке.

Офицеры-воспитатели, думая, что все суворовцы усердно готовятся к выпускным экзаменам, практически не контролировали ход самоподготовки. Поэтому лентяи, от нечего делать, всячески мешали заниматься “высококолым”. Для этого они изыскивали разные поводы.

Например, я с Толиком Горожанкиным всячески досаждали Сереже Сергееву, который готовился поступить в Военно-медицинскую академию в Ленинграде. Так как Сергей был гораздо сильнее нас физически, на него мы налетали одновременно вдвоем, завязывался шутливая потасовка, из которой мы часто выходили побежденными и, “зализав раны”, вновь бросались в бой. Если мы отваживались нападать на борца Алика Дзодзиева, то через несколько минут он завязывал из нас в такие кренделя, из которых выпутаться самостоятельно не было никакой возможности. Во время этих сражений взвод обычно гоготал, как стая растревоженных гусей. А я с Толиком, если удавалось побеждать наших Гераклов, были довольны и чувствовали себя героями.

Или на самоподготовке устраивались баталии под названием “на драку – собаку”. Ее смысл заключался в следующем: тот, кто получал посылку из дома, вставал на заднюю парту, и с криком “на драку – собаку”, запускал горсть конфет в группу, которая стояла у противоположной стены на пяточке возле школьной доски. Летящие сладости надо было схватить на лету, опере-

див конкурентов. Между нами завязывались бои “местного значения”, и не потому, что мы никогда не пробовали вкус конфет, а оттого, что надо было куда-то девать бьющую из нас ключом энергию.

С этой “дракой – собакой” вышел один казус. В выпускном классе к Вите Хохлову приехала навестить его матушка. Войдя к нам в класс на самоподготовке, а взводный офицер в это время отсутствовал, она протянула нам большой бумажный кулек, чтобы угостить привезенной с Калмыкии сушеной дыней. И надо же такому случиться, кто-то брякнул “на драку – собаку”. Условный инстинкт сработал мгновенно - у ног остолбеневшей от ужаса женщины - “дары приносящей” немедленно образовалась куча - мала из тел кадетов. Некоторые из них выползали из этой свалки слегка помятыми, но с куском сушеной дыни в зубах. Этот эпизод весьма напоминал сцену из фильма Гайдая “Двенадцать стульев”, где поп – расстрига карабкается на отвесный утес с палкой колбасы в зубах, дабы спастись от праведного гнева Остапа Бендера и Кисы Воробьянинова. А нам потом еще долго пришлось успокаивать зареванную маму Вити Хохлова, отпаивая ее водой. Она, наверное, думала, что мы в этом СВУ совсем “озверели от голода”.

Во время кутерьмы на самоподготовке, носившей регулярный характер, в стороне от этой суеты сидела группа “высоколобых”, которая среди шума и гама пыталась серьезно подготовиться к предстоящим экзаменам, зубря теоремы и формулы, уже неведомые другим лоботрясам.

Среди них выделялась троица – Миша Шабалов, Петр Люминарский и Нерсес Ананикян. Первые два были примечательны тем, что помимо того что отлично учились, они также хорошо играли в шахматы. Во время строевых смотров в роте у них никогда не пропадали фуражки. Размер их головных уборов был № 60, тогда как остальные кадеты носили фуражки 53-55 размеров. И если кто-то зарился на их головные уборы, то в строю такого легко было вычислить - своим внешним видом он становился похож на Филлипка из рассказа Л.Н. Толстого.

А Нерсес Ананикян был вообще легендарная личность в СВУ. Небольшого роста крепыш, участвуя во всех проделках «кавказцев», умудрялся все время учиться только на “отлично”, одновременно он был очень силен в легкой атлетике. Постоянно занимал первые места на городских олимпиадах по математике и физике, участвовал в КВН и в училищных спортивных соревнованиях. При этом он постоянно был добродушен и весел. Его в училище любили все - и кадеты, и преподаватели, и даже ротный старшина с поварихой. Когда приходило время стричься, Нерса брал за руку лично начальник училища и тащил упирающегося кадета в парикмахерскую.

Так вот, где-то в апреле 1970 г. перед выпускными экзаменами лентяи опять затеяли очередную бучу на самоподготовке. В это время Нерсес готовился к какой-то очередной городской олимпиаде, а мы мешали ему сосредоточиться. Доведенный до отчаяния он воскликнул: *”Дайте покой хоть пять минут! Угломонитесь и соблюдайте тишину! Если по выпуску получу золотую медаль – ставлю ящик армянского коньяка!”*. Ошеломленные перспективой такого бесплатного угощения, и памятуя о том, что “слово не воробей, вылетит – не поймаешь”, лентяи на цыпочках вышли из класса и, дабы не беспокоить “высоколобых”, вернулись обратно в класс приблизительно через месяц, как раз накануне выпускных экзаменов. Кстати, свое обещание Нерсес выполнил, став золотым медалистом.

С мая месяца у «кавказцев» началась штурмовщина в подготовке к экзаменам. День и ночь они штудировали предметы, по которым предстояло сдавать экзамены и зачеты, готовились шпаргалки, ходили на консультации, в это время количество самоволок во взводе резко сократилось.

Выпускные экзамены сдали все. Среди выпускников взвода – один золотой медалист (из потенциальных семи «кавказцев», прибывших в Киевское СВУ!), несколько суворовцев взвода закончили учебу с похвальной грамотой (что приравнивалось к серебряной медали). К сожалению не все «кавказцы» дошли до выпускных экзаменов в училище, из 25 кадетов четверых,

по разным причинам, мы потеряли ранее. Многие из нас по окончании экзаменов радовались окончанию училища. О том, что ожидало их впереди и как сложится их дальнейшая судьба, в этом повествовании будет сказано позднее.

После сдачи экзаменов мы понесли свои тетради на «пяточок», располагавшийся на затворках училища. По традиции, на нем выпускники сжигали свои тетради, конспекты, шпаргалки и пр. Знали бы мы, как будут дороги нам впоследствии эти письменные свидетельства суворовской жизни!

Следуя другой традиции, мы закопали под одну из штанг футбольных ворот бутылку из-под «Шампанского» с нашим посланием грядущей кадетской смене. Процесс подготовки наказов будущим кадетам напоминал картину кисти Ильи Ефимовича Репина «Запорожские казаки пишут письмо турецкому султану». Среди нас разгорелся спор – писать указы шуточно или серьезно, в итоге был выбран последний вариант.

Интересно, сохранилось ли это послание через 40 с лишним лет после того, как мы его написали? На всякий случай искателям сокровищ даю координаты: Украина, Киев, Киевский военный лицей, созданный на базе Киевского СВУ, футбольное поле, если стоишь лицом к Киево-Печерская Лавре – правая штанга футбольных ворот.

Разом повзрослевшие и хмельные от ощущения свалившейся на нас свободы, мы смотрели на ребят из младших рот и думали, что у них еще все впереди, тогда как у нас уже никогда не будет ни офицера-воспитателя, ни старшины, а будут: командир взвода, командир отделения и новые друзья-курсанты.

По выпуску из суворовского училища помимо аттестата о среднем образовании, кадеты получили «корочки»: специалиста–войскового радиотелефониста; командира мотострелкового отделения, сдавшего зачеты по военно-технической подготовке; военного переводчика; и наконец, права шофера –

любителя, с которыми я, например, езжу вот уже 40 лет⁵. И какая средняя, либо элитная школа сможет так подготовить юношу к будущей военной карьере?

Еще один важный момент в суворовском образовании – их всесторонняя физическая подготовка и постоянные занятия спортом. Как уже отмечалось, распространенным явлением в училище было наличие спортсменов – многоразрядников, то есть выполнивших разрядные нормативы по нескольким видам спорта.

В те дни, когда занятий в секциях не проводилось, нам можно было в свое удовольствие погонять футбольный мяч, освоить баскетбольную или волейбольную технику, устраивая соревнования между произвольно собранными командами.

В интересах физического развития и закалки суворовцев в распорядке дня также предусматривалось довольно много мероприятий — утренняя зарядка в любое время года умывание холодной водой, возможность пользоваться спортивной базой. Кроме того, работали спортивные секции, куда можно было свободно записаться, в зависимости от предпочтений — гимнастика, легкая атлетика, плавание, борьба, бокс, спортивные игры. Зимой даже сам распорядок перестраивался так, чтобы суворовцы могли подольше быть на свежем воздухе.

Наши спортивные увлечения формировались в процессе плановых занятий физкультурой, на которых мы должны были освоить азы практически всех спортивных дисциплин. При этом осваивались правила выполнения упражнений, основные технические приемы, а далее — организовывались соревнования по разным видам спорта в самом училище или предоставлялась возможность выступить на городских либо гарнизонных соревнованиях, где можно было выполнить нормативы спортивных разрядов.

⁵ Если кто – то не верит – привожу свои данные. Номер моего диплома войскового радиотелефониста – 51, выданный 5 мая 1970 года начальником СВУ. Номер зачетки по военно - технической подготовке – 71, от 25 июня 1970г., удостоверение военного переводчика - № 5138 от 1 июля 1970г.

А какое оживление царило в училище, когда проводились массовые соревнования между ротами или сдача норм комплекса ГТО. Особенно легкоатлетический кросс. С утра все в училище шумело, бегали суворовцы в спортивной форме, приводя себя в порядок и морально настраиваясь на соревнование. Не все любили эти мероприятия, но участвовать в них все равно приходилось.

Все эти игры и спортивные соревнования важны потому, что на плановых занятиях или в спортивных секциях, а также на соревнованиях у юноши вырабатывался навык побеждать и стремиться быть первым среди равных. Занятия спортом закаляют не только тело, но и дух, учат терпению, смекалке и находчивости для достижения высоких результатов, потерпев поражение и сделав из этого выводы, потренировавшись – вновь вступать в бой.

Эти качества спортсмена автоматически влияют и на учебу, и на повседневную жизнь, и на военную карьеру будущего офицера. Поэтому в повествовании о дальнейшей военной судьбе «кавказцев» постоянно делается акцент на анализе того, чего он достиг на спортивном поприще. Так как у достойного офицера - “в здоровом теле – здоровый дух”.

В ожидании перемен в жизни кадетов-«кавказцев», им предстояло еще одно событие, которое было одновременно и радостным и грустным - церемония прощания с Киевским суворовским училищем.

Прощание с суворовским училищем

Церемония выпуска суворовцев из Киевского СВУ была назначена на 29 июля 1970 г. в 10 часов утра. По традиции, этот день проходил особо красочно.

Следует заметить, что красота воинской службы базируется, в том числе и на завораживающей строгости парадной формы и торжественности воинских ритуалов, к которым можно отнести практически все действия, исполняемые войсками в повседневной жизни и в торжественных случаях. Это и ежедневные разводы подразделений на занятия, и разводы караулов, и праздничные мероприятия. Вот только слово «ритуал» несколько мрачноватое. В голову так и лезут печальные воспоминания о ритуалах прощания со своими боевыми друзьями. Поэтому, говоря о выпуске суворовцев из военного училища, лучше использовать старинный и не менее торжественный термин «церемония».

Так в чём же, всё-таки, особенности церемонии выпуска? Конечно же, это часть истории и традиций училища, этап в его жизни. Но так бывает каждый год. Наверное, это и немного другое - это сотня юношей, перед которыми открываются новые горизонты и возможности, и горечь расставания друзей. Это родители, гордые за своих сыновей.

За сутки до этой церемонии у нас была репетиция, ставшая «малым выпуском». Одновременно это был и строевой смотр выпускников в парадной форме. В качестве тренировки было организовано получение аттестатов. Казалось бы, всё как всегда. И командиры, занявшись привычным делом – построением личного состава, покрикивают как обычно на медлительных. И выпускники, находясь в раздвоенном состоянии, по привычке стараются прошмыгнуть в строй. И строевые команды знакомы и давно стали частью каждодневного поведения – от команды «Становись» до подхода к столу для получения аттестата. И многие из нас, очевидно, тогда думали: “А давно ли

так же в суворовском училище в Орджоникидзе подходила церемония вручения алых погон, а теперь здесь, семь лет спустя в Киеве, проходит церемония прощания с училищем у такого же стола, покрытого красным сукном?”

Утром после завтрака все училище в парадной форме выстроилось на плацу. На левом фланге – стояла выпускная рота повзводно со своими командирами, далее другие суворовские роты. В центре плаца свое место занял оркестр, сверкая медью духовых труб.

Ближе к трибуне звеня орденами и медалями на парадных мундирах, собрался старший офицерский состав СВУ, приглашенные ветераны войны и почетные гости. Рядом с ними стояли нарядно одетые преподаватели и обслуживающий персонал училища. Среди них выделялись родители выпускников, которые смогли приехать на церемонию и стояли с заплаканными лицами от гордости за своих сыновей. Здесь же стайкою толпились красиво одетые девушки с букетами цветов, также приглашенные на церемонию. Среди гостей слышался негромкий гул праздничных разговоров. Но вот раздается строевая команда, и все замирает, даже вечно галдящие воробьи притихли:

“Училищ-е-е! — и мы застываем. — Равня-я-йсь! Под Знам-я-я! Сми-р-рно! Равнение н-а-а — право!”

Знаменосец-офицер со Знаменем училища и два его ассистента-суворовца проходят мимо нас, печатая шаг, и становятся перед строем. Офицеры отдают честь, и мы, не спуская глаз со Знамени, сопровождаем его поворотом головы.

Начальник училища генерал – майор Кибардин Б.М., не подавая команды «Вольно!», зачитывает приказ о выпуске его питомцев из стен училища. Закончив читать приказ, начальник училища зачитывает другой приказ по училищу о поощрении лучших суворовцев, а также офицеров-воспитателей и преподавателей, добившихся высоких результатов в учебе и в

воспитании. После зачитания приказов следует команда «Вольно!», и мы можем немного передохнуть.

Церемониал выпуска продолжился моментами, значимыми для любого кадета, – прощание со Знаменем училища. После того, как оно перешло к новой знаменной группе, выпускники в полной тишине сняли фуражки и опустились на одно колено. Далее по списку из строя вызывались выпускники, которые подходили к начальнику училища, печатая шаг. Он им вручал аттестаты об окончании училища и знаки - «суворовские поплавки», говоря при этом каждому теплые слова напутствия в будущей жизни.

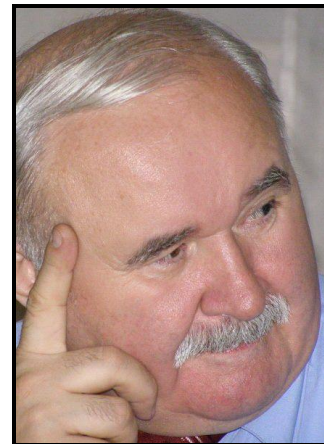
На торжественном митинге по поводу выпуска из стен училища слово взял глава администрации Подольского района, которого глубоко тронула церемония прощания со Знаменем. *«Вы с честью носили эту форму, гордились ею, были примером для других. Поэтому я уверен: Киевское училище вырастило достойную будущую смену офицерскому составу Советской Армии!»* - сказал он. Перед кадетами также выступили начальник учебного отдела полковник Денисов С.И., заместитель начальника училища Русаков М.Н., кто-то из ветеранов Великой Отечественной войны, чей - то отец от имени родителей. Выслушали мы и последний наказ от своих учителей, у которых в день прощания с нами больно сжималось сердце.

Русаков Н.Н.

Денисов С.И.

А.Родюков, 2011

С ответным словом выступил наш товарищ по роте Анатолий Родюков, заверивших всех, что выпускники будут достойно носить гордое звание суворовца и не посрамят честь Киевского СВУ. Единственное, что осталось выпускникам – в последний раз пройти строем перед теми, кто их воспитал, чувствуя при этом и радость, и гордость, и одновременно сожаление.

Снова, как много раз за семь лет обучения в СВУ звучит команда: *«К торжественному маршу!»* Знаменосцы занимают место во главе колонны. Последний раз в СВУ мы слышим: *“Училище! Сми-р-рно! Напр-а-а-во! Шаг-о-о-ом, марш!”*.

Оркестр грянул прощальный марш “Славянки”, и мы строем выходим на финальную прямую официальной церемонии прощания с училищем. Выпускная рота во взводных колоннах идет впереди всех. Выход на исходное положение, переход на твёрдый строевой шаг.

Опять правофланговый кричит: *«Счѐ-ѐ-ѐ-т!»*, но вместо привычного: *«И-и-и РАЗ!»* звучит озорное: *«Во-о-т и-и ВСЁ!»*. Девушки визжат от восторга. Гости хлопают, а отцы – командиры, улыбаясь, хмурятся: «Разгильдяи, но молодцы». Начальник училища с невозмутимым видом принимает парад выпускников, следуя принципу - если безобразие нельзя прекратить, то его надо возглавить.

Потом несколько минут на поздравления. Цветной калейдоскоп перед глазами: изумрудно-зеленые парадные мундиры офицеров со сверкающими наградами, нарядные одежды родителей, пестрые платья девушек, черные мундиры с блестящими пуговицами и белыми перчатками суворовцев – все смешалось в праздничном круговороте. Фотографии на память, ненужные цветы. Всё на бегу – впереди тот самый выпускной банкет, о котором толком никто ничего не знает. Известно одно – он будет обязательно, и это будет очень “круто”.

Прощальный выпускной вечер нашего взвода проходил в одном из ресторанов Киева (не могу ручаться, но кажется, этот ресторан назывался “Дружба”).

Празднично украшенный стол ломился от угощений. На белоснежной скатерти чинно выстроились в ряд бутылки с золотистым шампанским и водой, их ряды подпирали бастионы из темного стекла бутылок выдержанного армянского коньяка, которая мама Нерсеса Ананикяна привезла из Еревана. На столе были разнообразные закуски, заливное, рыбное и мясное ассорти, икра, зелень, там - же дымились горячие горшочки с мясом и картошкой, на отдельных блюдах царственно возлежали шашлыки. На вазах горкою возвышались домашние пирожки, которые для нас состряпала мама Владимира Игнатенко. Палитру празднично стола дополняли букеты цветов.

Несмотря на то, что все мы изрядно проголодались, кавказский ритуал застолья был свято соблюден. Первые заздравные тосты были сказаны старшими – нашими родителями, преподавателями и офицерами. Мы их слушали с почтением, стараясь не жевать и наверстывали упущенное в перерывах между речами. Затем слово было предоставлено нам. Путаясь от волнения в словах и от переполнявших душу чувств, мы говорили теплые слова всем – и педагогам, и родным, и друзьям. Наиболее смелые из нас сказали свои заздравные тосты первыми, а вот последним пришлось не совсем сладко.

По их наморщенному челу было видно, как очередной из “робкого десятка” пытается найти сказать то, о чем не было сказано ранее. И им, зачастую, приходилось повторяться. Но на это никто не обращал внимание. Вино лилось рекою, опустевшие тарелки вновь наполнялись, играла музыка, и всем было весело. И все же, повзрослевшие и хмельные от ощущения свалившейся на нас свободы, мы с грустью смотрели друг на друга, понимая, что это наш последний вечер вместе. И последующая взрослая жизнь у нас будет не всегда гладкой, и складываться так, как этого нам бы хотелось.

Ближе к ночи начались танцы, последние танцы уходящей юности, такой дорогой поры в нашей суворовской жизни. И далеко после полуночи мы оживленную гурьбою отправились в парк на Владимирскую горку, чтобы выполнить еще один кадетский ритуал. От выпуска к выпуску суворовцев из КвСВУ передавалась традиция – на выпускном вечере обязательно надеть кадетскую фуражку на голову крестителя всея Руси Великого князя Киевского Владимира, памятник которому установлен на нижней террасе Владимирской горки.

Бронзовая фигура князя, высотой в 4,5 метра, в мантии с крестом и великокняжеской шапкой в руке, возвышается на 16-метровом чугунном постаменте и квадратном стилобате из чугунных плит, имеющем вид 8-гранной часовни. На постаменте – гранитный барельеф «Крещение Руси» и герб старого Киева.

На верхотуру этой громадины даже трезвому альпинисту со снаряжением взобраться нелегко, не говоря уж о нас - веселых и хмельных. Поэтому подходя к памятнику, мы потихоньку стали трезветь, лихорадочно сообра-

жая, кто будет карабкаться на памятник. К великому нашему облегчению на голове у князя уже красовалась лихо заломленная черная фуражка с красным околышком - очевидно, кто-то из другого выпускного взвода кадетов уже опередил нас.

Но мы не унывали, некто высказал идею – а неплохо было бы напоследок искупаться в Днепре! Идея всем понравилась и мы ватагой, сопровождаемой трелями соловьев, доносившимися из каштановых крон, двинулись на набережную. Но эта идея осенила не только нас, в это раннее утро с гранитного парапета набережной в Днепр уже прыгали выпускники из других школ Киева, красуясь перед девчонками. Искупались и мы в прохладных водах реки, правда, некоторые из веселой братии остались на набережной, якобы сторожить одежду. Очевидно, не захотели быть унесенными течением реки от компании.

Выбравшись обратно на берег и стоя в стороне от веселящихся друзей, все еще слегка пьяный от выпитого шампанского, я мысленно философствовал - так что - же дало нам суворовское училище помимо образования и спорта в морально- нравственном плане?

Постепенно в голове сформировалась логическая цепочка умозаключений, впоследствии подтвержденная воинской службой моих друзей. В этой цепочке можно выделить ряд характерных черт, свойственных менталитету большей части воспитанников суворовских училищ:

- острое чувство справедливости и смелость говорить правду в глаза, невзирая на чины и ранги;
- ощущение собственного достоинства и чести, верность сказанному слову;
- упорство и настойчивость в достижении основных поставленных тобою целей;
- большая самоотдача и инициатива в службе, будь то военная либо гражданская;

- взаимная выручка и помощь друг другу, верность кадетскому братству;
- следование славным традициям Армии и Флоту.

Впоследствии эти черты во благо воинской службы многим из нас пригодились, а некоторые - мешали служебному росту, особенно - острое чувство справедливости и смелость говорить правду в глаза начальству.

Оглядываясь на путь, пройденный суворовцами, я также пришел к умозаключению: да, не совсем легко было в 13-14 лет остаться без детских шалостей и забав, материнской ласки, терпеть наказания и армейские ограничения.

Вместе с тем, семь детских и юношеских лет, проведенных вдали от дома, среди людей в погонах, приучили нас к организованности и порядку, сделали отзывчивыми к чужой беде, привили чувство товарищества, и многое другое, что мы смогли оценить уже позже. Спартанская обстановка казарменного воспитания не сделала нас самолюбивыми людьми. Напротив, она воспитала чувство любви к Отчизне и преданности к ней. И в этом смысле, нам, кадетам, я считаю, повезло.

И все же... иногда мне кажется, что эта, достаточно спартанская обстановка казенного воспитания сделала многих из нас какими-то черствыми к нашим женам и к подрастающим детишкам, но не в смысле оказания помощи им, а в смысле проявления нежности, участия, восприятия тонких душевных переживаний и проявлений.

Находясь вдали от дома, мы не наблюдали, как строятся взаимоотношения в семейной жизни, а до суворовской школы, из-за нашего детского восприятия окружающей действительности, нам это было - “по барабану”. Мы не знали, как мужчине надо ухаживать за новорожденными младенцами в семье. А когда наши детишки выросли – часто разговаривали с ними “командирским тоном”, не терпящим возражений.

Когда мы стали офицерами – все свое время отдавали службе, а свободные минуты предпочитали проводить со своими однокашниками. Привыкнув в СВУ не “распускать нюни” из-за временных трудностей, не позволяли это делать и женам, часто подсмеивались над ними, а не проявляли нежность. В семейных спорах бывали категоричны, не допуская возражений по занятой нами позиции, словом – *“Ать, два! Не возражать! Шагом марш исполнять сказанное!”*.

Мы были легки в перемене мест службы, зная, что на новом месте нас ждет интересные обязанности, знакомое окружение и продвижение по служебной лестнице. Мало обращали внимания на стенания супруги, что ей снова приходится налаживать уют в домашнем гнездышке, привыкая к незнакомой обстановке, что ей вновь приходится искать подруг, а детям идти в новую школу или в детский сад.

Во всяком случае, мне часто доводилось выслушивать такого рода упреки от своей жены и дочери. Может быть, они в чем-то и правы? И может быть, поэтому у кадетов в семейной жизни из-за этого часто случались разводы? Ведь выдержать эти огрехи супруга в семейной жизни, а также тяготы и лишения офицерской жизни могла не каждая жена.

И только та, кто беззаветно любит своего мужа - офицера и та, кто в детстве познала, что такое вереница смены воинских гарнизонов, сможет вынести все тяготы и лишения, присущие семейному быту офицера. Такие остаются верными своему супругу до последнего ее или его вздоха. Как правило, это замечательное качество относится к тем девушкам, которые воспитывались в семье военнослужащих.

Но осознание этих нюансов семейной жизни ко мне пришло гораздо позднее, где-то к 40 годам супружеской жизни, когда я вдоволь намотался по местам службы. А моя жена Елена Константиновна, словно ниточка за иголкой, всегда следовала за мною всю жизнь, умудряясь привезти мне домашние пирожки даже в зону боевых действий.

А в то раннее летнее утро мы радовались обретенной свободе. Уже и курить можно, не оглядываясь на офицера-воспитателя, и в город можно выйти свободно, не спрашивая разрешения на то у своего командира. Но это сладкое слово “свобода” имело и горьковатый привкус, со многими однокашниками по СВУ мы расставались навсегда.

Здесь к месту уместно пропеть дифирамб Интернету.

Впоследствии наше поколение суворовцев за годы воинской службы повидало всякое. Служа Отчизне, мы испытывали гордость за принадлежность к Советской Армии и Флоту, позже были свидетелями развала Советского Союза и его Вооруженных Сил. Испытали мы и последствия шоковой терапии в России, когда месяцами не получали денежное довольствие, и горечь оттого что воинская служба перестала быть почетной, и осознали то, что часть наших друзей уже служат в других вооруженных силах, и с ними стало сложным поддерживать контакты.

Также опьяненные открывшимися перспективами новой жизни, мы не задумывались о том, чтобы позаботиться о последующих контактах, и потому связи со своими одноклассниками, и тем более с ребятами из других взводов после суворовского училища разорвались. Частая смена мест службы и проживания также способствовали этому. Письма, посланные друзьям, все чаще стали возвращаться с пометкой “Адресат не проживает”.

И думается – ах если бы в то время был Интернет! Где электронный адрес получателя почты не зависит от места его нахождения, будь он на Украине или хоть в Африке. Тогда бы и не прерывалась связь между кадетами, которую мы все больше стали ценить к преклонным годам, когда общаясь с друзьями, мы молодели на десяток лет. Но права пословица “Ах, если бы, да кабы, во рту выросли бы грибы”. Тогда Интернета не было, и дружеские связи с друзьями поддерживались в основном перепиской по почте, которая применялась еще во времена Тутанхамона.

Итак, наша суворовская юность окончилась. Впереди ждала дальнейшая учеба в высших военных училищах, служба в отдаленных гарнизонах, а отдельных из нас – участие в военных конфликтах в самой России и за рубежом.

После выпуска из суворовского училища, уже переодетые в курсантскую форму мои друзья разлетелись по разным уголкам Советского Союза. Основная масса поступила в военные училища для продолжения военного образования, с тем, чтобы после их окончания, уже офицерами, приступить к действительной военной службе, подготовка к которой и составляла основную цель их обучения в суворовском училище.

Некоторым из них и в первую очередь отличникам и медалистам повезло сразу попасть в высшие военные технические училища. Другие подошли к высшему военному образованию через обучение в академиях, куда они попадали, прослужив по несколько лет в строевых частях.

Они еще поддерживались связь между собою, особенно те, кто попал в один ВВУЗ, но там эти связи уже не имели той прочности, которые были в СВУ. Как правило, в одно училище попадали ребята из разных взводов, или они назначались в разные учебные подразделения и на разные факультеты, где в процессе обучения возникали новые привязанности.

Отношения между ребятами-однокашниками по СВУ переходили в приятельские, или это было эпизодическое общение, случайные встречи, приносящие, тем не менее, взаимное удовольствие. После окончания учебы даже те, кто учился вместе, тоже разлетелись по разным частям страны, и встречи бывших суворовцев Кавказского СВУ стали часто происходить случайно, когда они сталкивались в командировке, в отпуске, на новом месте службы, или учебы. Тогда они восстановили свои отношения, переходя к воспоминаниям и рассказам о своем прохождении службы в различных частях Вооруженных Сил, о встречах с другими друзьями, воспоминаниям о преподавателях и офицерах СВУ.

В заключение воспоминаний о церемонии выпуска из СВУ и о суворовском братстве, хочется еще раз выразить бесконечное уважение ко всем преподавателям, офицерам-воспитателям и командованию суворовских училищ и его обслуживающему персоналу, за их признание за любовь и ласку, которыми они их так щедро одарили нас, и огромную благодарность за все то, что они для них сделали.

Пусть вечно живет суворовское братство! Пусть долгие годы существует и процветает кадетский корпус! Земной поклон тебе, родное СВУ и вечная благодарность за все, что ты для нас сделало.

О тех, кого знаю и помню

Минуло более 40 лет, как мы переступили порог Кавказского Краснознаменного Суворовского военного училища. Большинство из моих друзей-однокашников уже закончили службу, честно и до конца выполнив свой воинский долг. Разбросанные судьбой по разным городам, а теперь и по разным государствам, суворовцы-кавказцы между тем не теряют связи между собой, по-прежнему дружны, и эта дружба - огромная ценность кадетского братства.

К сожалению, мне не довелось встретить ни одного печатного материала о судьбе расформированной суворовской 6-ой роты ККСВУ. Попробую восполнить этот пробел, написав о тех, кого помню. Но сразу оговорюсь: конечно, многое со временем забылось, особенно – кого, куда послали служить впоследствии, поэтому не исключена неточность. Буду благодарен, если кто-то меня поправит или дополнит.

Интересная судьба в дальнейшем сложилась у многих «кавказцев», выпускников разных суворовских училищ. О некоторых из моих однокашников по ККСВУ, проживающих в настоящее время в Москве, и о тех с кем я поддерживаю связь, расскажу подробнее. Это связано не с тем, что нынешние «москвичи» добились в жизни большего, а с нежеланием автора нанести ущерб неточностями в этом повествовании о сложившейся судьбе суворовцев - «кавказцев», разбросанных по другим «городам и весям» нынешней России, а также о тех, кто сейчас живет в постсоветских республиках и в дальнем зарубежье.

Следует отметить, для того, чтобы получить достоверную информацию о жизненном пути героев этого повествования проживающих в Москве, автору приходилось идти на некоторые уловки.

Первоначально “правду, и только правду о себе” из них приходилось выбивать методами, красочно изображенными на полотне известного советского художника Бориса Иоагансона “Допрос коммуниста” в Государственной Третьяковской галереи.

Так как, если разговор шел об училище, преподавателях, либо друзьях – у респондента язык был “подвешен”, и он не жалел красок, описывая их. Как только вопросы касались его персоны – он набычивался и замыкался. Конечно, похвальна скромность, она украшает человека, но не до такой - же степени! Чтобы выудить хоть какую либо интересную информацию уходило, как правило - 3-4 часа.

Тогда приходилось идти на некоторые хитрости. Например, в ходе интервью предлагать “допрашиваемому” выпить одну другую рюмку за встречу, за здоровье и т.д., вкрадчиво подливая ему ещё и незаметно включая диктофон для записи беседы. “Клиент” расслаблялся и начинал говорить о себе более внятно и откровенно. Иначе вместо откровений можно было получить что - то наподобие сухой справки из отдела кадров.

Виртуальный министр обороны

8 мая на Красной площади в Москве проходит генеральная репетиция войск гарнизона перед очередным парадом. Из ворот Спасской башни Кремля плавно выезжает серебристо-серый ЗИЛ. Войска замерли в строю, слушая рапорт командующего парадом, отдаваемый министру обороны: *“...Товарищ министр обороны! Войска гарнизона для парада в честь ознаменованье годовщины, посвященной Дню Победы над фашисткой Германией - построены!”*. Машины командующего и министра обороны медленно объезжают строй, останавливаясь возле каждой парадной “коробки” сводных батальонов, участвующих в параде. Звучат слова приветствия министра обороны *“Здравствуйте, товарищи офицеры! Поздравляю Вас с Днем Победы!”*. Наконец эскорт машин останавливается у головной коробки сводного батальона слушателей Академии им. М.В. Фрунзе, открывающей торжественное шествие вслед за ротой барабанщиков. Стоя в 3-ем ряду батальона, вглядываюсь в министра обороны, но вместо И. Радионова, вижу знакомое мне лицо своего однокашника по ККСВУ П. А. Березкина. И вместо того, чтобы на приветствие министра обороны, со всеми дружно крикнуть - *“Здравия желаем, товарищ министр обороны!”*, из моих уст сорвалось *“Здравствуй, Петя“!* Коллеги по строю покосились на меня, “не перегрелся” ли я случайно на весеннем солнце?

По окончании тренировки я подошел к мнимому министру обороны, окруженному толпой журналистов. На их полушутливый вопрос – *Как Вы ощущаете себя в роли министра обороны?* – *Спокойно! Для этого мне хватает образования, полученного ещё в Кавказском СВУ*– также шутя отвечал

им комендант Центрального административного округа Москвы подполковник П. А. Березкин. Позже я узнал, что Петру Александровичу 7 лет подряд приходилось замещать министра обороны на репетициях парадов. А когда на Ходынское поле или на Красную площадь приезжал очередной министр обороны, особенно из числа “гражданских” - Сергей Иванов или Анатолий Сердюков, П. Березкин садился на заднее сиденье ЗИЛа и потихоньку подсказывал им, как надо правильно действовать.

С того момента, как мы виделись в последний раз в 1967г., Петр вырос и возмужал, превратившись из самого маленького роста воспитанника 6-ой роты ККСВУ, которого на переменах старшие “кадеты” носили на руках, перебрасывая его друг другу, словно мяч во время игры в регби, в стройного офицера на фигуре которого форма сидела, как влитая.

И хотя внешне он изменился, в душе он остался прежним, каким он был в СВУ - открытым и доброжелательным, готовым прийти на помощь товарищу в любую минуту.

После того, как нас “разогнали” из Орджоникидзе, Петр Березкин попал в Свердловское СВУ, которое окончил в 1970 г. В училище увлекся борьбой, был членом сборной училища, с которой участвовал в Спартакиаде суворовских училищ, где стал призером, заняв II место в своей весовой категории. По выпуску из СВУ, он уже был “кандидатом в мастера спорта СССР”. Несмотря на активное занятие спортом, учился Петр только на “хорошо” и “отлично”.

В последующем П. А. Березкин учился в Московском ВОКУ им. Верховного Совета РСФСР, закончив его в 1974 г. Молодым лейтенантом, попал служить в Таманскую дивизию, откуда с должности командира роты в 1980 г. перешёл в Военную комендатуру Москвы на должность старшего помощника начальника Отдела гарнизонной службы.

С 1985 по 1990 гг. проходил службу в частях, расположенных в Западной группе войск в Германии, в должности военного коменданта гарнизонов

советских войск в городах Стендаль и Магдебург. Благодаря “горбачевской перестройке”, вместо того, чтобы после пребывания в Германии, продолжить служить где-то на задворках СССР (такая кадровая политика тогда существовала), был направлен в Москву, где у П. А. Березкина была квартира. Столь “щедрое” по тем временам назначение было связано с тем, что в 90-е годы начался развал не только Вооруженных Сил СССР, но и всего Советского Союза.

Начался вывод советских войск из стран бывшего социалистического лагеря, требующих огромных затрат, а военный бюджет страны в то время был резко сокращен. В Армии и на Флоте экономили на всем, в том числе и на жилплощади, выделяемой офицерскому составу, прибывавшему служить в военные округа из групп войск, расположенных за границей. Поэтому - то Петр Александрович с 1990 по 2008 гг. и проходил дальнейшую службу в должности военного коменданта района военной комендатуры Москвы.

Служба у него была отнюдь “не сахар” – московская комендатура Центрального Административного Округа не только поддерживала порядок и дисциплину среди военнослужащих в пределах Садового кольца, но и несла ответственность за проведение военных ритуалов, проводимых в центральной части города. А их всегда хватало: подготовка и проведение парадов на Красной площади, салюты, встречи иностранных делегаций, возложение венков на могилу Неизвестного солдата, обеспечение в проведении собраний, съездов, митингов и шествий, похороны первых лиц страны, словом – всего и не перечислить того, за что нес ответственность военный комендант П. А. Березкин.

И когда москвичи садились за праздничный стол по поводу какого-либо государственного праздника, Петр Александрович был на работе. За время службы в Москве П. А. Березкин участвовал в 13 парадах, а 30 парадов – непосредственно подготавливал. Несмотря на громадную занятость, он за-

кончил в 2000 г. курсы высшего офицерского состава Военной Академии Генерального штаба.

Помещение военной комендатуры, вплоть до увольнения П.А. Березкина, было местом встреч кадетов, где он, как истинный “генератор суворовского братства”, собирал москвичей - «кавказцев», оказавшихся по велению судьбы в столице, устраивал им вечеринки, где они делились воспоминаниями и планами на будущее. Во время таких встреч всегда брал гитару в руки и исполнял любимые нами песни, либо читал стихи собственного сочинения. Одним из первых откликнулся на чужую беду, организовывая посещение одноклассников по ККСВУ, лежащих в госпиталях, доставая им дефицитные лекарства. Вплоть до последних минут жизни В.Е. Михайлова - нашего первого командира роты, поддерживал с ним связь, приглашая его на встречи в Москве, либо приезжая к нему в Нальчик.

Выйдя на “гражданку”, П. А. Березкин некоторое время руководил частным охранным предприятием. Но через полгода понял, что это не его призвание и стал работать “по - призыванию души”, правда, за гораздо меньшие деньги в Правительстве Москвы, отвечая за военно-патриотическое воспитание молодежи города, обучающейся в кадетских корпусах столицы.

30 апреля 2010 г. мэром Москвы на Поклонной горе у Монумента Победы был зажжён «Огонь памяти и Славы». От кадетских корпусов и военно-патриотических клубов Москвы, в дни воинской славы и памятные даты России, всегда выставляется Пост № 1, начальником штаба которого назначен Берёзкин Пётр Александрович.

Товарищ генерал-майор!

С моим однокашником по Кавказскому СВУ Валерием Горбуновым мы долго не виделись, и встретились случайно на военных учениях в Ленинградском военном округе зимою 1993 года. На них старший офицер-оператор Главного оперативного управления Генерального штаба Вооруженных сил РФ полковник Горбунов В.Ю. был в группе “розыгрыша учений”, а я, как представитель Центра военно-стратегических исследований ГШ ВС РФ, был в группе “разбора учений”.

Бывалые офицеры-штабисты знают, что такое быть в группе “разбора”. День и ночь все время на ногах, на заслушивании решений командующих и командиров по той или иной оперативной обстановке, словно ищейка выискиваешь их упущения, оцениваешь оригинальность решений “отцов-командиров”, анализируешь действия войск, учитывая их “сильные и слабые стороны”. Плюс ко всему ведешь рабочую карту и готовишь аналитические материалы к разбору учений, словом - “вертишься как белка в колесе”. У полковника Горбунова В.Ю. обязанностей на этих учениях тоже хватало, он также был “занят по самое горло”. Так что на этих учениях мы с Валерием Юрьевичем только обнялись и разбежались в разные стороны, так и не выпив “рюмку чая” по поводу встречи и не предавшись общим воспоминаниям. Встретившись с ним позднее, я узнал, как сложилась его дальнейшая судьба после Кавказского СВУ.

Вместе с П. Березкиным в 1967г. он попал в Свердловское СВУ. И как два “сапога – пара”, вместе с ним в 1974г. окончил Московское ВОКУ. В этом училище он все четыре года учебы был старшиной 13-ой роты курсантов, на 70% состоящей из выпускников суворовских училищ. Хотя среди курсантов этой роты существовало кадетское братство, в обращении со старшиной панибратства не было. Во-первых, В.Ю.Горбунов был не просто суворовец, а «кавказец», проучившийся 7 лет в СВУ - что внушало уважение

в среде кадетского братства. А во-вторых, на груди гимнастерки Горбунова сверкал значок “кандидата в мастера спорта” по вольной борьбе, охлаждающий пыл “не в меру ретивых”.

С цифрой “13” связана интересная особенность обучения курсантов в период с 1970 по 1974 гг. в Московском училище им. Верховного Совета РСФСР.

В соответствии с исторически сложившейся военной структурой, в ВОКУ было четыре батальона курсантов, каждый из которых состоял из трех рот, с приблизительной численностью в 100 человек. По учебнику арифметики “Малинина и Буренина” получается - “12” ($3 \times 4 = 12$), а В.Ю.Горбунов был в 13-той роте. Есть много разных предположений, почему в Московском ВОКУ тогда было 13 рот.

Одно из них - 13-ая рота курсантов была особенной – почти чисто “суворовской”. Жила она отдельно от других батальонов не в казарме, а в помещениях, расположенных в спорткомплексе училища. И не потому, что они были “зачумленные”, а потому что, как считало командование ВОКУ, к суворовцам-курсантам требовался особый подход в их дальнейшем становлении, и потому, что многие из них, помимо учебы, продолжали серьезно заниматься спортом.

По выпуску из училища лейтенант В.Ю.Горбунов попал служить в отдельную бригаду охраны Министерства обороны, где с 1974 по 1985 гг. он последовательно прошел должности от командира взвода до начальника штаба батальона этой бригады.

Далее его военная карьера круто меняется. В 1985 г. Валерий Горбунов был приглашен на собеседование к Первому заместителю начальника Генерального штаба ВС РФ, (с1989г.) генералу армии В.И. Варенникову, герою Советского Союза (за Афганистан), который в качестве начальника почетного караула доставил Знамя Победы из Берлина в Москву. Не знаю, как Вы, уважаемый читатель, но перед встречей с такой знаменитой личностью, впи-

савшей немало знаменательных страниц в историю не только Вооруженных сил СССР и РФ, но и в историю всей России, Валерий Горбунов оробел.

Прибыв на собеседование, В.Ю.Горбунов несмело поинтересовался у офицеров - секретариата генерала армии, находящихся в приемной, как ему представляться – *“Рубить ли строевым шагом, или зайти к нему в кабинет нормальной походкой?”*. Ответ был приблизительно такого содержания – строевую выучку показать обязательно надо, но по ковру стучать сапогами – не надо. Только что начавшиеся размышления окончательно запутывавшегося бравого офицера (который ранее в своей повседневной жизни редко общался с генерал-майорами, не говоря о старших чинах), о том, как соединить “ежа с ужом” в данной ситуации, были прерваны звонком, приглашающим В. Горбунова в кабинет В.И. Варенникова.

Войдя в просторный кабинет, и шагая по устиланному пол ковру, строевым шагом, переходящим в гражданскую походку, окончательно растерявшийся Валерий Юрьевич, приблизившись к столу, за которым сидел генерал армии, громким голосом отрапортовал *“Товарищ генерал-майор (!!), майор Горбунов для собеседования прибыл!”*, тем самым понизив звание зам. начальника Генерального штаба - “генерал армии” сразу на четыре пункта.

Генерал В.И. Варенников, невозмутимо встал из-за стола, поздоровался, и предложил офицеру присесть, дав ему прийти в себя. После чего началось собеседование, во время которого в голове В.Ю. Горбунова все время вертелась одна и та же мысль *“Ну всё, эта моя последняя встреча с генералом армии – живой легендой”*. Однако, понимая волнение собеседника и удовлетворенный его ответами, Валентин Иванович Варенников в конце беседы сказал ему, что он может приступать к исполнению своих обязанностей в должности старшего адъютанта Первого заместителя начальника Генерального штаба.

Для В.Ю. Горбунова началась новая жизнь. Те, кто мало знают тонкости службы в штабах стратегического уровня, могут подумать, что боевой

офицер, занимая эту должность, превратился в “паркетного шаркуна из Арбатского военного округа”. И будут неправы – мундир полковника Горбунова украшают боевые ордена “За службу Родине в ВС СССР” 3-ей степени и “Звезда Республики Афганистан” 2-ой степени. А рядом на его мундире висят, звеня, несколько медалей за участие в боевых действиях в Афганистане, которые он получил, периодически находясь в этой стране с 1985 по 1989гг. в оперативной группе, возглавляемой В.И. Варенниковым. Побывал практически во всех уголках Афганистана, но не в качестве “военного туриста”, а как офицер, убывающий в очередную “горячую точку” ночью на «Аннушке», летящей на бреющем полете над землей и без светящихся опознавательных знаков.

Находясь в оперативной группе, много чего видел и узнал В. Горбунов о войне в Афганистане, о выводе войск 40-й армии оттуда, о переговорах командования с руководством Республики Афганистан и представителями непримиримой оппозиции. К сожалению, даже спустя 20 лет после этой войны, ещё не пришло время говорить “правду- матку” об этих событиях.

В 1986г., также находясь в оперативной группе, возглавляемой В.И. Варенниковым, В.Ю. Горбунов участвовал в ликвидации аварии на Чернобыльской АЭС, познав впоследствии на себе “прелести” радиоактивного облучения.

Работая под руководством Первого заместителя начальника Генштаба, В.Ю. Горбунов не в теории, а на практике познавал тактику войск, оперативное искусство и стратегию. Но и теории не забывал, не прерывая службу, он закончил Академию им. М.В. Фрунзе в 1991г., после чего его командир, наставник и учитель В.И. Варенников сказал: “А теперь полученные знания применяй на практике“, направив служить в оперативное управление Главного штаба Сухопутных войск.

Начиная с 1992г. и вплоть до увольнения в запас в 2001 г., полковник В.Ю. Горбунов служил старшим офицером-оператором в одном из направле-

ний Главного оперативного управления (ГОУ) ГШ ВС РФ, где сосредоточено всё планирование и руководство Вооруженными силами. С учетом дислокации войск по всей территории страны и часовых поясов, по которым живут военные округа, работа в кабинетах ГОУ кипела непрерывно, и днем, и ночью. В частности, работая в ГОУ, В.Ю. Горбунов занимался сложнейшими вопросами вывода российских войск из ставшей независимой Литвы.

Поэтому, как некую “благую весть”, воспринял Валерий Юрьевич свое назначение на должность старшего офицера-оператора в оперативную группу ГШ ВС РФ в штабе Верховного главного командования Объединенных Вооруженных Сил НАТО (ВГК ОВС НАТО) в Европе, расположенном в г. Монс (Бельгия).

Привыкший работать оперативно и своевременно реагировать на смену обстановки в войсках, прибыв к новому месту службы, офицер-оператор В.Ю. Горбунов еще долго удивлялся порядкам, царившим в штабе ВГК ОВС НАТО. Дело в том, что работа в этом штабе была строго регламентирована – с 9.00 до 18.00, с часовым перерывом на обед, плюс выходные дни в конце недели. Вечером штаб для офицеров был закрыт, несмотря на то, что офицеры-операторы руководили из Монса миротворческими войсками многонациональных сил SFOR, направленными на Балканы резолюцией ООН для стабилизации обстановки в этом регионе, где на гражданской войне, пылавшей тогда в республиках бывшей Югославии, проливалась кровь сербов, хорватов и боснийцев.

В соответствии с резолюцией ООН Россия отправила на Балканы отдельную воздушно-десантную бригаду, которая на период проведения миротворческой операции являлась составной частью многонациональных сил SFOR и имела собственный сектор ответственности в составе зоны ответственности дивизии “Север”. Бригада была предназначена для выполнения мирного соглашения в Боснии и Герцеговине. В ходе операции она взаимодействовала с частями оперативной группы "ОРЕЛ" (США). Все приказы,

распоряжения и другие исполнительные документы, отдаваемые российской бригаде, до представления на подпись ВГК ОВС НАТО должны были быть предварительно представлены для ознакомления и визирования в оперативную группу Генштаба ВС РФ, где в то время служил полковник В.Ю. Горбунов.

По возвращению в Генштаб в 1998г., вновь окунулся в напряженный ритм работы в ГОУ ГШ ВС РФ, периодически выезжая как представитель ГОУ ГШ в штаб объединенного командования войск в Чечне.

Закончив службу в рядах Вооруженных сил, В.Ю. Горбунов работал генеральным директором ООО ЧОП «Агентство безопасности ГРАНИТ», которая несет ответственность за безопасность ряда общественных предприятий, расположенных в Москве. Так что “покой на гражданке” Валерию Юрьевичу “только снится”.

Единственной отрадой для него является - рыбалка. Продолжая являться членом сборной Генштаба по рыбной ловле, Валерий Юрьевич объездил почти каждый водоем в Московской и Тверской областях, не взирая не непогоду зимы и лета, всегда возвращаясь домой с уловом. Поговаривают, что оставшиеся “в живых”, не выловленные им мудрые караси пугают своих непослушных мальков: “Не будешь слушаться - придет дядя Валера с удочкой и утащит тебя из среды обитания куда-то наверх“. Глядя, как Валерий Юрьевич мастерски рыбачит в любой мало-мальски пригодной для этого луже - я верю этой рыбацкой легенде.

“Любитель заграницы”

“Кадет - кавказец” из Казанского СВУ Владимир Александрович Мунаев появился в Москве в 2006 году. Его жизненный путь, типичный для большинства офицеров Вооруженных Сил СССР, во время его воинской службы выписывал замысловатые кренделя по городам и весям бывшего Советского Союза.

Родился он в Азербайджане, в суворовское училище поступил в Северной Осетии, заканчивал учебу в СВУ в Татарии, офицерскую карьеру начал в Грузии, затем вновь оказался в Азербайджане, служил в Монголии, военную карьеру завершил в Молдове на территории непризнанной мировым сообществом Приднестровской Молдавской Республики, далее работал в Поволжье, и, наконец, обосновался в Москве, сменив за время службы не один десяток квартир.

А теперь – по порядку. Не буду описывать его учебу в Казанском СВУ, она достаточно подробно описана в предыдущем разделе (см.- Новые пенаты суворовцев - «кавказцев»).

Начнем с его с учебы в Бакинском ВОКУ, которое он окончил с отличием в 1974 году. Благодаря спортивным навыкам, полученным в суворовском училище, Володя достаточно легко стал “кандидатом в мастера спорта” по офицерскому многоборью, куда входили и силовые дисциплины, и стрельба, и плавание, и кросс. Шутка ли сказать, придя в ВОКУ, В.А. Мунаев мог легко подтянуться на перекладине 52 раза, совершить “подъем переворотом” 25 раз с оттянутыми кончиками сапог и не сгибая ноги в коленях (при норме: 5 раз – на оценку “удовлетворительно”, 7 раз – на ”хорошо” и 9 раз - на “отлично”).

Официальные занятия в спортивной секции, особенно посещение бассейна, позволяли ему неофициально бывать дома, так как в то время его родители жили в Баку. А отличная учеба позволяла часто ходить в официаль-

ные увольнения, не говоря уж о самоволках в период влюбленности в местных девушек.

Вот такая вот проза курсантской жизни – хочешь свободы, будь отличником либо членом спортивной сборной училища, а лучше - и то, и другое сразу.

По выпуску из общевоинского училища молодой лейтенант В. Мунаев попал служить в г. Ахалкалаки Грузинской ССР на должность командира разведывательного взвода. Там ему в качестве “приданого наследства” досталось 12 раскуроченных мотоциклов “МВ-275”, мертвым грузом покоящихся в автопарке. Правдами и неправдами, и благодаря усилиям Владимира к бывшей груде металлолома была возвращена жизнь, и за короткое время его разведвзвод был признан лучшим в Кутаисском корпусе Закавказского военного округа. Его успехи в боевой подготовке были замечены командованием, и скоро В. Мунаев стал командиром разведывательной роты.

В 1976 году по ходатайству и приглашению командования Бакинского ВОКУ, В. Мунаев был направлен для дальнейшего прохождения службы в родное училище, где до 1982 г. он проходил службу в должностях командира курсантского взвода и роты. За шесть лет пребывания в училище Мунаев В.А. сделал один выпуск взвода курсантов и набрал одну роту. Его курсантский взвод на протяжении всех четырех лет был «отличным» и лучшим в училище и это высокое звание дважды (!) было подтверждено Московской инспекцией.

Поясню, почему поставлен восклицательный знак в предыдущем предложении. Для любого гарнизона Вооруженных Сил, либо ВВУЗа высокая комиссия из Москвы была “тихим ужасом”. Эта инспекция была бескомпромиссной, а ее оценки – жесткими, за которыми следовали выводы и громкие разбирательства с последствиями для всех, кто попадал под каток этой проверки. Поэтому получить “отлично” у Московской инспекции, удавалось далеко не каждому.

С конца 70-х годов тогдашний лидер Азербайджана Гейдар Алиев начал потихоньку от Москвы укреплять национальные военные кадры. Благодаря его негласному протекже начальником Бакинского ВОКУ был назначен генерал – лейтенант Э. Баршатлы. вместо фронтовика - генерал – майора А. Александрова. Первая встреча с ним запомнилась В. Мунаеву тем что, будучи дежурным по училищу, его взвод разгружал прилетевший из Германии самолет со скарбом генерала – лейтенанта. Большегрузный ЗИЛ был доверху наполнен только одними коврами.

Уже скоро в училище большее число курсантов «набиралось» из местных национальных кадров, составлявшие порядка 70% от общей численности обучающихся.

У них часто были проблемы с русским языком, что, в конечном счете, сказывалось и на успеваемости по другим предметам, так как преподавание велось на русском языке. Привыкшего к строгому уставному порядку капитана В.А. Мунаева также слегка коробило, когда он замечал в туалетных комнатах большое количество бутылок с водой (у мусульман было принято после туалета подмываться, а не пользоваться туалетной бумагой).

Поняв, что с таким воинством ему не по пути, Мунаев написал рапорт и “ушел в войска”, где до 1984г. служил начальником штаба мотострелкового батальона (МСБ) в одной из частей Закавказского военного округа. Эта должность давала ему право поступить в Военную академию. Однако во время сдачи вступительных экзаменов, у Владимира Александровича случилась семейная трагедия – умер отец, поэтому вместо экзаменов он хоронил родного ему человека. А в дальнейшем существовавший возрастной ценз для поступления в академию (32 года), не позволил ему получить высшее военное образование.

Далее военная судьба забросила В.А. Мунаева в Забайкальский военный округ, где он служил в должностях начальника штаба и командира МСБ, командира отдельного автомобильного батальона и начальника штаба брига-

ды материального обеспечения. Надо сказать, что служил Владимир Александрович за границей – в Монголии.

Славное местечко, по сравнению с Европой! Безлюдные и бесконечные степи, пустыни и однообразные холмы, где нелегко было ориентироваться по бездорожью. А когда начиналась песчаная буря – песок был везде: в глазах, ушах, во рту, в одежде и в еде. Асфальтированных дорог в Монголии не было, а были только направления от одного ориентира к другому. В этих условиях он и водил колонны автомобилей, обеспечивая боевую подготовку, жизнедеятельность и вывод войск армии, дислоцирующейся на территории Монголии. Те, кто служил в аналогичных условиях, знают, как тяжело выйти колонной в 50 – 150 машин в назначенное место и в установленный срок. Была еще и уборка урожая на целине, где только в одной автомобильной роте было более порядка 100 «партизан» и автомобилей, за которыми нужен был постоянный контроль и уход.

Наконец в 1990 году служба в “монгольской загранице” закончилась и вновь В.А. Мунаев служит “заграницей”, теперь уже в г. Тирасполе, Республика Молдова, где дислоцировалась 14-ая армия.

То было тревожное время. Рост центробежных тенденций в Советском Союзе спровоцировал конфликт вокруг Приднестровья, когда 2 сентября 1990 года в Приднестровье была провозглашена «Приднестровская Молдавская Республика» (ПМР) со столицей в Тирасполе.

С ноября 1990 г. молдавские правоохранительные органы пытались при помощи полицейских сил восстановить контроль над Приднестровьем. Ситуация в регионе осложнялась присутствием 14-й Российской армии. Армейские части могли быть втянутыми в назревающий военный конфликт, поскольку значительная часть офицерского корпуса состояла из уроженцев Приднестровья и лиц, давно там осевших. Военнослужащие были офицерами Советской, Российской армии, гражданами Молдавии и одновременно жителями ПМР. На армейскую технику претендовали молдавские власти, руково-

дители административных органов Приднестровья и приднестровские «гвардейцы».

1 марта 1992 г. молдавские боевики напали на одну из воинских частей бывшей Советской армии на правом берегу Днестра с целью захвата оружия. С этой стычки началась военная стадия конфликта. В 1992 г. в ПМР были введены части молдавской армии и «волонтёры». Бои приняли ожесточённый характер. Погибло много мирных жителей. В ходе боевых действий приднестровцы потеряли 203 человека убитыми (в том числе 169 членов вооружённых формирований) и около 300 человек ранеными. Молдавская сторона потеряла убитыми около 80 человек, более 500 было ранено, в том числе военнослужащих – около 350. Только район Бендер покинуло около 70 тыс. беженцев.

В такой обстановке Президент Российской Федерации Б.Н. Ельцин назначил командующим 14-й армией генерала А.И. Лебедь. Новый командующий немедленно выступил с требованием прекратить попытки силового решения приднестровского вопроса, заявив о готовности вверенных ему армейских частей при необходимости перенести боевые действия на территорию Правобережной Молдавии. Он недвусмысленно заявил, что в случае продолжения боев 14-я армия, расположенная в зоне конфликта, открыто вмешается в военные действия.⁶ А.И. Лебедь отдал приказ силам 14-й армии отеснить молдавские и приднестровские формирования от линии их соприкосновения и разместить в образовавшемся коридоре российский контингент. Была проведена операция по разъединению войск. Конфликт был заморожен. Вот в такой обстановке и пришлось служить В.А. Мунаеву в очередной “загранице”.

К повествованию о военных передрыгах следует добавить, что по пути следования к новому месту службы его железнодорожный контейнер со все-

⁶ Причём конфликтовавшие стороны были предупреждены о немедленном открытии огня подразделениями 14-ой Армии по ним без предупреждения, если в Тирасполе вновь начнутся вооружённые столкновения между группировками.

ми вещами пропал, а вместе с ним исчезло и все нажитое за время воинской службы, как и исчезли во время пресловутой денежной реформы все накопления за 6 лет службы в Монголии, лежащие на сберкнижке. В это же время в Баку, уже в независимом Азербайджане, мародерами была разграблена и занята квартира, полученная в период службы там. Словом – “гол как сокол” после 20 лет службы, с двумя сыновьями под мышками и тещей, бежавшей из Азербайджана от погромов, имея при себе из нажитого только два чемодана, В.А. Мунаев приступил к службе на новом месте.

Сначала он служил на должности начальника штаба, а затем командира бригады материального обеспечения. Руководя вверенной ему частью, обеспечивал жизнедеятельность частей 14 Гв. армии и помогал местным жителям восстанавливать разрушенную войною мирную жизнь. А в это же время сам жил, как бы это мягче выразиться “в спартанских условиях”, живя на «казенной мебели» на частной квартире и пронося два зимних сезона вместо шинели плащ, “подбитый ветром”. Но человек – существо живучее, особенно если он кадет, не привыкший отступать перед невзгодами.

Благодаря заботе Командующего 14 гвардейской общевойсковой армией генерал – лейтенанта Лебеда А.И. он, как и многие другие, получил в 1994 году 4-х комнатную квартиру в г. Саратов, а в марте 1996 года уволился из рядов Вооруженных Сил Российской Федерации. В Саратове Мунаев В.А. проработал до конца 2005 г. начальником службы безопасности ЗАО «СЗСМ» и переехал в город Москва, где работает в настоящее время в одном из Министерств Российской Федерации.

Парадный мундир суворовца Мунаева В.А., который он хранил с 1970 года, был передан им для оформления музея «Саратовского суворовского военного училища», расформированного в 1961 году и находящегося в здании бывшего суворовского училища в г. Саратов.

Грудь «кадета-кавказца» и ветерана Вооруженных Сил СССР и России украшают - орден «Знак Почета», орден «За службу Родине в Вооруженных Силах СССР» III степени, медаль «За боевые заслуги» и многие другие.

Следует также добавить, что вот на таких служивых как В.А. Мунаев, пусть и получивших высшее военное образование и не достигших высоких должностей во время воинской службы, и держится становой хребет российской армии.

Но если кто то думает, что такой жизненный путь и военная карьера были присущи только тем, кто не получил высшее военное образование и не занимал высоких должностей - приведу другой пример из жизни моего товарища, тоже суворовца- «кавказца».

Двенадцать воинских гарнизонов

С Володей Ковровым после ККСВУ мы не виделись 12 лет и встретились лишь в 1979 г., когда вместе поступили в Военную академию им. М.В. Фрунзе. Мы учились на одном факультете, но в разных учебных группах, поэтому наши встречи носили мимолетный характер. Сблизило нас участие в парадах на Красной площади. В парадной коробке академии мы оказались рядом в одной шеренге, поэтому у нас было достаточно времени, чтобы вдоволь поговорить, предавшись общим воспоминаниям.

От него я узнал, что после Кавказского СВУ он попал в Свердловское суворовское училище. Занимаясь спортом, получил несколько спортивных разрядов и был членом сборной училища по ручному мячу, которая три года подряд выигрывала зональные соревнования. А в 1969 г. Володя в составе сборной училища стал серебряным призером первенстве России по ручному мячу среди юношей.

В СвСВУ он был вице - старшиной роты и после окончания училища вместе со своими однокашниками Петром Березкиным и Валерием Горбуновым дальнейшее военное образование получил в Московском ВОКУ, которое закончил с отличием в 1974г.

Выпускник-лейтенант, окончивший ВОКУ с отличием, имел право выбора места дальнейшей службы. К удивлению многих он выбрал не одну из групп советских войск, находящихся за границей, а Дальневосточный военный округ, куда вместе со своим другом Лешей Потаповым они и убыли служить. Его слегка наивный расчет базировался на воззрении, что лучше он

молодым начнет службу в отдаленном гарнизоне, а к “старости лет” переберется в один из центральных военных округов России.

Часть, в которой служил лейтенант В. Ковров командиром мотострелкового взвода, располагалась в г. Белогорске Амурской области. Всего через год молодой лейтенант уже был командиром роты, получив за отличную службу звание “старшего лейтенанта” досрочно. Правда, эту звездочку он получил всего за пару месяцев до присвоения очередного воинского звания, но, все равно – “мелочь, а приятно”.

В 1977г. В. Ковров уже был начальником штаба батальона, а когда его воинскую часть расформировали, попал служить в Хабаровск, но уже на должность командира учебного батальона. Там же он женился, как говорится - в первый и в последний раз. Его верная спутница жизни Юлия Робертовна впоследствии следовала за ним по многим гарнизонам, куда В. А. Коврова забрасывала судьба, в том числе и в “горячие точки”.

В 1979г. его служба в Дальневосточном военном округе заканчивается. Прокормив два года батальоном, капитан В. А. Ковров поступил в Военную академию им. М.В. Фрунзе, которую закончил в 1982г. По выпуску из академии, за отличную учебу он вновь досрочно получает воинское звание “майор” и убывает служить в Таманскую дивизию на должность начальника штаба мотострелкового полка.

В 1983г. майор В. Ковров уже занимает “полковничью” должность начальника штаба 27 отд. бригады Московского военного округа, одной из задач которой было обеспечение военной охраны государственных объектов в Москве в случае чрезвычайных ситуаций, например, как это было при попытке государственного переворота ГКЧП. Прямо скажем – должность для майора весьма ответственная и “щекотливая”. По долгу своей службы Владимиру Анатольевичу приходилось взаимодействовать с другими силовыми структурами и встречаться с начальством высокого уровня. И майор с этой задачей два года успешно справлялся.

Новый – 1885 год семья Ковровых встречала на пятой служебной квартире, уже в Твери, куда В. А. Ковров был назначен на должность командира полка. Через 8 месяцев вновь смена места службы - Ковров попадает в город Ковров. Однофамилец города служил там 6 лет командиром самого большого по численности учебного полка в Московском военном округе.

Обучение военнослужащих в этом полку велось непрерывно днем и ночью. Каждый день на полигоны выезжали более 100 боевых машин, которые после стрельб и вождения надо было подготовить к завтрашним занятиям. К обслуживанию техники и вооружения надо ещё также добавить и выпускные экзамены учебных подразделений, и учения, и вопросы боеготовности, и повседневный быт части. И за все это несет прямую ответственность командир полка.

В 1990г. Владимир Анатольевич “вдохнул с облегчением”, став начальником штаба дивизии. Если проанализировать все служебные обязанности, возложенные на начальника штаба, то получается - он не должен покидать службу 24 часа в сутки.

Вопросы боевого планирования, разработка учений, караульная служба и многое другое обязывают начальника штаба быть лично ответственным за эти мероприятия, а дивизионная печать, которая находится при нем всегда и нужна другим круглосуточно, и вовсе наводят на мысль о целесообразности поставить раскладушку в его кабинете.

Наконец-то в 1992г. появилась реальная передышка в воинской службе. Владимир Анатольевич поступает на учебу в Академию Генерального штаба. Учеба давалась ему легко, пропадая в свободное время от занятий в спортзале, он, тем не менее, сдавал зачеты и экзамены на “отлично”. Эту черту подметили его коллеги по учебе, и решением учебной группы где он был, его назначили “отличником по выпуску из стен академии”. Собратья по учебе активно интересовались его успехами, лелеяли и заботились о нем, так как по выпуску они ожидали, что Ковров выполнит ими же поставленное условие -

в общий котел отдаст один денежный оклад из двух, положенных выпускнику, закончившему ВАГШ с отличием. В 1994г. к их радости праздничный стол по поводу выпуска из стен академии ломился от угощений - полковник В. А. Ковров окончил учебу с отличием.

И вновь служба. Два года (с 1994 по 1996гг.) В. А. Ковров был командиром 62-ой базы Группы российских войск в Закавказье. Ее штаб располагался в г. Ахалкалаки, а подразделения и склады были сосредоточены в армянском анклав на территории, ставшей к тому времени независимой Грузии.

В то время грузинская власть пыталась вернуть в свое лоно объявившие себя независимыми от Тбилиси Южную Осетию и Абхазию, а армянские добровольцы противостояли попыткам Баку вновь присоединить к Азербайджану Нагорный Карабах, также объявивший о своей независимости.

Все стороны, замешанные в этих военных конфликтах, отчаянно нуждались в оружии и боеприпасах. В этом смысле российские склады Группы российских войск представляли для них весьма лакомый кусок, как для хищения воинских запасов, так и в получении этих складов “в наследство”, когда Группа войск будет выведена из Закавказья. Это понимало и российское командование.

Поэтому по распоряжению полковника В. А. Коврова все подходы к складу, где находилось стрелковое вооружение, были заминированы, стальные двери в склад – заварены сваркой, на крыше также были установлены мины, периметр склада опоясывала колючая проволока. Этот объект охранялся часовыми, ночью караул усиливался БМП. Система охраны днем и ночью была под контролем развед. подразделения базы. Казалось бы – и мышь не проскочит, но - нет! Во время плановой проверки наличия оружия, когда автогеном вскрыли заваренные двери, в полу помещения был обнаружен лаз, ведущий в подкоп. Его глубина составляла 5 метров (!), длина прохода, вырытого в скалистом грунте зигзагами, чтобы, если на подкоп наедет БМП,

почва под ним не провалилась, – 25 метров. Для сравнения - в свое время И.Сталину хватило пятиметрового подкопа, чтобы сбежать из Тбилисской тюрьмы.

Он начинался в заброшенном овощехранилище, расположенном рядом со складом, где вынутый грунт был замаскирован досками, а заканчивался подкоп отверстием в полу склада, которое находилось точно между стеллажами с оружием. Можно ли сделать такой точный инженерный расчет подкопа без помощи, оказанной кем - то изнутри базы?

В итоге, при проверке оружия не досчитали 150 единиц хранения, а В. А. Ковров чуть не лишился должности, его косвенно спасло то, что в это время он был в отпуске, а предателя среди своих - скоро выявили.

Были и попытки захвата армянскими боевиками танков и БМП, находящиеся в распоряжении базы, которые, благодаря смекалке командира базы, были вовремя пресечены. И еще были другие случаи, влияющие на военную ситуацию в Грузии, для описания которых потребуется опубликовать отдельную книгу, воссоздающую то “смутное время” службы В. А. Коврова в Ахалкалаки.

Тем не менее, постоянно находясь “между молотом (Москвой) и наковальней (Тбилиси и Ереваном)”, за добросовестное выполнение своих обязанностей В. А. Ковров получил звание генерал-майора. Позже Владимир Анатольевич с юмором вспоминал: “Я очень обрадовался своему первому генеральскому званию. Погоны мне вручили при присвоении звания, а вот с брюками на которых должны быть лампасы - вышла проблема, которую все же решил, одолжив чужие штаны, которые были на 5 размеров больше. Ничего, затянул ремень потуже и вперед в ресторан – обмывать с друзьями звание. Гордый иду по улице, вдруг ко мне подсакивает какой-то алкаш. *«Майор, дай три рубля на опохмелку»* - говорит он. *«Возьми вон у того старшего лейтенанта»* - серьезно ответил я, показывая на полковника, шагающего рядом со мною”.

С 1996 по 1998гг. – снова смена воинского округа. Из Закавказья Ковров был направлен служить в Северокавказский военный округ. Штаб 58-ой армии, куда он попал, располагался в Орджоникидзе, на территории бывшего суворовского училища. С грустью смотрел суворовец- «кавказец» на то, во что превратилась его первая военная школа. Территорию бывшего СВУ занимали подразделения милиции, там же располагался полк связи, штаб армии, обслуживающий персонал и т.д. Здания обветшали и требовали ремонта, от бывшего величия училища мало что осталось. И вина всему этому – первая чеченская кампания, на завершающем этапе которой принял участие и В. А. Ковров.

В 1996г. в должности первого заместителя командующего 58 армии В. Коврова послали в Чечню руководить выводом частей 201 омсбр в Буденновск и обустраивать расположение бригады в “чистом поле”. Время было тяжелое. Был подписан Хасавюртский договор – чеченские боевики ходили как хозяева по территории бригады, дожидаясь, когда “русские уедут”. Военнослужащие бригады месяцами не получали зарплату, контрактники в массовом порядке увольнялись, в части недосчитывалось порядка 700 стволов вооружения. Все это привело к тому, что личный состав бригады был деморализованным. А в новом расположении 201 омсбр – “ни кола, ни двора”, все приходилось строить самим – и казармы, и парки, и другие помещения.

В дагестанском городе Буйнакске В. А. Ковров получил серьезную контузию. В октябре 1997г. боевики взорвали ночью штаб, где в то время ночевали представители 58 А прибывшие на учения. Многие тогда погибли, а Владимир Анатольевич выжил чудом - его спасла стена, возле которой он спал, которая одна после взрыва не обвалилась. После 10 дней пребывания в госпитале боевой генерал сбежал на службу.

В 1998г. В. А. Ковров убывает к очередному месту службы в Смоленскую армию. Из-за того, что в этом же году эту армию расформировали, толком не успев обустроиться в Смоленске и насладиться мирными буднями,

генерал вновь получает назначение служить в “очередной горячей” точке бывшего Советского Союза. Теперь он стал начальником штаба коллективных миротворческих сил СНГ (КМС СНГ) в Таджикистане.

В то время в условиях тупика военного противостояния конфликтующих сторон, начался медленный, но, эффективный процесс политического урегулирования таджикского конфликта. В итоге переговоров между президентом Таджикистана Э. Рахмоновом и лидером Объединенной таджикской оппозиции (ОТО) Саида Абдулло Нури, а также в результате консультаций между заинтересованными сторонами, включая Россию, проходивших под эгидой ООН, было выработано Общее соглашение об установлении мира и национального согласия в Таджикистане. Российские войска, составляющие костяк КМС СНГ, обеспечивали выполнение положений соглашения об установлении мира, а пограничные войска РФ предотвращали потоки наркотиков, оружия и террористов из Афганистана в Таджикистан.

В соответствии с пунктами Общего соглашения о мире, генерал В. Ковров обеспечивал возвращение боевиков ОТО из афганских баз к себе на родину - в Таджикистан, чтобы там они могли бы вернуться к мирной жизни. Руководство Таджикистана боялось, что они будут по-прежнему представлять серьезную военную угрозу и вновь смогут спровоцировать политические, религиозные и этнические волнения.

Шутка ли сказать, одних только боеприпасов к стрелковому оружию - 5 млн. единиц, переправившись через реку Пяндж, боевики сдали на хранение наблюдателям ООН, в то время когда у армии Таджикистана было в запасе всего 3 млн. боеприпасов. Поэтому таджикской стороной предпринимались всякого рода авантюры, типа взорвать паромы с боевиками, или негласно получить их вооружение со складов ООН для своей армии. Однако все эти попытки решительно и вместе с тем дипломатично, пресекались генералом В. А. Ковровым.

Среди многих эпизодов службы в Таджикистане Владимиру Анатольевичу особенно запомнилось три случая.

Первый был связан с просьбой одного из бывших полевых командиров оппозиции. Дело было в лагере для перемещенных лиц, когда бородач в халате, опоясанный поясом с 5 кг. золота, обратился с предложением к В. А. Коврову, чтобы русские забирали убитых кабанов, по ночам досаждавшие лагерю, так как мусульмане не имеют право прикасаться к “нечистому мясу”. Учитывая, что со снабжением российских войск было не ахти как, генерал с удовольствием выполнил эту просьбу.

Второй случай был серьезнее. Недовольные жизненными условиями в лагере, бывшие боевики в качестве заложников захватили генерала Коврова и Чрезвычайного и полномочного посла России Белова, и держали их в таком качестве до тех пор, пока их требования не были выполнены.

Третий и вовсе чуть не привел к возобновлению боевых действий. Выдвинувшись со стороны Узбекистана, отряды боевиков захватил таджикский город Ленинабад. Для их ликвидации были направлены правительственные войска. Однако генерал В.А. Ковров, обладая развед. информацией и зная тактику действий боевиков (здесь ему помог опыт боевых действий в Чечне), порекомендовал президенту Э. Рахмонову не начинать штурм, а отложить его на одну ночь. Это была трудная и бессонная ночь для генерала. Утром он оказался прав – ночью боевики покинули Ленинабад. За оперативное предвидение и за то, что кровопролитные боевые действия вновь не возобновились, президент Республики вручил орден ему “Славы Таджикистана”.

В 1999г. генерал В.А. Ковров был назначен в Сибирский военный округ заместителем командующего 41-ой армии в Новосибирске. Немного мирных будней и снова командировка в Чеченскую Республику, где начиналась вторая военная кампания.

Прибыв в Хасавьюрт, Владимир Анатольевич поразился, насколько изменилось отношение местных к российской армии. Теперь ее подразделе-

ния встречали как освободителей от ига чеченских боевиков. Для личного состава бригады, дислоцированной в Кизил – Юрте, где В.А. Ковров был в качестве представителя 41-ой армии, на базаре и в других местах все было бесплатно – и овощи и фрукты и еда в кафе. Прощались и potravы, невольно принесенные военной техникой местным сельхозугодиям.

Совершив 500 км. марш по горам, бригада заняла исходные позиции в Северной Осетии на границе с Чечней. Но в боевых действиях В.А. Коврову принять участие не довелось, его отозвали в Москву, где наряду с другими генералами после соответствующего инструктажа руководства Минобороны, они были назначены военными комендантами районов Чеченской Республики. Опять приходилось начинать все с нуля.

Первоначально численность его группы в станице Знаменской составляла 10 человек, хотя В.А. Коврову оперативно подчинялись все воинские подразделения и милиция Надтеречного района Республики. Только потом, благодаря усилиям генерала, появились узел связи и комендантская рота, другие службы и подразделения, которые способствовали налаживанию мирной жизни во вверенном ему районе Чечни.

После командировки в Чеченскую Республику до 2003 г. В.А. Ковров служил в СибВО, последовательно занимая должности начальника штаба, а затем командующего 41-ой армии.

В 2003г. он был назначен на должность заместителя командующего войсками Московского военного округа. Генерал – лейтенант В.А. Ковров несколько месяцев не дослужил до положенного срока увольнения из рядов Вооруженных Сил в запас – сказалось напряжение воинской службы и полученная контузия. В 55 лет он “заработал” инсульт, но и этот недуг он преодолел, постепенно возвращаясь к нормальной жизни. В процессе восстановления после болезни, Владимир Анатольевич смог, наконец- то, уделять больше внимания двум внукам, которые ему на радость родили его дочери. Детишки любят поиграть боевыми наградами, весящими на кителе деда – орде-

нами “Мужества”, “За боевые заслуги”, “Слава Таджикистана”, четырьмя медалями за выполнение боевых задач и многими другими наградами.

К слову сказать, за время службы В.А. Ковров сменил порядка 12 служебных квартир в разных военных округах Вооруженных Сил России, пока, наконец- то, не обрел собственную квартиру в Москве. И как-то не очень верится, что найдется много желающих стать генералом, при условии повторения этапов воинской службы В.А. Коврова, которому многое пришлось испытать и пережить. Отчасти благодаря первоначальному военному образованию в СВУ, которое привило ему необходимые высокие моральные и деловые качества будущего офицера, «кавказец» В.А. Ковров с честью выходил из этих испытаний. И поныне он с гордостью носит суворовский «поплавок».

“Нормальный гений”

Интересная жизненная судьба сложилась у моего друга, выпускника из Киевского СВУ, кадета – “кавказца” Нерсеса Ананикяна. Единственный, кто из нашего взвода окончил училище с золотой медалью, он в 1970 г. поступил в «Военно-космическую академию им. А.Ф. Можайского» — высшее военное учебное заведение, расположенное в Ленинграде.

Следует заметить, что еще в суворовском училище у Нерсеса существовало обостренное чувство справедливости и ощущение собственного достоинства, смелость говорить правду в глаза, невзирая на чины и ранги. “Нормальному гению от науки” среди своих сверстников командование Киевского СВУ прощало многое, а на некоторые его проделки просто закрывало глаза, так как Нерсес был любимцем у всего состава училища.

А в элитной академии СССР, куда он поступил, таких “гениев от науки” было – хоть пруд пруди. Поэтому, когда Н. Ананикян, на первых же порах его пребывания в “Можайке” получил взыскание, с его точки зрения не заслуженное, он высказал об этом в глаза начальству. Оно, не в пример киевскому начальству СВУ, церемониться с ним не стало, а просто его отчислило из стен академии. Так как Нерсесу уже исполнилось 18 лет, то он сменил курсантские погоны на солдатские. И был направлен дослуживать свой срочный срок армейской службы в одну из воинских частей Ракетных войск стратегического назначения, которая располагалась в Прибалтике.

Там его математические способности пришлись весьма кстати. Будучи рядовым, он негласно помогал офицерскому составу части делать математические расчеты по изменению баллистики ракет к новым целям, выдаваемых

на проверках в соответствии с учебными вводными проверяющих. Разумеется, за это Н. Ананикяна в штабе части очень уважали, поэтому в казарме он жил, как “король на именинах”. Однако знания математики и баллистики в воздухе летящих железяк сыграло с ним злую шутку. Отдельным приказом Минобороны он был уволен из рядов Вооруженных Сил на полгода позже остальных солдат - уж больно не хотелось расставаться командованием с ходячим компьютером.

Покончив с воинской повинностью, в 1973г. Нерсес вернулся к себе на родину в Ереван. Дабы “не сидеть на шеи у матери” и оказывать помощь своей старшей сестре, он устраивается на работу в Интурист в качестве переводчика с английского языка. Таким образом, он изменил своим любимым формулам в пользу лингвистики. Те знания иностранного языка, который он получил в стенах суворовского училища, позволили ему всего через полгода (!) стать персональным гидом - переводчиком (а такой чести удостоиваются наиболее опытные профессионалы своего дела, да и то не каждый). Вместе с богатыми иностранцами Н. Ананикян объездил почти весь Советский Союз в ходе их индивидуальных туров по стране.

В 1974г. мне удалось восстановить отношения с Нерсесом. В то время моя мама работала заместителем генерального директора Главной спортивной базы СССР, расположенной в Армении в Цахкадзоре. Поэтому, учась в Киеве, на каникулы я приезжал к матушке, захватив с собою группу друзей из училища. В Ереване мы вновь встретились с Нерсесом, и в дальнейшем поддерживали связь до “глубоких седин”.

Конечно, как и любая мать, моя матушка пыталась сделать так, чтобы и я, и Нерсес, и другие мои друзья, приезжавшие со мною в Цахкадзор, могли бы отдохнуть по “полной программе”. Поэтому обслуживающий персонал базы был строго проинструктирован – удовлетворять любые потребности и капризы будущих “олимпийских чемпионов”.

Чтобы перейти к следующему эпизоду повествования о первом покорении снежных вершин Кавказа следует отметить еще одну характерную черту в характере Нерсеса – его постоянное стремление добиваться успехов во всем, будь то наука или спорт. Как ранее упоминалось, мои друзья кадеты – “кавказцы” по Киевскому СВУ даже с беговыми лыжами были на “Вы”, а здесь в Цахкадзоре открывалась перспектива овладеть совсем уж экзотическим видом спорта для нас - горнолыжным слаломом. Поэтому на всю жизнь запомнился наш первый спуск на лыжах по горной трассе, расположенной рядом с олимпийской деревней.

Экипировку нам выдали на зависть всем профессиональным слаломистам – дефицитные лыжные ботинки “Альпины”, фирменные лыжи “Саламандра”, новейшую импортную модную экипировку, зеркальные очки и т.д. и т.п. Короче – взглянув на наш внешний вид, можно было прийти к выводу, что на горный склон вышли высочайшие ассы своего дела, перед которыми даже олимпиец Франц Кламмер должен был померкнуть, хотя он 25 раз выигрывал соревнования по скоростному спуску с гор (в 1974-1984 гг.). Правда, у этих атлетов гигантского слалома было два “маленьких” недостатка – на горные лыжи они встали впервые, а технику спуска с горы усвоили лишь теоретически, да и тот инструктаж происходил накануне вечером в баре, где мы поглощали армянский коньяк, слушая наставника в пол-уха.

Когда Нерсес, я и мой друг кадет Саша Курочкин в навороченной экипировке появились у подъемника, кругом все стихло, толпа “чайников” с благоговением расступилась, и мы без очереди уселись на кресла подъемника, который понес наши бранные тела куда-то далеко вверх. Сидя в креслах, мы весело переговаривались, болтая ногами с одетыми на них тяжеленными лыжами и любуясь открывающей панорамой величественных гор. Но по мере того, как высота подъема увеличивалась, а лыжники в долине превращались в форменных букашек, наше веселье постепенно начало стихать. Мы стали осознавать, что обратного пути для нас нет, кроме как на лыжах. Обратный

спуск в долину на подъемнике исключался - гордость не позволяла нам стать всеобщим посмешищем спортбазы.

Поэтому на первом же уровне остановки подъемника, мы кое-как сползли с кресел, и, не сговариваясь, отправились в бар, расположенный на склоне. И там начали усиленно поднимать уровень своей храбрости знаменитым на весь мир армянским напитком, громко сетуя (дабы слышали другие лыжники, которые пили только воду или кофе) на то, что тучи мешают нам “с ветерком” спуститься в долину. А солнышко в это время светило ярко и на небе не было ни облачка. Осознав несуразность своих претензий, и накачавшись до приемлемой величины храбрости, пришлось покинуть бар и выйти на трассу. Тот спуск “с ветерком” и мы, и обслуживающий персонал снежной трассы запомнили надолго...

Первые – очнувшись внизу, удивились, что они все еще живы, а вторым еще долго пришлось снежными машинами заделывать те выбоины, которые оставили наши тела на снежном покрове трассы.

Скатываясь кубарем вниз и прорывая своим телом очередную траншею в снегу, я, отплевываясь от снежных кляпов во рту, во весь голос благодарил бога за то, что так много осадков выпало этой зимой. Саша Курочкин смог затормозить в долине лишь тогда, когда его лыжи остановились, пробив фанерную стенку будки, где продавались билеты на подъемник. Причем, его лыжи прошили стенку, не задев ног остолбеневшей кассирши. А Нерсес вообще закончил свой горнолыжный спуск где-то там, далеко внизу, возле горной речки. Да и то, потому что там снега уже не было, и продолжать свой доблестный слалом по камням далее у него не было никакой возможности. Долго еще мы потом выгребали горстями снег из-за пазух герметической одежды, одетой на нас.

Как результат - Саша Курочкин вообще завязал с этим героическим видом спорта, я еще долгое время катался на уровне “чайника”, а Нерсес быст-

ро овладел мастерством и в скором времени уже был настоящим горным асом.

В следующий отпуск мы встретились в Ереване ранним летом 1974г. В этом году Нерсес подал документы в Ереванский университет на физико-математическое отделение. Его мама очень радовалась, когда мы, взяв учебники, шли заниматься якобы в университетскую библиотеку. На самом деле мы играли в настольный теннис в парке, расположенном рядом с Университетом. Игра у нас шла с переменным успехом, то чаша весов склонялась в его пользу, то в мою. И надо же такому случиться, в день сдачи единственного для него экзамена (все - таки золотой медалист) он порвал штаны, доставая крученный мною шарик! Времени искать новые брюки, у него не было. Поэтому, потный от игры, и прикрывая рукою прореху в штанине, он добровольно вошел в зал приемной комиссии первым, взял билет и без подготовки ответил на все вопросы на “отлично”. Не успел я отдышаться от прерванного матча, он вскоре вновь появился у теннисного стола и предложил закончить партию. Ну что тут скажешь – и мозги, и желание быть первым у Нерсеса никогда не пропадали!

Позже от его сокурсников я узнал еще один интересный момент, характеризующий Н. Ананикяна. По возрасту, он был одним из самых старших на факультете. Поэтому его назначили бригадиром стройотряда Университета. Здесь следует заметить, что ко времени студенческой практики ежегодно студенты Университета поголовно “заболевали”, неся в деканат свои справки с диагнозами болезней, несовместимыми с жизнью.

В первый же год бригадирства Н. Ананикяна студенты-строители, которые поехали с ним на практику, привезли оттуда столько заработанных денег, что даже после традиционных пирушек, Нерсесу хватило средств купить матери дефицитную югославскую мебель. Молва об этом мгновенно распространилась по Университету, и на следующий год в стройотряд, возглавляемый Н. Ананикяном, уже выстроилась живая очередь из мнимых больных.

Вместе с ним они побывали и на Камчатке, и на крайнем Севере СССР, знакомясь с просторами страны и прилично зарабатывая при этом.

По выпуску из Университета он пошел работать в один из научно-исследовательских институтов Еревана. Первым среди кадетов – “кавказцев” он стал доктором физико-математических наук. А выговорить тему его диссертации (о чем-то, связанном с макро и микро космосом) на трезвую голову у многих из нас не получалось. За короткое время он создал свою научную школу, часто выезжал в зарубежные командировки на различные международные симпозиумы и семинары. Много раз бывал и в Москве, останавливаясь у меня дома, обязательно встречаясь с друзьями – кадетами. Занятия спортом он также не забывал, правда, теперь у него появилось новое хобби – альпинизм. Поэтому в 1986 г. с ним случилась беда. Готовясь к альпийскому восхождению на одну из высочайших вершин мира, Нерсес сорвался со скалы и сильно разбился.

В результате он длительное время находился между жизнью и смертью, половина его тела была парализована, память и речь - отсутствовали. В эти трудные для него минуты, к нему в Ереван из Москвы вылетел Сережа Сергеев, в то время работавший хирургом в институте Склифосовского. А когда после сложной операции Н. Ананикяна для реабилитации перевели в Москву, за ним стала ухаживать и моя семья.

В Москве ему сделали еще одну операцию – вживив металлическую пластину в череп, а затем выхаживали, восстанавливая его память и речь. Тогда многие эксперты (в том числе и С. В. Сергеев) считали, что Нерсес на всю жизнь останется прикованным к инвалидному креслу. Поэтому, везя своего друга на очередную процедуру в инвалидной коляске, я, памятуя о прерванном полете блестящего ученого, в сердцах выговаривал ему, мол, *“какого... тебя понесло в этот Непал, что своих гор мало”*?

Не умея еще толком разговаривать, Нерсес все время твердил мне “Че, че, че”. Позже я узнал, что в переводе с армянского, это приблизительно оз-

начает “погоди, не спеши”. И действительно, шаг за шагом, к нему возвращалась память, постепенно восстановилась и речь, и не только на армянском языке, но и на русском и английском. Правда не совсем восстановилась работоспособность правой руки, однако кататься на лыжах и писать свои формулы она ему не очень мешает.

С развалом Советского Союза мы стали встречаться не столь часто. Ученики Н. С. Ананикяна оказались разбросанными по всему свету, поэтому он стал настоящим “гражданином мира”, кочуя из одной страны в другую, где по-прежнему продолжает развивать теоретические основы науки. Теперь он изредка наезжает в российские наукограды – Черноголовку и Дубну. А я редко бываю в Армении. Но при наших встречах можно легко заметить, что его верность нашему кадетскому братству осталась, а временно прерванный полет его научной мысли продолжается.

Инженер с “китайским уклоном”

Мой земляк по Дону, Миша Шабалов в отличие от меня, по окончанию суворовского училища был склонен к точным наукам. Ему доставляло удовольствие не только разбираться с математическими функциями, но и отковыряния в механической утробе техники. Поэтому после окончания Киевского СВУ с похвальной грамотой, он поступил в Рижское высшее командно-инженерное училище им. Маршала Советского Союза Бирюзова С.С., сдав без труда вступительные экзамены.

Учился он легко, и в свободное время познавал “советскую заграницу”. В 70-х годах прошлого века именно Рига, впрочем, как и вся Прибалтика, была такой “заграницей”. Средневековые узкие улочки города, аромат кофе, смешанного с рижским бальзамом, горячие булочки и говор на латвийском языке, доставляли будущему инженеру неизъяснимое удовольствие. Но познания достопримечательностей Риги не мешали поддержанию связей с кадетами - “кавказцами”.

То будущий хирург Сережа Сергеев, поступивший в Военно-медицинскую академию в Ленинграде, приедет навестить Михаила к нему в училище, то сам М. Шабалов нанесет визит своему другу Нерсесу Ананикяну, который в 1973г. уже тянул солдатскую лямку в воинской части где-то под Валгой, куда он попал после недолгого обучения в Академии им. Можайского. Либо Михаил наезжал в Киев, посещая своих друзей “кавказцев” в общевоинском училище.

В свободное от учебы время Миша пристрастился к занятиям бегом, в основном на марафонские дистанции. Не знаю как кому, но, по-моему, занятия этим “лосиным” видом спорта, имеет только одно преимущество – таким спортсменам, будучи в самоволке, легко уйти от погони военных патрулей. К выпуску из училища он уже имел несколько спортивных разрядов по бегу на

разные дистанции. Так незаметно и пролетели пять лет учебы М.П. Шабалова в Риге.

И здесь военная карьера Михаила Павловича дает сбой – по независящим от него причинам он был вынужден по выпуску из училища уйти на гражданскую службу.

Знания, которые получил М.П. Шабалов в суворовском и в военнотехническом училищах,годились ему в народном хозяйстве. Казалось бы – блестящий инженер, сиди себе в рабочем кабинете, “черти черными чернилами чертеж и в ус не дуй”. Ан, нет!

В конце 80-х годов XX века началось долгожданное потепление взаимоотношений между Россией и Китаем, которые были основательно подпорчены периодом “китайской культурной революции”.

Взаимовыгодное партнерство в области народного хозяйства сулило большие выгоды обеим сторонам, и могло принести большую пользу России, как в финансовом плане, так и восстановлении утраченных позиций на громадном экономическом рынке Китая. Перед российскими инженерами открывались грандиозные перспективы восстановления народнохозяйственных связей в различных областях сотрудничества, а экспертов, владеющих китайским языком, в стране катастрофически не хватало. Вот и засел Михаил вновь за учебники, но не за технические, а лингвистические, познавая китайскую грамоту. В результате, достигнув требуемого уровня знаний, инженер М.П. Шабалов был послан работать в Китайскую Народную Республику.

Следует заметить, что самыми точными впечатлениями о государстве являются первые моменты знакомства с нравами и обычаями страны. Также и Михаилу Павловичу запомнилось именно то, чем отличается китайские нравы от российских.

Первое, что ему бросилось в глаза – это море велосипедистов, серой массой едущих по узким улочкам Пекина. Как уверяли Михаила местные

жители, если соблюдать правила пешеходного перехода улицы, то им при своей жизни ее перейти будет невозможно.

А московские автоинспекторы, прибывшие в Пекин в командировку, глядя, как работают уличные светофоры, ему с тоскою говорили, что только за один день они бы смогли обогатиться, взимая штрафы за нарушение правил дорожного движения.

При этом, некоторые велосипедисты, управляя своими железными конями, нагруженными доверху, умудрялись по ходу движения читать газеты, прислушиваясь к звонкам своих пейджеров (которые в то время были еще редкостью в Москве). Как только раздавался звонок, велосипед тут - же бросался на дороге, а возле телефонных будок скапливалась большая очередь желающих поговорить по телефону.

При этом жители Пекина, в отличие от москвичей, четко ориентировались по сторонам света, а дистанцию до места назначения определяли не в количестве кварталов, которые надо пройти или проехать, а в десятках, сотнях метров и километрах, и очень часто – с точностью до метра.

Второе наблюдение касалось отношений китайской власти к эмигрантам. Эмиграция никогда не считалась в Китае изменой Родине. В отличие от России, она всегда поощрялась и сейчас поощряется китайскими властями. При этом, основной вектор современной китайской миграции направлен не в Россию, а в страны Азиатско-Тихоокеанского региона и государства Запада, где китайские диаспоры в разных частях мира насчитывают свыше 40 млн. человек. Особенно они значительны в Сингапуре, США, Таиланде, Индонезии, Малайзии, где существуют знаменитые чайна-тауны.

Кроме того, правительство КНР направляло и направляет сейчас на обучение в лучшие западные ВУЗы сотни тысяч молодых людей, большинство из которых, получив соответствующие дипломы, остаются работать на Западе. Они осваивают там биотехнологии, информатику и другие высокотехнологичные области индустрии, но не перестают любить свою Родину. Мно-

гие из них со временем возвращаются домой, привозя с собой полученные знания, опыт и даже производственные секреты, а некоторые – и солидный капитал. Даже те, кто почти всю сознательную жизнь, прожили за рубежом и сколотили миллиардные состояния, стремятся на склоне дней вернуться на родину предков. Среди них немало и таких, которые вообще родились не в Китае. Поэтому эмиграция у китайцев носит название «хуацяо», что можно условно перевести как «китайцы, живущие за границей», но более точный перевод будет звучать как «мост на китайский берег с другой стороны океана».

Третье наблюдение было связано с развенчанием мифа о китайской военной угрозе России в современных условиях. Будучи сам когда-то военным, Михаил Павлович, ради получения информации об этой угрозе ознакомился с основами военной политики Китая, отраженными в официальных документах по вопросам национальной безопасности КНР. В том числе и с «Белой» книгой «Национальная оборона Китая». Знакомство с ней показало, что в последнее время происходят определенные изменения во взглядах китайского руководства на угрозы безопасности для своей страны.

Так, Пекин в обозримой перспективе практически исключает возможность возникновения по периметру границ страны какого-либо крупного вооруженного противостояния с вовлечением в него Китая, а тем более перерастания его в полномасштабные военные действия. В то же время допускается вероятность применения вооруженных сил для защиты целостности государства (Тайваньская проблема) и отстаивания суверенитета КНР над спорными территориями и акваториями (район индийского штата Аруначал-Прадеш в Южном Тибете, острова Спратли в Южно-Китайском море и Дяо-юйдао (Сэнкаку) в Восточно-Китайском море и некоторые другие). Именно они, как представляется, и составляют пространства возможных вооруженных столкновений Китая с оппонентами, а территория России в эти пространства не входит.

Но вместе с тем, Михаил Павлович не исключает и того, что по мере наращивания Китаем своей совокупной мощи и, как следствие, расширения политических, экономических и иных интересов, а также роста великодержавных амбиций и связанных с ними противоречий между Москвой и Пекином, эти факторы могут вызвать потенциальную угрозу национальной безопасности России.

Также М.П. Шабалов, наблюдая за действиями развитых государств - ведущих игроков в Юго-Восточной Азии, пришел к выводу, что в современных условиях сильные государства достигают свои цели невоенными средствами, в том числе за счет стратегии не прямых действий (финансово-экономическое внедрение, кооперационные связи, осуществление «цветных революций» для приведения к власти ориентированных на них режимов, информационное воздействие и т. д.). Поэтому, если Китай и будет завоевывать Россию, то только мирными средствами, включая торговлю, финансы, разработку российских недр, лесных и сельских территорий Российского Дальнего Востока.

Работая в российском представительстве в Пекине М.П. Шабалов, по мере своих сил, также развенчивал мифы о российской военной угрозе Китаю. Он понимал, что взаимовыгодное сотрудничество в области тяжелого машиностроения и авиации, сделают больше для упрочения доверительных отношений между Москвою и Пекином, чем лозунги некоторых ястребов, пытающихся вбить клин в стратегическое партнерство между РФ и КНР. В своей работе М.П. Шабалов следовал, как ему казалось, верному тезису, приписываемому главному китайскому реформатору Дэн Сяопину – *«Не важно, какого кот цвета – черный он или белый. Хороший кот такой, который ловит мышей»*. Пробыв до 2002 года в Китае, М.П. Шабалов вернулся в Москву.

Накопленный багаж знаний и опыт взаимовыгодного сотрудничества, приобретенный в КНР, позволил ему вновь выехать в 2005 году в зарубежную командировку, теперь уже в Южную Корею.

И вновь новые впечатления о местных нравах и обычаях.

Во-первых, южнокорейцы, несмотря на поддержку СССР Пхеньяна в 50-е годы XX-го века во время гражданской войны, очень тепло относятся к России. Сеул, так же как и Москва, с тревогой следит за ситуацией в Северной Корее, особенно за попытками Пхеньяна стать полноправным членом “ядерного клуба”. При этом официальные власти Северной Кореи мало уделяют внимания катастрофическому положению в сельском хозяйстве Республики и голодному существованию населения страны. Но это, так сказать геополитический аспект наблюдений Михаила Павловича.

А вот из жизненных наблюдений ему запомнились следующие моменты.

Южнокорейское общество достигло огромных успехов в материальном благополучии, можно смело утверждать, что в Южной Корее, как и в Греции, все есть. Дух стремления к дальнейшему развитию присутствует и сейчас, но складывается впечатление, что энтузиазма в этом процессе все меньше.

Бросилось в глаза то, что автомобильный парк подавляющего большинства южнокорейских граждан состоит из отечественных марок любого класса. Патриотизм в этом вопросе необыкновенный. Кстати, еще одной характерной чертой патриотичности является обязательная служба в армии мужского населения в возрасте от 18 до 35 лет. Не поверите, приезжают из заграницы, чтобы отдать долг.

Одной из особенностей Южной Кореи является достаточно низкий уровень преступности, а наличие у граждан даже холодного оружия, не говоря уже об огнестрельном, считается чрезвычайным происшествием.

Об этом и о других интересных наблюдениях, Михаил Павлович с удовольствием рассказывает своим друзьям кадетам - “кавказцами” по возвращению из командировок в Москву.

В настоящее время М.П. Шабалов работает региональным директором в линговой компании, используя полученный опыт и знания для продвижения российской продукции на рынки стран Центральной и Юго-Восточной Азии. И ничего страшного в том, что в свое время он не стал видным военным деятелем, зато народное хозяйство страны в его лице приобрело хорошего эксперта в своей отрасли знаний. И в этом видится багаж тех знаний и навыков, которые Михаил Павлович получил, будучи воспитанником суворовского военного училища.

Может ли офицер со странной фамилией стать генералом?

В начале повествования уже упоминалось о мальчике, жившем на улице Горького д. 162 в Ростове-на-Дону с “легко” выговариваемой фамилией - Тазехулахов Саша, дальнейшая судьба с которым связала нас на долгие годы. Мы вместе поступали в Кавказское СВУ, учились там в одном взводе, вместе ездили на каникулы в Ростов, вместе продолжали учебу в Киевском СВУ и участвовали во многих проделках. После выпуска из Киевского СВУ наши пути разошлись.

Я остался в Киеве, а он поступил в Ленинградское высшее зенитно-ракетное командное училище. Вместе с ним туда направились учиться кадеты-кавказцы Е. Павелецкий, С. Шинкаренко, С. Сердюков и Ю. Сахаров. Осенью этого же года они создали вокально-инструментальный ансамбль «Наследники». Эти «наследники» из Киевского СВУ успевали и учиться, и выступать с концертами в училище и в городе, и даже в Ленинградской области. Ансамбль везде пользовался большой популярностью.

Концертные турне так увлекли участников ансамбля, что весной 1972 г. после приглашения работать в Ленконцерте, они решили бросить учебу и стать профессиональными музыкантами. Вовремя вмешалось руководство училища. Аппаратуру отобрали, неудавшихся артистов Ленконцерта изолировали друг от друга, пригласив в училище их родителей. Проведенная руководством училища и родителями совместная операция «прочистки мозгов наследникам» дала положительный результат, страсти улеглись, музыканты дали слово, что будут учиться, им вернули аппаратуру и концертная деятельность продолжилась. В этом же году Александр женился в первый раз. Его молодая жена переехала к нему из Ростова в Ленинград, где они снимали квартиру, и вскоре у них родился первый ребенок - сын.

Несмотря на концертную деятельность, в 1974 г. Александр окончил учебу с отличием и с правом выбора места дальнейшей службы. Он выбрал Группу Советских войск в Германии (ГСВГ). Молодой лейтенант был назна-

чен старшим техником радиотехнической батареи в зенитный ракетный дивизион, который дислоцировался вблизи н.п. Драхваузен. Ему было обидно: инженер с красным дипломом, а назначен на должность техника. А тут еще командир батареи поставил “гуманитарное” условие-стимул: научишься квалифицированно выполнять возложенные обязанности - разрешим проезд жены к месту службы мужа. Чтобы ни что не мешало выполнять поставленные задачи, он стал жить на командном пункте дивизиона в помещении, предназначенном для отдыха дежурной смены. Для него подтвердилась правота поговорки – “что ни делается, все к лучшему”. Находясь на службе 24 часа в сутки, он досконально изучал технику, постигал азы управления подчиненными, присматривался к сослуживцам, а они – к нему.

Краснодипломник обратил на себя внимание командования уже в первый месяц службы. Во время сезонного технического обслуживания, действуя в строгом соответствии с инструкцией, он полностью разобрал мощный генератор СВЧ⁷, для облуживания которого применяется спирт. Командир батареи, увидев это, временно потерял дар речи. Позже, осипшим от спазм голосом, задал вопрос: *«Почему не спросил, что можно делать, а чего нельзя? Все знаешь? Ну-ну, Кулибин!»*. Развернулся и ушел.

Вначале Александр подумал, что тот пожалел спирт (была такая практика: спирт выпить, а затем подышать на деталь, которую необходимо почистить, протерев ее ветошью). Но вид и голос командира батареи заставили напрочь отбросить эту мысль. Как оказалось, эту процедуру никто не проделывал с момента получения техники с завода-изготовителя (более 15 лет!), кроме того, никто не знал, в т. ч. и Тазехулахов, как осуществить сборку и настройку генератора. В результате, все офицеры радиотехнической батареи сутки, не уходя с позиции боевого дежурства, вместе с ним собирали и настраивали генератор. Что тогда выслушал в свой адрес Александр – история

⁷ СВЧ генератор - аппаратура сверхвысокой частоты.

умалчивает. Зато он изучил до винтика генератор и одновременно пополнил словарный запас в части ненормативной лексики. По окончании работы похвалы не было, но многие обратили внимание на его упорство, трудолюбие, умение работать с технической документацией, а главное – приняли в свой коллектив.

Вскоре аналогичный случай произошел в другом дивизионе, но собрать и настроить генератор там никто не смог. Вспомнили о А. Тазехулахов. В качестве “скорой помощи” новоявленный Кулибин был доставлен в дивизион, где за пару часов все собрал и настроил. С тех пор он осознал правоту назиданий первых командиров-наставников: «Высшая школа дает возможность получить необходимые базовые знания, а продолжать учиться самому необходимо всю жизнь. Если в данный момент в определенной области ты знаешь и умеешь больше, чем другие – это относительное и временное превосходство. Не стыдись перенимать все лучшее у других, даже если они младше по возрасту, должности, званию, и имеют другой социальный статус».

В 1975 г. в его семье родился второй сын. В одной комнате общежития, где он жил стало тесно. С разрешения командования Александр пробил в стене проем в соседнюю пустующую комнату, и получилась у него двухкомнатная квартира. Прослужил А. Тазехулахов в ГСВГ два года вместо положенных пяти.

В июне 1976 г. его часть была выведена в Одесский военный округ для перевооружения на зенитный ракетный комплекс «Круг». Полк был преобразован в зенитную ракетную бригаду. Её личный состав с сентября по декабрь прошел переучивание в Оренбургском учебном центре. А 30 декабря бригада прибыла для получения нового вооружения и проведения стыковочных стрельб на полигон Эмба в северном Казахстане. Мало того, что кому то из начальства приспичило оторвать офицеров от их семей в канун Нового года, а еще тут в степи – дует пронзительный ветер и морозы под -40⁰С. При-

годились суворовская школа выживания. Палатки обваловали снегом, установили «поларисы» (труба диаметром 10-15 см, заваренная снизу, имеющая отвод для заполнения топливом и окно-топку для поддержания процесса горения – прекрасный конкурент «печки-буржуйки»), и полевая жизнь начала налаживаться.

Пункт дислокации бригады - поселок Рауховка, в то время был специфическим населенным пунктом. Фактически – это железнодорожная станция и крупный военный городок (в нем располагалась вся административная, парковая, аэродромная и жилая инфраструктура двух бригад, вертолетного полка, подразделений обеспечения и обслуживания). По другую сторону железной дороги располагался поселок Новоселовка – не менее, чем Рауховка, специфический населенный пункт (место отбывания наказания лиц, осужденных к лишению свободы за преступления, совершённые по неосторожности, проституцию, а также иных лиц, совершивших преступления небольшой тяжести).

С момента прибытия воинской части из ГСВГ между жителями двух поселков установилась теснейшая бартерная связь – ГДРовские хрусталь, чайные сервизы и многое другое обменивалось на местную «бормотуху» (дешёвое креплёное плодово-ягодное вино, на основе некачественного вино-материала, сахара, этилового спирта, воды и красителей) на выгодных для обеих сторон условиях. Многие холостые, да и женатые офицеры частенько после службы переходили на «ту сторону железной дороги». «Бормотуха» и легкодоступные женщины делали свое черное дело. И не трудно представить, что было с “блудными котами” по их возвращению домой из Новоселовки. Не все семьи выдерживали это испытание, некоторые них – распадались. К сожалению, развелся и Александр.

В бригаде А. Тазехулахов прослужил до 1982 г. в должностях от начальника расчета до первого заместителя командира зенитного ракетного ди-

визиона. И в том же году в звании “капитан” он поступил в Военную академию ПВО в Киеве.

Поступить в академию ему было не так просто: во-первых – беспартийный, во-вторых – разведенный. Первое удалось быстро исправить (до поступления в академию был принят кандидатом в члены КПСС), в остальном помогли друзья и бывший командир этой бригады, который к тому времени занимал должность начальника курса в академии.

По окончании первого курса Александр женился вторично⁸. В то время холостой офицер в академии вызывал подозрение – или болен физически, или не все в порядке с головой. Академию закончил в 1985 г. По выпуску из академии он защитил свой диплом на «отлично». А по завершению защиты выслушал от руководителя похвалу в свой адрес с небольшой ремаркой: *«Тазехулахов, ты молодец, полковником обязательно будешь. Но о генерале – даже не мечтай. Генерал и такая экзотическая фамилия – не только не совместимы, но трудно произносимы даже в трезвом виде»*.

По выпуску из академии он был уверен, что получит назначение в Дальневосточный военный округ – после своей стажировки там, он привез отличный отзыв и отношение за подписью командующего войсками округа. Приказ Министра обороны о распределении офицеров зачитывал начальник отдела кадров академии по списку, составленному в алфавитном порядке. Те, которым зачитали распределение до А. А. Тазехулахова, реагировали по-разному: кто-то радовался, кто-то возмущался, кто-то не выражал никаких эмоций. К последним относился и Сан Саныч: сидел спокойный, как удав после сытного ужина и уверенный как лев (недаром же привез отличный отзыв со стажировки!), индифферентно воспринимая происходящее вокруг волнение.

⁸ Здесь надо заметить еще одну черту героя нашего повествования. Помимо музыки, как только Александр влюблялся – его избраннице немедленно следовало предложение руки и сердца. Если у его возлюбленной уже были дети – он сразу же усыновлял их и заботился о них как о собственных. Такую операцию за свою жизнь он проделывал несколько раз.

А когда объявили, что он назначен командиром дивизиона в бригаду, которая дислоцировалась в н.п. Каахка, Сан Саныч подумал, что это где-то заграницей. Радости не было, но и разочарования тоже. Сохраняя спокойствие, по завершению мероприятия он подошел к начальнику отдела кадров и спросил, в какой стране будет проходить дальнейшую службу. Ответ был краток, как выстрел: «В “Чуркестане”, ориентир по карте – 3, 473 км от Киева на юго-восток». Оказалось, что эта «заграница» находится в Туркестанском военном округе, при этом не столько за границей, сколько на границе с Ираном.

Жена восприняла распределение без особого восторга, но и без укоров (типа – мог бы и подсуетиться). Они прилетели в Ашхабад в конце июля, на трапе самолета было ощущение, что окунулись в кипяток, только совершенно сухой. Никто их не встретил, как позже выяснилось, встречающая машина сломалась на полпути до Ашхабада.

Сели в забитый пассажирами в тубетейках автобус и три часа при температуре 45⁰С ехали, обливаясь потом. Автобус остановился в центре Каахка, пассажиры вышли и быстро разошлись. Они стались одни под палящим Каракумским солнцем. Рядом с остановкой стоял ишак, жуя верблюжью колючку, а под деревом в позе “Лотоса” сидела девочка-туркменка лет семи. Рядом стояла трехлитровая банка с мутной жидкостью, покрытая грязной влажной тряпкой. Пить хотелось нестерпимо. Куда дальше двигаться они не знали, а спросить было не у кого. Видя замешательство и не совсем презентабельный вид, девочка налила в пиалу белесую жидкость и протянула Александру со словами: «Пейте – хуже не будет». Вся семья выпила этот “спасительный эликсир свежести”. Видя, что они “новенькие”, девочка наотрез отказалась брать с них деньги. Действительно, после выпитого прохладного кисловатого и непонятного напитка, стало лучше. Подобрал их с остановки случайно проезжавший мимо начальник политотдела бригады. Только и спросил: «Чал пили?». «Это что?» - вопросом на вопрос ответил Сан Саныч.

«Это то, что стояло под деревом», ответил он. «Пили». Как приговор прозвучало: «Готовьтесь в госпиталь с дизентерией». Бог миловал - “новенькие” не заболели.

По приезду в часть семья вначале разместилась в общежитии. Первую ночь не спали, укрываясь простынями, смоченными водой (температура ночью не опускалась ниже 30⁰С). Этой ночью Александр вышел покурить на балкон, густо увитый диким виноградом. Там он познакомился с диковинным насекомым. Что-то очень большое, похожее на кузнечика, только с очень длинными телом и ногами смотрело на него, сложив передние лапы крест-накрест, и низко кланялось - это был богомол. Короче, полный комплект восточной экзотики – жара, Каракумы, ишаки, тибетейки, чал и этот богомол горячо приветствовали майора на новом месте службы.

Семья жила в закрытом военном городке. Следует заметить, что такие городки спланируют людей. Все у всех на виду, как в деревне. Надеяться не на кого, кроме самих себя. Хочешь жить лучше – живи, но делай все сам. Материалы покупали, а строили все своими силами, в том числе в выходные дни. За время службы в бригаде с активным участием Сан Саныча были построены и оборудованы позиции боевого дежурства, классы, детский городок, и многое другое, произведено озеленение территории. Не на все, правда, хватало денег. Что-то приходилось приобретать путем “заимствования”. Как правило, задача ставилась примерно так: накладная выписана, получать товар желательно ночью, далее указывалось где, что именно и в каком количестве можно было негласно получить.

Памятуя о том, что предела совершенствованию нет, офицеры решили на боевой позиции оборудовать пруд (официально он именовался пожарный водоем) и разводить рыбу. Пруд оборудовали, но радовались не долго. Рыба в нем не только не размножалась, но и жила не дольше 7 дней. Из-за соленых грунтовых вод, уровень которых поднялся, скоро позиция превратилась в солончак и все деревья погибли. А Сан Саныч пришел к выводу: вмешиваться в

природу можно, но делать это нужно на основе знаний и опыта с соблюдением принципа врачей – “не навреди”.

С 1985 по 1991 гг. Александр Александрович проходил службу в зенитной ракетной бригаде в должностях командир отдельного зенитного ракетного дивизиона (4 года) и заместитель командира бригады (2 года). В 1991 г. его повысили в должности, назначив начальником ПВО дивизии, которая дислоцировалась в г. Термезе. Однако быть начальником пришлось недолго. Распад СССР из де-юре перешел в де-факто. Предложение занять должность заместителя начальника войск ПВО Республики Узбекистан А. А. Тазехулахов вежливо, но твердо отклонил, поэтому ему пришлось искать себе новое место службы.

В мае 1992 г. ему помогли встретиться с начальником войск ПВО СКВО, который согласился дать отношение на должность старшего офицера управления войск ПВО в штабе округа в Ростове-на-Дону. Это было понижение, но одновременно – и возможность продолжить службу в рядах российской Армии. Но всего через 10 дней с момента получения отношения, какие-то не известные внешние факторы изменили решение начальника войск ПВО округа. Он предложил новую должность – заместитель командира зенитной ракетной бригады по вооружению. Выбирать не приходилось, и Сан Саныч согласился.

Выйдя из кабинета, он сразу попал в «объятия» комбрига. По пути в часть ее командир “вдохновил” А. Тазехулахова планами на ближайшую перспективу, что заняло около часа. Кроме этого, он узнал, что через месяц бригаде предстоит полевой выход с выездом на Ейский полигон, а затем – тактическое учение с боевой стрельбой на полигоне Эмба. Благодаря трудолюбию, Александр Александрович со всеми возложенными на него задачами справился успешно. Вскоре его бригада перешла на новый штат с вооружением ЗРК «Бук». Но, для этого бригада должна была выехать на переучивание в Оренбург.

В новом штате ему предложили вновь занять прежнюю должность, но А. Тазехулахов отказался. Тогда его вывели в распоряжение командующего войсками округа, оставив в пункте дислокации старшим для сдачи старой техники и вооружения. Далее его ждали госпиталь и увольнение со службы – т.е. окончание военной карьеры.

Что такое сдача вооружения и техники, находившейся в эксплуатации более 20 лет, на базы и арсеналы знают только специалисты. Этот “тихий ужас”, автор, для сохранения нервных клеток читателя - описывать не будет. По завершению решения поставленных задач, наш герой лег в госпиталь, где получил заключение врачебной комиссии «Здоров и годен к военной службе». Осталось только ждать приказ об увольнении, которого все еще не было. Увольняться из рядов вооруженных сил А. А. Тазехулахову очень не хотелось – и чудо случилось. В конце февраля 1993 г. ему позвонил новый начальник войск ПВО округа: *«Отдохнули? Пора на службу. Приезжайте в Ростов. Вы назначены старшим офицером отделения эксплуатации вооружения управления войск ПВО округа»*.

Этот поворот судьбы был неожиданным для Сан Саныча. И он понял, что вся дальнейшая служба будет неразрывно связана с вооружением и военной техникой. Учитывая, что в армии связь, службы вооружения и тыла в мирное и в военное время работают непрерывно, стало ясно, что “расслабиться” в управлении округа не придется. В течение двух лет он настолько освоился в должности, что получил предложение заместителя командующего войсками СКВО по вооружению перейти в службу ракетно-артиллерийского вооружения округа, но там, что-то “не срослось”.

В 1995 г. он был назначен начальником оперативного отдела управления войск ПВО СКВО, где уверенно руководил отделом три года. Поэтому в январе 1998 г. он был назначен с повышением – начальником штаба войск ПВО СКВО. Штатно-должностная категория – “генерал-майор”. Вспоминая пророчество руководителя дипломной работы в академии «О генерале не

мечтай», Сан Саныч обрадовался, но очень уж рано возликовал. Всего через два месяца в управлениях военных округов проводилось уточнение штатно-должностных категорий. В результате, штатно-должностная категория начальника штаба – первого заместителя начальника войск ПВО округа, была определена - “полковник”.

Летом 2000 г. начальник войск ПВО округа, который пристально следил за службой А. А. Тазехулахова и был им доволен, получил назначение на высшую должность – начальник войсковой ПВО ВС РФ и убыл в Москву. На освободившуюся должность претендовали двое, один из них – Сан Саныч. Кандидатуры рассматривались на Военном совете округа. Совет рекомендовал на должность начальника войск ПВО округа назначить Александра Александровича. Командующий войсками СКВО рассмотрел предложение и подписал представление, но не на А. А. Тазехулахова. В тот же день командующий войсками округа вызвал его и сказал: *«Не знаю, кто из вас лучше в профессиональном отношении, но его я знаю дольше. Не обижайся, каждый создает свою команду»*.

Бывшему начальнику войск ПВО СКВО в Москве тоже нужно было создавать свою команду. Вследствие этого в 2000 г. А. А. Тазехулахов был назначен заместителем начальника штаба ВПВО ВС РФ по боевому управлению и переехал в Москву. Не забывая, что учиться нужно постоянно, в 2003 г. он прошел повышение квалификации в академии Генерального штаба ВС РФ и был назначен начальником боевой подготовки войсковой ПВО ВС РФ, а полигоны и учебные центры стали его вторым домом. С 2004 г. ему удалось возродить практику проведения крупных учений на стратегических направлениях с участием группировок войск ПВО и авиации с боевой стрельбой и пусками ракет.

Осенью 2005 г. Александр Александрович был назначен заместителем начальника войсковой ПВО ВС РФ. В сферу его компетенций входили курирование ВВЗов, разработка уставных документов, организация и проведение

конференций, сборов, руководство государственной аттестационной комиссией. В 2006 г. он прошел переподготовку в Московской академии государственного управления при Президенте РФ.

В мае 2009 г. Александр Александрович был уволен из рядов ВС РФ по достижению предельного возраста пребывания на военной службе. По увольнению из Вооруженных Сил РФ он полтора года пробовал себя на административной работе в коммерческих структурах. Понял – не его. И с февраля 2011 г. был назначен на должность старшего научного сотрудника в управлении одного из НИИ Минобороны РФ.

Да, кстати о генерале. Звание генерал-майор А. А. Тазехулахову было присвоено в 2004 году. И некоторым скептикам пришлось четко научиться выговаривать *“Товарищ генерал-майор Тазехулахов Александр Александрович”*. Правда, чтобы получить это высокое звание ему пришлось за время прохождения воинской службы сменить 7 военных округов, 8 гарнизонов и 14 служебных квартир. А, как известно, “два переезда на новую квартиру равны одному пожару”, поэтому имущество Сан Саныча пережило 7 пожаров.

Двери его, наконец-таки собственной квартиры, всегда открыты для его друзей-кадетов, а подрастающий внук, держа в маленьких ручках орден «За военные заслуги», очевидно, скоро спросит: *«Дедушка, это что?»*. *«Это большая и лучшая часть моей жизни, внучек»*, скорее всего он услышит в ответ.

О наболевшем: что было и что будет с военным воспитанием юношей

Что было до последних времен с суворовской системой воспитания

В 1970г. состоялся последний выпуск суворовцев, учившихся 7лет в суворовских военных училищах, расположенных в разных городах Советского Союза. С 1943 по 1970 гг. был произведено 27 таких выпусков. С 1967г. из стен суворовских училищ стали выпускаться воспитанники, прошедшие 3-х летнюю программу обучения. С каждым выпуском страна получала тысячу юношей - квалифицированных специалистов, готовых к дальнейшей военной службе в рядах Вооруженных Сил и глубоко преданных своему народу и Родине.

Этому способствовала вся система подготовки в стенах суворовских училищ, где главное внимание уделялось учебе и всестороннему развитию юношей. Командование, воспитатели и преподаватели СВУ использовали одну из лучших систем воспитания, которая вобрала в себя и исторический опыт кадетских корпусов царской России, и то полезное, что можно было взять из западного образования, и опыт советской школы. Суворовская школа прививала юношам интерес к будущей военной профессии, воспитывала у них самостоятельность, дисциплинированность, исполнительность, чувство локтя товарища и гордости за Вооруженные Силы, способствовала выработке высоких моральных качеств.

Большинство из выпускников СВУ посвятили свою дальнейшую жизнь военной карьере, умножая славу Родины, активно способствуя её укреплению и развитию. Суворовские училища воспитали более 70 Героев Советского Союза, Социалистического труда и России, летчика-космонавта, около 1000 генералов и несколько десятков тысяч офицеров, четырех заместителей министра обороны, более 20 командующих войсками военных округов и их

заместителей, более 100 командующих армиями и представителей командного состава оперативно-стратегического уровня.

Некоторые из выпускников СВУ по ряду причин не смогли стать военными. Но, получив высокую общеобразовательную подготовку в училище и воспитанные в духе упорства и настойчивости в достижении поставленной цели, многие из них окончили высшие гражданские учебные заведения, став впоследствии видными государственными деятелями, выдающимися учеными и даже артистами. В стенах суворовских училищ в свое время получили первоначальное образование секретарь Совета Безопасности России, три министра Правительства СССР и России, два академика РАН, более 500 докторов наук, десять народных артистов СССР и России.

Суворовец-выпускник обладал глубокими знаниями дисциплин, полученных по общеобразовательной программе обучения. По сравнению с “гражданскими” сверстниками, он имел более широкие знания по математике, физике, литературе и особенно по иностранному языку. По выпуску, сдав экзамен, он получал диплом Военного переводчика.

Наряду со средним образованием суворовцы обретали военную подготовку, которая включала в себя изучение общевоинских уставов, огневую и строевую подготовку, тактику, военную топографию, связь, военномедицинскую подготовку, автомобильную подготовку, технику и вооружение, военную историю. На выпускных экзаменах суворовцы сдавали экзамены на права Шофера-любителя и на диплом радиотелеграфиста.

Спортивное воспитание позволяло суворовцу-выпускнику стать сильным, ловким и выносливым, способным переносить любые морально-психологические и физические нагрузки. Ведущую роль в этом занимали военно-прикладные виды спорта, преподаваемые в училище: стрельба, легкая атлетика, борьба, бокс, плавание, спортивные игры. По выпуску суворовцы, как правило, имели два-три и более спортивных разряда. Некоторые из них становились мастерами спорта. Суворовские училища воспитали более 30

чемпионов и призеров олимпийских игр, многие десятки чемпионов мира и тысячи мастеров спорта.

Воспитанник СВУ обладал широким кругозором, он был всесторонне развит в культурном и духовном отношении. В ходе учебы суворовцы принимали самое активное участие в юношеских научных мероприятиях различного масштаба. Они регулярно участвовали в городских, областных и всероссийских олимпиадах, конкурсах и викторинах на общеобразовательные темы, часто занимая там высокие призовые места.

Для достижения целей духовного воспитания в суворовских училищах преподавались такие предметы как: мировая художественная культура, этика и эстетика, история народов мира. В программу обучения входила музыка, суворовцы также постигали тонкости балльных танцев. Так, в Санкт-Петербургском СВУ, начиная с 2007 г., была возрождена традиция проведения балов-встреч суворовцев с учащимися Академии Русского балета имени А.Я.Вагановой.

Для юношей проводились обзорные экскурсии по памятным и историческим местам города, где располагалось суворовское училище. В ходе обучения в училище, суворовцы регулярно посещали музеи, выставочные галереи, концерты и театральные представления. Практически ни одно мероприятие культурно-художественной направленности в городе, где было суворовское училище, не оставалось без их участия. В то же время, при проведении торжественных и культурных мероприятий, проводимых в СВУ, двери училища всегда открыты для всех желающих побывать на них.

Суворовец-выпускник был и является патриотом своей страны. Воспитательная работа юных патриотов являлась частью образовательного процесса и одним из основных видов этой деятельности, которая базировалась на общечеловеческих ценностях, лучших образцах мировой и национальной культуры, истории Отечества и героических традициях российской Армии и

Флота. Для этого использовались формы военно-патриотического воспитания, присущие в основном только для суворовских училищ:

- ритуал посвящения в суворовцы (торжественное построение, объявление приказа начальника училища о зачислении в училище, торжественная клятва, вручение суворовцам погон);
- торжественное построение и митинг в связи с началом каждого учебного года;
- участие в военных парадах, посвященных знаменательным датам государства, особенно в ознаменовании Дня Победы. Воспитанники (барабанщики) Московского военно-музыкального училища ежегодно открывали парад на Красной площади 9 мая, питомцы других СВУ также участвовали в парадах, проходящих в городах по месту дислокации училищ;
- общеучилищные прогулки по городу с оркестром, исполнение строевых песен;
- “последний звонок” на выпускном курсе и торжественная церемония выпуска из СВУ (вручение знаков об окончании училища, прощание с Боевым Знаменем училища).

Во всех СВУ в целях военно-патриотического воспитания при непосредственном участии самих воспитанников были разработаны гимн, герб (эмблема), клятва и кодекс чести суворовца. Кроме того, каждое училище имело собственные военно-патриотические традиции. Так, в Московском СВУ каждый понедельник проходили общеучилищные вечерние проверки с исполнением Гимна России.

В Свердловском/Екатеринбургском СВУ, по результатам учебы в каждом учебном полугодии лучшим ученикам вручался нагрудный знак «Отличник учебы ЕкСВУ», соответствующее удостоверение и поощрительная стипендия Минобороны России, а лучшему взводу - переходящий приз Героя России генерала армии В.Г.Казанцева. Кроме этого были предусмотрены

стипендии им. Маршала Советского Союза Г.К.Жукова, Союза офицеров запаса и Союза кадетов Урала.

Суворовцы участвовали в мероприятиях, посвященных Дню защитника Отечества и Дню Победы. Выезжали в учреждения и трудовые коллективы города, давая концерты художественной самодеятельности и встречаясь с детьми в дошкольных учреждениях, детских домах, школах, лицеях и гимназиях. В интересах военно-патриотического воспитания суворовцев использовались возможности музеев и памятных мест городов и областей, а также музеи и комнаты истории самих СВУ.

После выпуска из стен училища суворовцы без экзаменов принимались в военные училища, а при поступлении в Военные академии, они участвовали в отборочном конкурсе наравне с другими кандидатами.

Вместе с тем, для выпускников суворовских училищ военная карьера - дело добровольное. Кто не хотел поступать в высшие военные заведения и в дальнейшем служить в армии и на флоте - держал экзамены на поступление в любой гражданский вуз. Ведь в суворовских училищах готовили не только и не столько военную смену. Главным было воспитание эрудированного гражданина, юного патриота своей страны. И это в первую очередь являлось социальным проектом государства.

Таким образом, суворовская школа, вобравшая в себя лучшие традиции кадетского образования с ее 300-летней историей, была направлена на воспитание у выпускников - будущих офицеров высокого морального духа и доблести. За более чем 60-летнюю историю суворовских училищ, они подготовили для Вооруженных сил более 100 тысяч первоклассных офицеров и генералов.

По имеющейся статистике, в ВВУЗы Минобороны России ежегодно зачислялось более 70 процентов выпускников суворовских военных училищ, и около 30 процентов воспитанников СВУ поступали в гражданские ВУЗы

страны. Ни одна другая национальная система обучения и воспитания граждан России не дала таких выдающихся результатов в чистом виде.

Поступившие в военные академии и училища, бывшие суворовцы быстро адаптировались в новых для них ВВУЗах. Им не надо было “раскачиваться”, самодисциплина, выполнение распорядка дня, форма одежды и многое другое им уже были известны.

Таким образом, до 2009 г. существовала преемственность системы суворовского образования, впитавшая в себя все лучшее из опыта былых времен и истории Советского Союза и России, их опыта формирования подрастающего поколения, некогда являвшихся одной из лучших систем общего образования в мире. Существовала и незримая связь с образованием и воспитанием, которое давалось воспитанникам пажеских и кадетских корпусов до революционной России.

И до 2009 г. перед СВУ, как и в прежние времена, стояла основная задача - подготовка будущей элиты для офицерского корпуса Вооруженных Сил Российской Федерации. До этого существовала система подготовительного военного воспитания юношей страны, включающая в себя 17 военно-учебных заведений Минобороны:

8 СВУ - Екатеринбургское, Казанское, Московское, Тверское, Санкт-Петербургское, Северо - Кавказское, Ульяновское, Уссурийское, где обучалось более 8 тысяч воспитанников;

Санкт-Петербургское Нахимовское военно-морское училище;

Московское Военно-музыкальное училище;

было образовано 7 кадетских корпусов МО РФ - Кадетский ракетно-артиллерийский корпус (г. Санкт-Петербург), Военно-технический кадетский корпус (г. Тольятти), Военно-космический кадетский корпус (г. Санкт-Петербург), Кронштадтский морской кадетский корпус, Кадетский корпус радиоэлектроники (г. Кемерово), Омский кадетский корпус, Кадетский кор-

пус железнодорожных войск (г. Санкт-Петербург). В каждом из кадетских корпусов обучалось в среднем по 600 воспитанников.

Свои кадетские корпуса и суворовские училища также появились в ФСБ, МВД и МЧС России. Всего в России действует более двадцати таких училищ для подростков.

Конкурс для поступления в суворовские училища по-прежнему высок и сравним с элитными вузами. Это понятно: подростки получают прекрасное образование, выходящее далеко за рамки школьной программы. Преимущество для поступления в СВУ после сдачи экзаменов абитуриентами получают сироты и дети погибших военнослужащих. Так сложилось исторически, и что по своей сути – верно. Офицер, выполняющий свой воинский долг в “горячих точках” планеты или в ходе боевых действий со всякого рода бандитами и террористами на территории своей страны, знал, что если, защищая Родину, он погибнет, - то государство позаботится о его сыне, ставшим сиротой, предоставив ему преимущество при поступлении в СВУ.

Казалось бы, что еще надо: развивай оправдавшую себя всей своей историей уникальную систему суворовского образования.

Что будет с военным воспитанием юношей в результате реформ

Однако, начиная с 2009 г., в Минобороны РФ, как видно из хода реформирования Вооруженных Сил, попытались избрать иной путь развития подготовки будущей элиты офицерского корпуса и граждан - патриотов России.

В этом министерстве возобладала линия на деградацию подготовительной военной системы юношества. Первый тревожный сигнал о грядущих переменах прозвучал в 2008 г., когда страна праздновала 65-летие образования суворовских военных училищ и 60-летие их первого выпуска. Министерство обороны об этом знало на всех уровнях, но этот юбилей проигнорирова-

ло. Собравшихся со всей России на юбилейную конференцию 500 ветеранов-суворовцев, по звонку из министерства, даже не пустили в Московское СВУ, где должна была состояться встреча ветеранов с юными суворовцами. Письмо ветеранов к А. Сердюкову с просьбой разобраться с этим безобразием, было дважды (!) утеряно в канцелярии Минобороны, и перед суворовцами и ветеранами никто не извинился.

В течение 2009 г. были приняты решения, последовательно свертывающие суворовскую военную школу, меняющие ее этику, предназначение и профессиональную направленность. Авторы этих решений первоначально широкой общественности не были известны. Все решения принимались кулуарно, до командования суворовских училищ они доводились непосредственно по мере их выработки.

Позже, когда общественность России узнала о проведении реформы суворовских училищ, которые планировались законодательно закрепить в новом Положении о суворовских училищах и кадетских корпусах Минобороны, маски с инициаторов реформ были сняты.

Во главе формирования всех этих инициатив находился начальник управления военного образования Минобороны Тамара Фральцова, которая получила полную поддержку советника Министра обороны Екатерины Приезжевой и лично от Министра обороны Анатолия Сердюкова.

При встрече с Т. Фральцовой Председатель Общероссийского союза кадетских объединений, выпускник Московского СВУ, генерал-майор А. Владимиров и другие лица, заинтересованные в развитии суворовской школы обучения, представляли ей документы, в том числе «Основы Концепции и государственного стандарта кадетского образования» и предлагали Минобороны помощь суворовцев-ветеранов в правильном выстраивании реформы юношеского военного образования⁹. Но все их попытки внести ясность

⁹ Из обращения Председателя Общероссийского Союза кадетских объединений "Открытое Содружество суворовцев, нахимовцев и кадетов России" <http://kadet.ru/OSSNKR/ObraschenieSVU.htm>

и обеспечить профессиональный государственный подход в решение этих вопросов остались без ответа. Система псевдореформ начала свою разрушающую работу.

Вот некоторые из решений Минобороны, наглядно иллюстрирующие “нововведения” в жизнедеятельность суворовских, нахимовских и кадетских училищ:

Запрещено участие суворовцев, нахимовцев и кадетов в Параде Победы 9 мая.

Впервые 64-летняя традиция московских и других училищ оказалась нарушенной. Участие суворовцев в юбилейном, 65-м Параде Победы 9 мая 2010 г. было сорвано.

Это нововведение озвучил первый заместитель министра обороны А. Колмаков: "В целях сохранения жизни и здоровья, обеспечения непрерывного учебного процесса в соответствии с учебными программами и качественной подготовкой к зачетам и выпускным экзаменам суворовцы, нахимовцы и учащиеся военно-музыкального училища, структурно подчиненных Минобороны России, привлекаться к участию в военных парадах, посвященных Победе в Великой Отечественной войне, не будут"¹⁰. По логике А. Колмакова получается, что раньше, начиная с 1945 г., во всех Парадах Победы суворовцы участвовали, якобы причиняя вред своему здоровью, и даже их жизнь была под угрозой.

Исходя из своего собственного опыта, тысячи суворовцев-ветеранов могут заверить “заботливого” зам. министра обороны: участвовать в парадах на Красной площади и других парадных площадях было высочайшей честью для каждого из нас, наполняло гордостью за свою Родину. И нашей жизни и здоровью это не угрожало никоим образом.

Факт неучастия суворовцев в юбилейном, 65-м Параде Победы, также вызвал справедливое возмущение участников Парада Победы, ветеранов Ве-

¹⁰ Из интервью "Российской газете" от 23 марта 2009г.

ликой Отечественной войны и Вооруженных Сил, а также российской общенности. Вместе с тем, заместитель начальника Главного управления кадров Минобороны РФ Т. Фральцова продолжает считать, что: “В стороне от праздничных торжеств суворовцы, нахимовцы, кадеты, конечно, не останутся. Лучших воспитанников приглашаем и будем приглашать на военные парады в Москву. Но не в качестве участников, а в качестве гостей (выделено автором)”¹¹.

Поступление выпускников суворовских военных училищ в профильные военные учреждения высшей школы Минобороны начиная с мая 2009г. стало осуществляться на общих основаниях с выпускниками гражданских школ.

В результате этого многие из выпускников-суворовцев были не приняты даже в те военные заведения, в которые они традиционно поступали по разнарядке Минобороны и по распределению. Десятки, даже сотни семей военнослужащих стали в одночасье несчастными, так как их сыновья, выпускники-суворовцы, вообще никуда не поступили, ведь никто из них не был даже ориентирован на такое развитие событий, а документы для их поступления уже были направлены в выбранные ими военные ВВУЗы.

Сотни суворовцев, проучившихся 3 года в суворовских военных училищах, достойно окончившие их, получившие профильную военную подготовку и годами готовившие себя к службе в составе офицерского корпуса Вооруженных Сил России, не стали будущими офицерами только потому, что их результаты ЕГЭ оказались чуть слабее, чем у школьников, которым было все равно, куда поступать. В 2009г. в ВВУЗы выпускники прибыли в приемные комиссии в военной форме, но уже в общей толпе абитуриентов. Комиссии избрали способ отобрать нужное количество курсантов - отсеять лишних по нижнему пороговому уровню ЕГЭ. Невзирая на то, что в Аттестате у выпускников самые высокие оценки, в том числе и по профилирующим предметам. И что же им делать, куда ехать? В военных ВУЗах уже поздно даже вес-

¹¹ Т. Фральцова. Школьный класс в погонах. Российская газета от 9 мая 2009г.

ти переговоры о поступлении, да еще надо решить, куда ехать, кто оплатит дорогу, когда перешлют личные дела? Страшно само по себе ощущение, что ты никому не нужен со своим кадетским образованием и воспитанием.

Многие десятки потомственных офицерских родов оказались прерваны только потому, что никто из руководства Минобороны просто не хотел об этом думать.

Прием в учреждения кадетского образования в 2009 г. осуществлялся уже по новым правилам, что привело к множеству человеческих трагедий и массовым судебным разбирательствам.

В 2009 г. прием абитуриентов производился кустовыми приемными комиссиями. Вступительные экзамены (по русскому языку и математике) не проводились и были заменены собеседованиями и профотбором. Проверка здоровья абитуриентов независимыми медицинскими комиссиями не производилась и была заменена изучением школьных медицинских карт и справок из детских поликлиник. Уже после проведения всех вступительных испытаний и объявления предварительных результатов комиссиями были получены устные указания Минобороны о сокращении набора в учреждения кадетского образования за счет приема только и исключительно детей военнослужащих. А ведь далеко не все родители в стране могут дать своим детям возможность получить качественное образование в эпоху введения Минобрнауки платного образования в России. Не сокращается и число сирот и детей, оставшихся без попечения родителей.

Все это привело к тому, что несколько сот «невоенных» детей были отчислены без объявления причин. Проверка поступивших детей, проведенная непосредственно в учреждениях кадетского образования, выявила ужасающие результаты проведенного набора по новым правилам: из всех принятых детей здоровыми оказалось не более 30%.

Приказ Министра обороны № 996 о зачислении в учреждения кадетского образования вызвал общественный скандал и массовые обращения ро-

дителей, не поступивших детей к органам государственной власти, Президенту России и в суды. Этот скандал разрастался и обрел поддержку СМИ, общественных объединений гражданского общества и депутатского корпуса России, а приказ Минобороны № 996 был опротестован Военной прокуратурой Российской Федерации. Тем не менее, никакой реакции Минобороны на все это не последовало.

Из учебных планов и программ суворовских военных училищ изъяты все предметы военной подготовки.

В соответствии с нововведениями, строевая подготовка как предмет военной подготовки в училищах теперь не ведется. Также до минимума сокращены физзарядка и движение строем. Число обязательных осмотров, построений, прогулок и проверок - сокращено. Ясно, что суворовские военные училища без изучения предметов военной подготовки просто бессмысленны. В этом качестве они будут учреждениями другого образования и другой направленности.

Радикально изменяется уклад жизни в суворовских военных училищах.

Начальник Главного управления кадров Минобороны России В. Горемыкин прямо заявил: "В условиях сокращения количественных параметров кадрового заказа на подготовку офицеров мы не ставим на первое место (выделено автором) перед Суворовскими училищами задачу подготовки обучающихся к офицерской службе. Теперь никто не обязывает выпускников Суворовских училищ поступать в военные учебные заведения"¹².

Практически ликвидированы спортивные секции единоборств и спортивных игр, так как их некому вести. Планируется свободный выход из училища в город после учебных занятий, в том числе и в гражданской форме одежды. То есть то, чем всегда гордились суворовцы – их военная форма одежды стыдливо убирается с глаз долой, а вместо этого предлагается юно-

¹² См. <http://www.soldatru.ru/read.php?id=835#>

шам в общественных местах щеголять в партикулярном платье, “крутость” которого зависит от толщины кошелька родителей, тем самым провоцируя разделение суворовцев на “богатых и бедных”.

Уничтожается система внутренней службы, необходимая для выработки навыков дальнейшей службы в армии, все внутренние работы и наряды ведутся специально нанимаемыми гражданскими структурами. Теперь службу на КПП и охрану училищ осуществляют нанятые со стороны охранные структуры.

Отрабатывается вопрос о ликвидации деления суворовских военных училищ и кадетских корпусов на суворовские роты и взводы, введение штатных структур неармейского образца. Общая дисциплина в суворовских военных училищах, прежде основанная на строгом выполнении Воинских Уставов и распорядка дня, теряет свои основы и расшатывается. Ведутся разговоры о введении «самоуправления учеников по примеру колледжей» и о совместном обучении в суворовских военных училищах мальчиков и девочек. Этот “гендерный казус” также стоит прокомментировать.

Реформаторы суворовской школы игнорируют лучшие образцы западного воспитания (перед которым они так преклоняются) и 300-летнюю историю кадетского образования в России. Юноши, получающие начальное военное образование, что в Великобритании, что в США, а также в царской России всегда учились с девушками отдельно. А девушки получают образование в закрытых пансионатах типа Смольного института в Санкт-Петербурге. И такая система разделения учащихся по “гендерному принципу” оправдывает себя уже длительное время. Но и это отбрасывается в сторону реформаторами из Минобороны и Минобрнауки. А ведь в свое время г-жа Т. Фральцова была директором Пансиона воспитанниц Минобороны России

Новые штаты учреждений кадетского образования Минобороны не утверждены.

Проекты штатов предусматривают, что командные и воспитательные должности в суворовских военных училищах будут замещаться не офицерами действительной военной службы, как сейчас, а гражданскими лицами, имеющими педагогическое образование.

В рамках резкого сокращения численности офицерского состава ВС РФ предусматривается возможность офицерами, состоящими в запасе, занимать командные и воспитательные должности. Может быть, это правильное решение в складывающейся ситуации. Но, казус состоит в том, что по действующему положению служба в запасе в Вооруженных Силах России не предусматривается (!). А это означает, что в системе учреждений кадетского образования Минобороны не будет профессионального военного командного и воспитательного состава.

Остается не решенным вопрос правовых основ кадетского образования в России как такового. Сегодня ни в одном законе Российской Федерации нет таких понятий, как «кадетский корпус» (есть только школа-интернат) и «кадетское образование», предназначение и решаемые ими задачи - не сформулированы, не разрабатывается государственный стандарт кадетского образования и так далее.

Планомерно идет постоянная моральная обработка личного состава училищ, и приучение его к мысли о том, что суворовские военные училища будут перепрофилированы в интернаты и переданы в Министерство образования и науки Российской Федерации.

В связи с этим, общие настроения среди офицеров, преподавателей и воспитанников суворовских военных училищ могут быть определены как тревожные, пессимистические и даже панические, так как никто не понимает происходящего и не видит собственных перспектив ни в службе, ни в учебе. Оставшийся в училищах офицерский состав, как правило, не имеющий квартир обещанных им Минобороны, в гражданской жизни себя не видит и не находит в ней место. Суворовцы, особенно старшие курсы, не хотят жить

и учиться в гражданских интернатах, и в случае перевода суворовских военных училищ в форму гражданских интернатов, они готовы уходить из училищ в массовом порядке целыми классами.

Остается лишь надеяться, что все попытки лишить Армию верных и преданных им офицеров-профессионалов с суворовской школой воспитания и корпоративной патриотической военной этикой будут адекватно оценены Советом Безопасности России и пресечены Верховным Главнокомандующим.

Все эти «новации» планируется закрепить в новом Положении о суворовских училищах и кадетских корпусах Минобороны, в которое разработчики уже не закладывают идею «служения Отечеству» и «подготовку к службе в Вооруженных Силах России». Вместо этого в Положение закладывается идея «социального пакета», то есть фактически концепция «военных детских домов», что в корне меняет саму суть и изначальный замысел предназначения национальной суворовской военной школы.

Что это – неграмотность и недомыслие “генералов в юбке”¹³, или стремление угодить вышестоящему начальству? Или к деяниям “мнящих себя стратегами, видящих бой издалека” применимо более суровое определение, имеющее соответствующую статью в Уголовном кодексе РФ - решать Вам, уважаемый читатель. Самое мягкое определение, которое можно дать этим «новациям» - стратегическая ошибка действующего руководства Минобороны в подготовительной военной системе юношества страны.

Вышеперечисленное свидетельствует о том, что Министерство обороны фактически не заинтересовано в развитии суворовских военных училищ как основы профессиональной подготовки будущего офицерского корпуса Вооруженных Сил и занимается их целеустремленным уничтожением как учреждений начального профессионального военного образования.

¹³ Так, ранее генеральскую должность руководителя департамента военного образования и науки в 2009 г. заняла Т. Фральцова. Весь ее опыт в области военного образования и кадетской руководящей работы - это неполный год опыт директора Пансиона воспитанниц Министерства обороны России (с 2008 по 2009 гг.), а к военной науке в своей карьере она никогда никакого отношения не имела.

В связи с этим становится ясным, к чему ведут нововведения Минобороны: под ударом находится все, что имеет отношение к военной подготовке суворовцев и нахимовцев. Но в таком случае училища лишаются своей сути, того, что составляет их неповторимость, они потеряют смысл существования. С какой целью это делается?

Ведь у России имеются подчиненные различным ведомствам военные лицеи, кадетские корпуса, кадетские школы, кадетские школы-интернаты, которые занимаются общеобразовательной подготовкой. Уникальность суворовских и нахимовских училищ как раз и заключается в их особой учебной программе. В том, что они дают элементы военной подготовки юношам, подавляющее большинство из которых потом должно пойти на службу в Вооруженных силах в офицерском звании.

Факт остается фактом - сегодня проводится планомерное и целенаправленное изменение философии суворовской военной школы, теряется суть ее предназначения, меняются ее приоритеты и фактически ведется ее тихое и последовательное уничтожение. Существует обоснованное опасение, что суворовские училища уже попали в «список непрофильных активов» Минобороны и подлежат ликвидации в ходе дальнейшего «реформирования» Вооруженных Сил. Складывается впечатление, что ситуация с суворовскими и нахимовскими училищами подходит к критической черте невозврата.

Следует отметить, что идеологи псевдореформ имеют своих сторонников в СМИ. Так, например, как считает журналист В. Дымарский: “Судьба суворовских училищ, и всей системы военного образования, стала лишь предлогом для очередной атаки на затеянные перемены. Задержавшаяся в своем развитии почти на семь десятилетий система военного образования, включая суворовские и нахимовские училища, в своем нынешнем виде просто не в состоянии снабжать армию профессиональными кадрами, отвечающими современным качественным и количественным критериям (?). Стоит

ли сохранять нетронутой эту систему, какими бы ни были ее заслуги и сколько бы героев она ни подготовила в прошлом? Может, действительно не только война, но и реформа - слишком серьезное дело, чтобы доверять его военным?»¹⁴. Ответ на эти вопросы прост - не нужно всё реформировать повально. Как отмечал в свое время Салтыков-Щедрин: «У нас из всех реформ наилучшим образом привилась одна - это буфеты при собраниях»¹⁵. Если в СССР была, по признанию мировой общественности, одна из лучших систем образования, зачем её так резко и необдуманно реформировать?

В развитии кадетского образования в России образовалась тенденция, которая представляется также весьма странной. Так, решением Президента России Д. Медведева в каждом федеральном округе образованы Президентские кадетские корпуса, что является вполне оправданным и нужным решением. Одновременно решением Председателя Правительства России В. Путина создаются три новых суворовских военных училища МВД, которые предназначены для подготовки воспитанников для их будущей службы в рядах правоохранительных органов.

Получается, что МВД, Минюст, Следственный комитет Генпрокуратуры, МИД, ФСБ, МЧС России и другие федеральные министерства формируют свои ведомственные кадетские корпуса с целью профессиональной подготовки своего начальствующего состава. Но при этом организация этих корпусов поручается Министру обороны Сердюкову, чьи взгляды и подходы к этому вопросу изложены выше.

Одновременно Минобрнауки в лице заместителя министра Исаака Калины¹⁶ саботирует создание рабочей группы по кадетскому образованию и пытается переложить эту работу на рабочую комиссию по казачеству, что, в лучшем случае, является очевидным недоразумением. Однако, на это дело Минобрнауки уже выделило 10 миллионов рублей.

¹⁴В. Дымарский. Кому доверять реформу?

¹⁵Н. Губенко «Скоро и Байкал продадут» Аргументы и Факты от 02.02. 2011г.

¹⁶С ноября 2010 г. И. Калина был назначен на должность руководителя Департамента образования Москвы.

Таким образом, под предлогом либерализации, доступности кадетского образования и его социальной значимости уничтожается его предназначение, его моральная основа, принципы и исторические традиции суворовцев, нахимовцев и кадетов, этика их служения Отечеству с детства.

А Васька слушает, да ест

Неоднократные попытки общественных объединений ветеранов-суворовцев и родительской общественности России привлечь внимание высших органов государственной власти к этой проблеме успеха не имели.

Так, в течение 2009-2010 гг., суворовцы – выпускники суворовских и нахимовских училищ всех выпусков, выдающиеся государственные и военные деятели страны, крупнейшие общественные объединения обращались к высшим органам власти с одним пожеланием и просьбой – не допустить уничтожения суворовских училищ, как военных учебных заведений, и разрешить участие суворовцев и нахимовцев в Парадах Победы.

Русская православная церковь высказала надежду на то, что «реформирование суворовских училищ в России не заденет их лучших традиций – воспитания в будущих офицерах высокого морального духа, доблести и самопожертвования»; отметила важность того, чтобы «с самых юных лет входить в воинское братство, участвовать в военных мероприятиях»; выразила надежду, что «из учебного процесса в кадетских корпусах и суворовских училищах не будет исключено то, что всегда составляло в них основу образования – военно-патриотическое воспитание, подготовка человека к реальному воинскому служению, к готовности нести тяготы армейской жизни, положить здоровье и даже жизнь для защиты Отечества», притом, что «все эти элементы воспитания будущих воинов будут не только сохранены, но и развиты»;

Общественная Палата России провела специальные слушания по этому вопросу, полностью поддержала ветеранов-суворовцев и обратилась к Президенту с соответствующими рекомендациями;

Совет Безопасности России представил Президенту РФ согласованное с его администрацией мнение, в котором рекомендовал «участие батальонов суворовцев и нахимовцев в юбилейных парадах Победы»;

Лидеры основных политических партий также обращались к нему с такой же просьбой и рекомендациями;

Председатель Совета Федерации Сергей Миронов открыто выступил со статьёй в СМИ и прямо поддержал суворовцев и нахимовцев России;

Государственно-патриотический клуб «Единой России» провёл специальные слушания по теме «Нужны ли России суворовские училища», поддержал суворовцев и нахимовцев, принял обращение к Президенту страны, собрал и передал в его администрацию 7500 подписей за сохранение суворовской военной школы и участие суворовцев в Парадах Победы;

Многие средства массовой информации страны выступали в поддержку суворовцев России и публиковали соответствующие материалы.

Второй Общекадетский съезд России, прошедший в Санкт-Петербурге в сентябре 2009 г., принял специальное обращение «О недопустимости разрушения национальной суворовской военной школы». В нем предлагалось:

- приостановить инициативную деятельность начальника управления военного образования Т. А. Фральцовой в области реформирования системы кадетского образования Минобороны;
- до окончательной разработки новой концепции кадетского образования, подготовки и согласования всех необходимых руководящих документов руководствоваться старым комплектом положений, штатов и программ СВУ и кадетских корпусов;
- произвести дополнительный набор в учреждения кадетского образования и принять всех поступивших и потом отчисленных из

них детей, юридически оформить это дополнением к приказу Минобороны № 996;

- изменить практику поступления в учреждения кадетского образования по собеседованию и изучению документов и вернуться к сдаче вступительных экзаменов и обязательному прохождению абитуриентами военно-врачебных комиссий, для чего разработать систему необходимых критериев;
- вернуть в программы обучения СВУ предметы военной подготовки;
- штатные должности в суворовских военных училищах и кадетских корпусах Минобороны, занимаемые сегодня офицерами действительной военной службы, гражданскими лицами не замещать;
- вернуться к практике обязательного распределения выпускников СВУ и кадетских корпусов Минобороны в профильные высшие военные образовательные учреждения;
- вернуть суворовцам почетное право участия в военных Парадах, посвященных Победе Советского народа в Великой Отечественной войне.

К Президенту лично обращались сотни ветеранов и крупнейшие ветеранские объединения суворовцев – это значит, что российское общество хочет и требует сбережения СВУ, как военной школы и участия суворовцев в Параде Победы. В начале марта бывший министр иностранных дел, И. С. Иванов написал Президенту России письмо с просьбой сберечь СВУ¹⁷, как школу подготовки руководящих кадров страны – безрезультатно. Кинорежиссёр Н. С. Михалков лично передал председателю правительства России

¹⁷ Интервью И. Иванова, выпускника Московского СВУ, экс- министра иностранных дел РФ "Российской газете" №5146 (67) от 1 апреля 2010 г.

В.В. Путину письмо и обсуждал с ним суворовскую тему – всё, несмотря на возмущение Путина, оказалось безрезультатным.

К сожалению, администрация Президента РФ не ответили на эти обращения, как никому не ответил и министр обороны А. Сердюков. Отписки представителей военного ведомства о том, что суворовцы должны беречь своё здоровье, готовиться к ЕГЭ, хорошо учиться по новым программам и поэтому не могут участвовать в военных парадах, можно расценивать как уловку растерявшихся людей, стремящихся любой ценой оправдать действия своего министра и молчание высших органов государственной власти¹⁸.

Суворовцы, нахимовцы и кадеты, с их 300-летними традициями, как олицетворение и символ чести, как верные слуги Отечеству с детства, как основа служилого слоя России, оказались никому не нужны. Сегодня можно констатировать сам факт постепенного уничтожения суворовской военной школы, именно как военной школы и её перепрофилирование в систему социального пакета военных детских домов.

На этом фоне предпринимаются попытки уничтожения бюрократией суворовской военной школы. Так, в недрах Минобороны было подготовлено решение о переводе всех суворовских училищ на двухгодичный цикл обучения с последующей их передачей в Минобрнауки РФ. Эта атака была отбита только благодаря воле и настойчивости ветеранов-суворовцев, а также личной поддержке Владимира Путина.

Если вышеперечисленные нововведения будут введены в систему подготовительного военного образования юношей, желающих стать защитниками Отечества, то может прерваться и незримая связь существующей суворовской школы с 300-летней историей кадетского образования в России.

¹⁸ А. Владимиров. Власть уничтожает нашу суворовскую военную школу. Российская газета от 29. 08 2010 г.

Незримая связь времен

В начале повествования о кадетском братстве уже упоминалось, что суворовцы эпохи СССР имели весьма скудную информацию о ранее существовавших кадетских корпусах - время было такое. Но уже тогда они чувствовали незримую связь с кадетами былых времён. Слово «кадет»¹⁹ у них применялось в качестве синонима «настоящего суворовца».

С уходом в прошлое коммунистической идеологии, с появлением гласности и Интернета, появилась больше возможности узнать о 300-летней истории кадетского образования в России. В этом ключе большой интерес представляет монография О.А. Хазина “Пажи, кадеты, юнкера”²⁰, в которой подробно описана история военного образования юношей в царской России.

История военного образования юношей была заложена Петром Великим, когда создания им империя вышла на уровень великой державы, решающей проблемы европейской политики. Наряду с Московским университетом и Царскосельским лицеем, одаривших Россию выдающимися учеными, блестящими деятелями культуры, достойное место занимал Пажеский Его Императорского Величества корпус, который стал военным учебным заведением с высоким уровнем образования и воспитания его питомцев. А с именем графа П. И. Ягужинского связано создание Кадетского корпуса России.

В 1728 г. в Кадетский корпус принимались только грамотные дети дворян в возрасте от 13 до 18 лет. Учебная программа была рассчитана на 5-6 лет и, по сравнению с прусским корпусом, была значительно расширена. Это было вызвано стремлением подготовить воспитанников не только для военной, но и гражданской службы. В последнем классе воспитанников учили тем наукам, «к которым склонности, прилежание и понятия показали». В конце курса, после строгого экзамена выпускникам предстояла военная или

¹⁹ Хотя в переводе с французского слово «cadete» означает “младший, несовершеннолетний”.

²⁰ Более подробно – см. Хазин О.А. Пажи, кадеты, юнкера: Исторический очерк (К 200-летию Пажеского Его Императорского Величества корпуса): "Социально-политическая МЫСЛЬ", 2006г.

гражданская служба. В зависимости от успехов присваивались офицерские чины или унтер-офицерские звания. Для гражданской службы Кадетский корпус готовил чиновников, судей и дипломатов.

Эта программа подготовки юношей не только для военной, но и гражданской службы царских времен была унаследована суворовской военной системой обучения и воспитания современной российской молодежи.

В 1759г. из Франции был выписан в Россию барон Шуди, который Высочайшим указом был пожалован в гофмейстеры. Им была разработана довольно стройная система воспитания пажей. Важнейшие положения его воспитательной системы состояли в следующем: наставления воспитанники будут принимать добровольно;

все воспитанники должны быть равны между собой для того, чтобы общее жительство всех пажей соединить могло;

попечение о дарах духа — умственное образование по развитию разума и памяти через изучение воспитанниками наук, необходимых и военной и гражданской службе.

Эти принципы в последующем были использованы и в современной суворовской школе обучения.

В 1762 г. на русский престол вступила Екатерина II. Она обратила свое внимание на пажей. При её дворе образовался круг лиц понимавших, насколько важно было наладить процесс обучения и воспитания. Особое место среди них занимал личный секретарь императрицы Иван Иванович Бецкой (1762-1769), инициатор реформирования и создания системы учебно-воспитательных учреждений.

И.И. Бецкой поставил задачу воспитать совершенных граждан, «новую породу людей». Для этого в традициях европейского просветительства он предлагал организовать закрытые воспитательно-образовательные учреждения, где дети, избавленные от «развращающего» влияния окружающей жизни, будут находиться до 18 лет под неусыпным попечением педагогов.

Устав Кадетского корпуса содержал основы нравственного воспитания. Так надзирателям приписывалось *«иметь над вверенными им кадетами радетьное смотрение, дабы они во всех своих поведениях добродетельное, учтивость всегда чинили, а лжи и неверности и прочия шляхетству непристойные пороки у них искоренены были»*.

Заботы о совершенствовании обучения пажей в корпусе не ограничились только обучением по программе барона Шуди. В течение последующих двадцати лет в Пажеском корпусе официально руководствовались программой, разработанной академиком Федором Ивановичем Миллером (1705-1783).

По мнению Ф. Миллера Пажеский корпус должен был стать школой подготовки государственных деятелей, способных служить на высших придворных, военных и гражданских должностях. К такому роду деятельности были ориентированы пажи, с детства вращавшиеся в сфере, во многом решавшей судьбы России.

Им была разработана для Пажеского корпуса обширная программа. Памятуя о предназначении выпускников корпуса служить в одной из трех ипостасей — придворной, военной или гражданской, он предусмотрел ряд дополнительных курсов для лиц, готовящих себя к военной службе.

В последующем многогранный опыт фельдмаршала М.И. Кутузова позволил ему провести ряд реформ в Сухопутном шляхетском кадетском корпусе, которым он командовал до 1797 г. Вместо пяти возрастов в корпусе ввели четыре мушкетерские роты и одну гренадерскую. Было организовано малолетнее отделение, в котором дети 4-7 лет под присмотром воспитательниц проводили дни в активных играх и прогулках на свежем воздухе в любую погоду.

Как человек воспитанный армией, М.И. Кутузов воинскую дисциплину и порядок поддерживал не только методом убеждения, но и принуждения, о чем свидетельствуют такие слова одного из приказов по корпусу: *«Из господ*

кадет великое число является ленивых, которым на поправление успехов даю месяц сроку, ежели и затем окажутся таковые, то унтер-офицеры будут разжалованы, а кадеты — наказаны». И далее: «...за нерадение ни по какому случаю, доколе исправятся, со двора не увольнять, в свободные ж часы приказать заниматься обучением в каморах, а в праздничные дни не отпущать даже и во внутренность корпуса».

Этот принцип до недавнего времени применялся к суворовцам, нерадивым в учебе.

М.И. Кутузову удалось решать многие вопросы, что позволило кадетскому корпусу превратиться в кузницу подготовки высокопрофессиональных грамотных офицеров. Однажды при выпуске кадетов он сказал: *«Господа, вы не полюбили меня за то, что я сказал вам, что буду обходиться с вами, как с солдатами. Но знаете ли вы, что такое солдат? Я получил и чины, и ленты, и раны, но лучшей наградой почитаю то, когда обо мне говорят — он настоящий русский солдат. Господа! Где бы вы ни были, вы всегда найдете во мне человека, искренне желающего вам счастья, и который совершенно награжден за любовь к вам вашей славой, вашей честью, вашей любовью к Отечеству».*

В этих словах М.И. Кутузов проявился и как воспитатель, и педагог, и воин.

13 октября 1802 г. в Пажеском корпусе было зачитано «Положение», разработанное совместно шефом корпуса Шереметьевым и педагогом-практиком Клингерном: *«Пажеский корпус есть училище для образования нравов и характера, в котором имеют быть преподаваемые нужные офицеру познания. Корпус есть такое совокупное воинское установление, где благородное юношество через воспитание придет к воинской службе. Дисциплину вперять по заветам Суворова — показом».*

Во главе пажеской роты стоял гофмейстер — штаб-офицер. Младшие офицеры в составе трех человек являлись гувернерами и старшими по отделениям.

Распорядок дня в корпусе был по-армейски достаточно строгим и напряженным: утренняя заря — 6 часов утра; утренний осмотр и завтрак; занятия до 11 утра с 10-минутными перерывами через каждый час; обед — в 12 часов (офицеры обедают вместе с пажами); занятия с 14 до 16 часов в классах; самостоятельные занятия с 16 до 20 часов; ужин; Вечерняя заря и Отбой в 22 часа.

Этот распорядок дня практически не изменился и в нынешних суворовских училищах.

После реформы 1802 г. в корпусе стали проводить экзамены, в том числе и для производства в камер-пажи. Оценка по результатам экзамена составлялась по многобальной системе.

В царствование Николая I была создана единая система военного образования, в которой Пажеский корпус начал занимать особое, первенствующее положение по качеству и глубине образования. О том высоком статусе, который имели бывшие воспитанники Пажеского корпуса, говорил в речи на одном из выпусков директор — генерал-майор Павел Николаевич Игнатьев: «Не забывайте, что имя ваше принадлежит Пажескому корпусу, и что каждый из остающихся здесь пажей будет и краснеть за вас и гордиться вами».

При Николае I было открыто 12 кадетских корпусов. Полный курс кадетских училищ составлял 8 лет (два подготовительных, четыре общих и два специальных для столичных корпусов). В 1852 г. при корпусах были открыты офицерские классы.

Военная реформа 1860-1870-х гг. и реформа военного образования была проведена по программе, разработанной и осуществленной под руководством Дмитрия Алексеевича Милютина (1816-1912).

Как высокообразованный военный специалист, Д.А. Милютин знал недостатки подготовки офицеров в предшествовавшую николаевскую эпоху, нацеленную на муштру и парадность. Он предложил и провел в жизнь решение об отделении общеобразовательного курса подготовки офицеров от военно-специального курса. Одновременно было образовано два уровня получения военного образования:

1-й уровень включал военные гимназии, в которые были преобразованы кадетские корпуса и военные училища, где продолжали военное специальное образование выпускники военных гимназий;

2-й уровень включал вновь организуемые военные прогимназии и юнкерские училища для продолжения образования выпускников военных прогимназий.

Общеобразовательными учебными заведениями стали военные гимназии, которые заменили приготовительные и общие классы кадетских корпусов. С организацией военных гимназий прекратилось совместное воспитание в одном учебном заведении детей и почти взрослых молодых людей. Было ограничено чрезмерное увлечение строевой подготовкой в ущерб классным теоретическим занятиям. Выпускники военных гимназий получили установку на продолжение образования в военных училищах для получения военной профессии. Отсев выпускников военных гимназий из военных училищ был в два раза меньше, чем поступавших в эти училища из гражданских учебных заведений, которых принимали в училища ввиду нехватки выпускников военных гимназий.

Наличие второго уровня военного образования открыло дорогу к офицерским должностям широким социальным слоям, не принадлежавшим к потомственному дворянству и не имевшим в силу ряда причин возможности получать образование в военных гимназиях.

В дальнейшем реорганизация военного образования шла по схеме: военная гимназия (прогимназия) — военное училище (юнкерское училище). В

1868 г. вышло новое «Положение» о корпусе, по которому он был разделен на военную гимназию и военное училище, при этом общее для них наименование — Пажеский корпус было сохранено.

В ходе реформы было обращено внимание на качественный уровень подготовки воспитанников в военных гимназиях и прогимназиях. Показывающие отличные знания учащиеся военных прогимназий (дворяне) переводились в военные гимназии, слабоуспевающие воспитанники переводились в прогимназии, а так называемые «трудные воспитанники» военных прогимназий, главным образом по своему нравственному складу, переводились в специально открытую для такой категории лиц в городе Вольске прогимназию, чем облегчалась организация учебно-воспитательного процесса всей массы воспитанников, обучающихся в военных прогимназиях.

Новое руководство военного ведомства России к 1881 г. разработало общий план развития военно-учебных заведений. 22 июля 1882 г. все военные гимназии были переименованы в кадетские корпуса, а 3 августа 1886 г. было утверждено новое положение о кадетских корпусах. Были открыты новые корпуса в Петербурге (Константиновский, Николаевский и Александра II), в Москве, Тифлисе, Одессе, Новочеркасске и Симбирске. Затем появились Суворовский в Варшаве, Сумский, Владикавказский, Ташкентский, Вольский, Хабаровский и Иркутский кадетские корпуса. Всего в России почти за 200 лет было создано 40 кадетских корпусов, из которых к 1918 г. их осталось только 34.

Кадетские корпуса делились на роты. В старшей роте строевые занятия проводились с оружием. С 1911 по 1912 г., начиная с 4-го класса, в кадетских корпусах была введена стрельба. Юноши, успешно заканчивающие курс, получали право на поступление в военное училище, а в случае неспособности к воинской службе шли в партикулярную с присвоением 14 класса. Выпускники кадетских корпусов зачислялись в военные училища без экзаменов после

собеседования, на вакансии принимались все желающие, имевшие законченное среднее образование и прошедшие по конкурсному экзамену.

Это деление суворовцев по учебным подразделениям и традиция предоставления выпускникам СВУ поступать в военные ВУЗы страны до недавнего времени сохранялась в российской системе военного образования.

Великий Князь Константин Константинович, с 1900 г. Главный начальник, а затем Главный инспектор военно-учебных заведений, до своей смерти в 1915 г. много потрудился, чтобы создать в корпусах все условия, в которых мальчик, подросток, юноша мог бы взять образцы Доблести, Добра и Красоты из повседневной корпусной жизни. Он же старался всемерно улучшить подготовку офицеров к строгому, но заботливому, истинно отцовскому воспитанию кадетов. С этой целью, например, по его предложению в 1900 г. были учреждены специальные курсы для офицеров-воспитателей.

После февральской революции кадетские корпуса были переименованы в гимназии военного ведомства без изменения программ обучения, а в 1918 г. в связи с ликвидацией царской армии кадетские корпуса были закрыты.

В годы гражданской войны многие кадетские корпуса вместе с офицерским и преподавательским составом вслед за Белой гвардией покинули Родину. В их жизни началась эпоха скитаний по разным странам Европы, Азии и Латинской Америки. Часть кадетов продолжала учиться в кадетских училищах, нашедших новое пристанище в Югославии, Турции, Египте, в Аргентине. В годы советской власти из-за железного занавеса между лагерями социализма и капитализма, ни о какой связи между кадетами и суворовцами не могло быть и речи. Находясь на чужбине, выпускники кадетских корпусов постепенно ассимилировались с населением тех стран, где они обосновались, их дети поступали в местные школы и колледжи, российские кадетские училища закрывались.

Но, если обратиться к истории культуры России, то она изобилует именами выпускников пажеского и кадетских корпусов, выдающихся государст-

венных и общественных деятелей, полководцами, духовными наставниками, гениальными представителями науки и искусства, чей труд воплощался в победах на поле брани. Все они — «живое лицо истории», и без них простое перечисление фактов представляет собой абстрактную, мертвую конструкцию. Результаты исследования духовной формы культуры России также показывают: военный человек должен быть «Разумным и Нравственным».

Военная организация представляет собой иерархическую систему, которая обладает одним характерным свойством — она принимает в целом свойства личности, которая находится сверху. Вот здесь приходит на память традиция русских князей — воспитывать дружину личным примером (стоит вспомнить Дмитрия Донского, который не в силах отойти от традиции, пошел в бой в чужих доспехах). К слову сказать, одной из причин побед над монголами была именно традиция русских князей идти первым в бой.

Нравственные качества воина, в сумме именуемые «честью» — являются залогом победы или поражения. Система воспитания русских воинов складывалась веками, и не является секретом, что в ее основе было христианство. Правда, немало было унаследовано из языческих времен — отношение к изменникам (смертная казнь), элементы военной демократии и пр. Но эта система имела одну особенность — она действовала на протяжении всей жизни человека. Поэтому роль личности в армии не вызывает сомнений.

Стоит упомянуть и о том, что в 1943 г. была издана первая в СССР книга по истории военной культуры (кстати, этого термина сегодня нет ни в одном военном словаре или энциклопедии), которую удалось обнаружить исследователю О.А. Хазину. Из двух запланированных к публикации томов был издан только один, да и то тиражом 18 экземпляров. Эта книга не увидела свет по той простой причине, что показывала истинное значение личности в русской армии, что было неприемлемо для тогдашней идеологии.

И еще одно историческое сравнение²¹. Личное дело современного офицера представляет собой безликий документ с голым перечнем биографических данных, через призму которых совершенно не просматривается личность. Точно также не отражают свойства личности и аттестации вышестоящих начальников. Здесь так и подмывает привести, как пример, характеристики на подчиненных известного генерала М.И. Драгомирова, которые по своей яркости и образности граничат с афоризмами:

генерал-лейтенант Домантович: «Был конь, да уездился»;

генерал-майор князь Путятин аттестуется одним словом: «Ненормален»;

генерал-лейтенант Засс — «Мягок, чтобы не сказать слаб. В умственном отношении скромн»;

генерал-лейтенант барон Зеделер — «Усерден, болезнен. Более претензий, нежели содержания»;

генерал-майор Отфиновский — «Давно по дряхлости нуждается в покое»;

генерал-майор Воинов — «Настойчив, мягок. Симпатично вкрадчив, тактичен. К нежному полу прилежен».

Комментарии здесь излишни. Может в чем-то и сгущает краски М.И. Драгомиров, но ведь даже в этих высказываниях генерала, безусловно, просматриваются личности, в том числе и его собственная.

Возвращаясь к анализу истории воспитания в кадетских корпусах, следует отметить, что оно было проникнуто духом христианского вероучения и строго согласованное с общими началами русского государственного устройства, имело главной целью подготовку воспитываемых юношей к будущей службе Отечеству на военном, как правило, поприще. И эта традиция бережно сохранена в системе военного образования юношей в рамках суворовских училищ.

²¹ Хазин О.А. Пажи, кадеты, юнкера: Исторический очерк. Социально-политическая МЫСЛЬ", 2006г.

В заключение целесообразно привести основные положения кодекса чести российского кадета царских времен, которыми и ныне неофициально руководствуются суворовцы, нахимовцы, кадеты и ветераны суворовской школы Вооруженных Сил Российской Федерации, обуславливающие их незримую связь со славной военной историей обучения и воспитания юношей в дореволюционной России.

Кодекс чести российского кадета²²:

- быть верным России, уважать и блюсти традиции Русской Армии и Флота и презирать воров и хулителей России, Армии, Флота;
- помнить, чье имя носишь, уважать и почитать старших;
- закалять свою волю, знать свои недостатки, безропотно терпеть лишения;
- быть честным и благородным во всем, делиться;
- быть чистоплотным, не проявлять и не вызывать брезгливости, соблюдать выправку, опрятность в одежде;
- быть скромным, не хвастаться, соблюдать приличия в поведении, быть почтительным в общении, быть, а не казаться;
- всегда помогать товарищам, поддерживать выдающихся и не завидовать;
- поссорившись, думать о мире, защищать младшего и слабого;
- уважать чужое горе, верующего и молящегося, печаль, труд, сон и покой;
- не позволять унижения своего достоинства, не грязнить других, если загрязнился сам, не доносить и не сплетничать;
- не сквернословить, не хамить и не оскорблять, не стесняться быть вежливым и не соблазнять.

²² Эти положения были разработаны по архивным материалам, журнальным и газетным публикациям в соответствии с вековыми традициями российских кадетов и офицерства в гармонии с канонами Православия инженер-капитаном I ранга в отставке Валерием Николаевичем Бариновым, опубликованные в газете «Кадетское братство» (№№ 3, 7 2007 года).

Суворовцы-ветераны считают, что эти положения пора бы приравнять к врачебной клятве Гиппократ и обязать кадета и суворовца соблюдать положения этого Кодекса неукоснительно на протяжении всей жизни. Действуй такой Кодекс в нашу суворовскую и офицерскую бытность, сейчас бы не пришлось стыдиться некоторых наших поступков и мыслей, тайных и явных. Так как воспитание гражданской нравственности следует начинать с “младых ногтей”.

*Годы юности нежной,
В дымке праздников летних,
Все остается в золоте наших погон...*

Вместо заключения в воспоминаниях о суворовском училище

Зародившись в стенах суворовских военных училищ, кадетская братство и дружба находят свое продолжение и развитие в поддержании тесных связей между выпускниками, в организации их встреч, которые стали традиционными и которыми руководит избираемый Совет ветеранов училищ.

В Москве местом регулярных встреч суворовцев-кавказцев на протяжении многих лет является выход к Гоголевскому бульвару из станции метро «Кропоткинская». Проходят эти встречи ежегодно 9 мая с 10 до 12 часов.

Ветераны Свердловского суворовского училища ежегодно собираются возле памятника А.В. Суворову недалеко от шедевра архитектуры эпохи «сталинского ампира» - пятиконечного здания Центрального академического театра Российской армии, расположенного на Суворовской площади.

Такие встречи ценны тем, что суворовцы- ветераны имеют возможность больше узнать друг о друге, поделиться своими мыслями и воспоминаниями. На эти встречи приезжают, как правило, те, кто через всю свою жизнь пронес чувство дружбы, суворовского братства и товарищества, кто сохранил верность алым погонам, кто дорожит честью и славой родного училища, честью суворовца.

Не смотря на седину на голове или лысину, седину побеждающую, на бывшие и нынешние ранги и чины, меж собой ветераны СВУ по-прежнему на “ты”, готовые к безвозмездному оказанию материальной, медицинской и иной помощи тем, кто в этом нуждается.

На страницах Интернета есть несколько сайтов посвященных суворовским училищам. Здесь можно почерпнуть для себя много интересного и по-

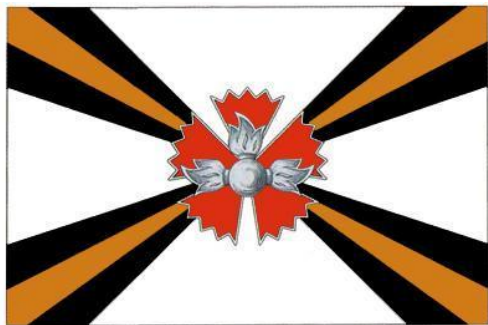
учительного. Например, какие СВУ и кадетские корпуса существуют сейчас в России, история их создания и какие экзамены нужно сдать абитуриенту для поступления в них. Там же можно прочитать и воспоминания ветеранов СВУ о тех годах, когда они впервые надели алые погоны, о тех, кто готовил их стать будущими защитниками Отечества и многое другое.

Благодаря Интернету однокашники – кадеты поддерживают меж собою связь, проживая в разных городах РФ и за пределами России. В этой переписке принимают участие не только те, кто вместе учился в СВУ, но и подрастающее поколение, желающее стать профессиональными военными, и спрашивающая советы от своих старших товарищей как поступить в том, или ином случае. Поэтому незримая связь времен между разными поколениями выпускников суворовских и кадетских училищ продолжается.

*Москва,
февраль 2012*

*Опубликовано на правах рукописи
©Ю.В.Морозов, 2012
morozovyury51@yandex.ru*

Часть 2. Юношество в погонах.

*Воспоминания - это единственный рай,
из которого нас никто не может изгнать¹*

Что же это такое - военная разведка?

По выпуску из стен Киевского суворовского училища перед его бывшими воспитанниками были открыты двери многих высших военно-учебных заведений Минобороны СССР, которые давали возможность окончательно определиться юношам в выборе их дальнейшей военной профессии. Большая часть из них поступили в общекомандные военные училища, другие выбрали военно-техническую стезю, третьи – избрали для себя путь служить в той области военного искусства, которая осуществится непрерывно, как в мирное, так и в военное время. К такой сфере деятельности государства относится военная разведка.

На заре юности, благодаря средствам массовой информации у автора этого повествования, как и у большинства населения страны не только у нас, но и за рубежом, складывалось впечатление о профессии военного разведчика, как о наиболее романтической и мужественной, вместе с тем окутанной тайной специальности, которая покрыта “ мифами и легендами”.

Устойчивая, непоколебимая симпатия россиян к незабвенному экранному разведчику Штирлицу казалась абсолютной и не исчезающей со временем. Сколько бы раз ни показывали по телевизору “Семнадцать мгновений весны”, россияне с восхищением смотрели знакомые до тонкостей перипетии

¹ Оноре де Бальзак.

подвигов любимого персонажа. А обаятельный “спецагент 007” Джеймс Бонд завоевал сердца не только юношей, но и девушек, и даже дам бальзаковского возраста во всем мире.

Поэтому, некоторые из выпускников СВУ, как и я, начитавшись книжек и посмотревшись фильмов о спецслужбах разных стран, мечтали стать разведчиками. Однако воплотить мечты в реальность решились лишь немногие, уж очень недостижимым казался им образ героев, проникающих в самое “логово врага” и добывающих там секретные сведения. Возможности и способности разведчиков казались им сказочными. Поэтому лишь только часть выпускников КвСВУ решили посвятить себя военной разведке.

Романтика - романтикой, а в реальности военная разведка выглядит несколько иначе. Поэтому, давайте для начала, уважаемый читатель, спустившись с вершин фантазии писателей и кинорежиссеров, определимся, так что же скрывается под понятием “военная разведка”?

Как следует из определения, приведенного во многих энциклопедических изданиях – *“Военная разведка - это комплекс мероприятий по получению и обработке данных о действующем или вероятном противнике, его военных ресурсах, боевых возможностях и уязвимости, а также о театре военных действий”*.

Этот комплекс охватывает практически все сферы деятельности государства вероятного противника, будущие театры военных действий, включая космос, воздушное пространство, сушу, моря и океаны, и их глубины. В интересах получения необходимых данных для обеспечения своевременного реагирования Вооруженных Сил, их соединений и частей на постоянно изменяющуюся военно-политическую, стратегическую и оперативно-тактическую обстановку военная разведка ведется непрерывно, днем и ночью, в мирное и военное время.

Для получения руководством страны, военными начальниками и командирами различных уровней военного управления необходимых для них сведе-

ний подключены и войсковые штатные структуры, и соответствующие части силовых министерств и подразделения гражданских ведомств, дипкорпус, ученые, журналисты и даже моряки рыболовецких траулеров.

Эксперты в области военной разведки под этим понятием также подразумевают несколько различных видов деятельности в многообразных сферах применения военной силы государства. Перечислим только некоторые из них. Так, современная военная разведка по уровням и масштабам решаемых задач делится на тактическую, оперативную и стратегическую.

Тактическая и оперативная разведка

Тактическая и оперативная разведка - обеспечивают боевые действия войск в тактическом и оперативном звене действий войск/сил, т.е. в пределах соединений, частей и подразделений, находящихся в соприкосновении с противником. Она выявляет данные о его боевых возможностях (включая планы), его уязвимости, а также и о районе боевых действий (в том числе об условиях местности и погоды). Это облегчает принятие своими начальниками и командирами и их штабами рациональных решений по планированию и проведению боевых действий. Необходимые разведданные добываются либо штатными силами и средствами, либо получаются от вышестоящего командования.

Так, к силам и средствам тактической разведки Сухопутных войск относятся линейные штатные подразделения и части, их разведывательные органы, оснащенные техникой для ведения наземной и воздушной разведки, соседние и взаимодействующие подразделения и части, а также вышестоящие штабы и приданные от командования разведывательные подразделения.

Разведывательные сведения добываются ведением этими подразделениями визуальной разведки, опросом местных жителей, допросом пленных и перебежчиков, перехватом информации, передаваемой радиоэлектронными средствами, изучением захваченных у противника документов, его техники и

вооружения, радиолокационной, наземной, воздушной разведкой и аэрофоторазведкой и другими способами.

Обычно тактическая и оперативная разведка проводится в сложных условиях боевой обстановки, время для тщательного анализа добытых ею сведений весьма ограничено, а сведения такого рода в условиях динамики обстановки быстро устаревают.

В период военных действий воздушная и наземная разведка также может быть затруднена из-за сложных погодных условий или противодействия со стороны противника. Недружественно настроенные местные жители могут дать недостоверную информацию или отказаться дать информацию, например, как это часто бывало в Афганистане. А для предотвращения радиоперехвата вероятный противник может использовать сложные коды или вообще запретить работу своих радиостанций на передачу (использование так называемого режима “радиомолчания”).

Для сокрытия группировки своих сил и истинных намерений противник может также прибегнуть к таким способам маскировки, как дезинформация и демонстративные действия (например, собирающийся отступить неприятель может начать атаку небольшими силами на каком либо незначимом направлении, надеясь, что в возникшей сумятице отход его основных сил останется незамеченным). Может случиться и так, что захваченные документы и образцы вооружения не будут переданы разведывательными органам командованию, либо эти документы могут быть намеренно подброшены или же они могут содержать сведения ложного характера. А неточные или недостоверные сведения могут привести к большим потерям своих войск и сил, а то и к поражению на поле боя.

Следует сказать несколько слов об особенностях оперативной разведки. В частности - о её спецназовцах-разведчиках. Обычным людям, не связанным с военной профессией, иногда кажется, что сейчас они живут вполне

в мирном времени, а военные конфликты проходят где-то там далеко и они их никогда не коснутся. Однако это не совсем так.

Увы, люди моего поколения стали свидетелями (а многие из военно-служащих – участниками) военных конфликтов, разразившихся на постсоветском пространстве после развала Советского Союза и в Восточной Европе вслед за дезинтеграцией Варшавского Договора. В самой России военные конфликты полыхали на Северном Кавказе, где по-прежнему обстановка остается беспокойной. И всегда повсюду в этих конфликтах действовала разведка.

Поэтому спецназовцы-разведчики постоянно находятся на боевом посту. В любое время их могут собрать по тревоге и отправить в любой конец страны или мира выполнять самые сложные задачи. Как результат - у многих из них дома в так называемое “мирное время” висят парадные мундиры, уже увешанные боевыми орденами, и не только отечественными, но и самых разных стран. Зачастую даже ближайшие родственники спецназовца не знают, за какие подвиги были получены им эти боевые награды. О своей работе такие специалисты обычно не рассказывают даже после окончания ими военной службы.

Чтобы попасть на курсы, готовившие бойцов разведывательного спецназа, надо обладать уникальными способностями. Об операциях, проводимых этими людьми, ходят легенды. Проделки экранных ниндзя меркнут рядом с возможностями таких специалистов. Поэтому чтобы попасть в элитный разведывательный спецназ, необходимо обладать самыми разносторонними способностями и железным здоровьем. К счастью, не оскудела еще Россия величественными самородками. Представителям молодого поколения, которые хотели бы стать спецназовцами-разведчиками, нужно понимать, что это элита среди воинов и плата за то, чтобы стать в ее ряды, это - бесконечные тренировки, плюс самоограничение и полная отдача этой нелегкой службе.

Роль аналитических органов

Обычно разведка ведется непрерывно по трехэтапному циклу: сбор разведывательной информации, ее обработка и доведение данных до заинтересованных инстанций. Полученные разведсведения от различных источников собираются в штабах своих войск различного уровня. Там они обрабатываются и анализируются, и на основе этого анализа делаются выводы о составе и намерениях вероятного противника. При этом элементы собираемой информации значительно разнятся по точности и полноте: начиная от данных, полученных от своих развед. подразделений, в совокупности со слухами от незначительных информаторов, и заканчивая разведсводкой от вышестоящего или других штабов, с соответствующими выводами. Однако эти данные, как бы они ни были достоверны, со временем теряют свою ценность, и поэтому их необходимо периодически перепроверять и обновлять.

Для целенаправленного добывания разведывательной информации на разных уровнях военного/боевого управления войсками в каждом штабе разрабатывается план по разведке, в котором обычно указываются: вероятный состав сил и средств противника и его характер его действий; основные этапы и задачи по сбору разведывательной информации; силы и средства разведки, выделяемые для выполнения этих задач и другая информация.

Основные задачи плана нацеливают исполнителей на добывание той информации, которая необходима соответствующему командиру для принятия обоснованного решения при планировании боевых действий своих войск. Обычно они формулируются в виде вопросов, например: «Собирается ли противник наступать или отступать, или делать что - либо еще?»

При этом важную роль играют разведывательные признаки – то есть такие проявления активности противника, по которым можно судить о характере его приготовлений. Например, при наступлении войск вероятного противника следует ожидать и соответственно своевременно выявлять: усилен-

ное передвижение его сил, особенно танковых частей, к линии фронта; появление новых артиллерийских и минометных батарей; разминирование противником минных полей; активизация деятельности его разведывательных групп и других разведпризнаков.

Как правило, при обработке собранной разрозненной информации офицер разведывательного отдела соответствующего штаба применяет всесторонние интеллектуальные методы обобщения, включая анализ, синтез и интерпретацию (разработка сценариев возможных действий вероятного противника) событий. Этот процесс во многом сходный с теми методами, который использует ученый при решении им той или иной научной проблемы.

При этом штабной офицер должен быть хорошим аналитиком и в совершенстве знать технику и вооружение противостоящей стороны, оргштатную структуру его соединений и частей, а также их возможности. Зная его полевые уставы и наставления, офицер должен уметь “войти в мозг” командира противостоящей группировки войск, чтобы определить вероятный характер ее действий. В мыслительном процессе офицера разведки всегда присутствует контрольный вопрос “А как бы я поступил на месте того или иного начальника противоположной стороны?”. Ведь оттого, как правильно будет определен вероятный характер его действий, зависит реакция на них своих соединений и частей, а также успех боя или сражения в целом.

Уже, будучи начальником разведки, при планировании операции на учениях, я иногда с завистью думал: *“Хорошо артиллеристу или танкисту. Они уж точно знают возможности своего оружия и войск. А вот координаты целей для них – будь любезна, разведка, подай заранее. А тут еще оператор на тебя сзади наседает – ему “ещё вчера” надо эшелонировать войска и определять замысел их действий, базируясь на данных разведки. Не разгадаешь замысел противника – провал всей операции, и не доносить мою буйную головушку до пенсии!”*. Поэтому штабные офицеры-разведчики всегда работают в условиях жесточайшего лимита времени, находясь под посто-

янным прессом сомнений и неся большую ответственность за ход и исход боя, а также за жизнь многих солдат.

Процесс обработки информации включает ряд операций, которые можно классифицировать как учет, отбор, оценку, интерпретацию и их обобщение. А учет и систематизация полученных данных – операция по сути механическая, но важная: информация группируется по общности освещаемых вопросов, регистрируются источники и время ее получения. После такой систематизации удобнее отбирать информацию, требующуюся для решения поставленной задачи. Затем выбранные материалы оценивают в отношении, например, надежности источника их получения, времени, прошедшего с того момента, когда они были добыты, их точности по сравнению с уже имеющейся информацией по данному вопросу и др.

Интерпретация заключается в определении значимости оцененной информации.

Например, достоверно установлено, что недружественное государство внезапно развернуло строительство автомобильной и железной дорог в захламленном пограничном районе. Анализ имеющейся информации о данном районе, прилегающих к нему районах и изменениях в экономической, внешней и военной политике самого государства должен вскрыть причины такой необычной активности.

Затем проанализированную и оцененную информацию обобщают с тем, чтобы установить взаимосвязь данных и определить их общую значимость – процесс, который подчас напоминает отгадывание кроссворда. По завершении этой операции аналитик-разведчик делает выводы. К сожалению, он часто бывает не в состоянии всесторонне аргументировать свои выводы из-за характера полученной информации, особенно, когда эти выводы касаются вероятных действий противника или его будущих боевых возможностей. Руководителю разведки в большей степени приходится иметь дело с информацией скорее вероятностного характера, и для заполнения пробелов в

ней он вынужден прибегать к своему воображению, интуиции и логическим рассуждениям.

Окончательные выводы в ясной и сжатой форме доводятся до заинтересованных инстанций, обычно непосредственного начальника, вышестоящего штаба, штабов основных подчиненных частей (подразделений) и, когда это целесообразно, штабов соседних частей (подразделений).

Стратегическая разведка

Разведка более высокого уровня - стратегическая разведка, добывает и изучает сведения о возможностях, уязвимости и планах иностранных государств. Она ведется в интересах высших органов государственной власти и военного руководства, а добываемые ею данные используются для выработки внешнеполитического курса, планирования и осуществления мероприятий по национальной безопасности в мирное время и для проведения стратегических операций во время войны. Так, например, в период противостояния США и СССР во времена “холодной войны”, роль стратегической разведки и объем выполняемых ею задач значительно возросли, так как мир в то время периодически находился на грани возникновения угрозы глобальной войны между ядерными супердержавами и военными блоками НАТО и Варшавского Договора.

Стратегическая разведка по сравнению с разведкой более низкого уровня располагает гораздо более разнообразным арсеналом сил и средств. Сбор информации может осуществляться открыто или скрытно (обычно это делается через разведчиков-нелегалов и завербованных агентов). Оба способа добывания информации сопряжены со значительными трудностями. Вызывавший доверие информатор может внезапно умереть, сделать ошибку или же оказаться агентом чужой разведки.

Для получения необходимой информации широко используется вербовка агентов. С одной стороны, завербованные агенты уже легализированы в той стране или министерстве, либо ведомстве, о которых необходимо получить требуемые данные. Им не нужны легенды прикрытия для их натурализации. Но с другой стороны – они в профессиональном отношении подготовлены гораздо хуже профессионального разведчика, а мотивом их деятельности часто являются деньги или боязнь разглашения компромата, которым они могут быть шантажированы. При этом опасения руководства разведслужбы государства насчет надежности таких агентов, могут стать вполне обоснованными - сколько бы они ни заплатили этим информаторам, кто-то может предложить им больше, и если для них деньги - главное, то они – не всегда благонадежны.

Среди завербованных агентов редко встречаются те, кто искренен в своих деяниях и любит современную Россию. Хотя совсем недавно (с исторической точки зрения) многие из них безвозмездно помогали Советскому Союзу в его борьбе против фашизма и в противостоянии Западу в период “холодной войны”.

Во время войны стратегическая разведка прибегает к тем же источникам получения сведений о противнике, что и тактическая разведка, но с большим пространственным охватом и с привлечением хорошо технически вооруженных сил и средств. Это объясняется тем, что стратегическая разведка, помимо решения задач в интересах ведущихся военных действий, также занимается выявлением вероятного характера действий иностранных государств и их коалиций. Своевременному прогнозированию будущих действий противника способствует то, что им предшествует подготовительный период, занимающий иногда достаточно долгое время и проявляющийся в изменениях экономики, вооружений и внешней политики. Вместе с тем, эта разведка сталкивается с теми же трудностями, что и оперативная разведка при добы-

вании информации, плюс есть проблемы в получении достоверной информации и в мирное время.

Так, например, диктаторские режимы редко допускают появление в открытой печати достоверных и полных статистических данных о своих странах. Все публикуемые материалы подвергаются цензуре и часто содержат преднамеренно искаженные сведения. Целые районы в таких странах бывают закрыты для их посещения иностранцами и даже местными жителями.

Поэтому в информационно-аналитических центрах стратегической разведки непрерывно обрабатывается огромное количество добываемой информации, касающейся факторов, которые определяют военно-экономическую и политическую мощь или слабость государства, включая: уровень научно-технического развития; географию; климат; транспорт; связь; промышленность; финансы; уровень занятости населения; военный потенциал; социологические характеристики общества и их тенденции; политические партии; проводимую в стране политику и биографические данные о действующих и вероятных лидерах, и многое, многое другое.

Такой широкий спектр задач не означает, однако, что стратегическая разведка изучает только факты общего характера. Незначительные на первый взгляд события в удаленных уголках земного шара могут оказаться первыми признаками важных изменений в политике иностранных держав, проявлением их возрастающей мощи или же, наоборот, свидетельством их слабости. Например, деталь на фотографии или упоминание в заметке местной газеты о переводе группы инженеров на новое место работы могут послужить сигналом о начале разработок нового оружия.

Различные иностранные книги, газеты и журналы (особенно правительственные бюллетени, научные журналы и военные публикации) являются ценными источниками такой информации. В мирное время их можно легко и вполне легально приобрести в любой стране. Другими источниками для получения стратегической разведывательной информации служат отчеты

дипкорпуса своего государства из стран пребывания, сведения от правительств дружественных государств, заявления перебежчиков из недружественных стран и материалы, добываемые в рабочем порядке различными военными и гражданскими органами разведки.

Кроме того, есть люди, планирующие разведывательные операции и руководящие ими. И, наконец, непременная составляющая деятельности любой разведслужбы - множество различных аналитиков.

По-прежнему, как и в стародавние времена, важная роль в системе стратегической разведки отводится разведчикам-нелегалам, засылаемым во враждебную страну, где они часто опираются на сеть из завербованных жителей этой страны, оппозиционно настроенных к действующей там власти. При этом “блестящие разведчики” – герои киносериалов – в реальной жизни встречаются исключительно редко. Обычно агент – это неприметный человек, занимающийся сбором разного рода информации. Поэтому у киногероя В. Тихонова – Штирлица с его запоминающейся внешностью, в современных условиях очень мало шансов стать настоящим нелегалом.

Разведчики-нелегалы работают, как они говорят – “в поле”, то есть в зарубежных странах. И человек, решивший стать таким разведчиком, должен понимать, что ему навсегда придется забыть о честолюбии, его подвиги останутся неизвестными для соотечественников. Можно сказать, что в этой профессии, как ни в какой другой, концентрируется почти абсолютный патриотизм. Работа посвящена благу Родины, а не личному успеху.

Разведчики-нелегалы становятся известны миру лишь только после провала или предательства. Самых успешных профессионалов широкая публика не знает и никогда не узнает, некоторые из них похоронены в чужих странах под вымышленными именами. Не зря одним из девизов разведки являются слова: *“Без права на славу, во славу Державы!”*.

Также простого желания стать разведчиком недостаточно, надо обладать целым рядом качеств. Вначале каждого претендента долго и тщательно проверяют.

Два будущего разведчика-нелегала первоначально необходимы в качестве обязательных условий - прекрасная анкета и отсутствие родственников и связей за рубежом. В эпоху СССР чистоту анкеты и наличие связей за рубежом соответствующим органам было легко проверить, т.к. в 30-е годы всех подозрительных элементов во время сталинских репрессий основательно “почистили”, кроме того существовал “железный занавес” и поездка за рубеж равнялась выходу в открытый космос. Интересно, как с этим справляются сейчас эти органы, когда бывшие республики СССР стали ближним зарубежьем и многие родственники оказались по разные стороны границы, а в дальние страны можно просто купить путевку? Вот и морщит лоб потенциальный кандидат – нужно ли приносить ему справку с печатью и подписью главы того или иного государства СНГ об отсутствии родственников или от других государств – членов ООН? Но это так, шутка, хотя в ней есть доля правды о рецидивах бюрократии времен “застоя”.

Кроме обычных экзаменов будущий разведчик проходит медкомиссию, у него должно быть стопроцентное здоровье, а также он подвергается целой серии морально-психологических проверок и тестов. Одно из основных требований к кандидатам - хорошая память и умение быстро переключаться.

Во время учебы будущим разведчикам приходится осваивать очень много различных дисциплин, и главные среди них, конечно, профильные, такие, как: навыки сбора информации, установление разведывательного контакта, ведение агентурной работы, наружное наблюдение, конспирация, подбор тайников, спецтехника, фотодело, вождение автомобиля, страноведение и тому подобное.

В заведениях, где они проходят обучение, существуют специально созданные города-макеты, где все устроено так, как в странах, где придется работать нелегалам. В этих поселениях до мелочей воспроизводится жизнь государства, где разведчику надо стать “своим”. Там говорят только на языке страны назначения, причем роли жителей исполняют уроженцы тех самых стран.

Будущим разведчикам также необходимо освоить систему Станиславского и стать прекрасными актерами. Ведь многим нелегалам приходится изображать людей различных специальностей, вероисповедания, социального происхождения. Эти роли они должны исполнять безукоризненно, иначе последует провал.

Хороший разведчик обязательно интеллектуал, способный легко поддерживать любую беседу. Он прекрасный психолог, умеющий, как шахматист, просчитать собеседника на несколько ходов вперед. У него профессионально отточенное внимание, он способен одновременно контролировать не только поведение людей при общении, но и себя самого, ведь любое неосторожное слово может загубить целую операцию.

Профессия разведчика развивает потрясающую наблюдательность, выносливость, железное терпение, мгновенную реакцию, умение импровизировать. Для работы такому специалисту крайне необходимы неординарные аналитические способности.

Важным качеством также является умение употреблять алкоголь, непринужденно направляя беседу в ходе застолья в нужном для разведчика направлении, и самому не пьянеть при этом. А то может случиться, так как это случилось в анекдоте про Джеймса Бонда. Как только агент 007 попал в Россию, он тут же был обезврежен русскими агентами 0,5 и 0,7.

Внешний облик человека тоже имеет значение, предпочтение отдают людям невзрачным, чья внешность плохо запоминается. Следовательно, красавчика Джеймса Бонда никогда бы не приняли в разведшколу. И это не та

специальность, которой овладевают ради денег. Если человека они слишком интересуют, при всех блестящих способностях ему не попасть в разведшколу.

Нужно сказать, что существует несколько неписаных правил, позволяющих разведчику-нелегалу чувствовать себя за границей уверенно. Так, на Родине у него обязательно остается “тыл”. Человек, отправляющийся за рубеж в длительную командировку, обязательно женат, и ему дают квартиру, то есть у него есть дом, куда он сможет всегда вернуться, и есть средства, которые накапливаются на его банковском счете, позволяющие по выполнению задания жить в относительно комфортных условиях. Так, разведчики - нелегалы в своих воспоминаниях пишут о том, что во время работы за рубежом им платили двойную зарплату, причем она накапливалась на сберегательной книжке, и, только возвратившись домой после долгих лет работы за кордоном, они имели возможность воспользоваться своими сбережениями. И это очень важные психологический и материальный аспекты, частично компенсирующие то неимоверное психологическое напряжение, которое постоянно испытывает разведчик - нелегал при выполнении своего задания.

Необходимость военной разведки для государства в современных условиях

Следует также заметить, что в современных геополитических условиях по-прежнему актуальна поговорка – *“Все возьму, – сказал булат, все куплю, – сказало злато”*. Только теперь всё реже какое-либо государство отваживается на прямую агрессию на равного по силе соперника, тем более, если эта страна обладает ядерным оружием. Хотя есть примеры и иного рода. Так, “холодную войну”, которую многие называют “третьей мировой”, хотя она велась не военными, а иными средствами, Советский Союз, что называется – “вчистую” проиграл. У СССР было ядерное оружие, в нынешнем веке у рос-

сийского государства это оружие осталось, а Советского Союза на карте мира уже не существует.

Успех Запада в “холодной войне” также в немалой степени оказался возможным благодаря комплексному дипломатическому, военно-политическому, информационно-психологическому и финансово-экономическому воздействию на страны- организации Варшавского Договора и СССР.

Казалось бы, эпоха “холодной войны” закончилась, в официальных военных документах западных стран Россия уже не числится в качестве вероятного противника, да и она сама не претендует на глобальное лидерство. Но скрытое противостояние Запада современной России продолжается.

Какими бы ни были сладкоголосыми заверения лидеров НАТО о партнерстве западного сообщества и России, по-прежнему верным остается курс на постепенный развал и дробление Российской Федерации на марионеточные режимы, подотчетные Западу, а также использование недр вновь создаваемых территорий в качестве сырьевого придатка к “золотому миллиарду избранных”. А за примерами такой политики далеко ходить не надо - вспомнить хотя бы, что стало с Социалистической Федеративной Республикой Югославией, с сильным в экономическом и военном плане государством, лидером мирового движения неприсоединения. В результате гражданской войны, инспирированной западным сообществом, а затем военной операции НАТО, проводимой под прикрытием мандата ООН, некогда могучая держава распалась на удельные княжества, полностью подотчетные “золотому миллиарду”.

В условиях скрытого противостояния сильные в экономическом отношении западные государства достигают свои стратегические цели невоенными средствами, в том числе за счет стратегии не прямых действий (финансово-экономическое внедрение, осуществление «цветных революций», информационное воздействие и т. д.).

Войн против соперников, особенно обладающих солидной военной мощью, “миролюбивый агрессор” стремится избегать. Он достигает своих целей за счет установления контроля над жизненно важными интересами государства-оппонента. Это означает создание такого расклада политических сил в стране – цели “мирной агрессии”, которая позволяет не только беспрепятственно пользоваться рынками сбыта, источниками сырья, современными технологиями и интеллектуальными ресурсами страны, но и определять цены на товары, сырье и услуги. Пример тому — нынешняя ситуация на постсоветском пространстве, где Запад, устанавливая контроль над вышеперечисленными сферами, обеспечивает устойчивое развитие своей цивилизации. Для этого весьма эффективными оказались “мирные способы”, позволяющие бескровно сменять легитимно избранные правительства в странах Содружества Независимых Государств. Инспирированные западным сообществом “цветные революции”, будь революция “роз”, “гвоздик” или же “тюльпанов”, привели к тому, что Содружество оказалось расколотым на союзников России и ее противников. В лагере последних к власти пришли прозападные лидеры, надеющиеся, что из нынешнего статуса сырьевого придатка Западу их государства вскоре будут приняты в лигу развитых стран.

В арсенале “миролюбивого агрессора” появились новые формы и методы смены неудобных режимов в стране, представляющей интерес для “золотого миллиарда”, в частности - Интернет. Так, в событиях начала 2011 г. в Египте по полной программе был задействован ресурс Twitter, Facebook и Blackberry Messenger. По электронной почте распространялся подробный план свержения режима Мубарака и правящего кабинета со спутниковыми фотографиями и схемами дорог, описанием стратегических объектов для штурма: президентский дворец, теле- и радиостанции. Мубарак не смог удержать власть при беспрецедентном давлении социальных сетей, поднятой ими «улицы» и лично президента США. В Ливии тоже активно применяли ИТ-технологии. Хотя «твиттерная революция-2009» в Иране провалилась, но

«революционные порывы» вновь сотрясают эту страну. И опять же во всю мощь задействованы информационные технологии: госдепартамент США завел на Twitter.com микроблог на фарси, чтобы обращаться к иранцам. В этих сообщениях - обвинения в адрес иранского руководства. Основным средством вывода людей на улицы стали Twitter и Facebook.

Логичное объяснение арабским «сетевым» революциям дал независимый американский исследователь Энгдаль. Он считает, что Б. Обама сознательно дирижирует сменой режимов - от Сирии, Египта до Йемена, Иордании и Ливии. Его цель - *«создание Большого Ближнего Востока под устойчивой американской властью, которая держит в своих руках основной контроль будущих движений капитала и энергетических потоков Китая, России и Европейского союза. Иначе эти страны однажды смогут помечтать об отказе от американских правил игры»*².

Сетевое наступление активно ведется и на другие страны. Так, Хиллари Клинтон, отвечающая за внешнюю политику США, заявила, что в 2011 г. госдепартамент откроет микроблоги на сайте Twitter на китайском, русском языках и хинди. «Это даст нам в режиме реального времени установить двусторонний диалог с людьми, используя такие каналы связи, которые правительства (этих стран) не блокируют». В связи с этим становится ясным и целевое назначение WikiLeaks: *«Наши главные мишени - весьма деспотические режимы в Китае, России и Евразии, но мы также ожидаем, что сможем помочь тем на Западе, кто хочет рассказать о незаконном или аморальном поведении в их собственных правительствах и корпорациях»*³.

Таким образом, ныне иную страну завоевать проще не оружием, а овладев ею экономически, разваливая ее изнутри, подрывая идеологические устои государства, его экономику, промышленность и науку, активно используя для этого ИТ-технологии. Поэтому многие спецслужбы развитых госу-

² Е. Черных. Сможет ли Россия противостоять электронным атакам. Комсомольская правда от 03.03.2011.

³ The New Yorker, 07.07. 2010

дарств сейчас переориентируются на Интернет - операции, так что целые регионы в других странах и в мире в целом становятся объектом идеологического воздействия, а это, по мнению многих аналитиков, еще опаснее, чем военная интервенция.

Вместе с тем, в современных условиях война как таковая, пока не исключена из международных и межгосударственных отношений. Не стал необратимым процесс перехода к всеобщей безопасности, продолжают сохраняться различия социальных систем в государствах мира и их острые противоречия. Возможно обострение конфликтов между объектами международных отношений в регионах, находящихся вблизи границ России и других стран СНГ.

Наряду с этим существуют и внутренние причины военной опасности для страны. Например, для государств постсоветского пространства до сих пор характерны: нестабильность экономических, социально-политических, национально-этнических, религиозных процессов, происходящих как в России, так и в других странах СНГ. Наличие сил крайней националистической ориентации, террористических групп и формирований, организованной преступности уже привели к ряду вооруженных конфликтов на территории государств, входивших в свое время в СССР, в которых на рубеже веков применялась военная сила в различных масштабах.

А в таких условиях, без разведки любая страна, даже в условиях мирного времени, похожа на человека “без слуха и зрения”. Без разведки она не сможет своевременно среагировать на очередной сценарий “цветной революции”, затеваемый зарубежными кукловодами в своем государстве. Или же на волну социальных и экономических потрясений, начавшейся в Северной Африке в 2011 г., которая сметает на своем пути правящие режимы в Тунисе, Египте, Ливии и постепенно подбирается к странам постсоветского пространства, где существуют авторитарные режимы власти.

Без разведки оперативно-тактического уровня невозможно стабилизировать обстановку в республиках Российского Северного Кавказа, где сепаратисты используют террористические способы противодействия законной власти и запугивания мирного населения. Поэтому в настоящее время, когда террористические угрозы стали ежедневной реальностью, хорошая разведка становится инструментом выживания целых регионов государства, где до сих пор не стихает стрельба. При этом ведение разведки на всех уровнях в таких условиях - наиболее действенный способ противостоять как внутренним, так и внешним проиcкам.

А профессия разведчика постепенно становится все более востребованной в современных геополитических условиях. Спецслужбы превращаются в наукоемкие институты, в рядах их сотрудников оказываются ученые, инженеры, экономисты и многие другие эксперты.

Понимало это военное руководство Советского Союза, когда создавало систему разведки и школу подготовки специалистов для неё. Но неумение престарелого и закостеневшего военно-политического руководства - Политбюро КПСС своевременно реагировать на новые формы и средства “мирного” противостояния двух политических систем, привело к тому, что мы имеем сейчас на геополитической арене.

Понимает это и военное руководство нынешней России, ставшей правопреемницей СССР и в основном сохранившей систему военной разведки.

Так, в России сейчас функционирует несколько спецслужб - Служба внешней разведки РФ - СВР, Федеральная служба безопасности РФ - ФСБ, Главное разведывательное управление ГШ ВС - ГРУ, Федеральная служба охраны РФ - ФСО.

При этом основных организаций, занимающихся разведывательной деятельностью на стратегическом уровне как таковой, имеющих свои агентурные сети за рубежом, две - СВР и ГРУ. При этом, Служба внешней разведки - совершенно независимая структура, она подчиняется только Прези-

денту РФ и занимается всеми вопросами, касающимися интересов страны в целом, включая экономическую безопасность. А Главное разведывательное управление Генерального штаба Вооруженных сил России - разведка военная, соответственно, больше ориентирована на оборонную безопасность.

Безусловно, в рядах обеих служб много талантливых специалистов, выполняющих схожие функции. К примеру, условно Абель был в свое время разведчиком СВР, Зорге – принадлежал бы к ГРУ, а Кузнецов был бы спецназовцем.

Военных разведчиков оперативно-тактического уровня готовят и обучают в различных ВВУЗах Минобороны. Их также готовят на соответствующих факультетах в других заведениях министерств и ведомств страны. И если в учебные заведения, готовящие будущих разведчиков оперативно-тактического звена, можно поступить после получения общего образования, то в ВВУЗы стратегической разведки набирают специалистов уже получивших высшее образование, часто после того, как они уже проработали несколько лет по своей специальности и хорошо себя зарекомендовали.

Во времена Советского Союза военных разведчиков оперативно-тактического звена также готовили и в Киевском высшем общевойсковом командном дважды Краснознаменном училище имени М.В.Фрунзе, куда и поступили несколько выпускников КвСВУ в 1970 г.

Следует прямо сказать, эти будущие разведчики тогда почти не знали ничего о том, что же скрывается под истинным понятием “военная разведка” и почему она нужна в мирное и военное время. Это понимание пришло к ним гораздо позднее, когда они уже закончили свое обучение ремеслу военного разведчика и сами стали руководить разведывательными подразделениями или же работать в аналитических разведывательных центрах. А тогда, в далеком 70-м году, отдохнувшие во время летнего отпуска, они впервые переступили порог новой для них альма-матер и стали знакомиться с этим училищем.

Київське вище загальновійськове командне двічі червонопрапорне училище імені М. В. Фрунзе.

Витиеватые страницы истории

Так официально звучит название училища на украинском языке, хотя в свое время оно относилось к системе ВВУЗов Минобороны СССР, и было учебным заведением тогда еще единого государства – Советского Союза.

Киевское высшее общевойсковое командное дважды Краснознаменное училище им. М.В. Фрунзе (КВОКДКУ) – являлось одной из старейших кузниц офицерских кадров.

Офицеры и генералы училища, когда-то носившие погоны курсантов, не уронили чести и славы родного КВОКДКУ, выполняя свой воинский долг на полях боев, разразившихся на постсоветском пространстве, да и в самой России после дезинтеграции СССР. Лейтенанты, пополнившие ряды командиров разведывательных и общевойсковых подразделений, спецназа, десантников, морской пехоты, были первыми, выполняя Присягу на верность Со-

ветском Союзу, проливая кровь в горячих точках планеты, подавая личный пример и мобилизуя подчиненных на выполнение боевых задач.

Всего за годы своего пребывания на киевской земле училище воспитало славную плеяду выпускников. Курсантские погоны КВОКДКУ носили многие, ставшие впоследствии крупными военачальниками и государственными деятелями. Среди них можно выделить большой корпус генералов и старших офицеров, служивших до недавнего времени на разведывательном и ином поприще. Есть среди них - и ныне действующие народные депутаты, и руководители крупных административных органов, предприятий различного уровня, структур большого, среднего и малого бизнеса. И каждый из них, на каком бы посту он ни находился, никогда не забывает своего родного училища. Училища, которое его выучило, воспитало, научило дружить и ценить дружбу, дало путевку в трудную, но интересную военную жизнь.

О славных страницах этого высшего учебного военного заведения можно прочитать в книгах, выпущенных к 50-ти и 70-ти летним юбилеям Киевского высшего общевойскового командного дважды Краснознаменного училища им. М.В. Фрунзе.

В целом, история создания КВОКДКУ витиевата, как лабиринт Мино-тавра. Те авторы, которые хотят подчеркнуть древние корни училища и преемственность в воспитании будущих офицеров, иногда в своих монографиях, посвященных ему, заходят в такие дебри истории, что кажется - идея создания КВОКДКУ первоначально принадлежала самому Господу. Или же его заместителям по революционным деяниям, например - в лице Реввоенсовета социалистической страны на первых же порах его существования.

Так, на сайте выпускников КВОКДКУ можно подробно прочитать об истории становления этой старейшей военной школы. Там говорится, что еще в 1918 г. в Арзамасе по инициативе Революционного военного совета Восточного фронта и согласно Приказу №139 были открыты курсы красных командиров при штабе Восточного фронта.

Эти курсы разделялись по родам оружия на четыре отдела: пехотный – 200 чел, кавалерийский – 100 чел, артиллерийский – 100 чел, инженерных войск – 100 чел. Всего – 500 чел. Каждый отдел был организован в соответствующую войсковую единицу, а именно: пехотный - в строевую роту, кавалерийский – в эскадрон, артиллерийский – в батарею, инженерных войск – в саперную роту.

Переменный состав курсов комплектовался из числа ротных и взводных командиров, командированных на курсы из действующей армии, а также из числа лиц, призванных на эти должности по мобилизации. Курс был рассчитан на 9 учебных недель, вследствие чего в продолжении зимнего периода пропускалось 2 комплекта переменного состава. Весь курс слагался из преподавания теории и практических занятий. По окончании курсов курсанты назначались командирами взводов, рот, эскадронов, батарей. Во главе курсов стоял Реввоенсовет Восточного фронта, который руководил боевой подготовкой курсов.

А далее по датам идет витиеватое повествование о дальнейшем становлении военного училища, с перечислением номеров приказов, директив и населенных пунктов, где базировались школы, курсы и училища под разными наименованиями до тех пор, пока эта школа не оказалось на киевской земле. Причем, зачастую эти данные можно отнести и к истории создания ныне действующих и уже расформированных артиллерийских, танковых, пехотных и других училищ.

Поэтому началом реального отчета существования ВОКУ в Киеве, очевидно, следует взять 1 августа 1965 года, когда на основании приказа Министра обороны СССР № 064 было создано КВОКДКУ из передислоцированного в Киев Одесского училища.

Училище было образовано необычным способом - из курсантов 2-х - 4-х курсов Одесского высшего общевойскового командного Краснознаменного училища, прибывших в Киев со своим Знаменем и со своими командирами,

но образовано было оно на базе расформированного к тому времени Киевского командно-технического Краснознамённого училища им. М.В. Фрунзе (ККТКУ им. М.В. Фрунзе).

Вторым орденом Красного Знамени училище было награждено 22 февраля 1968 г. за большие заслуги в подготовке офицерских кадров для ВС СССР и в связи с 50-летием СА и ВМФ Указом Президиума Верховного совета СССР № 2404-УП.

И еще один интересный момент в истории училища. После расформирования ККТКУ имени М.В. Фрунзе и перевода личного состава Одесского ВОККУ в Киев в созданное ВОКУ в течение четырех лет (с 1965 по 1969 гг.) - училище не имело официальной утвержденной истории. Потребовалось вмешательство министра обороны СССР маршала Гречко, чтобы сегодня мы имели именно эту историю училища.

Для дальнейшего повествования об училище нам важна Директива командующего Киевским военным округом № ОМУ/1/9851, по которой - для отработки практических навыков и повышения полевой выучки курсантов КВОКДКУ был назначен учебный центр в районе села Старого Бориспольского района Киевской области.

Просуществовало училище в качестве ВВУЗа Минобороны СССР до 1992 года. 19 августа 1992 г. в соответствии с Постановлением Кабинета Министров Украины № 490 оно было ликвидировано. Три курса курсантов училища были переведены в Одесский институт Сухопутных войск. И свое историческое продолжение училище продолжает иметь, но уже в структуре Вооруженных Сил Украины. Так как распался Советский Союз, и с ним канула в лету система подготовки военных кадров для Вооруженных Сил СССР.

В 1993 г. на базе расформированного Киевского высшего общевойскового училища, была размещена бригада охраны Минобороны Украины. А

славная история КВОКДКУ с его аббревиатурой теперь принадлежит воспоминаниям его воспитанников.

Прошли многие годы, но выпускники КВОКДКУ до сих пор помнят, как они с гордостью носили курсантские погоны этого училища и продолжают поддерживать связь меж собою. Для этого в Интернете существует специальный сайт- www.kvoku.org. Кроме того, некоторые из воспитанников КВОКДКУ имеют собственные странички в глобальной паутине. Например, бывший курсант 7-ой роты этого училища Анатолий Николаевич Качан <ankachan@pochtamt.ru> создал сайт для выпускников своей роты 1974 года выпуска (<http://www.7-1974.kvokdku.org>).

Кроме того, личными воспоминаниями об училище на сайте выпускников КВОКДКУ также делятся Квачков Владимир Васильевич (1970 года выпуска), Резун Владимир Богданович (1968 г.в.), Заякин Борис Николаевич (1974 г.в.), Полищук Сергей Иванович (1972 г.в.), Долومانов Владимир Викторович (1975 г.в.), и многие другие питомцы этой прославленной военной школы.

И опять сравнительный анализ “старых” и “новых” пенатов

Как уже говорилось ранее, когда попадаешь на новое место учебы, начинаешь автоматически сравнивать, что было в старых пенатах, где ты учился и что представляет собою новое заведение, где ты будешь продолжать учебу, выискивая плюсы и минусы в этих сравнениях. Так и мы, попав в Киевское ВОКУ после суворовского училища, занимались этим.

По сравнению мест расположений обоих училищ в городе, Киевское СВУ во многом выигрывало. Если суворовское училище располагалось в Печерском районе почти в центре Киева, то КВОКДКУ стояло “на отшибе”, на пересечении Брест-Литовского проспекта (ныне проспект Победы) с улицами Служебной, Академика Туполева, Чистяковской и Святошинской.

Здания и территория КВОКДКУ также проигрывали Киевскому СВУ. По сравнению со светло-желтым зданием Киевского суворовского училища, которое как бы парило над землей, возвышаясь среди окружавшей его зелени, здания ВОКУ казались приземистыми и в основном были выкрашены в темно-красный цвет. Они отнюдь не утопали в зелени, то есть деревья на территории были, но невысокие, а кустики, неизвестно почему - были чахлыми. Казармы, учебные кафедры и служебные помещения были разбросаны по всей территории училища, а в Киевском СВУ они были сосредоточены в одном корпусе.

Центральное место рядом к КПП занимало административное здание, там же располагались несколько учебных кафедр. Клуб, санчасть и бывшая столовая ВОКУ (в начальный период нашего обучения в ней размещалась баня, а затем общежитие для выпускного курса курсантов нашей роты) также стояли на первой линии зданий и располагались недалеко от фронтального забора училища. Клуб представлял собой весьма мрачное строение, расположенное несколько на отшибе первой линии. Библиотека там, по сравнению с Киевским СВУ, была убогой, а в кинозале нам по выходным крутили фильмы патристического содержания, но с "бородой", поэтому эти сеансы проходили в полупустом зале. Насколько я помню, в клубе также не было различных общеобразовательных кружков, типа бальных танцев или музыки, как это было в СВУ.

Притягательным местом для курсантов была санчасть училища, там, по крайней мере, можно было вдоволь отоспаться, устав от выполнения распорядка дня. Для этого существовало два пути: либо реально заболеть; либо прикинуться мнимым больным.

Вторую линию строений занимали справа налево - казарма для двух курсантских батальонов, здание кафедр тактики и других военных дисциплин, почта и парикмахерская. Кафедра иностранных языков и спортзал также

были на этой линии. В этой казарме и протекала бурная жизнь курсантов 7-ой роты, среди которых был и автор этих воспоминаний.

Между первой и второй линиями зданий был разбит сквер с неперменным для советских времен памятником одному из основателей учения марксизма-ленинизма Владимиру Ильичу Ленину, который своею вытянутой рукой указывал курсантам путь в самоволку в город. Там же располагались несколько спортивных площадок.

Третью линию на территории училища формировали здоровенный строевой плац, с обрамляющими его плакатами, показывающие строевые приемы и зеркала. По нашему общему убеждению, для плакатов на плацу, иллюстрировавших строевые приемы, позировать мог один лишь Квазимодо собственной персоной. Рядом с плацем располагалась еще одна казарма для двух батальонов и новая столовая, признанная образцово-показательной в системе ВВУЗов Минобороны СССР. Перед ней на высоком постаменте стоял бюст М.В. Фрунзе, который с высоты своего положения пристально наблюдал, кто въезжает на территорию училища через центральные ворота.

В глубине территории училища были здание кафедры бронетанковой техники и вооружения, автопарк, складские и другие подсобные помещения.

Повсюду на территории училища была вездесущая наглядная агитация, призывавшая заслужить все мыслимые знаки воинской доблести, неустанно бороться за мир и победу в социалистическом соревновании, равно как и за окончательную победу коммунизма во всем мире. Она, сделанная руками солдат срочной службы из обслуживающего курсантов батальона, не знала себе равных как по количеству, так и по топорности исполнения наглядной агитации.

Всю территорию ВОКУ окружал забор. Его фронтальная часть представляла собою бетонное препятствие, перемахнуть через которое опытному самовольщику не представляло никакого труда. Тыловая часть забора была глухой и высокой, за нею весело посвистывали кукушки-паровозы, бегающие

туда и сюда по железнодорожной ветке, ведущей к промышленным зданиям завода, располагавшегося за училищем.

Войдя в расположение казармы нашей роты на первом этаже здания, расположенной на второй линии, ты должен был пройти мимо дневального, скучающего возле тумбочки в коридоре, миновать офицерскую канцелярию и войти в спальное помещение.

Кровати там размещались не в один ряд, как в суворовском училище, а в четыре ряда, плюс ко всему они были двухъярусными. Далее следовали ленкомната, каптерка, оружейная комната и учебный класс, там же были туалет и умывальная комната. Как говорится, простенько, но со вкусом, не то что барские хоромы в суворовском училище.

Гордость командования училища представляла новая столовая, открытая чуть ли не в первые дни нашего поступления в ВОКУ. Светлое и просторное помещение столовой на втором этаже свободно вмещало весь личный состав училища во время приема ими пищи. В холле стояло пианино, на котором вечно кто-то брэнчал “Собачий вальс”.

Как и в СВУ, в столовой работали официантки, но их было всего по одной на роту, поэтому им помогали накрывать на стол и собирать посуду дневальные по ротам. Среди официанток дам бальзаковского возраста не было, их контингент составлял молоденькие и симпатичные девушки, главная цель которых была не повышение сервиса в обслуживании едоков, а поскорее выскочить замуж за будущего лейтенанта.

Разносолов как в СВУ, в общевоинском училище не было. Признаться, что в общевоинском училище мы были первоначально готовы поедать, буквально, все и в любое время суток. Первопричина такого жора крылась отнюдь не в скудности курсантского пайка, а в нас самих, росших не по дням, а по часам молодых ребят. Суровая армейская проза курсантской пищи заставляла искать дополнительные источники питания. Для этого на первом этаже располагался буфет, вечно заполненный голодными курсантами, кото-

рые соскучились по чему-либо вкусненькому. Второй источник калорий составляли курсанты, живущие в Киеве и приносившие из своего жилища гостинцы для голодных друзей, а также посылки, получаемые курсантами из своего дома. К третьему, весьма сомнительному источнику вкусовых наслаждений, относился наряд по кухне.

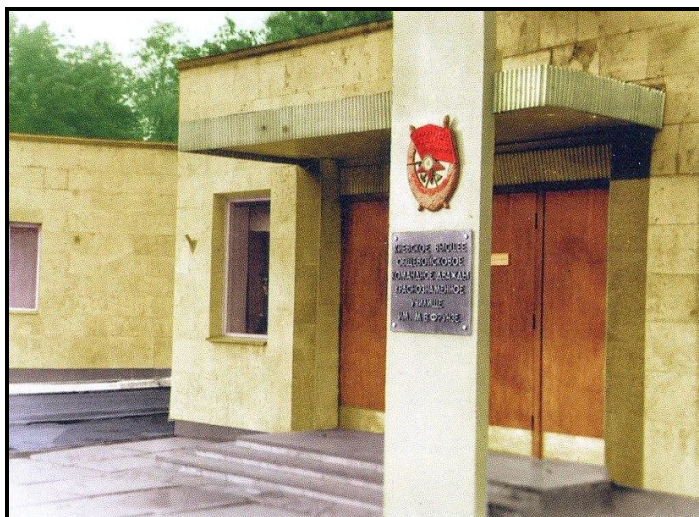
Будучи в его составе, представлялась возможность самим себе приготовить жареную картошку, которой в курсантском меню не было. А, находясь в наряде на кухне, ею можно было наесться, как говорится “от пуза”. Но за это приходилось расплачиваться.

Во-первых, изжогой, так как картошка жарилась нами не на сливочном масле, а на комбижире, во-вторых, заступление в наряд по кухне подразумевало не только поедание блюд, которые мы сами себе готовили, но и бесконечное мытье грязных тарелок, столовых приборов и громадных кастрюль.

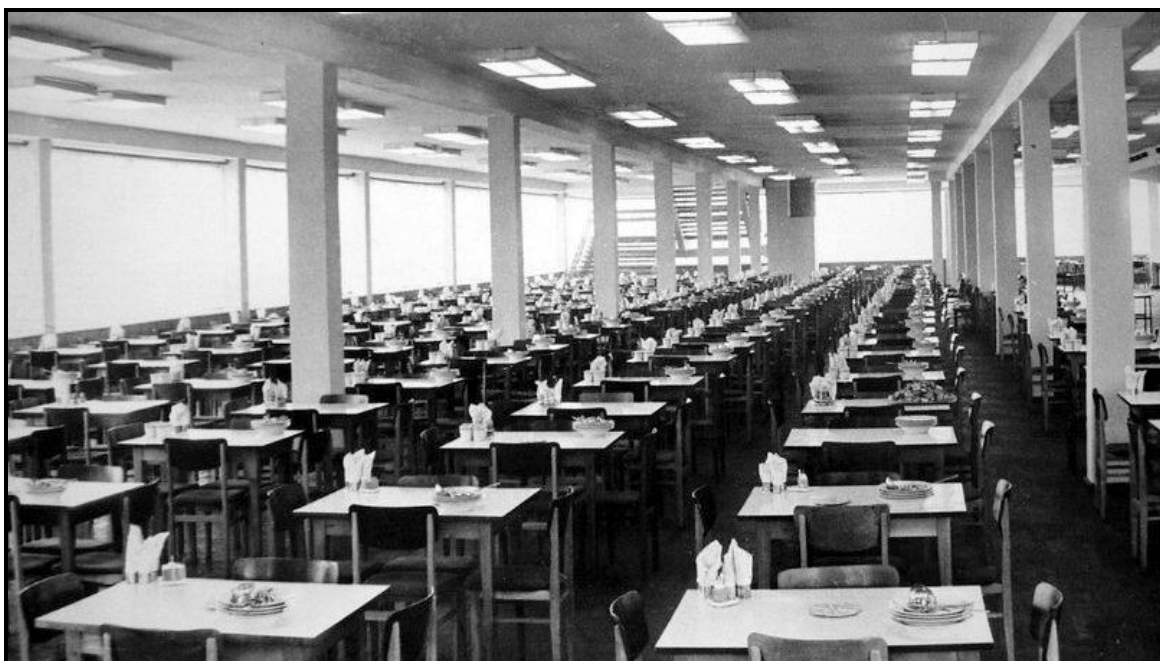
Плюс к этому надо было вырезать глазки у картошки, почищенной комбайном – картофелечисткой. Первые 30 минут очистки картофеля от глазков был периодом тщательной работы, затем это занятие надоедало, и работа шла “как бог на душу положит”, поэтому традиционной приметой картофельного пюре в нашем рационе были именно те самые не выковыранные глазки.

Чем выгодно отличалось ВОКУ от Киевского СВУ, так это хорошей учебно-материальной базой, позволяющей постигать премудрости будущей военной профессии без всяких проблем. Учебные классы на кафедрах были хорошо оформлены наглядными пособиями по тому или иному предмету обучения, да и преподавательский состав был в основном очень силен в своей области знаний.

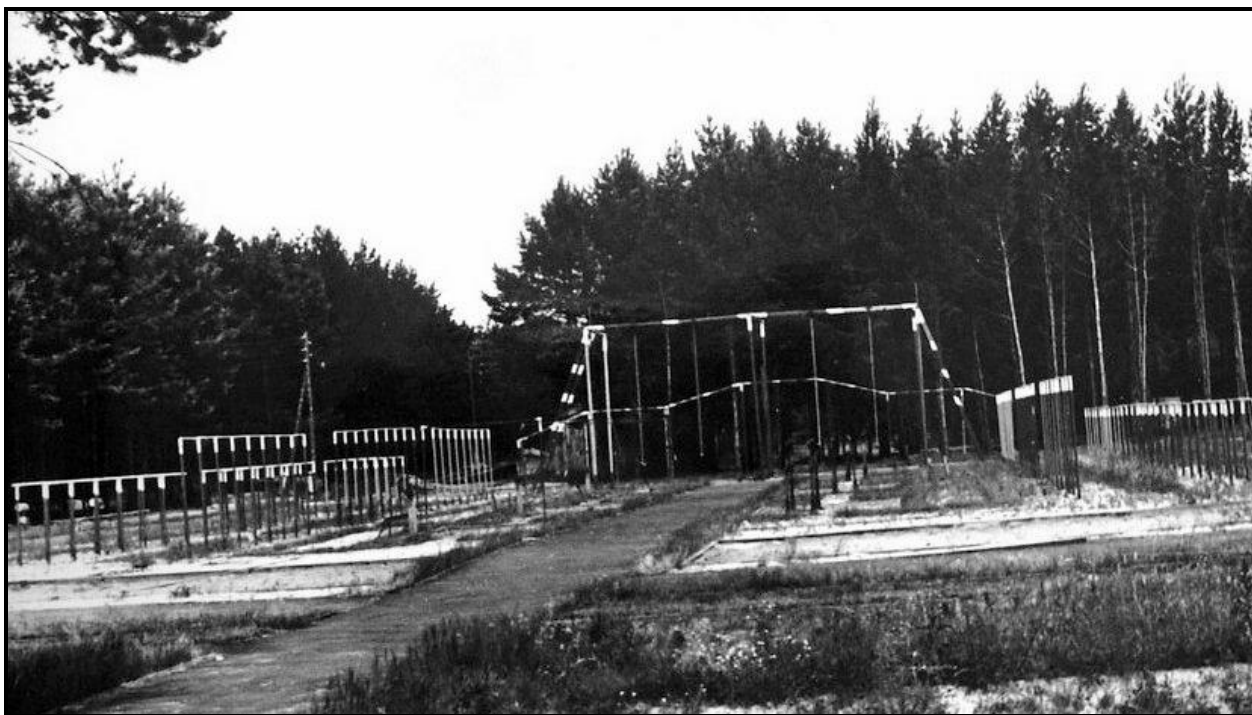
Также училище располагало великолепным учебным центром для отработки практических навыков и повышения полевой выучки курсантов, как зимою, так и летом.

7 разведывательная рота

В каждом батальоне училища, а их в КВокДКУ было четыре по три роты в каждом, была одна рота, в которой и готовились специалисты войсковой разведки. В свою очередь эта рота была разделена на четыре взвода, курсанты которых изучали разные иностранные языки, но по другим предметам обучения у них была общая программа.

Например, в 7-ой роте, куда я попал вместе со своим закадычным другом еще по Кавказскому и Киевскому СВУ Александром Курочкиным, в нашем 4-м взводе было три отделения, курсанты которых изучали английский и французский языки. Курсанты других взводов роты изучали немецкий, английский и китайские языки.

Также следует заметить, что личный состав роты, изучавшей основы войсковой разведки, был несколько специфичен для типового набора курсантов общевойскового училища, получавших по выпуску из ВОКУ дипломы инженеров по эксплуатации автобронетанковой техники. Так, из первоначально набранных 127 курсантов в 7 роту, на груди 90% из них красовались значки выпускника суворовского училища. Правда, к выпуску из училища, эта цифра сократилась, лейтенантские погоны получило только 108 курсантов. Как и везде в системе военного обучения шел естественный отбор. Одни курсанты, разочаровавшись в военной карьере, писали рапорт и добровольно уходили дослуживать остатки дней двухгодичной срочной службы в войсках, других командование отчисляло из училища за какие-либо прегрешения или неуспеваемость.

Условно личный состав нашей роты можно было разделить на три группы.

Первую и самую массовую группу курсантов составляли "кадеты" - юноши, окончившие суворовские училища и прибывшие в Киев со всех городов Союза. Из их числа набирали младший командный состав. В 7-ой роте они занимали практически все должности командиров отделений и заместителей командиров взводов.

«Кадеты» были всегда дружны меж собою, так как знали друг друга еще по учебе в СВУ. Их общеобразовательная подготовка практически по всем предметам значительно превосходила подготовку остальных. Первоначально они держались отдельными группами – в соответствии с принадлежностью к тому или иному СВУ, из которого они прибыли в Киев, находясь на «расстоянии ладони» от остальных. Затем, после притирки характеров курсантов, прибывших из других суворовских училищ, рота превратилась в сплошной монолит с установившимся кодексом поведения, в основе которого лежал кадетский кодекс. Они знали как себя вести в казарменных условиях (в мужском коллективе, вдали от семьи и близких), им также был знаком процесс военного обучения, как на зимних квартирах, так и в летних лагерях.

Среди кадетов нашей роты было много ребят с очень приличной спортивной подготовкой по военно-прикладным видам спорта. Они были подготовлены лучше практически всех остальных в училище, занимая призовые места не только на училищных соревнованиях, но и на первенствах более высокого уровня – гарнизонных, окружных, всесоюзных и других.

Вторую весьма малочисленную группу составляли бывшие солдаты и сержанты срочной службы, пожелавшие продолжить военную карьеру. В отличие от кадетов, они сдавали конкурсные экзамены для поступления в училище. К слову сказать, в ту пору, когда мы учились в КВОКДКУ, конкурс на разведфакультет училища был двенадцать человек на место!

И те, кто из бывших солдат и сержантов срочной службы прошел эти испытания, были также знакомы и с казарменным бытом, и кодексом поведения, и системой военной подготовки. Правда, по сравнению с кадетами они были значительно слабее подготовлены в области знаний иностранных языков, но к выпуску из стен училища они постепенно догнали остальных курсантов.

Среди них в нашей роте выделялись две интересные личности. Первый – бывший солдат высокий парень с басовитым голосом Игорь Петровский, который длительное время был старшиной роты, умудряясь лавировать между кадетским кодексом поведения и требованиями офицерского состава училища.

Второй, также бывший солдат, невысокого роста крепыш с пронзительным голосом - Валера Ларченко был бессменным каптенармусом нашей роты. На его плечах постоянно лежала забота о своевременном обеспечении курсантского быта, поэтому он частенько пропускал плановые учебные занятия, занимаясь важными в быту мелочами. Но, несмотря на это, вот кто удивил нас по прошествии лет, – так это “Ларчик” (так любовно мы называли его). К своим 50 годам он первый стал среди нас генералом, а в системе разведки это звание получить очень непросто, даже имея за своими плечами богатейший служебный и боевой опыт.

Третью группу, стоящую несколько обособленно, представляли киевляне или как мы их называли – «местные». Киевляне имели одно неоспоримое преимущество перед остальными – они были дома, со своими родителями, близкими и друзьями, и только сейчас они оказались на обособленной военной территории на четыре года.

Они, как и срочнослужащие, дабы поступить в ВОКУ, проходили конкурсный отбор. Во время вступительных экзаменов вечером эти абитуриенты уходили домой, утром возвращались в свой коллектив. В ходе дальнейшей учебы в училище, если «киевляне» не имели “хвостов” по предметам обуче-

ния и замечаний по дисциплине, на выходные дни их отпускали в увольнение домой с ночевкой. Мы с Сашкой Курочкиным мгновенно сообразили плюсы их отсутствия в выходные дни в столовой, и немедленно взяли под свою опеку двух «местных» двоюродных братьев – Александра Кошмана и Валентина Костылева. А, так как за обеденным столом курсанты сидели вчетвером, в выходные и праздничные дни нам с Сашей доставалось по четыре порции вместо двух, благодаря тому, что братья были в это время в увольнении. И с увольнения эти «киевляне» приносили еще что-нибудь вкусненькое, приготовленное в домашних условиях.

Конечно, по сравнению с первыми двумя группами, «местные» имели весьма слабое представление о казарменном быте и прочих вещах, знакомых кадетам с раннего возраста, однако со знаниями иностранного языка у них дело обстояло неплохо. Многие из них были выпускниками спецшкол, где преподавались языки по углубленным программам обучения.

Аналогичное распределение по группам было и в 12 роте училища, которая была по сроку обучения на разведфакультете старше нашей роты на один год. Эта рота была притчей во языцах за всю историю ВОКУ. 70 «кадетов» и плюс 40 человек из войск и «гражданки». Она прославилась не количеством «сынков» генералов, а своим «буйным» поведением - причем действовала рота по принципу: «один за всех-все за одного». В интересах соблюдения этого принципа чего только они не предпринимали! И пищу употреблять они отказывались, о чем сразу докладывалось командующему Округу генерал-лейтенанту Салманову, и бунты на гауптвахте устраивали, и киевский район Нивки громили - когда гражданские «шпаки» избили двух курсантов из их роты – и в ответ толпа в сто человек сломала и сокрушила все бандитские притоны в этом районе в поисках нападавших⁴.

⁴ Из воспоминаний выпускника 12 роты КВОКДКУ Олега Спинева “Десять жизней офицера разведки”.

Так вот, все три группы стали курсантами 7 роты Киевского ВОКУ в начале сентября 1970 г. в соответствии с Приказом № 375 от 01.09.1970 "О зачислении курсантами первого курса". При этом кадеты и «киевляне» в торжественной обстановке приняли Воинскую присягу профессиональному служению Отчизне, и с этого момента для них начался отсчет календарным годам действительной военной службы.

Надо сказать несколько слов об особенностях курсантских взводов 7-ой роты.

1 и 2 взводы нашей роты представляли сплошной суворовский монолит с некоторыми вкраплениями бывших солдат и сержантов срочной службы. Морально-психологическая атмосфера в этих взводах была спокойной, все знали как себя вести в мужском коллективе, возникавшие споры решались мирным путем, без «шума и пыли».

3-й взвод тоже был почти однородно кадетским, но каким-то «громко-голосым». Часто между курсантами этого взвода возникали шумные споры по какому-либо поводу, напоминавшие птичий базар, особенно если они происходили в спальном помещении роты. В этих спорах всегда присутствовали ораторы с обеих сторон спорящих, которых громко поддерживали их сторонники, втягивающие в разгорающейся ночной бедлам засыпающих курсантов из соседних взводов и вызывая неудовольствие у остальных.

Очевидно, умение аргументировано доказывать правоту своей точки зрения в курсантскую бытность многим из 3-го взвода в их дальнейшей службе весьма помогло. Во всяком случае, больше всего из курсантов именно этого взвода к концу офицерской службы оказались в центральном аппарате Минобороны и стали «москвичами». Чем они весьма гордились, подсчитывая количество ветеранов 7-ой роты КВОКДКУ, сидевших за праздничным столом во время наших ежегодных встреч.

4-й взвод представлял собою сплав кадетов и «местных», то есть ребят, ставших курсантами после школьной скамьи. Это был единственный взвод в

роте, курсанты которого не учили китайский язык. Правда, из-за “гражданских” у этого взвода хуже всего обстояло дело с показателями по физической подготовке, по сравнению с остальными взводами.

Среди курсантов нашей роты, из-за общей морально-психологической атмосферы, вообще не существовали такие понятия как “дедовщина, стукачество и воровство”, в роте царила доброжелательная атмосфера братства и круговая курсантская порука.

И еще одна маленькая особенность 7-ой роты, отличавшая ее питомцев от остальных рот в училище. Ее курсанты на занятия по предметам обучения носили не командирские сумки, как остальные, а портфели. Правда для этого нами в начале обучения в КВОКДКУ была устроена маленькая провокация. Сначала, из-за большого количества учебников и большого размера и объема иностранных словарей, мы “мирно” просили командование позволить носить их в портфелях, однако на это командование не шло, ибо этим “нарушалась однообразность внешнего вида курсантов училища”.

До определенного времени каждое утро, взяв эти учебники и словари, затолкав их кое-как в командирские сумки, а остальные - взяв под мышки, мы выдвигались из казармы в столовую на завтрак, а оттуда расходились в соответствии с учебным процессом по классам, расположенным в разных зданиях училища. Путь роты пролегал мимо административного здания, откуда выходили либо начальник училища, либо его заместители и принимали парад от идущих “грызть завтрак, а затем гранит наук” курсантов. Видя их, мы переходили на строевой шаг и поворотом головы в сторону начальства, отдавали ему честь.

Помня, что руководство училища не идет на встречу нашим просьбам, мы, якобы от старания лучше отдать честь любимому начальству, стали регулярно сильно прижимать руки по швам, откуда вываливались словари и падали на землю, мешая идти строевым шагом всей роте. В ее рядах начиналась неразбериха, портящая благожелательное утреннее настроение началь-

ства. Раз, другой оно стерпело, но когда это превратилось в практику, оно сдалось, и нам разрешили носить на занятия разномастные портфели.

Отцы-командиры

Несколько слов о наших отцах-командирах в училище времен 70-х годов прошлого века. Так, в 1970-1972 гг. начальником КВОКДКУ два года был генерал-майор Болдуев Фома Лукьянович. Затем, в 1972 г., его сменил генерал-лейтенант Ляшко Вениамин Иванович, который руководил этим училищем вплоть до 1980 г.

Его ближайшими помощниками были: зам. начальника училища полковник (п-к) Погорелов В.Т.; начальник политотдела п-к Левковцев В.И; и начальник учебного отдела п-к Левитин С.К.

Командиром нашего батальона был подполковник Исайченко С.А., его заместителем по политической части был подполковник Оздоба П. И. А ротных командиров в 7-ой роте за период нашего обучения в КВОКДКУ было два.

Первоначально им был капитан, а затем майор Емельянов Л.Г. Через год после командования 7-ой ротой его сменил ст. лейтенант Свита А.М.

О первом командире роты капитане Емельянове Л.Г. у большинства курсантов остались теплые воспоминания. Он был требовательным офицером, но в меру, и своих подопечных курсантов - уважал. Правда, он был несколько заиклен на “шпиономании”.

Так, в ходе инструктажа личного состава, заступавшего в наряд по роте и проходившего в его кабинете, он любил достать из своего стола какую-то маленькую фотокарточку, на секунду ее показать курсантам, стоящим от него в трех метрах, и быстренько спрятать ее обратно. Поистине надо было быть ястребом, чтобы хотя бы определить, кто хотя бы был изображен на этой карточке – мужчина или женщина. А в это время капитан Емельянов

Л.Г. доверительным голосом рассказывал наряду о том, что эта личность – “известный шпион, который был недавно замечен недалеко от нашего училища, поэтому в ходе несения службы личному составу наряда надо удвоить, а еще лучше - утроить бдительность”. Ободренные таким образом, курсанты шли бдеть службу, стоя в глухом коридоре возле тумбочки дневального, расположенной рядом со спальным помещением, и откуда не было ничего видно, кроме курилки, расположенной рядом с входом в казарму.

Минуло вот уже почти 40 лет, как мы окончили Киевское ВОКУ, но страсти по поводу оценки личности второго командира роты - старшего лейтенанта Свиты А. М. до сих пор не улягутся в оценках его манеры командования ротой. Они продолжают периодически разгораться и в спорах между уже седыми ветеранами, бывшими курсантами этой роты.

Одни, среди которых – меньшинство, сами став командирами подразделений и частей, частично оправдывают его стиль руководства ротой и манеру его поведения с курсантами. Другие, коих – большинство, до сих пор резко негативно отзываются о нем.

А у некоторых только одно упоминание его фамилии, до сих пор вызывает реакцию, близкую к реакции быка на красный плащ тоreadора во время корриды. Особенно если в роли быка в спорах между нами выступает бывший курсант 3-го взвода 7-ой роты, боксер-тяжеловес Сергей Щукин. Как только и сегодня он услышит слово “Свита“ – его руки сжимаются в громадные кулачища, а глаза, налитые кровью, начинают искать объект его “любви”, дабы поговорить с ним “по душам”.

Чем же так достал всех курсантов 7-ой роты старший лейтенант Свита А.М.?

Пожалуй, главное – это его мизантропия. Ни курсантов, ни офицеров, как подчиненных, так и старших, он не любил и не уважал. Небольшого роста, плотного телосложения с непропорционально длинными руками с ухоженным маникюром на пальцах и с круглым лицом, на котором выделялись

квадратная челюсть и карие глаза, Свита своим внешним видом напоминал Наполеона, но только нынешнего столетия.

Под стать этому облику у него были и бонапартовские замашки. Этот начитанный и грамотный офицер приобретенные им знания направлял не на “благое дело”, а на подавление личности подчиненных, и провоцирование курсантов на необдуманные поступки, чтобы затем карать их, наслаждаясь отпущенной ему властью.

А.М. Свита весьма любил отчитывать кого-либо из провинившихся курсантов перед строем роты. Буравя бедолагу глазами и используя богатую литературную лексику, он громко и образно сравнивал проступок этого курсанта с физиологическими действиями человеческого организма, самодовольно посмеиваясь над собственными шутками и выжидая, когда тот не выдержит издевательств.

Как только цель была достигнута и провинившийся срывался, к нему применялись жесткие карательные меры. Стоя перед строем, он нередко принимал своеобразную, свойственную только ему одному стойку. Заложив кисть правой руки за борт кителя, а согнутую в локте левую - за спину, он раскачивался, наклонившись вперед в области голеностопа под немыслимым для обычного человека углом. Не как кобра, а вперед - назад. Этот многозначительный язык тела был призван подчеркнуть то, что говорилось им в обращении к строю. Складывалось впечатление, что подсознательно он как бы пытался гипнотизировать нас, но, как правило, он вводил в транс не нас, а себя самого.

Особенно он разошелся на выпускном курсе, играя роль Императора, наводящего “ужас на остальных”, когда он играл не последнюю скрипку в распределении будущих лейтенантов по должностям и местам их дальнейшей службы.

Наряды “вне очереди” и лишение “свободного выхода в город” сыпались из его уст как из “рога изобилия”. Многие, дабы не служить у “черта на

куличках” – молчаливо терпели, но некоторые не выдерживали его издевок и огрызались. Вот на них он и отыгрывался, как говорится, по “полной программе”.

Особенно тягостным для без пяти минут лейтенантов был эпизод проведения на выпускном курсе тактико-строевого занятия по обучению пользованию бумагой в туалете. В выходной день, вместо того, чтобы идти в увольнение в город, личный состав роты, стоя в строю в общежитии, угрюмо наблюдал за очередным цирковым представлением, устроенным Свитой.

Однако эта “программа обучения” после получения курсантами лейтенантских погон вернулась ему сторицей. Заходя утром после выпускного вечера в его канцелярию за получением предписания к месту их дальнейшей службы, молодые лейтенанты видели не лицо ротного в фас, а его спину. Дабы скрыть побои на физиономии, нанесенные неизвестно кем и чем (ох уж эти “темные”, устраиваемые в суворовских училищах нарушавшим кодекс чести!), А.М. Свита встречал вошедшего, стоя к нему задом, якобы рассматривая что-то очень интересное в окне.

Не поворачиваясь, он протягивал новоиспеченному лейтенанту конверт, где лежало его предписание и новенькое удостоверение личности офицера, и что-то нечленораздельно мычал. Его хребет не мог скрыть от пытливого взора молодого разведчика, что у его бывшего ротного недавно были отнюдь не лучшие времена. Об этом говорили, и сизые уши Свиты, напоминающие скисшие вареники, и шепелявость разбитых в кровь губ, толщине которых мог бы позавидовать любой абориген Африканского континента. Многие не попрощавшись со Свитой, взяв необходимые документы, уходили молча. Другие добавляли к физическим страданиям мизантропа душевные муки, говоря пару “ласковых слов”, емко характеризую его как отца-командира.

И даже те, кому было предписано благодаря стараниям Свиты служить у “черта на куличках”, выходили из канцелярии весьма удовлетворенные

внешним видом бывшего ротного. А некоторые ехали служить дальше в Тмутаракань даже с просветленными лицами – есть все-таки правда на этом свете, поэтому и Бог – шельму метит!

Из негативного опыта общения с этим мизантропом многие из нас сделали два вывода. Первый – никогда в своих взаимоотношениях с подчиненными не быть похожими на А.М. Свиту, и второй – таких офицеров, какими бы грамотными и начитанными они ни были, на “пушечный выстрел” нельзя подпускать к личному составу.

По сравнению с СВУ в нашей роте не было офицеров-воспитателей командиров взводов, а было два командира полурот, которых мы по суворовской традиции называли “взводными”. В нашей роте командиром 1-ой полуроты в составе 1-го и 2-го взводов был лейтенант Бескровный Ю.Ф., который сменил в 1972 году старшего лейтенанта Рудого Виктора Васильевича, поступившего в Военную академию Советской Армии, а 2-ой полуротой (соответственно из 3-го и 4-го взводов) - командовал вначале лейтенант Зубко Н.И., а затем лейтенант Северин.

Командир первый полуроты Юрий Федорович Бескровный был высокорослым блондином, на лице которого выделялись голубые глаза, блеск которых не скрывали блеклые ресницы. Своим общим внешним видом и статью он напоминал истинного арийца эпохи геббельсовской пропаганды. Его габариты позволяли ему лишь с великим трудом втиснуться на место водителя танка или БМП.

Лейтенант же Зубко Николай Иванович был напротив невысокого роста. Его размеры позволяли ему не только чувствовать себя комфортно в тесных башнях боевых машин, но и легко разместиться в торпедном аппарате подводной лодки, в случае необходимости быть десантируемым через этот аппарат в качестве разведчика-диверсанта на вражеский берег. Однако в степях Украины такой вид десантирования не применялся, поэтому лейтенант

Зубко Н.И. с успехом руководил нами, компенсируя свой рост глубоким басом который был под стать какому-либо архиерею.

С каждым из вышеперечисленных отцов-командиров у курсантов нашей роты были связаны разные воспоминания, и хорошие, и плохие. Случались и забавные. Об одном из них, я расскажу, базируясь на личном опыте.

В самом начале курсантской службы я, как бывший суворовец, был назначен заместителем командира 4-го взвода нашей роты. Когда первоначальная суэта по обустройству курсантов взвода в казарме улеглась, а до начальных занятий в сентябре 1970 г. было еще немного времени, я решил смотаться в самоволку, дабы навестить подружку, знакомую мне еще по Киевскому суворовскому училищу. Однако я не учел разницу в подходах военных патрулей киевской комендатуры к появлению в городе суворовцев и курсантов в неурочное время.

Если на появление в рабочие дни в городе суворовцев они смотрели “сквозь пальцы”, то вторые для них представляли желанную добычу. По внешнему виду курсанта, появившемуся в сапогах вместо ботинок на улицах Киева, в нем легко можно было вычислить потенциального самовольщика. Короче – я впервые за много лет неофициальных отлучек из СВУ в город попался в лапы патруля. Забирал меня из комендатуры Николай Иванович Зубко. Везя меня обратно в училище, он столь красочно описывал предстоящую Голгофу за мой проступок, что я порядочно струхнул.

“Утро стрелецкой казни” началось вечером - на вечерней поверке роты. Учитывая то, что в нашей роте было подавляющее число курсантов, будучи суворовцами, тоже бегали в самоволку, мое наказание выглядело торжественным и назидательным для других потенциальных любителей перепрыгнуть через забор училища.

Выведя меня из строя, в гробовой тишине командир роты капитан Емельянов Л.Г. торжественно огласил мои прегрешения и лишил звания зам. ком. взвода. Затем последовало указание командиру полуроты выдать мне

вещмешок с пожитками и команда: *“Бывший сержант Морозов! Служить рядовым в войска – Шагом! Марш!”*. Кое-как напялив мешок за спину, я строевым шагом начал свой путь вдоль ротного строя по направлению к выходу из казармы. Так как барабанного боя, сопровождающего осужденного на эшафот, не было, в голове у меня почему-то вертелись слова песенки *“А я по шпалам, опять по шпалам иду домой по привычке”*. Только вместо дома мне виделась бесконечная БАМовская железная дорога, ведущая из Европы на Восток, где я должен был бы тянуть солдатскую лямку. Далее рисовалась картина мрачных сибирских рудников, где, следуя примеру декабристов, мне следовало бы пребывать.

Дойдя до выхода из казармы, я услышал голос Емельянова, как мне показалось, доносившегося откуда-то с небес и прервавший мои мрачные мысли: *“Курсант Морозов, – стойте! Кругом! Вы раскаиваетесь в содеянном?”*. Я так энергично закивал головой, что та чуть не свалилась с моих плеч долой. После чего “высочайшим указом” ротного я был “помилован”, и вместо срочной службы в войсках получил 3 суток гауптвахты с лишением прав когда-либо носить сержантские лычки, но об этом - другая история.

Мораль сей истории такова. Во-первых, тяжесть взыскания полностью соответствовала моему проступку. А во-вторых, некая торжественность и назидательность наложения взыскания весьма надолго охладила пыл потенциальных самовольщиков из нашей роты. И впоследствии такая экзекуция была взята некоторыми из нас на вооружение в процесс воспитания уже своих подчиненных.

Отсидев положенный срок на гауптвахте, я уже рядовым курсантом приступил к познанию премудростей профессии будущего разведчика, где среди многих дисциплин, которые нам преподавали, особое место отводилось предметам, связанным со знанием иностранных языков.

Премудрости познания китайского и других языков мира

Кафедру иностранных языков в период нашей учебы в училище возглавлял полковник Карайчев И.А. На ней преподавались английский, немецкий, французский и китайский языки. Преподавательский состав этих дисциплин был смешанного типа (на кафедре были преподаватели, носившие погоны, а также гражданские специалисты). Он состоял из высоко эрудированных знатоков и асов в преподавании своих предметов. Среди преподавательского состава кафедры выделялся женский коллектив – Гершунина З.М., Ефимова С.П., Тихонова З.С., Болотцева Т.П., Соловьева Т.Н., Авраменко С.Е., Щеглова и Павлова, которые с чисто женским подходом, умело прививали любовь курсантов к постижению глубин иностранных языков, в том числе и китайского.

О курсантах, изучавших китайский язык, следует рассказать более подробно.

Ясно для чего нам, как будущим разведчикам, преподавались западные языки. Представители ведущих стран, принадлежавшие к армиям вероятного противника из блока НАТО, говорили именно на этих языках. А английский язык вообще был рабочим языком многонациональных сил Альянса.

Вместе с тем, в 70-е годы прошлого века отношения между социалистическими странами СССР и КНР стали еще хуже, чем с “заклятыми империалистами”. Вооруженные провокации на советско-китайской границе, бои за остров Даманский, нагнетание военной истерии и увеличение группировок войск с обеих сторон границы – все это свидетельствовало о том, что, вероятно, в недалеком будущем возможно возникновение очага военного противостояния между Советским Союзом и Китаем по границе Дальнего Востока СССР. При таком раскладе в нашей армии необходимо было иметь соответствующих специалистов со знанием именно китайского языка. И в соответствии с этими обстоятельствами военно-политическим руководством страны

было принято решение об увеличении количества военных разведчиков, владеющих китайским языком.

Набор курсантов нашей роты оказался в числе первых, кому предстояло изучать премудрости китайских иероглифов. Отбор начальством училища будущих китаеведов среди курсантов шел по старому армейскому принципу “получил команду – выполняй и доложи высшему руководству в срок об исполнении приказа”. Поэтому у будущего лингвиста никто особо и не спрашивал, любит ли он китайскую поэзию и прозу, имеет ли он склонности к изучению этого сложного, с точки зрения европейца, языка.

Не обращалось внимание и на его внешность. Хотя командование, осуществлявшее отбор, очевидно, подозревало, что рослый детина, появившийся на китайском базаре в форме хунвейбина и выкрикивающий дацзыбао типа “*Мао чжусси вань суй!*” (что в переводе означает “Тысяча лет Председателю Мао”!), с его рязанской физиономией вряд ли сойдет за местного жителя Поднебесной и может вызвать переполох у стражей порядка. На внешний вид будущих китаистов стали смотреть двумя годами позже, подбирая в состав учебных групп ребят с монголоидным типом лица, как правило – выходцев из Центральной Азии.

А тогда, в 1970 г., получившие приказ, в основном, смотрели на оценки в аттестате, полученные за знания будущими китаистами предыдущего иностранного языка, – если у кого-то эта оценка была ниже “отличной”, – его поздравляли с началом изучения древнейшего и сложнейшего языка в мире. Оставшиеся невредимыми после такого отбора “западники” сочувствовали своим сотоварищам – “новым китайцам”, в душе радуясь, что их “миновала чаша сия”.

И зря радовались! По пришествию ряда лет российско-китайские отношения восстановились до уровня стратегического партнерства, и российским кампаниям, вернувшимся на китайский рынок, позарез потребовались специалисты со знанием китайского языка. К этому времени многие их тех,

кто постигал его премудрости в стенах КВОКДКУ, уже уволились из рядов Вооруженных Сил, поэтому на “гражданке” их уже ждали хорошие должности в солидных фирмах и приличная зарплата. А военные ветераны “западники”, которых в России было хоть пруд пруди, с трудом могли подыскать себе достойное место на “гражданке”, связанное со знанием этих языков.

Но в начале нашего обучения в КВОКДКУ будущим разведчикам со знаниями китайского языка предстояли трудные времена. За четыре года им необходимо было усвоить программу средней китайской школы, начиная с “нуля”. Запомнить написание тысяч китайских иероглифов, уметь читать и говорить на этом языке, грамматика и произношение которого радикально отличаются от западных языков.

Живой легендой и предметом особой гордости «китаистов» был полковник Васильев - семнадцать лет преподававший тактику в Высшей военной китайской академии в Пекине. Военный перевод у них преподавал подполковник Нестеренко, проработавший не один десяток лет в Китае, а единственной женщиной - китаисткой была Светлана Павловна Ефимова, окончившая Читинский Педуниверситет и также стажировавшаяся в Китае.

Китайским языком курсанты занимались предметно: почти по 6 часов в день, но кроме этого проходили все, что надо настоящим разведчикам, начиная от сервировки стола и этикета, до дипломатических нот, какими бы не были отношения на советско-китайской границе.

Учили китаисты «Чжунвэнь» очень старательно, так как готовили их на офицеров разведки со знанием языка до профессорского уровня. Язык был непонятным, тяжелым, отличающимся от всех ранее изученных, а потому и интересным - кто кого? Так, например, на самоподготовку им задавалось выучить до 50 новых иероглифов. Поэтому курсанты зубрили эти иероглифы днем и ночью, ведь часто каждый иероглиф обозначает отдельное слово, имеющее собственный символ написания. Они допоздна засиживались за учебниками, а ночью мимо коек, где они спали, было жутковато проходить —

тут и там раздавалось бормотание на китайском языке, изреченное “новыми китайцами” во сне.

В качестве бесплатного приложения от общения со своими друзьями-китаистами в мою голову надолго врезалось изречение Владимира Ильича Ленина *“Учиться, учиться и еще раз - учиться!”*, которое на китайском языке звучало приблизительно так - *“Сюэси, сюэси, цзай сюэси!”*. Используя это изречение на экзаменах и зачетах по марксизму-ленинизму, я вызывал слезу умиления у преподавателей этого предмета - надо же, как глубоко испытуемый проникнулся знанием международной роли основателей марксизма-ленинизма... А позже, в войсках и в Генштабе эта фраза, приведенная к месту, вызывала ступор у моего начальства и у подчиненных.

Так же, не зная, куда по распределению из училища меня занесет судьба, я наравне с другими курсантами - курильщиками на всякий случай выучил фразу на китайском, немецком и французском языках – *“меня бить нельзя, я нахожусь по охраной Женевской конвенции по защите военнопленных, а дайте-ка лучше закурить”*. Слава Всевышнему, эта фраза в дальнейшей жизни пригодилась частично (это насчет - “дай закурить”).

К выпуску из училища многие из курсантов сдюжили с программой освоения премудростей китайского языка. Правда, несколько человек - китаистов чуть не тронулись умом от обилия получаемых знаний.

Следует также заметить, что курсанты 7-ой роты, окончившие разные суворовские училища, были наиболее сильны в знаниях определенного языка, в зависимости от предыдущей школы преподавания. Так бывшие суворовцы-“киевляне”, как правило, выделялись в знании английского языка, “минчане и калинининцы” – немецкого, “казанцы” – французского языка.

Но не все из нас прониклись любовью к усвоению иностранных языков. Молва утверждает, что любой язык можно осилить, обладая либо светлой головой, либо “чугунным” задом. Счастливый обладатель обоих досто-

инств был просто обречен стать полиглотом. Однако некоторых курсантов нашей роты не обременяло ни то, ни другое.

Их отношения с языком выстраивались не по цитате Карла Маркса: *«Eine fremde Sprache ist eine Waffe im Kampfe des Lebens!»*, что гласит в переводе на русский *“иностранный язык - оружие в битве жизни!”*. В усвоении языков они следовали по стопам Марка Твена, который написал эссе под красноречивым названием *«Об ужасающей трудности немецкого языка»*. Из этого произведения некоторые лоботрясы нашей роты, усваивающие тонкости немецкого языка, черпали себе оправдания типа: *«... человек не лишенный способностей может изучить английский язык в тридцать часов, французский в тридцать дней, а немецкий в тридцать лет ...!»* Или же использовали другую цитату того же автора: *«Когда я забыл немецкий язык, я почувствовал себя значительно легче!»*. Так что не для всех иностранный язык был оружием в битве жизни. Поэтому в освоении премудростей иностранных языков случались и забавные эпизоды.

Запомнился один. Сидим как-то в курилке, разговариваем, делимся впечатлениями о том, как у кого идет освоение языка.

- *Представляете, мужики, как я начал немецкий изучать?* - немного тушуясь изрек Валера Ларченко⁵.

– *Пошел на прошлой неделе в библиотеку выбирать книгу для чтения. Одна понравилась. Взял ее, пришел к себе в каптерку и начал потихоньку читать. Давно уже немецким не занимался, еще со школы. Читаю, значит, но ничего не понимаю. Ну, думаю, надо продолжать, вдруг дальше знакомые слова пойдут и что-то смогу перевести,* - он сделал паузу и глубоко затянулся сигаретой. – *Два дня прошло, ничего не получается с этим чтением. Стал разбираться, а книга-то на английском оказалась!*⁶

⁵ Как уже упоминалось, он поступил в училище прямо из войск и имел довольно большой перерыв в учебе, в отличие от вчерашних школьников и кадетов

⁶ Из воспоминаний курсанта 7 роты КВОКДКУ Олега Войнова.

К предметам, которые преподавались на английском языке в КВОКД-КУ, относились: письменная и устная грамматика; история и литература; военный перевод. Аналогичная программа обучения была и по другим иностранным языкам. Кроме того, были еще так называемые внеклассные чтения, по которым мы сдавали обязательные зачеты с оценкой. А более глубокие знания можно было получить на обязательных для посещения занятиях в литературных кружках на английском языке. Естественно, на всех уроках по этим предметам звучала только английская речь.

В ходе обучения английскому языку большое внимание уделялось постановке правильного произношения. На бесконечных занятиях в лингафонном кабинете педагоги добивались от нас чуть ли не оксфордского произношения. Зато те, кому довелось в последующем работать на службе, связанной с английским языком, гордились правильно поставленным произношением. Во всяком случае, на международных конференциях, где я участвовал сначала как военный, а затем и как гражданский специалист, будь они в США или в Канаде, или даже в Англии, мне было приятно услышать комплимент по поводу произношения в свой адрес от англоязычной публики. Я вновь и вновь мысленно благодарил своих учителей за их трудолюбие и терпение в преподавании английского языка.

Также глубоко изучалась письменная и устная грамматика языка. Для расширения нашего словарного запаса ежедневно на самоподготовку задавалось выучить несколько десятков новых слов и словосочетаний, плюс к этому выполнить несколько письменных заданий. На следующий день у каждого курсанта персонально устно и письменно проверялась степень усвоения задания с выставлением оценок. Радости в этом было мало, особенно в освоении прошлых, будущих, настоящих и незавершенных времен, применяемых в английской речи. Или когда твоя контрольная письменная работа или сочинение были сплошь исчерканы красными чернилами, которые использовали педагоги, дабы подчеркнуть сделанные тобою ошибки. Конечно, хоро-

шо уметь грамотно писать на английском – дело нужное, но широкого применения в будущей профессии, у меня, по крайней мере, не нашло. За исключением знаний правил деловой переписки, принятой в англоязычных странах. Так как в эпоху Интернета компьютер уже сам исправлял сделанные тобою промахи в написании тех или иных английских слов.

Зато здорово пригодились полученные знания по умению запоминать большие объемы информации на слух и умение ее грамотно переводить. При этом текст, который следовало запомнить, брался из английской и американской периодики. Либо ты должен его выслушать на магнитофонной ленте, записанной из эфира передач с англоязычными программами со всеми присущими эфиру радиопомехами. И если речь английского диктора звучала как музыка для наших ушей, то произношение американских дикторов напоминало ворчание голодного со ртом, набитым пищей.

Внеклассные чтения часто воспринимались нами как обуза. Во всяком случае, в течение четырех лет на зачетах я все время пересказывал содержание рассказов Эрнеста Хемингуэя. Во-первых, потому, что надо было сдавать пересказ книги, исходя из объема прочитанных страниц. Во-вторых, американец Э. Хемингуэй был отнюдь не англичанин Ч. Диккенс, расписывающий страсти его героев в предложениях чуть не на полстраницы каждое. А Эрнест писал краткими и понятными фразами, типа с красной строки излагалась фраза героя - *“Устала дорогая?”*. И вновь с красной строки - *“Да, дорогой!”*, вновь красная строка и диалог в таком роде продолжался между ними, автоматически увеличивая количество прочитанных мною страниц. Поэтому я до сих пор могу свободно изложить содержание рассказа Э. Хемингуэя «Снега Килиманджаро»/The Snows of Kilimanjaro.

Вот я и сейчас смогу выдать “на-гора” и шекспировский монолог Гамлета *“Быть или не быть, вот в чем вопрос...”*, и продекламировать стихи шотландского поэта Роберта Бернса «Джон Ячменное Зерно»/John Barleycorn, «Весёлые нищие»/The Jolly Beggars и «Молитву святоши Вил-

ли»/Holy Willie's Prayer. Правда для этого уже потребуется хороший стаканчик виски. Эти стихи и монологи так хорошо запомнилась благодаря великолепному преподаванию британской литературы в кружке, который очень интересно вела Зоя Михайловна Гершунина. Ее любовь к поэзии, как ни странно, передалась и нам, мнящим тогда себя всезнающими циниками. А уж, сколько дамских сердец было завоевано благодаря знаниям поэзии, многие до сих пор скромно умалчивают.

Зато страх, как многие из нас не любили зубрить наизусть большие объемы текстов по военному переводу, особенно, если они были связаны с технической терминологией. Например, с тактико-техническими характеристиками орудия, танка или самолета, как они устроены и как они работают. Тогда нам казалось, что эти знания в будущей профессии никогда не пригодятся. А нет, многим из нас они очень дажегодились, особенно тем, кто в последующем работал за рубежом на должностях, связанных с техникой и вооружением. Выученные когда-то наизусть сложные технические термины на иностранном языке автоматически озвучивались в ходе беседы с англоязычными экспертами, да и синхронный перевод, как говорится, шел без запинки.

Зато мы очень любили уроки по допросу военнопленных. В ходе них устраивались целые представления. Роль военнопленных и дознавателей играли сами курсанты, причем по результатам допроса им выставлялись оценки. Первым – за то, что во время допроса они не выдали необходимые для дознавателей данные, вторым – за умение в отведенное время получить искомую информацию. Так как методы допроса “с пристрастием” на занятиях исключались, допрашиваемые иногда плели дознавателям такую ахинею, что – хоть стой, хоть падай. А ведущие допрос уже с ненавистью смотрели на своих недавних друзей до начала этого мероприятия, мечтая о том, чем бы тяжелым приложить по голове допрашиваемых, дабы узнать, “где находится их воинская часть и что она намерена делать на поле боя”.

Любили мы и изучать сленги на английском, иногда поражаясь точности того или иного жаргонного определения. Например, орденская планка на кителе на английском сленге называется “fruit salad”, что в переводе означает “фруктовый салат”. И действительно, пестрые ленточки на орденской планке весьма напоминают фруктовый салат в вазе. Или же “пулемет/machine gun” со сленга “chatter-box” переводится как “тарактелка”.

Со сленгами у “англичан” вышел один казус. Нам думалось, что по выпуску из стен училища в области знаний сленгов, мы, как профессиональные референты-переводчики уже взяли “Бога за бороду”. Поэтому летом 1974 г. группа выпускников со знанием английского языка стояла в курилке у кафедры иностранных языков и болтала меж собой, используя английские сленги, демонстрируя глубину их освоения своим коллегам.

В это время возле курилки появился преподаватель военного перевода кафедры иностранных языков полковник Пятковский В.К. Прислушавшись к нашей болтовне, он, хитро прищурившись, предложил нам пари, что поставит бутылку коньяка тому, кто переведет хотя бы половину того что он скажет на сленге. Ничего крамольного в предложении полковника потенциально употребить алкоголь не было, так как мы были уже в лейтенантских погонах. А дармовое угощение, да еще от преподавателя кафедры, раззадорило нас, и мы, приняв пари, очень напряглись, вспоминая все то, чему нас учили четыре года. Монолог полковника на так называемом “английском языке” длился минут пять, а затем столько же он ждал, пока кто-то из нас вымолвит хоть слово, пытаясь перевести сказанное. Наслаждаясь произведенным эффектом, Пятковский тяжеловесно уселся в поджидавшую его “Волгу” и убыл восвояси. Мы остались с носом, а я, подводя итоги нашего пари, впервые использовал китайскую фразу - “Сюэси, сюэси, цзай сюэси!”, что относится к призыву Владимира Ильича - “Учиться, учиться и еще раз - учиться!”.

Позже я узнал, что этот преподаватель в свою бытность работал докером на английских верфях, поэтому говоря с нами, он использовал сленг

“кокни”, который даже многим коренным лондонцам неведом. Оттуда и его квадратные плечи и бычья шея, и грузность тела, которая поражала нас в его фигуре. В ходе учебы мы пытались узнать об этом от него и получали взамен легенду о том, что он в детстве занимался тяжелой атлетикой.

Постижение других наук и предметов

Помимо знаний предметов на иностранном языке у будущих разведчиков по рейтингу популярности далее шли тактика ведения разведки, военная топография, техника и вооружение, и физическая подготовка. Действительно, эти знания, полученные в стенах училища, в будущей службе нам весьмагодились. А вот ряд дисциплин, которые нам преподавали в училище, нам казалось, - вообще не нужны и они были даже “вредными” для разведчиков.

На занятиях в классах по тактике мы постигали основы ведения войсковой разведки. Учили и сдавали зачеты и экзамены по знаниям возможностей и правилам действий своих разведывательных подразделений, а также организационную структуру и тактику действий частей и подразделений армий вероятного противника.

Некоторые элементы ведения разведки и ведения боя изучались нами на макетах местности, установленных на кафедре. С этими макетами вспоминается один эпизод. Занятия по тактике проходили на кафедре. Тема «Разведка водных преград». Преподаватель майор Александров, носивший прозвище «Вареный» за постоянно красный цвет лица, очень серьезно относился к своему предмету и скрупулезно готовился к каждому занятию, будь то лекция или выезд в поле. Такого же отношения к тактической подготовке он ожидал и от курсантов. Он объявил тему занятия и внимательно осмотрел присутствующих в аудитории. В наступившей тишине остановил взгляд на Коле Боглюкове или «Шнифте» (такую партийную кличку носил он во время учебы в ВОКУ). И без того сутулый Шнифт еще сильнее сгорбился под

взглядом преподавателя и в таком полусогнутом виде стал медленно подниматься из-за стола.

- *К доске, товарищ курсант,* - глухо произнес Александров. - Расскажите, что вы знаете о порядке разведки водной преграды.

- *Есть, товарищ майор,* - с готовностью ответил Шнифт, и неспешо вышел к доске, на которой уже были развешены дежурным курсантом схемы по теме занятия. Коля поступил в училище сразу после окончания школы и поэтому, в отличие от своих товарищей-кадетов, имел поверхностное представление о тактике как предмете обучения.

Встав в пол-оборота к присутствующим и лицом к преподавателю, он взял в руку указку и стал вглядываться в наглядные пособия, стараясь найти в них хоть какую-нибудь зацепку для ответа на коварный вопрос. Время шло, подсказки не было, и, наконец, Шнифт решился.

- *Прежде, чем приступить к разведке водной преграды,* - начал он, - *необходимо установить наличие берегов!*

Под дружный смех 4-го взвода еще больше покрасневший от неожиданного «четкого» ответа Александров предложил курсанту Н. Боглюкову сесть на свое место⁷.

Полученные теоретические знания мы закрепляли в ходе полевых занятий в училище и в период регулярных выездов в учебный центр в районе села Старе Киевской области. Выезд на полевые занятия в теплое время года нами приветствовался. Все-таки лучше быть в поле на свежем воздухе, чем сидеть в душном классе.

А вот зимние занятия в поле мы не любили. Казалось бы, что среднемесячная зимняя температура на Украине ничего плохого не может сотворить с нашими шапками-ушанками, суконными шинелями и сапогами. Однако пронзительный ветер вкупе с высокой влажностью воздуха, насквозь

⁷Из воспоминаний курсанта 7 роты КВОКДКУ Олега Войнова.

продувал нашу зимнюю экипировку, и мы замерзали на этих занятиях как цуцки.

Особенно мерзопакостными были занятия по тактическому ориентированию на местности, когда негнушимися от холода пальцами нужно было чертить схему позиций переднего края подразделений вероятного противника и правильно указать до них дальность. Пытаясь согреться, мы энергично махали руками, указывая на какой-либо ориентир, докладывая простывшими голосами преподавателям, что возле этого ориентира мы обнаружили кое-что из техники и подразделений “супостата”.

Гораздо интереснее были занятия по военной топографии, как в классе, так и в поле. Во-первых, не надо было все время стоять сусликом на морозе, как это было на тактических занятиях зимою. Во-вторых, это обучение проходило очень интересно. В-третьих, эти занятия развивали умение хорошо читать карту, которое абсолютно необходимо разведчику.

Например, ты, глядя в карту, должен “в цветах и в красках” доложить преподавателю, что можешь увидеть и на каком расстоянии, если бы ты стоял на местности в определенной точке или проезжал по какому-либо маршруту. Для этого на картах есть все необходимые данные. Часто некоторые из нас “срезались” на точности отображения действительности, например, когда они говорили, что с такой-то точки они могли бы увидеть какой-то населенный пункт N. Тогда педагог указывал на карте высоту этой точки с учетом человеческого роста, дальность до пункта и высоту деревьев рощицы (которая также была указана на карте), и которая располагалась на прямой видимости с этой точки и закрывала обзор наблюдателю.

Предмет “Оружие массового поражения” (ОМП) у нас вел майор Самарский, а учитывая, что в прошлом он был одесским конференсье, то эти уроки были самыми любимыми, в смысле юмора. Приведу лишь один пример его своеобразного преподавания ОМП:

*- Так, товарищи курсанты, по вам был нанесен маленький ядерный удар, и вас несут в ближайшее отделение милиции — вспышка сзади — накрываясь плащ-палаткой, ползете вперед, на врага, гневно оскаливая противозаз, пугая противника, одним пальцем зажимая заднепроходное отверстие, чтобы не вышел моральный дух, а указательным пальцем второй руки нажимая на спусковой крючок, ползете по направлению к ближайшему кладбищу, где вас ожидает повар с горячим обедом!...*⁸

Знание своей техники и вооружения сводились в основном к изучению их тактико-технических характеристик и возможностей. Преподавались и премудрости обслуживания и несложного ремонта этой техники и вооружения. Так как этой техники в армии было предостаточно, часто в голове курсанта перед зачетом по их знанию возникала полная путаница, от которой хорошо помогали шпаргалки.

Первоначально занятия по этому предмету проводились на кафедре эксплуатации боевых машин. Одна из первых тем которую нам преподавали, была «Устройство БТР-60». Курсанты перемещаются вокруг стоящего бронетранспортера, следуя за преподавателем подполковником Адаменко и слушая его пояснения о назначении того или иного узла. Судя по произносимым вполголоса репликам курсантов на отвлеченные темы, не всем эта лекция была интересна. Поэтому в конце занятия неожиданно прозвучал контрольный вопрос преподавателя.

- Курсант Костылев, доложите предназначение этих отверстий, - преподаватель ткнул указкой в одну из бойниц на борту машины.

- БТР 60 представляет собой плавающий бронетранспортер, - бодро начал ответ Валентин. *- При нахождении наплаву в случае отказа водометных движителей, о которых вы только что нам говорили, данные отверстия могут использоваться для весел с целью перемещения силами отделения вручную.*

⁸ Из воспоминаний выпускника 12 роты КВОКДКУ Олега Спинева.

Подполковник Адаменко, не ожидавший услышать настолько оригинальный ответ, на некоторое время потерял дар речи. Отдав должное остроумию Костылева, он не поставил ему заслуженный «неуд»⁹.

А мой приятель еще по Киевского СВУ курсант 12 роты - Саша Кибардин, свою «пенку» отмочил в классе, где изучалось оружие. Тогда на занятиях они изучали КПВТ (Крупнокалиберный Противотанковый пулемет Владимирова Танковый). Сам пулемет в полуразобранном виде стоял на треногах возле доски. Преподаватель майор Пименов, не так часто видел Саню, ходившего на занятия с карандашом за ухом и 12-ти листовой тетрадкой для всех предметов, так как он частенько сидел на гауптвахте, а учитывая, что его папа был начальником Киевского СВУ, то Саня и в ВОКУ редко появлялся. Поэтому майор Пименов был рад появлению «нежданного» гостя, и сразу же вызывал его к доске. Предвкушая очередной «неуд» Кибардину, он с ехидцей спросил:

- Ну, так что Вы, курсант можете нам рассказать о КПВТ?

Саня, оперившись на предмет о котором спрашивал Пименов, и не подозревая, что КПВТ, это именно то, на что он облокотился, ничтоже сумящися твердо, как хорошо знающий предмет ответил:

- КПВТ — это Курс подводного вождения танка! Преподаватель был в шоке - и застыл с раскрытым ртом...¹⁰

Навыки стрельбы и вождения отрабатывались на полевых занятиях в учебном центре училища. И если тяжелую бронетехнику мы научились водить и обслуживать более-менее, то вождение мотоциклов, которые были на вооружении в армейских развед. подразделениях, нам вообще не преподавали. Также очень мало было занятий по вождению легковых автомобилей.

Физическая подготовка курсантов разведроты несколько отличалась от того, что мы проходили на спортивных занятиях в суворовском училище. В

⁹ Из воспоминаний курсанта 7 роты КВОКДКУ Олега Войнова.

¹⁰ Из воспоминаний выпускника 12 роты КВОКДКУ Олега Спинева.

основном все занятия по физподготовке в КВОКДКУ были направлены на развитие физической выносливости и силовых данных будущих разведчиков. Бег на короткие дистанции, бесконечные кроссы по пересеченной местности и марш-броски с полной выкладкой – развивали первое качество. А занятия на перекладине, включая подтягивание и подъем переворотом, качание прес-са на шведской стенке, отжимание – вторые.

Преподавались также борьба, бокс и силовые приемы нападения и защиты с оружием и без, очень редко были занятия по спортивным играм, да и то предпочтение отдавалось играм с элементами силового противоборства. Нас также учили метать штык-ножи в цель. Так что после такой физподготовки занятия в спортивных секциях воспринимались многими как отдых. А так как многие курсанты-кадеты нашей роты еще в суворовском училище имели достижения в определенных видах спорта, то они, начиная с первого года обучения в ВОКУ, становились членами сборной училища, доводя там свое мастерство до более высокого уровня.

Для себя, в качестве навыка, полученного на уроках по физической подготовке в училище, я приобрел способность ходить иноходью как россомаха. Этому меня научил преподаватель кафедры физподготовки Гречко В.

Суть такой походки заключалась в следующем: во время ходьбы надо было ставить стопу не наискосок от линии движения, а параллельно ней. Тогда тело как бы наклонялось вперед, и можно было без усилий быстрым шагом преодолевать большие расстояния, покрывая до 50 - 60-ти километров в сутки. Приобретенный навык очень пригодился, когда я был офицером глубинной разведки в войсках. Да и в зоне боевых действий на Балканах и на Кавказе умение быстро ходить такой походкой в горно-лесистой местности пригодилось тоже. Правда, в семейной жизни это мешало – в начале нашего движения с супругой куда-нибудь, она одну-две минуты держится рядом со мною, а затем исчезает из видимости, оставшись где-то далеко позади. Да и

мои друзья–офицеры, но не разведчики, тоже вечно бурчат, что я, идя рядом с ними, несусь как “угорелый”.

Как уже упоминалось, несколько преподаваемых курсантам дисциплин в училище в их будущей профессии – пригодились, другие - частично, а некоторые – вообще в их памяти не оставили никакого следа.

Например, такие предметы как – “связь” и знания советских уставов нам в дальнейшей службе весьма пригодились, как необходимое средство общения в армейских буднях повседневной жизни, как младших, так и старших офицеров. Так и на полях реальных боевых действий, когда от нее, родимой радиостанции, часто зависела жизнь разведчика и подчиненных ему бойцов. Уставы, они и есть уставы, регламентирующие многие моменты жизни военнослужащих, и их хорошие знания часто выручали офицеров в щекотливые моменты повседневной службы. Хотя будучи курсантами, зубрить наизусть статьи этих талмудов мы не любили.

Некоторым из нас частично пригодились знания по оружию массового поражения (ОМП) и военно-инженерной подготовки. Знание ОМП пригодилось на практике тем, кто участвовал в ликвидации аварии на Чернобыльской АЭС и наиболее ушлым, научившимся готовить самогон в период “горбачевского сухого закона”. А основы военно-инженерной подготовки вспоминались нами на учениях, когда надо было оборудовать позиции вверенных нам в подчинение подразделений, либо в суровой действительности боевых действий, когда надо было выживать в сложных условиях горной, лесистой и другой местности, куда нас заносила военная судьба.

Сомневаюсь, что кроме как на экзаменах при поступлении в более высокие, чем ВОКУ заведения, пригодились знания по истории войн и военного искусства.

А такие знания по таким предметам, чью теорию нам преподавали в училище, как основы “военной педагогики и психологии”, а также “войско-

вая администрация”, столкнувшись с реальным положением дел в войсках – требовали радикального пересмотра этих основ.

Особое место в системе обучения отводилось идеологическому воспитанию через преподавания предметов по партийно-политической работе (ППР), знаниям основ марксизма – ленинизма, политэкономии и научного коммунизма.

Хотя во время зачетов по этим предметам нас спасали лишь шпаргалки. Те былые ухищрения при сдаче зачетов и экзаменов теперь наверняка выглядят наивно и смешно. Все эти шпаргалки и меченные различными способами билеты, хитрости для выявления их содержания и порядка расположения на столе экзаменатора, техсредства и сигналы, применявшиеся нами. Хотя вряд ли нынче обходятся без их современных аналогов. Но успеху испокон веков способствовали лишь знания, да присутствие духа. Они надежнее самых крутых шпаргалок, особенно подкинутых трусу или бестолковому.

Оценка важности для нас предмета “Партийно-политическая работа” хорошо приведена в антикварном анекдоте. Выпускник училища после сдачи экзаменов, сжигает в печи конспекты. Огонь весело полыхает, пожирая исписанные тетрадные листы. Как вдруг, после очередной общей тетради, пламя внезапно гаснет и из топки робкой струйкой, а вскоре и бурным потоком начинает литься вода. С чего бы это? Непонятно. И лишь вывернув все наружу, наш герой выясняет, что причиной тому конспекты лекций по ППР. Это сокращение более часто расшифровывалось у нас как – “посидели, потрепались, разошлись”, а то и вовсе непечатно, но уж это каждому додумывать в силу своей испорченности.

Наряду с ППР, нам читался еще ряд дисциплин по марксистско-ленинской теории. По одной из которых – “научному коммунизму” у нас сформировалось две оценки.

Несмотря на коллективные “прозрения общества” в эпоху правления страной М. Горбачевым и Б. Ельциным, касательно марксистско-ленинской

теории, я не склонен менять своего мнения о кафедре тех лет, и о её недюжинном как по профессиональным, так и по человеческим критериям профессорско-преподавательском составе. Колоритной фигурой кафедры был ее начальник - полковник Тихообразов К.И. У нас он вел историю КПСС, и в безупречном владении материалом ему было не отказать. Чувствовались глубокие знания, в том числе и подноготной новейшей истории страны.

Ветеран войны, он не был фанатиком, одержимым идеей обращения всех и вся в свою веру, скорее наоборот - умудренным жизнью человеком с реалистичным взглядом на окружающий нас мир. Не будучи формалистом и зная, кто на что способен, он, бывало, начинал экзамен с предложения встать тем, кто уверен в своих отличных знаниях. Следом то же, но оценка в зачетку выставлялась им уже на балл ниже. Затем без опроса выставлял смельчакам в зачетки вышеперечисленные оценки и отпускал их на все четыре стороны. А уж остальным - экзамен так экзамен. На нем заведомо не проходили завышенные самооценки удальцов из числа записных лентяев и слабаков, которые, по его меткой характеристике, *«отчитывались, так и не приходя в сознание»*.

В связи с лекциями полковника Тихообразова К.И. запомнился один казус, случившийся с моим товарищем из 12 роты А. Маршанкиным. Мы с ним сдружились на почве издательства ротных стенгазет. А рисовал Андрюша, что называется «с двух рук» и был художником, что называется - от Бога. До поступления в училище Андрея «турнули» из Ленинградской Академии Художеств за нехудожественное поведение.

Так вот, учитывая, что учение марксизма – ленинизма и особенно по понедельникам, да еще на первой паре не совсем лезло нам в голову — народ всегда стремился занять с боем задние места в аудитории, чтобы, подложив под голову какой-либо первоисточник предаться гипнопедическому изучению оного, то бишь во сне!...

На той лекции Тихообразова К.И. Андрюше не повезло - ему достался первый стол. Лекция проходила успешно. Педагог что-то рассказывал, сидя за столом и делая замечания тем, кто начинал явно похрапывать. А у Андрея были очки, простые, но он их иногда надевал для солидности. Прозвенел звонок с первой полупары и курсанты пулей выскочили из аудитории, дабы хлебнуть водички и покурить, оставив наедине преподавателя и Андрея. Через пару минут раздался рев взбешенного профессора и к нему пулей в аудиторию влетел командир взвода. Через пару минут он вывел из аудитории смущенного Андрюху и тут же выдал ему «орбиту» - пять нарядов вне очереди. Оказалось, что Андрей нарисовал на своих очках широко раскрытые глаза (а краски у него всегда были при себе), и Тихообразов, читая лекцию, смотрел в эти преданные глаза курсанта, внимательно слушавшего его, пока все не рванули на перемену. На перерыве, оставшись один на один, он услышал чье-то мерное посапывание и похрапывание. Константин Иванович подошел к Андрюхе, поднял очки на лоб и обнаружил мирно спящего курсанта, проспавшего самое главное — звонок!¹¹

Изобретательно обставлялось стимулирование соревновательного духа среди курсантских взводов нашей роты по освоению курса политэкономии. Так как тематическим планом изучения политэкономии социализма предусматривалось посещение предприятий Киева, то лучшая по итогам успеваемости группа/взвод премировалась посещением кондитерской фабрики имени Карла Маркса. Здесь и не пахло никаким символизмом, зато очень даже - кондитерской фабрикой, носившей это имя. Как-то раз наш взвод сподобился выйти в передовые, так что на правах очевидца расскажу в о том, что из этого получилось.

Вечером дня, предшествовавшего посещению фабрики, кое-кто был занят делом дотоле невиданным. К распоротым снизу карманам галифе пришивались плотные целлофановые мешочки. Отчего емкость тех карманов воз-

¹¹ Из воспоминаний выпускника 12 роты КВОКДКУ Олега Спинева.

растала вдвое, если не втрое. Проверялись на прочность поясные ремни и подтяжки. Полагаю, нет смысла объяснять зачем.

На фабрике нас повели по цехам с различной продукцией: зефиром, мармеладом, карамельками и тому подобным. Наряду с выслушиванием разъяснений об экономических показателях, оснащении предприятия, технологиях изготовления и прочая, и прочая, каждый мог не только задавать сопровождающим вопросы, но и потчеваться любой продукцией, сколько влезет. Из цеха в цех нас вели, как Моисей в свое время вел евреев по пустыне. Доводя до той самой кондиции, когда “хоть видит око, да зуб неймет”. По всему видать такой алгоритм был многократно испытан и логически просчитан.

Поэтому лишь под занавес мы попали к конвейеру, где шли дорогие, шоколадные конфеты. Всех к тому времени разве что не тошнило от съеденного. Оставались карманы, набивать которые оказалось делом не столь уж и простым. Во-первых, от цеха к цеху, руководствуясь принципом - от мармелада к шоколаду, приходилось периодически высвобождать место для более вожделенного ассортимента, а, во-вторых, - это надо было делать на глазах персонала фабрики, где были в основном молоденькие женщины.

Визит потенциальных женихов привнес в их рабочие будни пикантное разнообразие. Отдаю им заслуженную пальму первенства в мастерстве откровенных заигрываний, бойких намеков, смелых шуток да прибауток. Многие из них вгоняли в краску даже самых толстокожих курсантов. А тут еще и карманы. Работницы не могли не замечать, как мы их усердно наполняли, а мы, как они над этим потешались. К тому же под финиш возникли опасения проверки содержимого наших карманов на проходной после умышленно рассказа сопровождающего о мерах борьбы с несунами.

Мы к тому времени затарились так, что карманы трещали по швам от трофейных сладостей. Еще никогда галифе не казались нам совсем не такими уж широкими. А ну, как попадемся? Стыда не оберешься! По счастью обош-

лось. Не без великодушного указания сверху, конечно. Вахтеры пропустили курсантов, ухмыляясь, отпуская их на свободу без досмотра, как грешные души на покаяние. В казарме праздник живота продолжился для всех остальных. Провизия была честно поделена среди менее удачливых политэкономов. А мы же еще долгое время в сторону сладкого и смотреть не могли.

Подводя итог об усвоении знаний, как нам казалось – “ненужных” в армейских условиях предметов по марксизму–ленинизму, хотелось бы отметить следующее.

Первое. Политэкономия и философия оказались нужны для дальнейшего развития нашего мировоззрения и в познании окружающей действительности. Особенно в годы так называемой “перестройки”. Когда, руководствуясь знаниями по этим предметам и отбросив шелуху словес “о непоколебимости верности курса страны идеям марксизма-ленинизма”, многие из нас наблюдали как бывшие профессиональные работники идеологического фронта – партномеклатура и вожди комсомола - лихо трансформировались в “демократов”, прилюдно проклиная “темное” коммунистическое прошлое, которое недавно кормило их с ложечки. Теперь они, возглавляя многочисленные кооперативы, отхватывали лакомые куски недвижимости в эпоху приватизации.

Второе. Во время нашей службы в рядах Советских Вооруженных Сил правящей идеологией был марксизм-ленинизм со всеми ее плюсами и минусами. С одной стороны это был идеологический стержень, обуславливающий военную защиту социализма, но с другой стороны – в повседневной офицерской жизни уж больно доставали занятия по этой идеологии, собрания и митинги, посвященные тем или иным датам и юбилеям.

Кстати, кто по выпуску из ВОКУ не уничтожил свои конспекты по марксизму-ленинизму в дальнейшей офицерской жизни - выиграли, ибо у них уже были “рукописные” первоисточники по этим предметам, по которым они уже сами проводили занятия по этой дисциплине со своими подчинен-

ными. Во всяком случае, те, кто из-за своей лени этого не сделал, еще очень долго тыкали в нос проверяющим эти занятия пожелтевшие от времени страницы конспектов курсантских времен. Проверяющим эти лентяи говорили, что незабвенные труды Карла Маркса и В.И. Ленина ими были законспектированы только “вчера”. А те, кто эти конспекты остервенело жег и топтал по выпуску из училища – вновь писали их заново, проклиная свою агрессивность и недалекость.

И еще один момент. С одной стороны наличие в Армии и на Флоте профессиональных партийных работников раздражало многих офицеров-командиров. Эта партномеклатура в соответствии с действующими тогда военными уставами не несла никакой юридической ответственности за выполнение задач подразделениями и частями Вооруженных Сил, но по своему статусу и положению получала очень неплохие денежные оклады. А за все нес ответственность – командир, который, если он попал в немилость партномеклатуры, мог легко лишиться должности и погон. Да и карьерный рост офицера был напрямую связан с критерием – “является ли он членом КПСС или нет”.

Но с другой стороны – в Вооруженных Силах СССР был моральный стержень, а на партийных и комсомольских собраниях можно было, сверившись с первоисточниками по марксизму-ленинизму, высказать свое мнение по наболевшей проблеме повседневной жизни. И если причиной этой проблемы был зарвавшийся командир – его приводили в “чувство” либо на собрании, либо на парткомиссии. Кроме того, различного рода чинов и рангов замполиты часто способствовали решению бытовых и иных проблем солдат и офицеров. Словом, они были своеобразными “духовниками” в Советской Армии, и, кстати сказать, такие же структуры были и в армиях наших вероятных противников.

Сегодня все изменилось. Объявлено, что Вооруженные Силы – вне политики. И теперь в Российской армии - ни стержня, ни духовников уже нет,

есть заместители по воспитательной работе. Все это отдано на откуп отцам-командирам, от уровня порядочности, нравственных устоев и профессионализма которых, даже в морально-этической и бытовой сфере, зависит очень многое. Нет и офицерских собраний (они существуют только на бумаге), где можно высказать прямо в глаза начальству (как ранее говорилось – *“позвольте мне прямо сказать, как коммунист – коммунисту, что...”*) и далее по тексту о том, что “наболело” или просто “спустить пар”.

Сейчас в голове многих военнослужащих образовался идеологический вакуум, который пытаются заполнить представители разных партий и религий. И, как из той же политекономии и философии известно, что армия – не может быть вне политики, и как бы она хорошо была технически оснащена, без моральных устоев – это слабая армия.

К “вредным предметам” с точки зрения курсантов относилась строевая подготовка и подготовка к традиционным парадом, на которых участвовала парадная коробка от КВОКДКУ. Конечно, этот тезис – весьма спорный. Одним нравится строевая выучка и шагистика на парадах, другим – нет. Но я оцениваю строевую подготовку и подготовку к парадом с точки зрения курсанта-кадета.

Дело в том, что еще в суворовскую бытность такие курсанты вдоволь позанимались этой дисциплиной, и чувство сопричастности к участию в парадных мероприятиях у них основательно притупились. Так, многие кадеты, дабы сачкануть от участия в параде, прикидывались немощными, страдающие хроническими заболеваниями (и это в 18-19 лет от роду!), либо достигали больших успехов в спорте, чтобы стать членом сборной училища, или подряжались на общественные работы, которые также освобождали от каждодневной шагистике при подготовке к параду.

Я, например, подстраховался для избегания от шагистики сразу в двух ипостасях - был членом сборной училища по плаванию и участвовал в оформлении ленинской комнаты в роте. Как только приближалась очередная

годовщина с проведением парада, Володя Кухарев, Саша Курочкин и я затевали очередное оформление стендов в ленкомнате, доказывая ротному, что это мероприятие - край как необходимо именно сейчас. Поэтому наша ленинская комната в роте постоянно находилась в процессе дооборудования в течение трех лет. Пыл к работе у нас угас на выпускном курсе, так как курсанты этого курса к участию на парадах уже не привлекались, поэтому и имитация нашей бурной деятельности была не нужна.

Другим курсантам, с моей точки зрения, не совсем везло. Или у них не было спортивных данных или художественных наклонностей, либо им продолжало нравиться участвовать в парадных церемониях, и они участвовали в них. Вызвано это не только тем обстоятельством, что училища в Советской Армии, в соответствии с их предназначением, готовили качественно подготовленных строевых офицеров-командиров для Вооружённых Сил, но также и таким важнейшим фактором, как ежегодные советские военные парады в ознаменование каждой очередной годовщины Великой Октябрьской социалистической революции.

Так, военный парад войск Киевского гарнизона на Крещатике, в частности, традиционно представлял собой второе по масштабам и зрелищности советское супершоу¹². Первым, разумеется, был военный парад на Красной площади столицы нашей Родины - города Москвы. Ну а гвоздём, или, как говорят, "золотой фишкой" Киевского военного парада всегда являлось завершавшее его прохождение трёх парадных расчётов "коробок" курсантов нашего училища. Курсантов, по праву считавшихся образцом строевой выправки, настоящими асами, профессионалами, мастерами и виртуозами строевой подготовки, по сравнению с которыми курсанты всех прочих военных училищ, не говоря уже о солдатах воинских частей Киевского гарнизона, выглядели, если не "пастухами с отарой овец", то уж точно - тускло.

¹² Описываемые события при подготовке к параду взяты из воспоминаний выпускника Киевского СВУ и КВОДКУ Алексея Сорокина.

Это индивидуальное мастерство наших курсантов-строевиков, так же как и безупречно гармоничная слаженность и красота строя, достигалась ежедневными двухчасовыми строевыми тренировками на протяжении двух месяцев, к которым они приступали по возвращении из летних каникулярных отпусков в начале осени. Их подготовка к параду проходила на взлётно-посадочной полосе Киевского авиационного завода им. Антонова. На "полосе" проводились гарнизонные тренировки всех воинских частей и военно-учебных заведений гарнизона, принимавших участие в параде, проводимом, в ознаменование каждой очередной годовщины Великой Октябрьской социалистической революции.

Парадные батальоны КВОКДКУ, по традиции всегда завершали парад войск Киевского гарнизона. И делалось это с вполне объяснимой целью - оставить у командования Киевского военного округа, также как и у горожан и гостей Киева наилучшее впечатление о параде в целом.

К слову сказать. Когда через пять лет после окончания училища я поступил в Военную академию имени М.В. Фрунзе, расположенную в Москве, то к немалому удивлению неоднократно имел возможность убедиться в том, что курсанты Киевского ВОКУ ходили всё же лучше, чем даже прославленные "кремлёвские" курсанты Московского ВОКУ. Весь секрет в том, что они ходили на Красной площади в шинелях, и как нетрудно догадаться, скрывавших колени курсантов. Понятное дело, шинели не позволяли участникам парада ставить ногу на брусчатку площади не прямую, а слегка согнутую в колене, или, как тогда говорилось, подсекать её. А ведь это, наряду с другими негативными факторами, как то: неровная брусчатка Красной площади, особенно перед самой трибуной Мавзолея Ленина, и др. - все это значительно ухудшало качество прохождения парадных расчётов по главной площади страны.

Что же касается курсантов Киевского ВОКУ, то они знали, что даже в морозную погоду и снегопад пойдут по Крещатику в парадной летней форме

одежды, т.е. без шинелей. А поэтому, от самого начала тренировок в сентябре и до заключительного прохождения на параде 7 ноября, ногу выносили вперёд, и опускали на асфальт то ли на "бетонку" полосы авиазавода, то ли на асфальт Крещатика всегда безупречно прямой и к тому же на полную стопу. Помимо единого, однообразного щелчка - удара ног по асфальту, к тому же многократно усиленного специально подбитыми для парада подковками сапог, давало также и безукоризненное равнение, как в шеренгах, так и в колоннах (в затылок), а в результате - едва ли не самый главный атрибут парадного батальона - чёткую "диагональ".

Слаженная "коробка", или парадный расчёт батальона - это 10 шеренг по двадцать курсантов в каждой, что составляло в общем 200 "стойких оловянных солдатиков", воистину являлась единым, чётко отлаженным и натренированным даже не механизмом, а организмом. Каждый участник парадного расчёта уже на автоматическом уровне шёл торжественным маршем, поднимая на высоту 50 сантиметров и опуская с силой на асфальт (в такт всему батальону) прямую ногу с оттянутым носком. Он также привычно держал равнение и автоматов, и в затылок, и по шеренге, и диагональ, и, заметьте: всё это - с однообразно повернутой направо головой, что давало также и идеально ровное поле двухсот курсантских фуражек.

Конечно же, неизмеримо велика была роль в энтузиазме и эйфории упоительного парадного настроения чрезвычайно удачного марша Соловьёва-Седого "В путь", служившего своеобразной визитной карточкой Киевского ВОКУ, исполнявшегося большим сводным оркестром Киевского гарнизона, мощные аккорды которого к тому же многократно усиливались эхом высоких домов Крещатика.

Также интересно было сравнивать прохождение на параде батальонов Киевского ВОКУ с записью парадов Гитлеровской Германии, чья военная машина считалась в истории человечества наиболее отлаженной, а строевая выправка и строевая подготовка войск - едва ли не образцовой. К слову ска-

зять, что и в Рейхсвере и в Советской Армии шаг на парадах был одинаковый - прусский, или, как его ещё называют - "гусиный". Суть этого шага заключается в том, что делается обязательно полный шаг, при котором нога с оттянутым носком выносится вперёд на высоту 50 сантиметров над землёй исключительно прямая, и такая же прямая нога с оттянутым носком ставится с силой на землю (асфальт, бетонное, другое твёрдое покрытие) и только на полную стопу.

В общем, неплохо шагал Вермахт, но прохождение торжественным маршем нашего училища выглядело намного более чётким, и, несомненно, более впечатляющим, мощным и даже угрожающим; равнение они держали лучше, да и строй был более сложен и очевидно монолитен. А у немцев и коробки "дышали" (не было безукоризненного равнения), шеренги и диагональ были кривыми, и не единый удар ноги был, а очевидный "горох". Короче, те, кто любил этот предмет строевой подготовки в училище, на военных парадах получали истинное удовлетворение. А те курсанты, которые не участвовали в них – гордились своими товарищами.

В завершении вернемся к нашим предметам обучения. Из всех вышеперечисленных учебных дисциплин, которые курсанты постигали в течение четырех лет их обучения в училище на государственные экзамены выносились четыре предмета – научный коммунизм, тактика, огневая подготовка и иностранный язык. Отдельной строкой в дипломе выпускника из училища стояла оценка по войсковой стажировке курсантов в линейных частях и подразделениях Вооруженных Сил. Но об этом чуть позже.

Особенности курсантского быта по сравнению с суворовским училищем

Курсантский быт в училище для бывших суворовцев и солдат сильно не отличался от того распорядка дня, к которому они привыкли будучи в кадетке или на срочной службе в войсках. Это было лишь вновь для тех, кто стал курсантом после школьной скамьи.

Также как и в СВУ каждое утро нас будила не очень почитаемая в нашей среде команда *“Рота! Подъем! Выходи строиться на зарядку!”*. По этому призыву дежурного по роте надо было быстро вскочить с постели, отбросив одеяло на спинку кровати, одеться в соответствии с объявленной формой одежды, и полусонным выскочить на улицу, дабы, невзирая на любую погоду, начать закаливать свое тело утренними физическими упражнениями. Зарядку, как правило, проводил ротный старшина - Игорь Петровский. В арсенал его утренних упражнений входили километровая пробежка ротным строем по территории училища, комплекс физических упражнений, индивидуальные занятия на спортивных снарядах, опять пробежка, и после этого окончательно проснувшиеся курсанты возвращались в казарму. Умывание, заправка постелей, проведение утреннего осмотра внешнего вида, завтрак, и, - шагом марш на кафедры для занятий по предметам обучения.

Если мы были в училище в Киеве, а не в учебном центре в Старе, то до обеда на кафедрах подходили учебные занятия по расписанию. Затем следовал небольшой перерыв для личного времени или для занятий в спортсекциях, после мы вновь расходились по кафедрам, где за каждым взводом была закреплена классная комната для индивидуальной самоподготовки или там с курсантами проводились дополнительные занятия. Перед ужином и после него, до вечерней прогулки ротой с песней и перед поверкой перед отбоем у личного состава также было немного свободного личного времени. Словом –

все, как и было ранее, когда мы носили суворовские, а не курсантские погоны. Такова была повседневная рутина курсантского быта в Киевском ВОКУ.

Но, как и во всяких правилах, в утренние часы распорядка дня были и исключения. Особенно это относилось к курсантской категории “сачков”, которые, в свою очередь, подразделялись на несколько подвидов – “с легендой”, “с прикрытием” и “просто так”.

К первому подвиду “сачков” относилась группа каптенармусов. Услышав раскаты утренних команд, Валера Ларченко и его закадычные друзья Петя Бондарь и Витя Галицкий, встав с кроватей, шагали досыпать в каптерку, уютно устроившись на тюках с бельем. Их “легенда” состояла в том, что им якобы срочно было надо что-то сделать в интересах роты еще до начала плановый занятий. И не успев за ними захлопнуться дверь каптерки, как они снова были в объятиях Морфея.

Второй подвид составляли сачки “с прикрытием”. К ним относились ребята, которые, будучи членами спортивной сборной училища по разным видам спорта, накануне соревнований, занимались физической зарядкой по индивидуальному плану, а таких было немало в нашей роте.

К ним примыкали так называемые “ходячие больные”, которые выпившись после болезни из санчасти, имели освобождение от зарядки. Вместо неё они могли бродить вокруг казармы и, закутавшись в шинели, заниматься “дыхательными упражнениями”.

С прикрытием была и группа, вечно оформлявшая ротную лен.комнату – Володя Кухарев, Саша Курочкин и я. Запершись в ленкомнате, мы устраивались досыпать на столах, подстелив под себя пенопласт, из которого мы мастерили поделки, украшавшие стенды комнаты. Правда, иногда у Володи Кухарева накануне соревнований по боксу просыпалась совесть, и он бежал на зарядку. А так как я занимался плаванием и накануне соревнований мог поплавать разве что в луже на плацу, а Саша Курочкин вообще не был чле-

ном сборной училища ни по какому виду спорта, наша совесть досыпала вместе с телами вплоть до построения на утренний осмотр.

Наиболее интересен был подвид сачков “просто так”. К ним относились те, кто патологически не любил рано просыпаться и махать руками на зарядке с голым торсом, особенно в непогоду. Чего они только ни придумывали, дабы урвать несколько минут дополнительного сна! Например, ослабляли натяжение кроватных пружин, что позволяло им, лежа на матрацах, провалившихся на уровень ниже по сравнению с нормальными кроватями, досыпать вместо физзарядки, замаскировавшись сверху простыней и подушкой. Либо, улегшись на шинель, расстеленную на полу под кроватью, похрапывать в свое удовольствие. Таких было мало, но они все же были.

Поэтому иногда, вместо того чтобы увидеть сотню курсантов, готовых к утренней пробежке строем, перед глазами ротного старшины маячила небольшая группа энтузиастов гимнастических упражнений. Однако их численность резко увеличивалась, если на подъеме присутствовал офицер нашей роты или дежурный по училищу. Из-за всех закоулков появлялись сачки, рота приобретала нормальную численность и спешила на зарядку.

Зарядка в виде исключения отменялась зимою, когда несколько часов подряд ночью шел сильный снегопад, и к утру училище утопало в сугробах. Тогда в качестве аврала все курсантские роты, вооружившись лопатами, выходили на снегоуборочные работы закрепленной за ними территории. Для чистки снега использовались деревянные лопаты, или специально сколоченные фанерные щиты, которые сдвинуть можно было только втроем, такой широкий захват снега они давали.

За нашим взводом был закреплен участок для очистки от снега вне территории училища, вдоль его забора по Брест-Литовскому проспекту, который был всегда загружен автотранспортом. В момент уборки снега автомобилям на дороге настоящую угрозу представлял курсант Игорь Монета. То ли он играл с судьбою, то ли стремился поскорее вернуться в теплую казарму, но в

момент снегоуборочных работ Игорь вел себя как настоящий камикадзе. Зачерпнув полную лопату снега, он, невзирая на рев клаксонов проезжающего транспорта, тащил этот груз прямо на середину дороги, дабы колеса автомобилей не отбросили этот снег обратно к обочине. А если машина останавливалась прямо перед его носом, он еще умудрялся сказать пару “ласковых слов” зарвавшемуся автолюбителю.

Особенно не везло тем взводам и ротам, за которыми была закреплена уборка снега со строевого плаца, который, благодаря своим размерам вмещал весь личный состав училища. В дни снегопада его курсанты скребли день и ночь, проклиная непогоду. Не успеют они убрать снег с приличного куска плаца, глядишь - он вновь занесен снегом, и вновь надо скрести лопатами по асфальту.

Люто ненавидели снегопад и курсанты, получившие наряд вне очереди на работы по уборке снега. Ведь им надо было отчитываться перед начальством по факту убранной территории, а не по времени отбытия наказания. Поэтому их физический труд на свежем зимнем морозе мог продолжаться, сколько угодно. Ох, и доставалось тогда небесной канцелярии от этих курсантов!

Периодически мирный быт курсантов также нарушали наряды по роте, по кухне и заступление в караул. Интересная деталь была в несении этой службы – именно тогда всем несущим службу в карауле чертовски хотелось спать, будь то в наряде по роте, либо в карауле. Особенно тяжело было бдение зимою ночью на посту, когда закутавшись в тулуп и в валенках, курсант бродил с автоматом по закоулкам училища, охраняя вверенный ему объекты. Только и оставалось этим часовым с завистью поглядывать на темные окна казарм, где мирно спали их коллеги, да прислушиваться к звукам ночной жизни города, доносящимся из-за забора. Периодически этот сторож подходил к определенному месту, откуда можно было позвонить в караульное помещение и доложить, как идут у него дела. Некоторые курсанты считали та-

кие бдения напрасными, поэтому они или дремали, либо спали на посту, усевшись прямо на снег, так как мех тулупа достаточно надежно защищал бренное тело часового от переохлаждения. С одним таким курсантом из нашего взвода – Александром Шуниным, и случилась трагикомичная история.

Будучи зимою в карауле, и выйдя на территорию вверенного ему поста, он немедленно завалился в сугроб и заснул. Через некоторое время его разбудил голос разводящего караула – замкомвзвода сержанта Сергея Кудряшова, за спиной которого маячила целая группа проверяющих, оценивающих бдительность несения службы часовыми ночью. Так как оба курсанта этого караула изучали французский язык, А. Кудряшов шепотом сообщил А. Шунину о том, что среди проверяющих есть и дежурный по училищу, и какая-то шишка из гарнизона. Как говорится – “нэ мала баба клопоту, тай купыла порося!”. Последние, не зная французского, так и не догадались, о чем курлыкали этих два голубка.

Так как Александр был неплохим актером, да еще и кадетом – перед глазами проверяющих офицеров была разыграно целое театральное представление. Глухо застонав и прижимая к себе автомат, “Шундик” (так в курсантскую бытность его называли друзья) отказался встать со снега. Якобы загибаясь от боли, он лежа доложил проверяющим, что на вверенном ему посту все в порядке, он не спит, а бдит, а посему враг на вверенный ему пост не проникнет. А встать или поползти до телефонной трубки, чтобы доложить в караульное помещение о своем болезненном состоянии он не может, из-за внезапно наступивших адских болях в животе.

Профессионализм актерской игры Шундика был высочайшим, ему поверили и на руках вместе с тулупом, валенками и автоматом отнесли в санчасть. Так как и там продолжал присутствовать гарнизонный проверяющий, одновременно подозревающий часового в симуляции, и в тоже время слегка испуганный и пораженный его героизмом его поведения на посту (а вдруг то, что случилось с часовым – правда?) – представление продолжилось.

Заспанной медсестре, дежурившей ночью в лазарете, Шундик подробно и со знанием дела изложил все признаки наличия у него гнойного аппендицита. В результате этого была срочно вызвана машина “Скорой помощи”, которая отвезла мнимого больного в госпиталь. Зная, к чему может привести раскрытие обмана, он вновь наплел легенду об аппендиците дежурному хирургу и через пару минут оказался на операционном столе. Вскрыв живот “умирающего от боли” курсанта, хирург расхохотался и, выслушав правдивую исповедь Шундика, вырезал ему совершенно здоровый аппендицит, а своему начальству об истинной подоплеке дел докладывать не стал. Так Александр Шунин на собственном теле познал, что “театр требует жертв”.

Для курсантов наряды по роте были или по графику, либо они получали оные “вне очереди”, за какую-либо провинность. За свою бытность курсантом, мой личный рекорд нарядов “вне очереди” составил 21 раз подряд “через день на ремень”, и только потому, что на выпускном курсе я сцепился с нашим ротным - старшим лейтенантом Свитой А.М., но об этом чуть позднее.

К более радостным событиям, нарушавшим размеренный курсантский быт, относятся – отпуск, выходные дни и праздники, среди которых выделялся Новый год.

Пора отпусков в ВОКУ была тютелька в тютельку схожа с суворовской бытностью, о которой было упомянуто в первой части книги, поэтому на ней останавливаться не будем. А лучше опишем то, что несколько отличалось от суворовского быта.

В выходные дни можно было пойти в увольнение в город. “Местным” и “женатикам” такое удовольствие предоставлялось с ночевкой. Но, как и в суворовском училище, требования к увольняемым оставались прежними – отсутствие у курсантов хвостов по учебе и примерная дисциплина.

Поэтому многим, которым хотелось бы познакомиться с прелестями киевской цивилизации в выходные, оставалось два пути – либо в ближайшем

будущем стать образцом в учебе и поведении, а до этого сидеть в казарме, либо махнуть через забор в самоволку. А так как подавляющее большинство курсантов нашей роты были кадетами, спортсменами, да еще знакомыми с тонкостями самовольной отлучки еще по суворовскому училищу, многие из них избирали второй путь.

Для маскировки от глаз военных патрулей в городе курсанты, профессиональные самовольщики, усовершенствовали свой внешний вид – стали переодеваться в “гражданку”, чего ранее не было в СВУ. В ту пору среди местной молодежи были очень популярны американские джинсы – Levi Strauss, Wrangler, Super Rifle, и рубашки-батники, которые были страшным дефицитом и стоили очень дорого. Для сравнения, фирменные джинсы на “толкучке” (а более их нигде нельзя было приобрести тогда в Киеве) стоили около 100 рублей, а авиабилет от Киева до Сочи – 20 рублей. Многие из наших ребят долго копили эти деньги для приобретения вожаемой обновки, откладывая деньги, получаемые из дома и мизерной курсантской полочки.

Хранили эти сокровища либо у себя под матрацами (весьма ненадежное место, откуда их могли изъять офицеры, проверяющие порядок в казарме), либо в каптерке (для этого нужно было быть на короткой ноге с каптенармусами), или же у своих друзей, “местных” курсантов (отличный вариант). Гражданскую экипировку можно было хранить и у девушек, с которыми у курсантов были амурные связи. Но это была весьма сомнительная камера хранения. Во-первых, с ней, и только с ней, любимой, самовольщик должен был проводить все свое время в городе. Во-вторых, в случае охлаждения отношений – вещи можно было потерять, либо получить их в непотребном виде в качестве возмездия “за измену” возлюбленной.

Те из курсантов, кто официально увольнялся на выходные в город, должны были пройти ритуальное чистилище, повторявшееся каждый раз.

Первоначально следовало пройти в роте офицерскую экспертизу своего внешнего вида. Уже на этом первоначальном этапе этой нервотрепки многие

“срезались” - то ли не той ширины были брюки кандидата в увольнение, либо они недостаточно были поглажены. Или высота шинели от пола – не та, либо складка на спине шинели не выглажена, а то и вовсе стрижка - неуставная. Далее следовала нудная лекция о том, как надо и как не надо вести себя в увольнении. И вечно одно и то же – “пить, курить и есть на ходу - запрещалось”, как будто только для этого курсант рвался в город.

Затем группа увольняемых шла к дежурному по училищу, и вновь морока повторялась. Забыл упомянуть еще одну важную деталь официального увольнения. Часто ротный или дежурный офицер по роте перед тем, как вести увольняемых к дежурному по училищу, “пропускал их через перекладную”, проверяя количество подъемов переворотов на ней в парадной форме одежды. Часть слабаков, дабы получить вожеленную увольнительную бумажку, кряхтя и преодолевая собственный вес, выполняли требуемый норматив, который они не могли показать даже на контрольных занятиях по физической подготовке. А некоторые - оставались “за бортом” увольнения.

Наконец, получив увольнительную и выйдя за ворота училища, курсант все время в городе должен был вертеть головой, выискивая патрулей, как летчик во время воздушного боя, и кося глазом на часы, дабы не опоздать вернуться вовремя из увольнения.

Вертеть головой он был должен потому, что у начальников военных патрулей в городе был план, по которому за время несения службы патрулем они должны были задержать энное количество военнослужащих, либо сделать им замечание за нарушение внешнего вида или еще за что-нибудь. А, как известно, опытный проверяющий может найти более 40 недостатков даже на новой саперной лопатке. Прибыв в комендатуру после несения службы в городе, начальник военного патруля выдавал нагора начальнику комендатуры список задержанных. Позднее комендатура докладывала фамилии курсантов и их прегрешения в городе училищному начальству и – “прощай увольнительная на долгие времена”.

К критическому времени возвращения курсантов из города помещение дежурного по училищу напоминало бочку с набитой в неё селедкой. Каждый пытался получить от дежурного отметку о том, что он не опоздал из увольнения. Схватив увольнительную бумажку с отметкой дежурного, надо было бежать на вечернюю поверку в казарму, где уже ждал дежурный офицер, приняхивавшийся к запаху, исходящему от курсанта, – вдруг он в городе выпил запрещенное спиртное. Кстати, по поводу употребления спиртного в городском увольнении среди курсантов был популярен бородастый анекдот: Курсант возвращается из увольнения пьяным, в его глазах двоится и троится. Навстречу генерал. Курсант, козыряя и тараща глаза: *«Товарищи генералы! Разрешите пройти?!»*. Генерал, поморщившись: *«Проходите! Только по одному!»*. Но это, так – к слову.

Вот и судите сами, уважаемый читатель, какой лучше было избрать путь в город юному и спортивному курсанту - будущему разведчику, умеющему все замечать, быстро бегать и маскироваться – официальное увольнение или самоволку?

Тем более что самовольщик всегда имел “легенду прикрытия”, которую реализовали его друзья, оставшиеся в казарме. Поэтому, в воспоминаниях об увольнении в город, в моей памяти сохранился стишок - перефраз, ходивший среди нас в бытность командования 7-ой ротой старшим лейтенантом А. Свитой. И не велик грех, что многое здесь беззастенчиво позаимствовано у дедушки Крылова:

*Курсант задумал увольняться,
да надобно ко Свите обращаться.
Старлей, проверив внешний вид
и, с час подумав, говорит:
„ А знаешь ты, что увольнение –
один из видов поощрения?
Но год назад ты мне, паршивец, нагрубил.*

Я этого, приятель, не забыл!“
„Помилуйте - курсант взмолился,
не я, наверно, в этом провинился.
Всего в училище полгода я“
„Так это был твой брат или друзья,
иль кто-нибудь из вашего же взвода,
я сроду не встречал вредней народа!
Досуг мне разбирать твои вины, щенок!
Ну, марш в казарму! Путь тут не далек“.
Курсант тихонько “Слушаюсь“ - сказал и...
в самоволку убежал.
Мораль той басни такова:
Курсант! Коль хочешь увольняться,
не надобно ко Свите обращаться!

Другим радостным событием в нашей повседневной жизни было празднование Нового года в казарме. По сравнению с СВУ, в ВОКУ не было зимних каникул, поэтому к новогоднему празднику все готовились основательно. Справедливости ради следует сказать, что среди нас в новогоднюю ночь в казарме отсутствовали все те же “местные” и “женатики”, отпущенные на побывку домой.

За неделю до Нового года учеба у нас шла “по боку” – скучковавшись по группам, мы потихоньку затаривались запрещенным спиртным, продумывали, как под шумок новогодней елки смотаться в самоволку, активно готовили программу новогоднего вечера и делали еще много важных с точки зрения молодого человека вещей в канун праздничного события.

Первым признаком приближения этого события была громадная – 5 x 2 метра - новогодняя газета, которую главный редактор готовил недели три. Будучи курсантом, я рисовал неплохо, и мне особенно удавались шаржи, поэтому все четыре года тянул лямку главного редактора сатирической газеты

“Бинокль”, высмеивающей отдельные промахи курсантской жизни. Когда от командования поступал заказ, чтобы через стенгазету “пропесочить” кого-либо из курсантов, я, из чувства солидарности с моими однокашниками, делал шаржи на них, но в таком привлекательном виде, что “пропесоченный” никогда на меня не обижался.

А вот в новогодней газете я мог “по полной программе изгаляться” по отношению к зарвавшемуся начальству, используя для этого эзоповский язык. Например, под новогодней елкой изобразить скачущую гориллу, весьма напоминавшую нашего ротного – А. Свиту, либо падающую Пизанскую башню, очень похожую на лейтенанта Юрия Федоровича Бескровного. Да и содержание текстов рассказов и юморесок в газете было под стать – наши мудрые курсанты-борзописцы, которые в добровольном порядке представляли собственные сочинения в газету, так же виртуозно владели эзоповским языком.

Поэтому, когда на стене у входа в спальное помещение нашей роты вывешивалась новогодняя газета, там вечно толпился народ и раздавался хохот. Эзоповским язык понимал и Свита, но сорвать газету со стены он не мог, это бы означало признание его промахов в работе с курсантами. Поэтому вечно после того, как газета становилась достоянием гласности, ротный вызывал меня на допрос, выбивая признание, что за эзоповским языком кроется на самом деле. А я, прикинувшись наивным идиотом, моргая глазами, невинно спрашивал у Свиты – *“А Вы о чем думаете, товарищ старший лейтенант, глядя на эти рисунки и читая содержание газеты?”*. Тот, скрипя зубами, отпускал меня “с миром”, но напряжение между нами из года в год возрастало.

В канун Нового года в курсантской казарме была кутерьма. Все буквально вылизывали свой внешний вид. Также нещадно драились умывальник и туалет, который в новогоднюю ночь отдавался на откуп дамскому обществу, участвующему в празднике. Поэтому они буквально благоухали дезодо-

рантами, которые мы могли достать в магазинах. Кровати в спальном помещении убирались, на их месте устраивалась площадка для танцев и музыкальная эстрада. Колонны помещения были украшены серпантинном, лапником, маленькими электрическими лампочками и новогодними игрушками. На окнах были нарисованы забавные рисунки. Например, на одном окне было написано *“Хочешь узнать как стать йогом? Тогда стань...”*, и далее следовало указание, на каком окне следовало читать разгадку. Подойдя к этому окну вместо надписи, там красовался не текст, а рисунок громадного речного рака.

Наконец, часов в 11 новогоднего вечера, к нам в казарму прибывало приглашенное дамское общество и, увы, неприглашенное начальство. Долгожданный праздник начинал постепенно набирать обороты по нарастающей.

С начала все слушали новогоднее поздравление по телевизору от имени Партии и Правительства, затем шла речь от имени командования училища. Во время её произношения многие курсанты начинали незаметно выходить на улицу и возвращались оттуда с уже блестящими глазами и, стараясь не дышать в лицо офицерам. Начальство понимало, зачем курсанты так часто выходят на улицу якобы покурить, но в новогоднюю ночь на прегрешение нами спиртным старалось закрывать глаза, разве что, если кто-либо совсем *“уж лыка не вязал”*.

Затем начинал свою праздничную программу ротный ансамбль, либо магнитофон. Первыми вступали в танцевальный круг наиболее смелые, кружа приглашенных девушек в ритме танца. Далее, по мере причащения к бутылке на улице, к ним присоединялись и более робкие. В перерыве между танцами силами курсантов давались представления, которые они готовили заранее, звучали пожелания и крики *“Ура”*. Робко, а затем все громче и чаще начиналось хоровое исполнение любимых курсантами песен.

По мере “расслабления” общества, страсти “накалялись”, а перерывы между танцами становились все короче. Верхний свет в казарме был уже притушен, мерцали только праздничные гирлянды. В закоулках казармы, крепко обнявшись, стояли влюбленные парочки, которые уже переставали удосуживаться передвигать ногами в ритме танца. А рядом в танце друг перед другом изгалялись ребята, выделявая в вихре пляски умопомрачительные “па”. С невероятными выкрутасами они отплясывали твист и шейк, некоторые вообще тряслись, охваченные пляской святого Витта.

Новогоднее буйство и веселье нарастало, воздух в казарме, казалось, можно было разрезать ножом, такие кругом пылали страсти, вырвавшиеся наружу из молодых курсантских тел. А к концу вечера уже плясали все – с дамами и без подруг, умеющие танцевать и не умеющие выделявать коленца. Остервенело трясся штык-ножом и самозабвенно выделявая круги вокруг тумбочки, плясал даже бедолага дневальный, которому выпала печальная участь заступить в наряд в Новый год.

В целом, если бы кто-то из посторонних наблюдателей, случайно забредший на новогодний огонек в нашу казарму, его бы взору представилась бы копия картины шабаша на Лысой горе в Вакулину ночь. Правда, в казарме не хватало ведьм, летающих на метлах, да запаха серы.

И еле-еле, в обусловленное время начальству удавалось прекращать официальное празднование Нового года в казарме. Девушек провожали к выходу, а спальное помещение принимало привычный вид. После подсчета наличия буйных курсантских голов в казарме, объявлялся “Отбой”, но жизнь в казарме после ухода офицеров не утихала. Раздавалось подозрительное бульканье, тихо меж нами до утра шли разговоры “за жизнь”. Конечно, каждый из нас мечтал встретить Новый год в иной обстановке, но такова была суровая проза курсантской жизни.

*Начальник училища (1970-1972)
генерал-майор Ф.Л.Болдуев*

*Начальник училища (1972-1980)
генерал-лейтенант В.И.Ляшко*

*Заместитель начальника училища
полковник С.А.Горшков*

*Начальник политотдела училища
полковник С.С.Левковцев*

*Начальник учебного отдела
полковник С.Т. Погорелов*

*Начальник учебного отдела
полковник А.А. Лалетин*

*Командир 3 батальона
подполковник С.А. Исaiченко*

*Командир 3 батальона
майор В.П. Кухарчук*

*Командир 7 роты
майор Л.Г.Емельянов*

*Командир 7 роты
старший лейтенант А.Свита*

*Командир 1 полуроты
лейтенант Ю.Ф.Бескровный*

*Командир 2 полуроты
старший лейтенант Н.И.Зубко*

*Начальник кафедры огневой подготовки
полковник Л.И.Рубцов*

*Начальник кафедры иностранных языков
полковник И.А.Карайчев*

*Начальник кафедры иностранных языков
полковник Н.Д.Лубенец*

*Преподаватель тактики
майор(полковник) Ю.Ф.Кирилюк*

*Преподаватель ОМП
майор (полковник) В.А.Самарский*

*Преподаватель кафедры эксплуатации
подполковник (полковник) Н.Т.Цимбалюк*

*Преподаватель военного перевода
подполковник И.К. Лоць*

*Преподаватель китайского языка
подполковник Л.К.Пятковский*

*Преподаватель китайского языка
подполковник Н.В.Васильев*

*Преподаватель китайского языка
старший лейтенант В.В.Седнев*

*Преподаватель физподготовки
майор В.С.Столяров*

*Преподаватель физподготовки
старший лейтенант В.Ф.Гречко*

*Преподаватель английского языка
З.М.Гершунина*

*Преподаватель английского языка
Р.В.Щеглова*

*Преподаватель английского языка
Т.Н.Соловьева*

*Преподаватель китайского языка
С.П.Ефимова*

*Преподаватель французского языка
А.Д.Колечко*

*Преподаватель французского языка
Б.Е.Кремянский*

*Преподаватель немецкого языка
З.С.Тихонова*

*Преподаватель немецкого языка
М.А.Гойхман*

ПЕРВЫЙ КОМАНДИР 7 РОТЫ (1970 – 1971)

полковник запаса Л. Г. ЕМЕЛЬЯНОВ (г. Киев)

Леонид Георгиевич с супругой – Верой Михайловной

Генерал-полковник Можаровский В.М. вручает медаль Министерства обороны Украины бывшему командиру 7-й роты полковнику запаса Л.Г.Емельянову. 2010г.

ПАМЯТИ НАЧАЛЬНИКОВ И КОМАНДИРОВ...

Учебный центр КВОКДКУ и события различного масштаба вокруг села Старе

Военный городок учебного центра и его окрестности

Как уже упоминалось, в соответствии с Директивой командующего Киевским военным округом, училищу был выделен учебный центр в Киевской области. Он располагался примерно в 80 км от Киева в лесисто-степной местности.

Как правило, в этот учебный центр для повышения своей полевой выучки курсанты выезжали на одну неделю в конце каждого учебного месяца, а летом – убывали туда на полтора месяца. Так что времени для закрепления теоретических знаний, полученных на кафедрах, и для отработки практических навыков в полевых условиях было в избытке, не то, что в других училищах, не имеющих подобных учебных центров.

К моменту нашего поступления в КВОКДКУ учебный центр уже располагал солидной материально-технической базой и казарменным фондом. Он широко раскинулся вблизи старинного села Старе, охватив большую лесную территорию, на которой располагались казармы, учебные и административные помещения, подразделения обеспечения и обслуживания.

На постоянной основе в военном городке учебного центра жили солдаты и сержанты из обслуживающего учебный процесс батальона, также там жили и некоторые сверхсрочнослужащие. Преподавательский и офицерский состав, временно прибывавший в военный городок, размещался в гостинице на территории центра.

Казармы для курсантов были одноэтажными барачного типа, в них жить было комфортно летом, а зимой – не очень из-за того, что стены барачных были досочными.

По своей емкости они могли вместить курсантский батальон, прибывший в учебный центр. Такого же типа и вместимости были и учебные помещения. Асфальтовые дорожки связывали казармы, столовую и классные помещения. Они пролегали между сосновых деревьев, которые особенно ценили дневальные по ротам, так как ветви этих деревьев украшали иголки, и с них осенью не опадала листва, которую надо было усиленно подметать. Летом ели и сосны давали густую спасительную тень, зимою - защищали городок от сильного ветра, и круглый год в этом бору дышалось легко. На задворках учебного центра был автопарк, складские и иные помещения, а также свинарник с хрюшками, которых, как и другое добро центра, охранял днем и ночью назначаемый командованием курсантский караул.

Территорию городка окружал дощатый забор, даже не достойный внимания молодых разведчиков, которые, если надо, могли перемахнуть через него даже с закрытыми глазами. Рядом с военным городком протекала речушка Карань, которая отделяла село от военного городка и именуемая нами в честь песни Битлз Yellow river - “Желтая речка”.

Если, по мнению итальянцев, “все дороги ведут в Рим”, то по нашему мнению “эти дороги вели курсантов из учебного городка только на полигон”, где размещались тактическое поле, «психологическая полоса», «тропа разведчиков», а также стрельбище и танкодром для вождения бронетехники. Там же были и некоторые учебные помещения, и наглядные пособия, располагавшиеся под открытым небом.

Тактическое поле представляло собою однообразную холмистую песчаную местность с редкими ориентирами, имитирующую передний край линии соприкосновения противостоящих войск со всеми присущими им атрибутами: колючей проволокой, траншеями, окопами, огневыми точками, минными полями, разрушенными зданиями и прочими элементами, дополняющими картину “реального поля боя”. На этом поле мы на практике закрепляли полученные в классах знания о том, как вести наблюдение за передним

краем, устраивать дозоры и засады, проникать незамеченными в тыл врага, брать “языка”. Там же отрабатывались и другие тактические задачи, проводились занятия по военной топографии, ОМП, инженерной подготовке и прочим воинским дисциплинам, необходимым офицерам-разведчикам.

В районе «психологической полосы» полигон был разбит на несколько направлений. Для показа действий разведчиков на местности в условиях боя в начале первого курса обучения из каждой роты отбиралась девятка «смертников», которой предстояло все годы показывать преодоление «психполосы» для своих товарищей. Это зрелище было весьма впечатляющим как для нас (в начале обучения), так и для прибывающего на полигон высокого начальства, которое инспектировало действия курсантов-разведчиков на местности.

В начале показа они тремя тройками, сидели в макете БМП (Боевой Машины Пехоты) и ждали, пока не начнется это шоу. Оно начиналось, когда гремел «выстрел» из танка “противника” и БМП оказывалось “подбитым”. «Смертники» выскакивая из БМП, стреляли по «мнимой» атакующей пехоте противника и занимали окопы, где тушили подожженный там напалм. Одновременно на окопы стремительно надвигались реальные танки.

Одни танки они пропускали над окопами и вслед забрасывали их гранатами, либо ложились поперек колеи движения грозных машин, изображая “убитых” – но при приближении танков - группировались, ложились точно под днище и пропускали их над собой, сопровождая их движение опять гранатой вслед. Затем «смертники» быстро преодолевали по-пластунски МЗП (малозаметное препятствие - проволоку, натянутую над землей на высоте 50 см), неслись к очередному окопчику, из которого стреляли из гранатометов по навесным бензобакамдвигающихся танков.

Далее в программе было водное препятствие, а реально - бассейн. Двое из каждой тройки преодолевали его вплавь, а у третьего, который не добегал до бассейна, на спине была прикреплена фанерка, пропитанная напалмом.

При приближении к водной преграде в него стреляли холостыми и боец «возгорался». Он бежал горящим факелом по полю, продолжая поражать из автомата ненавистного супостата. Другие бойцы в это время уже вскарабкивались на макет двухэтажного здания — а танки разворачивались и проходили под зданием. «Смертники» со второго этажа здания прыгали на их броню и «ослепляли» танки, имитируя разбитие своими автоматами триплексов — смотровых щелей боевых машин. В это время срабатывали закопанные рядом со зданием огнеметы, и все опять было в огне. Участники шоу надевали противогазы и ползком преодолевали «зараженный участок», после чего вновь ныряли в окопы, из которых вели огонь, но теперь уже боевыми патронами по макетам низколетящих самолетов и вертолетов противника. Все это сопровождалось воспроизведением через репродукторы шумов настоящего боя и сиренами, плюс к этому реальный огонь напалма.

Да, первоначально это шоу весьма впечатляло... Особенно высокое начальство из инспекций. Однако не им после показа одного шоу, а нам вскоре предстояло также скакать по этим препятствиям, как и «смертникам»! В общем, после отработки навыков на «психполосе» у нас был всегда такой вид, будто бы мы вручную затащили на верхушку пирамиды Хеопса 200-тонный каменный блок, ничего не хотелось — а только пить и лежать без движения. А уж как напалма мы нанюхались и наобжигались за четыре года, так, наверное, этой «прелести» не выпадало на долю многим реальным вьетконговцам.

Особый интерес для нас также представляла «тропа разведчика», где происходило преодоление препятствий. Ходили слухи, что она была скопирована с полосы разведчика, на которой готовили разведподразделения французской армии перед их посылкой в зоны боевых действий во Вьетнаме и Камбодже.

Она представляла собою 3 км зону препятствий со всеми мыслимыми и немыслимыми преградами на пути бегущего с полной выкладкой курсанта, старающегося уложиться в отведенный норматив по её преодолению. Во

время такого забега чего только не приходилось преодолевать: и ползти по канализационной трубе; и перебираться по натянутому в воздухе меж деревьев канату; и перепрыгивать через большие ямы и другие препятствия; и вертеться в тесном лабиринте; и пробираться по-пластунски под колючей проволокой; стрелять и метать гранату; и многое другое. А препятствия были в натуральную величину: и канаты над пропастью, и парашютные вышки, и подземные тоннели с газом и минные поля, и растяжки. И все это надо было преодолеть за очень сжатое время.

Многие из нас, преодолев полосу разведчика, валились на землю и долго дышали как собаки, высунув язык наружу и проклиная французов. Но эти уроки не прошли даром - мы научились не бояться реалий настоящего боя.

Кстати, на 2-м курсе приехал Министр Обороны со свитой и все начальники общевойсковых училищ Союза. После показа полосы Министр дал задание - «чтобы в каждом училище была такая психполоса и тропа разведчика», что и было сделано почти за один год. А позднее, когда сами стали начальниками разведок различного уровня, мы руководили строительством аналогичных полос разведчика в своих частях и соединениях, творчески дополняя их новыми препятствиями. Ибо эта полоса весьма помогала развивать у разведчиков такие качества, как выносливость, смекалка и сила.

Местность в районе стрелкового городка была аналогичной тактическому полю, такая же унылая и однообразная. Это было сделано сознательно, дабы усложнить прицельное ведение курсантами стрельбы из стрелкового оружия. Стреляли мы до одурения много, ночью и днем, в противогазах и без, с приборами бесшумной стрельбы и без оных. Теория стрельбы, само собой, нам преподавалась, но наиболее эффективным был метод “натаскивания” во время практических стрельб. На огневом городке были подготовлены все типы мишеней для индивидуальной и коллективной стрельбы из автомата, пулемета и гранатомета, там же мы отрабатывали навыки метания боевых гранат.

Несколько особняком на огневом городке располагалась директриса для стрельбы из штатного оружия, установленного на бронетехнике. Здесь же была установлена и наблюдательная вышка, откуда преподаватели управляли мишенной обстановкой во время стрельбы. На этом огневом городке курсанты овладевали мастерством ведения огня из бронетранспортеров (БТР), БМП и танков. А вот стрельбе из люльки мотоцикла и вертолета нас почему-то не учили, хотя эти навыки были необходимы в войсковых подразделениях разведки.

Директриса для вождения бронетехники представляла собою холмистую местность с многочисленными препятствиями типа крутых склонов со спусками с подъемами, водными преградами и минными проходами. Там же было еще много и препятствий, мешающих нормальному движению транспорта. Усевшись за руль или рычаги бронемашин, курсанты в качестве водителя учились управлять разведмашинами (типа БРДМ), БТРами, БМП и танками (в основном – ПТ-76).

Так же, как и на занятиях на зимних квартирах, процесс обучения курсантов в учебном центре шел своим чередом, по шесть часов в день и большей частью на местности. Передвижения на занятиях в поле, и нередко выполнявшиеся марш-броски, требовали от нас изрядной отдачи сил. Не мудрено, что мы нагуливали во время этих занятий отменный аппетит. Поэтому обед и ужин мы ждали с нетерпением.

Приемы пищи происходили в столовой учебного центра. Она располагалась в постройке с бетонированным полом, заставленной длинными деревянными столами со скамьями. Ни малейшего сравнения с курсантской столовой в Киеве, где все было, не в пример, более цивилизно. Там были столики на четверых, со скатеркой и салфеточками в колечках. Столовые приборы в училищной столовой были из нержавеющей стали. Хотя и не мейссенские изделия, но тарелки были из фарфора. Не скамьи, как в учебном центре, а стулья, опять же и пол в столовой на зимних квартирах был паркетный.

Зато в столовой учебного городка встречалось нечто такое, чего не было у нас в столовой в месте постоянной дислокации. Взять хотя бы банальные алюминиевые ложки, циркулировавшие по столам столовки в учебном центре. На некоторых из них были выцарапаны по черенку приказы, – “*Ищи, сука, мясо!*”. Всего – то три словца, зато какова экспрессия! Или встречалась другая ложка – с маркировкой “*Учебная*” и с дыркой в углублении.

Вся посуда концентрировалась на той части стола, что была ближе к проходу. Здесь было место и для выдавших виды некогда эмалированных кружек, черпака и массивных бачков с первым и вторым блюдами. Посуда в этой столовой всегда была какой-то липкой, сказывалось отсутствие посудомоечных машин в учебном центре и присутствие вечной лени кухонного ряда.

В обед, до прибытия личного состава, кружки наполнялись киселем или компотом. В большую жару случалось еще нам давали приготовленный из сухарей ядреный квас – под названием “*вырви глаз*”. Как говорится, этот изысканный напиток во время приема курсантами пищи шел нарасхват. Качество употребляемой нами пищи желало лучшего. Особенно с учетом того, что ее готовили не киевские повара, а местные кашевары. Но, невзирая на эти недостатки, порции на обеде и на ужине съедались в мгновение ока.

А далее среди курсантов начинался поиск, чем бы еще поживиться. И нередко дополнительная пища находилась за пределами учебного городка – в селе Старе. Там курсанты добывали сало, консервы, яйца и местный самогон – мутную бурду с привкусом жженой резины. Молодые желудки курсантов без труда усваивали все, и приготовленные блюда местных кашеваров, и сало с консервами, купленными в селе, и самогон. И вопреки сомнительной пище и напиткам, курсанты продолжали быть физически крепкими, тренированными и спортивно ориентированными. Поэтому расхожая украинская присказка «*сало – сила, а спорт – могила*» у нас не проходила.

Много времени прошло с тех пор, как мы закончили повышение нашей полевой выучки в учебном центре. Но до сих пор седые ветераны – выпускники училища с удовольствием вспоминают дни, проведенные там. Несколько раз бывшие курсанты 7-ой роты, среди которых до сих пор поддерживается теснейшая дружеская связь, приезжая большой группой в Киев, дабы отпраздновать какое-либо событие, связанное с КВОКДКУ, обязательно наносят визит в военный городок. Усаживаются там за праздничный стол и рекою начинаются литься воспоминания о веселых и не очень моментах учебы в полевых условиях. Хотя в юношеские годы мы скорее рвались из учебного центра на зимние квартиры в Киев, чем ехали туда.

События различного масштаба вокруг села Старе

Обычно в учебный центр нас доставляли на машинах. Взяв с собою вещмешки, шинели и автоматы, мы усаживались в крытые брезентом кузова ЗИЛов и отправлялись в путь. В начале движения, когда колонна машин следовала по Киеву, мы еще вертели головами, громко комментируя наблюдаемые нами городские события, и особенно много комплиментов доставалось симпатичным девушкам, шедшим по тротуарам города. С выходом колонны на автотрассу оживление в кузове постепенно затихало, а после Борисполя все уже спали богатырским сном, привалившись друг к другу.

Вообще-то удивительной способностью обладает молодой организм военнослужащего – набираться сил во время сна, где угодно и какой-либо позе. Будь то в классе, во время лекции, либо в наряде или карауле, в машине, в самолете или в поезде. Поспал, свернувшись калачиком, и опять готов “мужественно переносить тяготы и лишения воинской службы”. Особенно эта черта относится к курсантам и солдатам.

В связи с этим вспоминается один случай, когда я летел с десанниками из Тульской дивизии в Боснию и Герцеговину, дабы застолбить за рос-

сийскими миротворцами аэродром в г. Тузле, где в то время шли боевые действия времен войны в бывшей Югославии. Не успели десантники разместиться в брюхе ИЛ-76, как они уже вповалку спали друг на друге, вплоть до места назначения. И им было “до лампочки”, что ждет их на земле, реальный пулеметный или иной огонь, либо еще какая-нибудь военная гадость.

Раз в году, летом, в учебный центр нас доставляли по Днепру. Для этого использовались теплоходы, курсировавшие между Киевом и городами вниз по течению реки. Плывая на них от Киева до пристани Кальное, многим из нас вспоминались строчки Николая Васильевича Гоголя – *“Чуден Днепр при тихой погоде...”* и *“Редкая птица долетит до середины Днепра...”*, настолько захватывающая панорама могучей реки очаровывала нас. Правый берег круто возвышался над водной гладью, а левый берег, наоборот - был пологим, с многочисленными песчаными пляжами, которые так и манили нас своими белоснежными дюнами песка. Но так как мы уже много знали из военной истории о событиях, имевших место при освобождении от фашистов Киева во время Великой Отечественной войны, мы только диву давались, каким героизмом надо было обладать нашим солдатам и офицерам, штурмующим после форсирования Днепра на утлых суденышках его крутые склоны, занятые врагом и под его непрерывным огнем.

На теплоходе уследить за тем, чем занимаются курсанты во время их турне по водной глади, было практически невозможно. Поэтому во время речного путешествия мы активно поглощали заранее припасенный “Биомицин”- крепленое вино типа “Портвейн”. И некоторые курсанты к конечной точке водного путешествия были уже изрядно “на взводе”. От пристани Кальное роте, чтобы добраться до учебного центра, следовало преодолеть еще дистанцию в 12 километров пешком. Как правило, ее мы осиливали, совершая марш-бросок с полной выкладкой, то есть со всем барахлом на плечах, включая вещмешки, шинели, каски, противогазы и оружие.

Однажды во время такого марш-броска с ребятами из 7-ой роты случился казус, который по прошествии более чем 35-ти лет, до сих пор помнят все бывшие курсанты этой роты. Героем этого события стал Коля Баглюков *(??? На встрече в декабре 2011 было уточнено, что это был не он - кто помнит с кем это приключилось?)*, курсант 4-го взвода нашей роты.

Сойдя с пристани, ротные офицеры строили нас и, пересчитав по головам и получив рапорт от замкомвзводов о стопроцентном наличии оружия, отдавали команду *“Рота! Бегом - марш!”*. По прибытию рысью в учебный центр у его ворот эта процедура повторялась - вновь проверялось наличие военнослужащих и оружия. После проверки в учебный центр мы миновали эти ворота с песней и строевым шагом, и начинались повседневные будни летних лагерей.

Так вот, в тот достопамятный день на борту корабля Коля так надегустировался “Биомицином”, что прибыв в Кальное, он уже еле стоял на ногах. На проверке перед марш-броском, чтобы его не застукало начальство в таком виде, мы задвинули его вглубь строя, откуда он и пробурчал замкомвзводу, что вверенный ему гранатомет – в наличии, а тот не проверил правдивость сказанных Шнифтом слов. На самом деле, при проверке наличия оружия, вместо лямки гранатомета он крепко вцепился в лямку вещмешка, дабы не рухнуть наземь. А свой гранатомет оставил лежать на песке в стороне от строя, и никто из нашего взвода, который был последним в ротном строю перед марш-броском, этого не заметил.

И начался запомнившейся всем нам забег. Первые три–четыре километра бежалось легко, затем у тех, кто на борту трамвайчика баловался “Биомицином”, вместе с потом начал выходить портвейн, и голова у них постепенно прояснялась. И в которой, по мере протрезвления бегущего, начинала вертеться постоянно одна и та же мысль – “пить эту гадость все же надо меньше”. Да уже и не вина им хотелось на опохмелку, а простой воды. Даже

те, кто на теплоходе не употреблял алкоголь, к концу марш-броска были вымотаны, все-таки сказывался приличный вес навьюченной на нас амуниции.

Добежав до ворот в учебный центр, начался подсчет курсантских голов и оружия. И тут выяснилось, что одного гранатомета в роте, владельцем которого был Коля Баглюков, – нет в наличии. К сожалению, во время бега его голова от выпитого портвейна так и не прояснилась. Он преодолевал 12-ти километровую дистанцию, как говорится – “на автомате”, резво шевеля ногами в такт бега роты, мотая головой в разные стороны и не открывая глаза, затуманенные спиртным. Очнувшись на финише, он с удивлением обнаружил, что его гранатомет – тью-тью, и находится неизвестно где. О чем он честно доложил, но от этого роте легче не стало.

Последовала команда *“Рота! Кругом! Искать оружие! Бегом – марш!”*. Бежать обратно пришлось опять с полной выкладкой, да еще шарить глазами по земле, ища утерю. Конечно, многие из нас надеялись, что через километр–другой, и пропажа найдется, но, увы, она обнаружилась лишь на берегу Днепра, то есть в первоначальной точке для старта марш-броска. Опять подсчет численного состава и оружия, и вновь марш-бросок на 12 километров.

Своему другу, зная, что каждый из нас может попасть в подобный переплет, мы много “ласковых слов” не говорили. На зато тощей задней филейной части Шнифта сильно досталось от сапог бегущих сзади курсантов, вымещавших на ней свою злость и усталость. В итоге, в тот день, пропустив обед и ужин, мы, вместо 12-ти километровой дистанции, как бешеные мусанги проскакали с полной поклажей все 36 километров.

Помимо Коли Баглюкова и замкома 4-го взвода Сергея Кудряшова от этого кросса извлекли урок и мы. Наличие оружия и амуниции лучше сто раз перепроверить лично, как говорится – “не отходя от кассы”, прежде чем куда-либо отправляться, иначе вновь окажешься на исходной позиции, следуя поговорке – *“дурная голова ногам покою не дает”*.

Следует заметить, что благодаря постоянным марш-броскам, практикуемым с разведчиками на разного рода занятиях, мы бегали как лоси, хотя бег на длинные дистанции многие из нас не любили. Зато приобретенный навык во многом пригодился во время отрыва от преследовавших нас военных патрулей в городе, и потом в спецназе или в войсковой разведке этот навык был очень кстати.

Поэтому в летних лагерях для нас ничего не стоило после занятий сбегать десятков километров, чтобы покупаться в Днепре и также рысью вернуться обратно. Удовольствие, которое мы получали от водных процедур, стоило этого. Никого не стесняясь, и раздевшись на пустынном пляже до “семейных” трусов (таких сатиновые причиндалы до колен нам выдавали в казарме), а то и без оных, мы с удовольствием вдоволь плавали и ныряли в свежих струях желтовато-коричневого оттенка широкой реки. Иногда заплывали, чуть ли не на середину фарватера, где мощное течение подхватывало тебя и несло, словно легкий кораблик, вниз по течению.

Накупавшись до одури и до посинения, мы блаженно растягивались на теплом речном песке, отдаваясь ленивой дреме под жарким летним солнцем. Бодрость, полученная от купания, провоцировала зверский аппетит, поэтому кое-как одевшись, мы налегке (не то, что во время марш-бросков) бегом отправлялись восвояси в лагерь, подъедая на пути, встречавшиеся луговые и лесные ягоды.

Иногда на грунтовой дороге, ведущей в учебный центр, нам встречались змеи, выползавшие на солнцепек проселочной дороги погреться. Я много в своей жизни встречал этих пресмыкающихся, к которым до сих относюсь с опаской и почтением, но таких размеров змеюк, какие попадались нам на пути от Днепра в Старе, я, пожалуй, нигде не видел.

Как-то раз, возвращаясь с купания, мы с Сашкой Курочкиным увидели такую гадюку, гревшуюся в пыли на дороге. Из озорства Санек огрел загорающего гада хворостиной. Вот это был эффект! Гадюка, длиною в метра в

полтора, взвилась на такую же высоту, и, свернувшись в воздухе клубком, приземлилась, готовая к атаке, высунув жало своего языка и глядя на нас оловянными глазами. Расстояние нашего скачка, стоя с места, в сторону от гадюки, очевидно, было дальше, чем рекордный прыжок с разбегом американского легкоатлета Р. Бимона, показанного им на олимпийских играх (8,90 м). А если бы в тот момент тренер по физподготовке еще бы и засек на секундомере время нашего спринтерского драпа от змеюки, - то пожизненное членство в сборной училища в беге на короткие дистанции нам бы было обеспечено. С такой прытью неслись в лагерь горе-змееловы, не чуя ног под собою.

А вот курсант нашей роты Олег Котляров, большой любитель ботаники и зоологии, этих пресмыкающихся любил и не позволял другим уничтожать их, за что и поплатился. Как то раз, возвращаясь летом с полигона в лагерь, он, поймав гадюку, сюсюкал с ней на только обоим им понятном языке. То ли этот гад был туг на ухо, то ли был слегка раздражен котляровскими нравочениями, в результате их беседы Олег получил укус в руку. Убивать нам своего собеседника Котляров категорически запретил и отпустил змеюку на все четыре стороны.

И в местную санчасть он с укусом обращаться не стал, стойчески перенося отравление организма змеиным ядом. С опытом заправского змеелова он, туго завязав руку жгутом выше укушенного места, мужественно сделал глубокий разрез. Затем начал отсасывать яд из ранки, выплевывая его вместе с кровью на песок. А мы, как зачарованные, следили за его манипуляциями и запоминали, что и в какой последовательности надо делать, если и нами случится подобное. После этой операции его друзья ни на минуту не упускали Олега Котлярова из вида, чтобы, в случае чего, отнести его в лазарет. Они могли наглядно убедиться, как действует на человека змеиный яд. На месте укуса рука Олега посинела и распухла, сам он постепенно становился все бледнее и бледнее, по телу и лицу обильно лил пот. Через час после змеиного

укуса он уже не мог ходить, а только лежал в тени, где его периодически тошнило. Картина была - не из радостных. Но постепенно Олег, благодаря молодому и могучему организму, пришел в себя и оклемался. А на вопрос, к чему такие эксперименты проводить на себе, он философски отвечал, что теперь внутри его тела уже есть противоядие. Однако желающих последовать его примеру, запасаясь антидотом на будущее, в нашей роте, почему то не нашлось.

В памяти курсантов 4-го взвода нашей роты сохранились воспоминания и еще об одном случае, последствия которого можно было приравнять к чрезвычайному происшествию гарнизонного масштаба, если бы оно стало достоянием гласности.

Злополучный караул

В 1973 г., завершив учебу в летних лагерях, наша рота убыла в Киев, чтобы через несколько дней, рассчитавшись в училище по бытовым мелочам, убыть в отпуск. Вместе с ротой в город оправился весь преподавательский и командный состав батальона. В учебном центре остался только 4-й взвод 7 роты, который накануне отъезда роты заступил в караул по охране территории военного городка и складских помещений, расположенных там. Вместе с караулом в учебном центре из офицеров остался командир полуроты Николай Иванович Зубко, который на разводе караула все время поглядывал на часы, явно спеша куда-то. Мы подумали, что и он намылился в Киев, и поэтому офицеров - надсмотрщиков за нашей службой в центре вообще не осталось.

Летние экзамены за курс обучения мы уже сдали и впереди у нас маячили каникулы. Поэтому в предвкушении ожидающих нас праздничных событий и пользуясь предоставленной свободой действий, мы на радостях “расслабились”. Не успело щедрое украинское солнце склониться к горизон-

ту, как в караульном помещении мы вдоволь наупотреблялись местного самогона. Это стало чрезвычайным происшествием (ЧП) № 1 (в соответствии с положениями Устава гарнизонной и караульной службы).

Далее нам захотелось чего-нибудь пущего и кто-то выдвинул идею сходить в Старе на танцы. Сказано – сделано, и наплевав на необходимость охраны вверенных нам постов, мы гурьбою двинулись на танцульки в село. Это было ЧП № 2.

Дабы не идти туда с оружием, мы сдали его своеобразным способом на хранение Вите Колоскову, крепкого телосложения курсанту небольшого роста, который на дух не переносил спиртное, но вместе с нами из чувства солидарности (как в анекдоте – за компанию и жид повесился) употребил оное и свалился с ног долой, оставшись лежать без чувств на нарах в караульном помещении. Дабы и во сне он охранял наши автоматы, мы намотали их ремни Вите на обе руки. Так он и лежал на нарах, раскинув руки в стороны с накиннутыми на них автоматами, словно Иисус Христос, распятый на кресте на Голгофе. Следуя букве Устава, следует констатировать, что это было ЧП № 3.

У разгоряченных спиртным лиц, которые должны были бдительно нести караульную службу (что является одной из боевых задач в мирное время, и нарушение этого положения выражается в ЧП № 4), танцы в местном клубе удались. Мы так лихо давали гопака и плясали другие танцы, плетя во время их исполнения несусветную чушь на ушко местным девушкам-красавицам, что многие из них согласились по завершению этого светского мероприятия прогуляться с нами к стогам сена за околицей. Там мы намеривались показать девушкам, где начинается и где заканчивается Млечный путь на ночном небосводе.

В ту летнюю пору теплая тихая украинская ночь была чудесной, и достойна кисти великого украинского художника Василия Лопаты. Яркими звездами был усеян темный небесный небосклон. Срываясь с Млечного пути,

кометы беззвучно оставляли свой красочный след на бархатном небе. В кущах деревьев за околицей заливались какие-то ночные пичуги и трещали цикады. Одурающее пахли луговые цветы. Трава в поле по пояс, где были сложены стожки свежескошенного сена, еще не была влажной от ночной росы. И в пьянившем душу воздухе не пищали даже комары-кровососы. А над всем этим буйством цвета и запаха украинской ночи царила полновесная Луна, освещая своим призрачным светом путь влюбленным парочкам к местам их уединения и последующего занятия если не амурными делами, то, по крайней мере, астрономией.

Торопился на эти ночные забавы и я, прижимая к себе хихикающую хохлушечку и лихорадочно соображая, где нам удобнее будет примоститься. Минуя мостик, перекинутый через речушку, я услышал призыв, страстный по своей интонации, Коли Баглюкова, доносившийся негромко, откуда-то из-за кустов возле моста: *"Юра, иди скорее сюда!"*. Досадуя, что Шнифт срывает нам вожаемое уединение, я вежливо (все-таки рядом была дама) посоветовал ему или подождать, а попозже я к нему присоединюсь, или убираться, куда подальше от нашего алькова. И вдруг, Матерь Божья, как гром среди ясного неба, вслед за Колиными тихими воззваниями раздался до боли знакомый архиерейский бас Николая Ивановича Зубко: *"Курсант Морозов, не попозже, а сейчас! И немедленно!"*. Услышав этот призыв, моя хохлушечка, словно трепетная лань, заслышав рык голодного льва, взвилась с места и в мгновение ока растворилась где-то в ночи.

А я побрел к месту засады нашего полуротного. Оказалось, что лейтенант Зубко Н.И., уладив свои неотложные дела, прибыл ночью в караул, чтобы проверить бдительность несения службы часовыми. К своему удивлению и ужасу, там он не обнаружил никого, кроме Вити Колоскова, храпящего на нарах и пришпиленного автоматами к жесткому ложу. По запаху, доносящемуся от спящего, он определил, что послужило первопричиной исчезновения личного состава караула из помещения. Растолкав Витю и учинив ему до-

прос, Зубко получил данные о местонахождении блудных сыновей и постепенно начал собирать нашу братию в селе.

Первым в его лапы попался Коля Боглюков, который и служил при-манкой для отлова остальных курсантов караула. Бредя вслед за лейтенантом в караульное помещение и зная наши прегрешения перед Уставом гарнизонной и караульной службы, мы мигом протрезвели “аки стеклышки”. В караульном помещении Николай Иванович, только и сказал, что разбор полетов будет после выполнения нами боевой задачи в мирное время, затем лично развел нас по постам, где мы продолжили нести прерванную караульную службу. Время для каждого из нас на этих постах выдалось безрадостным. В меру своей фантазии, бдя службу на посту, каждый из нас рисовал в уме, чего следует ожидать в ближайшем будущем, и самое легкое наказание, которое нам приходило в голову – это был штрафбат или срочная служба в войсках. Однако гроза после завершения службы в карауле для нас не разразилась. Действующие лица этой эпопеи долго размышляли – “почему”, и пришли к следующему выводу.

По совокупности сделанных нами проступков, это деяние можно было запросто приравнять не только к чрезвычайному происшествию гарнизонного масштаба, но и “прогнать” на все Вооруженные Силы. И если бы оно стало достоянием гласности для высших чинов из Минобороны, это было бы чревато не только курсантам - псевдо караульщикам, но и училищному командованию. На них бы посыпались взыскания по нисходящей. И чем ниже был уровень наказуемого, тем “круче” была бы кара. Во всяком случае, и ротный, и взводный, могли бы запросто лишиться своих “теплых мест” в Киевском училище и убыть в войска с подмоченной характеристикой. Не сошла бы с рук эта эпопея и батальонному командованию.

До сих пор не ведомо, на каком уровне командования, принималось решение о взыскании личному составу этого караула, но вместо отпуска нас оставили в учебном центре, чтобы совершенствовать наглядную агитацию

там. Даже на гауптвахту нас не посадили, ибо групповая посадка “на губу” с одной и той же формулировкой грозила стать достоянием начальства этого отнюдь не богоугодного заведения, которое бы немедленно доложило бы об этом своему гарнизонному начальству. Поэтому наше дело “замяли, не вынося сор из избы”. И даже в нашем батальоне многие из офицеров, да и курсантов тоже, не знали об этом происшествии. А для нас началась заключительная часть приключений, связанных со злопамятным караулом.

Плюгавый гриб ядерного взрыва

Следует сказать, что обыденным делом для курсантов ВОКУ было, наряду с занятиями в летних лагерях, вкалывать на благоустройстве чего-нибудь. Вот и тогда нам в качестве наказания досталось совершенствовать наглядные пособия на тактическом поле по оружию массового поражения. При этом начальство даже указало сроки прекращения наказания. Как только мы построим ядерный гриб, образующийся на местности после взрыва атомной бомбы, и притом чуть-ли не в натуральную величину - конец нашим мучениям, и можно будет убыть догуливать отпуск.

Больше никакой агитации нам и не требовалось. Ядерный гриб возводился ударными способами, днем и ночью. По сравнению со взятыми нами темпами работ, герой- добытчик угля Стаханов выглядел бы просто робким стажером на нашем фоне.

Но проклятый нами ядерный гриб рос медленно, все время что-то в нем разваливаясь, как и Вавилонской башне. Скоро на наших руках появились кровавые мозоли, разъедаемые бетоном. Они сочились сукровицей, так как брезентовых перчаток на всех не хватало. И конца и краю этих инженерных работ тоже – не было. Хотите, верьте, хотите – нет, но однажды, ночью, возвращаясь после этих ядрено-взрывных каторжных работ в казарму, мы просто завывали как волки на круглую и желтую, словно яичница, Луну, которая

все также равнодушно освещала своим призрачным светом наш скорбный путь.

Поняв, что возведение этого чертового гриба может продлиться до бесконечности долго, вплоть до второго пришествия Христа, и оно запросто сожрет остатки нашего отпуска, было созвано своеобразное Новгородское вече, где нами был найден выход из создавшейся критической ситуации.

Тайком от начальства, мы начали зарывать ночью в выкопанную в песке здоровущую яму кирпич и бетон, запасенный для строительства. А утром бежали к командирам, азартно требуя от них срочную поставку недостающих стройматериалов. В этот момент наши вопли и позы весьма напоминали Остапа Бендера и Кисы Воробьянинова из незабвенного фильма А. Гайдая “Двенадцать стульев”, где они, отплясывая подобие лезгинки, жарко клянчили деньги на пропитание с туристов, едущих по Военно-грузинской дороге. Только вместо псевдо гортанных возгласов *“Дэньги, дэньги – давай, давай!”*, мы азартно вопили: *“Бетон и кирпич – давай, давай, срочно давай!”*.

Первоначально командование старалось угодить требованиям новоявленных Стахановцев, и кирпич и бетон нам поставлялся вовремя, но который мы быстренько вновь зарывали в землю. А утром история с требованиями стройматериалов – повторялась. А так как мы жили в эпоху сплошного дефицита времен развитого социализма, официальные и левые поставки материалов на строительство ядерного коллапса скоро закончились, и мы, оставшись без работы, немым укором, все время маячили перед глазами нашего начальства. Нервы у него не выдержали – и через семь дней позже после начала официальных летних каникул, нас отпустили домой в отпуск.

А на тактическом полигоне в районе села Старе до сих пор торчит плюгавый ядерный гриб, как воспоминание для некоторых о том злосчастном карауле.

В сторонке от него, где-то в глубине песков, таятся несметные сокровища эпохи всеобщего дефицита времен “застоя” - что-то около вагона хо-

рошего кирпича и масса мешков с бетоном. О них, наверное, многие из участников той авантюры позднее с вождением вспоминали - те, кто строил свои дачи в период развитого социализма. Но, как говорится, “видит око, да зуб - неймет”, ибо к тому времени Украина уже приобрела независимость, правда - неизвестно от кого и для чего.

Любовные томления и женитьба

Курсантские критерии будущей жены

К концу обучения в училище, многие из моих однокашников-кадетов по 7-ой роте повзрослели и задумались, и не только о своей будущей военной карьере в качестве офицера, но и о необходимости создания семейного “тыла”. В это время тестостерон уже не так давил на юношеские мозги, как это было в период возмужания в СВУ, да и к выпускному курсу КВОКДКУ у многих образовались прочные связи с избранными нами девушками, где, среди прочих отношений, превалировало основное чувство – любовь.

В нашей роте к третьему курсу обучения уже было несколько “женатиков”, включая и моего однокашника – Олега Войнова. Женившись ещё на 2-ом курсе училища, он через всю свою офицерскую жизнь пронес любовь к своей избраннице Виктории (по-моему, это чувство возникло у него еще в детской песочнице), воспитал с ней двоих детей, и сейчас помогает ставить на ноги внуков. В 2011 году супружеская чета Войновых отпраздновала свой 39-й юбилей совместной жизни, подойдя к рубежу “рубиновой” свадьбы. Сие говорит о том, что Олег в свое время сделал единственный и правильный выбор возлюбленной, которая сформировала ему прочный тыл на всю оставшуюся жизнь.

А многие из нас в то время продолжали поиск своей единственной подруги, вместе с которой можно было бы сформировать семейный уют. Среди

таких мечущихся был и я. Понимая, что женитьба относится к весьма ответственному мероприятию, и что будущая спутница по жизни должна быть со мною всегда и везде, мне предстояло сделать окончательный выбор среди кандидаток, коих у меня к третьему курсу в училище было немало.

Все чаще, в свободные от каждодневной суеты моменты среди курсантов, охваченных любовным томлением, возникала животрепещущая тема будущей женитьбы. Естественно, главной темой таких разговоров были критерии, которым должна была соответствовать будущая спутница жизни офицера.

Условно будущую супругу в представлении юношей – курсантов можно охарактеризовать, как «красавицу-хозяйшку». Она должна быть спокойна, уверена в себе, большую часть времени уделять домашнему хозяйству и уходу за детьми. Последнее требование было связано с будущими частыми отлучками супруга из семьи из-за каждодневных воинских дел (учения, наряды, патрули, полигоны, и т.п.). Она должна была интересоваться делами и супруга. Будущая жена также должна быть внешне привлекательна, что должно было выражаться в ее сексуальности. Она также должна хотеть иметь детей и быть здоровой настолько, чтобы иметь физическую возможность родить их. Слушая их разглагольствования на тему будущей супруги и дабы жениться “раз и навсегда” мною была разработана собственная программа отбора будущей спутницы жизни с соответствующими критериями. Назову лишь некоторые из них:

во-первых, будущая жена должна быть не только *красавицей*, но и *умницей*. Конечно, такое сочетание качеств не всегда встречается у девушек, но, как говорится, – к идеалу следует стремиться. При этом превалирующим требованием был ум, так как здравым смыслом уже понимал, что не все же время буду я барахтаться с женой в постели, и что иногда надо будет о чем-нибудь да поговорить, особенно на темы, интересующие меня. То есть, она

должна иметь интересы, которые совпадают с моими интересами, но иметь и такие, которые не совпадают. Она должна быть еще и *доброй*;

во-вторых, превалирующими чувствами в наших отношениях должны были быть *любовь и преданность*. Из чувства эгоизма мне хотелось, чтобы будущая жена все-таки любила меня чуть больше, чем я ее. Тогда бы она пошла бы за мною “в огонь и в воду”, подразумевая под этими понятиями частую смену воинских гарнизонов и служебных квартир, в каких-либо удаленных от цивилизации местах они бы не были бы. И офицерская служба в таких местах была бы легче, и карьера складывалась бы удачней, и семейный тыл был бы надежнее. Она должна быть абсолютно верной женой и не иметь интереса к другим мужчинам. О правильности таких подходов к будущей жене мне говорили наблюдения за жизнью моих родителей, где отец был военно-служащим и в пору семейной жизни он сменил много гарнизонов и служебных квартир;

в-третьих, к важным качествам моей будущей супруги относились и такие как *умение готовить* разнообразную еду из того, что было на полках в магазине в эпоху всеобщего дефицита продуктов, *оптимизм и не избалованность, хороший вкус и любовь к детям*. На кухне постоянно что-то должно вариться, чтобы, придя со службы, все было готово за семейным столом и можно бы было насладиться домашней едой, заботливо приготовленной руками любимой. Желательно, чтобы она не пила и не курила. Немаловажным качеством было и *умение поддерживать чистоту и порядок* в семейном гнездышке. Так как за десять лет ношения и суворовских и курсантских погон у меня в крови уже были выработаны гормоны отвращения к грязи и беспорядку. Спасибо за это отцам–командирам из СВУ и ВОКУ, а также бесконечным нарядам по роте, получаемых мною вне очереди.

И, пожалуй, самым коротким по емкости требований, но главным критерием было, чтобы при встрече с будущей избранницей моего сердца в душе

что-то екнуло и стало понятно: это мое, и когда такое произойдет, я - обязательно женюсь.

Теория и практика отбора невесты

Выстроив в голове программу отбора будущей жены с критериями, которым она должна бы соответствовать, я приуныл. И где, скажите на милость, найти в современных городских условиях такую Эвридику? Чтобы сократить время поиска невесты, - ринулся знакомиться с многочисленными свадебными гороскопами, которые в то время начали продаваться на улицах города. Но и они не принесли мне уверенности “в завтрашнем дне”.

Из них узнал, что по гороскопу я – “Весы”, и не отношусь к числу людей, которым легко угодить. Единообразие домашней жизни не слишком подходит “Весам” по темпераменту, но, будучи человеком исключительно страстным, придерживающимся традиций, родившийся под этим знаком неизбежно женится. И в домашнем плане «Весы»—мужчины хорошо вписываются в схему брака. Они традиционно придерживаются условностей, и стараются сохранить дом. «Весы» редко идут на развод, но ничего не имеют против перемен. В быту они так же галантны и благовоспитанны, как на людях, но жить с ними довольно трудно. Их собственное поведение настолько приближено к идеалу, что партнерам всегда бывает нелегко придерживаться столь высокой планки.

Муж - «Весы» отличается благоразумием. Читая это утверждение в гороскопе, я подумал, что это – не про меня, с моим холерическим темпераментом и взрывным нравом. А вот со следующим утверждением я согласился: “Муж - «Весы» - прирожденный эксперт, и нет среди знаков Зодиака второго, подобного ему, который мог бы устроить свою жизнь с такой мудростью. Ко всему новому он испытывает врожденное чувство недоверия, поэтому весь свой талант он направит на то, чтобы привести свою семейную

жизнь в соответствие со своим привередливым вкусом. Однако он способен достичь относительного покоя в семейной жизни при условии, что его женой станет женщина с аналогичным темпераментом. В доме «Весов» должны быть всегда уют и тишина”.

Прочитав эти утверждения, я пришел к выводу, что с таким “фон-бароном, как я” не каждая девушка согласится быть рядом до “последнего вдоха и умереть рядом с возлюбленным на одной подушке”.

Что касается жены, которую я искал по гороскопу, то многие из них отпали, так как не соответствовали моим критериям, за исключением женщин – «Тельцов».

«Телец» - жена является, вероятно, наиболее преданным и надежным типом жены во всем спектре Зодиака. Она никогда не идет на развод и готова терпеть любые трудности, лишь бы не бросить своего мужа. «Телец»-жена идеально умеет создавать семейное гнездо. Она преданная жена и любящая мать, вполне удовлетворенная стремлением мужа что-то сделать для нее. Как правило, его стремления амбициозны, поскольку жена «Телец» - исподтишка все время толкает мужа на какие-то свершения.

Ознакомившись с такой характеристикой женщин– «Тельцов», я пришел к выводу, что на данный момент из-за своего характера, возраста и социального положения не смогу на 100 % соответствовать требованиям, предъявляемым ими к будущему супругу.

Вооружившись теоретическими знаниями, пора было переходить к практике. Составив список потенциальных невест из девушек, с которыми я был знаком на тот момент, я начал более внимательно приглядываться к ним, сравнивая их с выработанными мною критериями для будущей невесты.

Начались поиски, которые шли по спирали, от “ближнего” круга невест, до “дальнего”. В начале поиска будущей спутницы жизни первоначальной ревизии были подвергнуты киевские подружки, знакомство с которыми я завел еще в суворовском училище, плюс в этот кандидатский список попали

и девушки, с которыми я познакомился, будучи курсантом. Увы и ах, среди них достойной будущей жены для меня не оказалось, и все из-за критериев.

Одни, при свете дня или вечером, – были писаными красавицами, но когда рано утром без договора о встрече я внезапно звонил в дверь такой красавицы, ее открывал “крокодил” в бигудях и в замызганном халате. Это на свидание со мною она являлась во всем блеске косметического парада, в пудре, с намазанными щечками и подведенными ресницами. А смой она этот грим – крокодил, крокодилом. Представив, что каждое утро, проснувшись, я обнаружу лежащее рядом такое произведение искусства без косметики, и с испугу буду ходить “по маленькому под себя”, такие кандидатки безжалостно удалялись из моего списка.

Другие были писаными красавицами утром, днем и ночью, с великолепными фигурами, но дуры- дурами. После бурных амурных дел они начинали нести такую чушь, что у “уши вяли”. Ни общих тем для разговора, ни общих интересов с ними у меня не наблюдалось. Иногда после любовных утех с такой подружкой, лежа с ней рядом на кровати и слушая ахинею, которую она несла, мне мечталось: “Вот бы занять такую кровать, нажал бы после интима с такой подругой кнопочку скрытого устройства, и эта бы дама исчезла куда-нибудь в тартарары”.

Третьи, ничего, кроме яичницы, готовить не умели. А мне все время мечталось, что придя домой после трудного рабочего дня, можно будет насладиться чем-нибудь вкусненьким, приготовленным супругой. Да так, чтобы не получилось, как в том анекдоте, где муж, усталый придя домой, ничего не обнаружив из еды на столе, спрашивает у своей супруги, сидящей на подоконнике возле радиатора: “*Что, ужин разогреваешь, дорогая?*”.

Четвертые кандидатки были весьма избалованы городскими жизненными условиями, либо их отцы были высокопоставленными шишками, командующими везде – и на работе, и дома. А иметь такого тестя, который бы

все решал за меня в моем же доме, не хотелось. С одной из таких кандидаток в ее доме у меня случился казус.

Во время отбора будущей невесты из кандидаток по списку, основным способом их тестирования был выход в город во время самоволки. В этом деле к третьему курсу я основательно поднаторел и извлек уроки из неудачной встречи с военным патрулем в городе на первом курсе, и в последующем, не вступая ни в какие переговоры, спасался от них только забегом на спринтерские дистанции. Да и легенд для прикрытия самоволки у меня хватало. Тут тебе и членство в сборной училища по плаванию (тренировки по-прежнему были в бассейне гарнизонного спорткомплекса возле Воздухофлотского моста, находящегося вне пределов военного городка КВОКДКУ), и вечное переоформление ротной ленкомнаты, либо выпуск очередной стенгазеты, которую якобы рисовал в училищном клубе и т.д. и т.п.

Для проверки очередной кандидатуры по списку, находясь в самоволке, я прибыл к ней на дом в то время, когда ее родители были на работе. Во время нашего первого знакомства с этой девушкой я не поинтересовался, кем был ее отец, а она сама ничего мне не сообщила. Стаскивая с себя сапоги в прихожей ее квартиры, я поднял глаза от пола вверх и – обомлел. Из дальнего угла прихожей на меня в упор смотрел собственной персоной генерал-лейтенант Ляшко Вениамин Иванович, который руководил нашим училищем. Он молча стоял во весь рост в прихожей при полном параде, одетый в брюки с генеральскими лампасами и в парадный мундир, с многочисленными орденами и медалями, а на его поясе висел кортик. Через секунду кое-как надев сапоги, я уже несея вниз по ступенькам лестницы к выходу из дома, перепрыгивая целые пролеты, хотя меня никто не преследовал. Позже выяснилось, что в прихожей незваного гостя встречал искусно сделанный витраж фотографии главы дома с подсветкой, которую ему подарили на юбилей его сослуживцы–подхалимы по предыдущему месту службы. Не найдя лучшего места кроме прихожей, Вениамин Иванович водрузил там собственный порт-

рет, который чуть не сделал меня заикой. От греха подальше, с его дочкой я больше не встречался.

В конце-концов, киевский список кандидатур на звание моей жены оказался исчерпанным. Пришлось взяться за тестирование девушек, с которыми я был знаком по месту жительства моих родителей в Ростове-на-Дону. Но и они не подошли. Дело в том, что они были настолько сексуально притягательны и общительны, что эти черты притягивали к себе много самцов Дон Хуанов. А строить семейные отношения лишь на сексуальной почве в мои планы не входило, так как к разряду Дон Хуанов я уже себя не относил. И мне не хотелось, чтобы подобный Казанова заменил меня на брачном ложе, пока буду отсутствовать по делам службы. А последствия служебных отлучек привели бы к тому, что я бы стал обладателем роскошных рогов.

Оставался последний резерв Верховного главнокомандующего будущих невест – девушка Н. из Москвы. В ней все удачно сочеталось. Она была красива и умна, умела готовить и поддерживала уют в доме. Однако в ней было два недостатка. Она была меня старше по возрасту на несколько лет, и над верхней губой у нее уже были заметны маленькие усики. Представив, что через много лет супружеской жизни нам придется утром бороться за бритвенный прибор, я расстался и с этой кандидаткой. Хотя ради нее я также совершил очередное преступление – выехал в Москву нелегально, в качестве самовольщика.

Дело было так. Утром после команды *“Рота! Подъем! Выходи строиться на зарядку!”* я не сдвинулся с места, продолжая лежать в кровати. На вопрос ротного, почему я валяюсь в постели, ответил, что заболел. Тот отправил меня в санчасть. Через некоторое время я вернулся в казарму якобы из санчасти и на глазах Свиты начал собираться для обустройства на стационарной койке лазарета, сообщив ему, что у меня обнаружили заразный грипп. Дело было весной, так что легенда, выдуманная мною, прошла. Обычно лежать в лазарете с гриппом до выздоровления надо было неделю. Только меня

там не было, в это время я был в Москве, купив туда билет на самолет заранее. А на ротной вечерней поверке услышав мою фамилию друзья, которые были в курсе событий, выкрикивали: *“Находится на излечении в санчасти”*.

А в казарму якобы из лазарета я вернулся в срок. И тут чуть “не погорел”. Сидя на койке перед вечерней поверкой, я делился впечатлениями о своей поездке и показывал посвященным в мою авантюру друзьям афиши московских театров. Увлечшись рассказом о постановке “Фауста” в Кремлевском дворце съездов, я не заметил, как к нам сзади подошел лейтенант Н.И.Зубко. Прочитав нам лекцию о том, что сидеть на кроватях не положено, он выхватил у меня из рук театральную брошюру. И вновь Николай Иванович разразился очередной тирадой, что, мол, вместо того, чтобы заниматься науками, мы ходим по театрам.

Слушая его наставления, я покрылся холодным потом. На верхней строчке театральной афиши справа в углу стояла вчерашняя дата представления, да и место его проведения - Кремлевский дворец съездов было не в Киеве, а в Москве. Слава Всевышнему, что лейтенант Зубко Н.И. в свое время не заканчивал разведфакультет, и на такие “мелочи” он не обратил внимание. Иначе мне бы пришлось долго объяснять своему командованию, каким-таким волшебным образом эта брошюра попала ко мне в руки. И еще один вывод мы сделали - как много все-таки зависит от случайностей при реализации легенды, любая “мелочь”, - и все полетит в тартарары. Больше подобные эксперименты я не проводил.

“Свадебный подарок” ротного

К началу 1974 г. список кандидаток будущих невест у меня закончился, и я понял, что ехать к месту офицерской службы придется “холостым”. Но в эту планиду будущей холостяцкой жизни опять вмешалась providence.

На четвертом курсе обучения я хранил свою гражданскую одежду не в казарме под матрасом, а на квартире у родителей своего взводного однокашника – Саши Кошмана. Его отец Кирилл Акимович занимал пост зам. гендиректора киевского “Интуриста” и был знаменитой личностью.

Небольшого роста, щупленьким пареньком он добровольцем пошел на фронт. На войне парторг Кирилл Акимович Кошман отличался тем, что с полуслова мог понять замысел командира, организовать работу актива, использовать те формы влияния, которые воспламеняли в сердцах отвагу и стойкость. Так, в феврале 1944 года в районе деревни Лобаны Витебской области Белоруссии К.А. Кошман был ранен, но поле боя не оставил. Он продолжил сражаться с врагом, воодушевляя бойцов личным примером.

На рассвете 14 июля 1944 года полк, в котором воевал парторг, вышел на берег Немана. Кирилл Кошман с группой бойцов спустился к реке. Переправа была разбита, и он принял смелое решение – разобрать чудом уцелевший деревянный дом и соорудить из брёвен плоты. Переправившись через Неман, Кошман увлёк за собой солдат. И как потом сообщила фронтовая листовка, парторг лично уничтожил из пулемёта около двухсот фашистов. Под непрерывным огнём бесстрашно действовали многие бойцы: одни там, где к реке рвался враг, вторые – у переправы, третьи снабжали людей боеприпасами. Значительная часть солдат, сержантов и офицеров, отличившихся на Немане, была награждена орденами и медалями. А Кирилл Кошман Указом Президиума Верховного Совета СССР от 24 марта 1945 года удостоился высокого звания Героя Советского Союза и его имя начертано золотыми буквами на мраморной стене в музее Вооруженных Сил на Поклонной горе в

Москве. После войны он ушел “на гражданку” и постепенно дорос до должности зам. гендиректора киевского “Интуриста” - той высокой должности, которая позволяла ему в эпоху дефицита советских времен не только иметь все, но и путешествовать по миру, но он этим редко пользовался.

Однако вернемся к сути повествования. Весною 1974 года я получил приглашение от четы Кошманов на свадьбу их дочери, где и познакомился со своею будущей женой.

Так получилось, что за праздничным столом мы оказались рядом. Моя соседка по столу оказалась настоящей красавицей и интересной собеседницей. Причем красота ее была типично русской: большие карие глаза; правильные черты лица без какой-либо косметики, обрамленные волнистой каштановой прической; стройная и одновременно аппетитная фигура; одета скромно, но со вкусом. Внешне она напоминала портрет кисти Кипренского “Незнакомка”. Еще я узнал, что она по гороскопу – «Телец» (!), умеет вкусно готовить (!!) и что у нее родители в свое время побывали во многих гарнизонах (!!!) до тех пор, пока не осели в Киеве. Эти данные отвечали моим требованиям из уже подзабытого списка кандидаток в невесты.

Поэтому я включил все свое обаяние и безостановочно ухаживал за ней в течение всего вечера. Тем самым я вызвал повышенное беспокойство своего друга Саши Кошмана. Позже, придя в казарму, он популярно объяснил мне, что Алена (так звали эту девушку) давно находится “под прицелом” у его родителей на предмет ее свадьбы с Сашей, и что чужое “трогать не надо”. Но так получилось, что как только я увидел Алenu, в душе у меня что-то екнуло и стало ясно: она – моя избранница, и я - обязательно на ней женюсь.

Повод для будущих встреч я нашел еще в ресторане. Преподавательница английского языка Зоя Михайловна Гершунина требовала от нас, чтобы перед началом уроков мы рассказывали о чем-то интересном, происходящем в мире. Та информация, которой были наполнены советские газеты об успехах рабочих, колхозников и интеллигенции на поприще досрочного выпол-

нения планов очередных пятилеток, всем уже надоела до чертиков. Поэтому курсанты искали иные источники новостей. К таким источникам относился и дефицитнейший журнал “Америка”. И когда я узнал от новой знакомой, что она может достать эти журналы, – повод для дальнейших наших встреч был найден. Будучи студенткой Киевского политехнического института, Алена доставала там журналы и передавала их мне, затем я их возвращал ей при нашей очередной встрече.

Чтобы окончательно “охмурить” Алену, встречи с нею я назначал в модных тогда кафе и барах, где заказывал ей шампанское и шикарные по тем временам конфеты-трюфели. Там я продолжал балагурить в своей манере, лихорадочно подсчитывая в уме – хватит ли у меня денег расплатиться за столь “изысканный заказ”. Позже я узнал, что моя будущая жена терпеть не могла эти трюфели, но мужественно их поедала, значит и в ее душе что-то екнуло.

Постепенно мы сблизились и начали встречаться у нее дома, когда родители Алены были на работе. И тут меня она огорошила. Оказывается ее отец – не кто иной, как полковник Тихообразов Константин Иванович, тот самый начальник кафедры марксизма-ленинизма в нашем училище! Умом я понимал, что надо драпать подальше от такого начальства, но в моей душе любовь уж расцвела буйным цветом и ничего с собою я поделать уже не смог, да и Алена к тому времени была тоже в меня влюблена.

Когда Константин Иванович узнал о серьезной влюбленности своей дочери, он также, как и чета Кошманов, озаботился. Во-первых, нарушался свадебный тандем “Алена-Саша”, о котором родители обоих чад уже тайно договорились меж собою. Во-вторых, было неясно, что представляет собою новый избранник дочери?

Поэтому, будучи на работе, полковник К.И. Тихообразов поинтересовался по телефону у моего ротного, кто такой курсант Морозов и как обстоят у него дела в учебе и в дисциплине? Лучше бы он этого не делал, ибо А. Сви-

та выдал мне такую характеристику, “что хоть стой, хоть падай”. После этого разговора Алена была немедленно посажена под домашний арест, но, как говорится, “нашла коса на камень”, и мы продолжали тайно встречаться. Видя, что с нами ничего не поделаешь, Константин Иванович сменил “гнев на милость”, и даже заступился перед ротным, чем оказал мне “медвежью услугу”.

Дело было той же весной, когда в Киев после московского международного кинофестиваля привезли киноленты-призеры кинофестиваля, чтобы и киевляне с этими произведениями зарубежных мастеров могли познакомиться. Достать билеты на просмотры этих фильмов было очень сложно, и где за один сеанс показывали два фильма подряд. Он начинался в 18.00 и заканчивался ближе к полуночи. На эти кинопросмотры Алена умудрилась достать два абонеента на целых семь просмотров. Попасть на такие сеансы курсанту среди учебной недели можно было только одним способом – через самоволку, чем я успешно занимался некоторое время. А в тот момент А. Свита, получив информацию от К.И. Тихообразова, что я регулярно встречаюсь с его дочерью, в том числе и во время будней, объявил “охоту на волков”, где в качестве серого хищника был я.

В один из будних дней на вечерней поверке он легко вычислил мое отсутствие в строю, и на меня после отбоя была устроена засада. Возвращаясь под проливным дождем после полуночи в казарму, я обратил внимание на то, что возле тумбочки дневального не горит свет, который обычно скрашивал его ночное одиночество в коридоре. Смекнув неладное, я быстренько улегся под водосточную трубу и окончательно промокнув, с блаженной улыбкой влюбленного отворил дверь в ночную казарму.

В лицо мне ударил свет карманных фонарей ротных офицеров сидевших в засаде, крики: “*Стой! Руки за спину!*”. И так далее – дабы ошеломить меня. В канцелярии мне учинили допрос с пристрастием, где на все вопросы я отвечал с той же блаженной улыбкой на устах: “*Виноват-с, влюбился, но территорию училища не покидал, а целовался со своей девушкой возле забо-*

ра, стоя под дождем“. В подтверждение наспех выдуманной легенды с меня ручьем стекала вода, образуя лужу на полу. Так как за руку в городе я не был пойман, мне объявили пять нарядов вне очереди за нарушение распорядка дня, чем я весьма остался доволен, ведь за самоволку можно было получить и гауптвахту.

На следующий день перед заступлением в наряд я позвонил Алене и сообщил, что временно наши визиты на кинопросмотры отменяются. Та расстроилась, что пропадают абонементы на два оставшихся киносеанса и сообщила об этом отцу. А тот, “о, святая простота”, думая, что я официально ходил в увольнение в город, опять снял телефонную трубку и заступился за меня перед ротным: “*Мол – так и так, курсант Морозов опоздал из увольнения, это, конечно, плохо, но не наказывайте его строго, а, если он ведет себя хорошо - отпустите его досмотреть оставшиеся фильмы*”. Сообразив, что к чему, и дабы не выносить сор из избы, ведь он проморгал длительный период моих самоволок, Свита пообещал не наказывать меня строго.

На самом деле благодаря его “заботе”, мой личный рекорд нарядов “вне очереди” составил 21 раз подряд “через день на ремень”, вплоть до моей свадьбы. Но и здесь Свита просчитался, ибо для влюбленного курсанта не было преград!

Обычно дневальный по роте стоял два часа у тумбочки возле канцелярии и был все время на глазах ротного начальства. Затем, сменившись с этого поста, он занимался уборкой казармы, территории вокруг нее, либо помогал в столовой накрывать и убирать со стола во время приема курсантами пищи. То есть, частично был вне пределов офицерских глаз. Так вот, если отстоять возле тумбочки четыре часа подряд, то в твоём распоряжении уже будет восемь часов свободного времени, за которое можно встретиться со своею возлюбленной. А сотоварищи по наряду с удовольствием “прикроют”, сделав за тебя необходимую работу, так как ты, в свою очередь, прикроешь их. Так что

наши встречи с Аленой в этот период внеочередных нарядов ни на день не прерывались.

К этому времени Константина Ивановича уже не было в Киеве, он получил назначение на кафедру марксизма-ленинизма в Военной академии им. М.В. Фрунзе в Москве. Перед его отъездом к новому месту службы я, в лучших традициях сватовства, попросил у него руку его дочери и благословление на нашу совместную жизнь.

Еще одно, берущее за молодую и неопытную душу, воспоминание. Во время сватовства я так разволновался, что после преклонения колен перед будущей супругой и объяснения с ее родителями я, выйдя на лестничную клетку, “отрубился” от переполнявших меня чувств. Придя в себя, я увидел себя сидящим на полу в окружении плачущей Алены, рыдающей будущей тещи и хлюпающего носом ветерана Отечественной войны Константина Ивановича. Непонятно было, к чему был весь этот слезный водопад, но одобрение на свадьбу от родителей Алены я все же получил.

Теперь о “свадебном подарке” от А. Свиты в день нашей женитьбы.

Прибыв из Москвы на свадьбу своей дочери, Константин Иванович узнал от ротного, что я все еще нахожусь в том самом “наряде вне очереди” со времен кинофестиваля. Поэтому несколько суток отпуска, который был положен курсанту на проведение этого мероприятия мне не положено. Узнав об этом, несколько флегматичный будущий тесть вышел из себя. Не знаю, что он наговорил А. Свите тет-а-тет, но после их разговора я был немедленно отпущен в увольнение и окунулся в предсвадебную суматоху.

Наша свадьба состоялась в ресторане гостиницы Интуриста “Лыбидь” 27 апреля 1974 г. Естественно, помимо родственников и гостей, на нее был приглашен весь курсантский взвод. Однако церемония бракосочетания прошла без моих друзей-однокашников. Не было их и в период встречи молодоженов родителями на ступеньках гостиницы, когда моя теща Евдокия Ивановна, тоже ветеран Великой Отечественной войны, от волнения перепутала

свадебный каравай, по традиции преподносимый молодоженам, с тортом. Поэтому я и поцеловал этот торт смачно вместо хлеба с солью, а петлицу моего свадебного костюма во время поцелуя украсила розочка из крема, с которой я торжественно прошествовал в ресторан к свадебному столу.

Не появились они к началу праздничного застолья. Поэтому мы с моим официальным свидетелем со стороны жениха Сашей Курочкиным стали ломать головы, – что случилось? Ведь дело было в субботу, и на четвертом курсе после занятий многие курсанты уже могли свободно выходить в город, а на остальных был подан список в увольнение заранее. И ротный заверил, что всех их на свадьбу он отпустит.

Однако свое обещание он не выполнил, а сразу после плановых занятий затеял с нашим взводом строевую подготовку на плацу. Те некоторое время топали строевым шагом, а когда А. Свита отлучился с плаца по делам на пять минут, они махнули через забор на нашу свадьбу. Так и заявили они в Интуристовский ресторан - в яловых сапогах и в повседневной форме одежды, на радость зарубежным туристам, сидящим в это время там. Ими немедленно была начата кино- и фотосъемка бравых вояк.

А снимать было что – мои друзья-курсанты обладали зверским аппетитом. С шутками и прибаутками со стола ими подметалось все: и закуски; и поросенок с хреном; и многое другое, которое официанты еле поспевали выносить к столу. Все это немедленно исчезало в желудках молодежи. Под конец праздничной трапезы, растроганный таким аппетитом юношей шеф-повар ресторана от себя лично угостил всех гостей на свадьбе украинскими варениками, которые, несмотря на обилие еды на столе, тоже были поглощены в мгновение ока.

Потом начались танцы. Оркестр, дремавший в углу ресторана и пиликающий что-то классическое, видя молодой задор гостей на свадьбе, оживился. А так как девушек, сидящих за свадебным столом, на всю курсантскую братию не хватало, они стали приглашать на танцы и пожилых интуристов

женского пола, поражая их своими танцевальными “па” и светскими беседами на иностранных языках. Особенно в восторге от этого были пожилые японки. Наверное, прибыв домой после посещения Киева, они еще долго рассказывали местным самураям какие веселые и галантные кавалеры в военной форме их кружили в танцах.

Словом - было весело, однако ко времени вечерней поверки в училище этот неожиданный курсантский десант из ресторана как “ветром сдуло”, им надо было вовремя встать в ротный строй на поверку перед отбоем.

Наш свадебный вечер завершился в номере люкс, снятым для молодоженов в гостинице. Нам с Аленой не терпелось скорее остаться наедине, но этому мешали наши свидетели на свадьбе, которые уже были “веселенькие” и прибыли к нам в номер, требуя “продолжения банкета”. Особенно разошлась свидетельница со стороны Алены, ее подруга по детству – Алла Игнатова, с семьей которой нас в последующем связывала прочная дружба, где бы потом мы не находились. Но об этом – другая история. А тогда я еле выдворил их из номера, дабы остаться с молодой супругой наедине.

Маленькое отступление. Все - таки трусливым по жизни человеком оказался наш ротный А.М. Свита! Зная об этой массовой самоволке, он не доложил начальству о ней, как и о том злополучном карауле. Он понимал, что в последнем случае также начнется разбирательство, на котором он будет выглядеть не лучшим образом. Тогда всплывут и его обещания отпустить курсантов на свадьбу, и никчемность строевых занятий и т. д. и т.п. А это могло навлечь гнев на Свиту со стороны начальства не только из училища, но и со стороны преподавателя Академии им. М.В. Фрунзе, куда он нацелился поступать. Словом, этот маленький Бонапарт Наполеон советского пошива еще больше упал в глазах курсантов нашей роты.

И еще один момент, уважаемый читатель. Как вы видите, все приключения в основном были связаны с нашими самовольными отлучками из расположения училища.

Прошло время, и теперь курсанты обладают правом, чуть ли не с первого курса обучения после занятий выходить в город, и ничего “страшного” с ними не происходит. Наоборот, такое право обладает мощным стимулом к учебе и в дисциплине. Есть проблемы в этой области – сиди в казарме до тех пор, пока эти изъяны не будут исправлены. А нет – опять-таки веди себя в городе достойно, ибо нарушения могут привести к лишению прав свободного выхода из училища.

Но мы учились в эпоху “запретительно-наказательной системы”, действующей по принципу – “как бы чего не случилось”. Уметь принимать самостоятельные решения в сложной боевой обстановке, подставлять себя под пули, и самому стрелять и убивать – “пожалуйста”, а вот обладать правом на личную жизнь юноши-курсанта – “нет”. Оттуда и проистекали все наши вынужденные самоволки в город. А дай нам тогда немного самостоятельности в личном плане, исчезли бы и эти нарушения воинского устава курсантами, а наша бы дисциплина и учеба - подтянулись.

На полевых занятиях 4 взвод

4 взвод после занятий по вождению автомобиля

Лейтенант Ю.Ф.Бескровный и 4 взвод

*Слева направо – Александр Казанцев, лейтенант Ю.Бескровный, Александр Пыж
и Александр Ехов, 1 взвод*

«ТРОПА РАЗВЕДЧИКА»

ПОЛОСА ПСИХОЛОГИЧЕСКОЙ ПОДГОТОВКИ. ОБКАТКА ТАНКАМИ

ОЧЕРЕДНОЙ ВИЗИТ ИНОСТРАННЫХ ВОЕННЫХ ДИПЛОМАТОВ

ЗАНЯТИЯ ПО ВОЖДЕНИЮ БОЕВЫХ МАШИН

Упражнение выполнял Игорь Ревин

Вождение на плаву танка ПТ-76

*Справа налево – Николай Боглюков, Олег Печенин,
Петр Кадученко, Юрий Морозов*

УЧЕНИЯ ГРУПП ГЛУБИННОЙ РАЗВЕДКИ

3 отделение 2 взвода

Слева направо - стоят: Владимир Миндияров, Александр Стасенко, Валерий Бармин, Александр Забелин, Сергей Харламов, второй ряд: Сергей Щукин, Владимир Сомов, Василий Бусел, Евгений Климович, Анатолий Качан

ПРАКТИЧЕСКОЕ ЗАНЯТИЕ ПО СТРЕЛЬБЕ ИЗ ПИСТОЛЕТА ПМ

На переднем плане упражнение выполняет Игорь Ревин

ЛЕТНЯЯ СТОЛОВАЯ В УЧЕБНОМ ЦЕНТРЕ СТАРЕ

*На переднем плане 3 отделение 3 взвода и командир отделения
сержант Владимир Палесика*

РОТНАЯ КУРИЛКА

ТОРЖЕСТВЕННОЕ ПОСТРОЕНИЕ УЧИЛИЩА

На переднем плане командир 7 роты старший лейтенант А.М.Свита и командир взвода лейтенант Ю.Ф.Бескровный

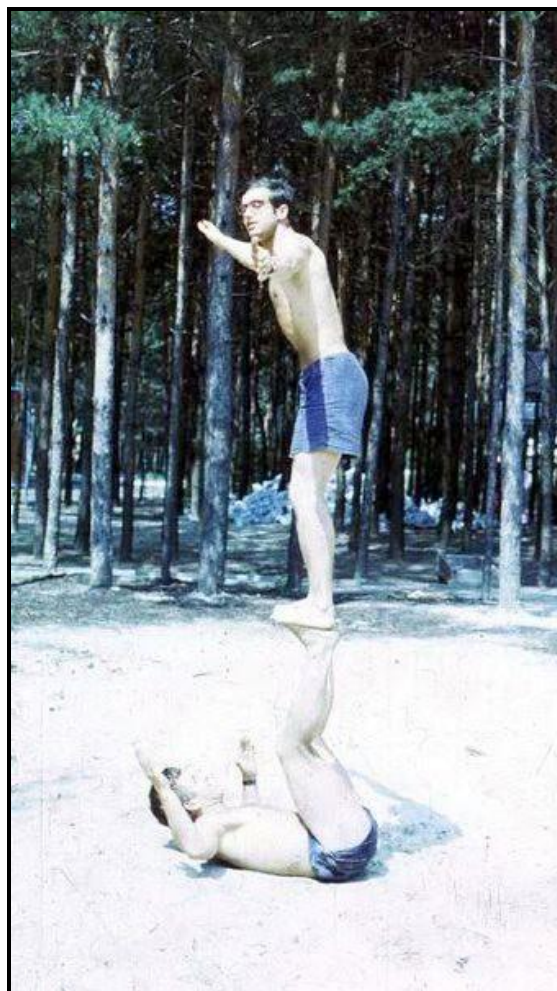

Слева направо – командир взвода Ю.Ф.Бескровный, командир 3 батальона подполковник Исайченко, командир 7 роты старший лейтенант А.М.Свита

СВОБОДНОЕ ВРЕМЯ

*Старшина роты Игорь Петровский и
заместитель командира 1 взвода
Александр Пыж*

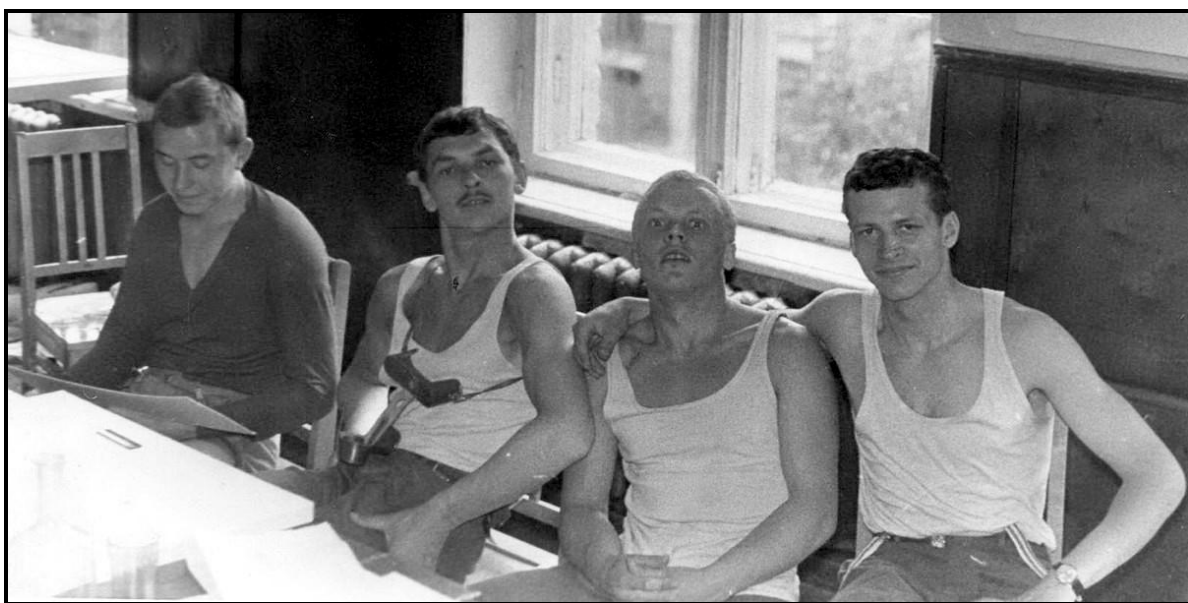

Упражнение выполняет Олег Печенин

ВСЕГДА НА СТРАЖЕ

НА ОТДЫХЕ

Слева направо – Владимир Кухарев, ?, Александр Курочкин, Олег Войнов

«КИТАЙЦЫ» 2 ВЗВОДА

Занятие проводит преподаватель китайского языка Светлана Павловна Ефимова

НА ПРОГУЛКЕ В КИЕВЕ

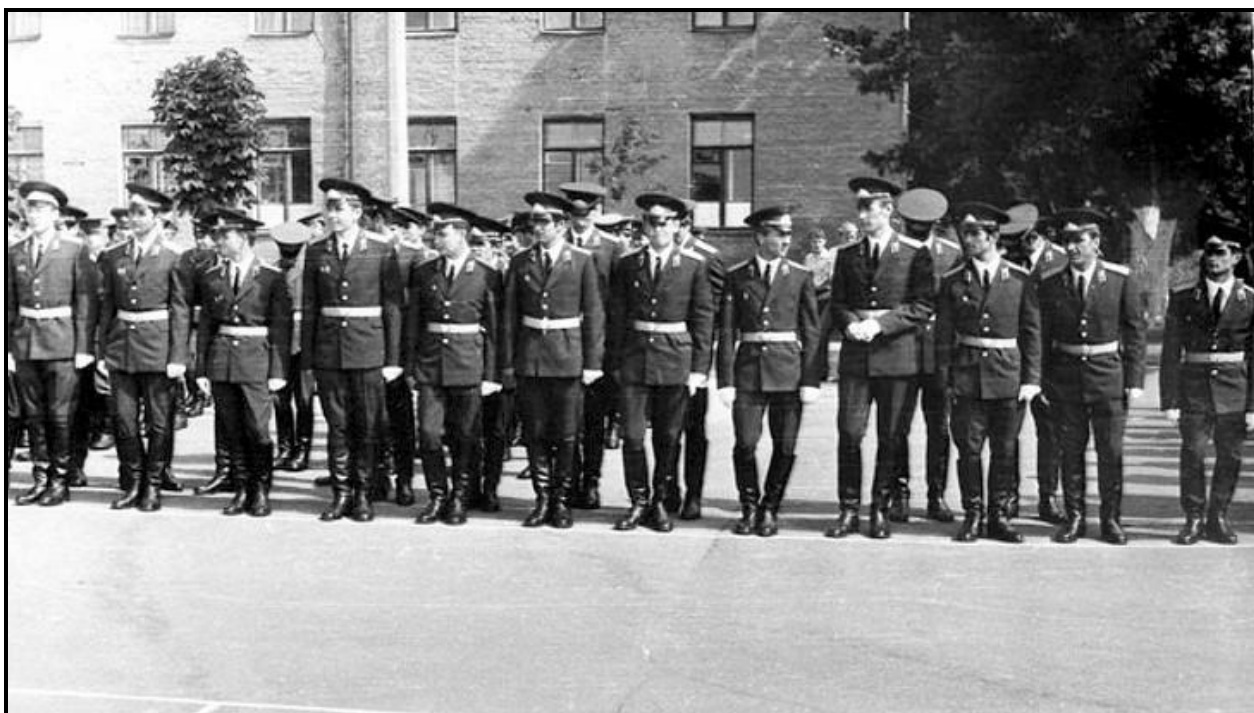
ВОКАЛЬНО-ИНСТРУМЕНТАЛЬНЫЙ АНСАМБЛЬ 7 РОТЫ

СЕГОДНЯ ПРАЗДНИК У РЕБЯТ...

МЫ - ЛЕЙТЕНАНТЫ!

Диплом получает Олег Войнов

Слева направо – Олег Печенин, Александр Кошман, Валентин Костылев, Сергей Морозов

Финальный аккорд учебы в училище

Стажировка в войсках

Последний период обучения в училище, так же как и в СВУ, пролетел быстро. Об этом времени в воспоминаниях остались три важных момента: курсантская стажировка в войсках; государственные экзамены; и распределение молодых офицеров к местам их дальнейшей службы по выпуску из училища.

К выпускным экзаменам на последнем курсе обучения в КВОКДКУ курсантам нашей роты предстояло пройти месячную стажировку в войсковых частях на должности командира взвода. По ее результатам командованием этих частей выставлялась оценка, которая в качестве зачета шла в диплом выпускника училища.

Не скрою, что к курсантам-стажерам в войсках отношение было двояким. С одной стороны, за столь короткий период пребывания в офицерской должности “революцию” в обучении и воспитании подчиненных он не сделает. С другой - командование этих частей само в недавнем прошлом принадлежало к курсантскому братству, поэтому оно к стажерам относилось по-отечески, закрывая глаза на некоторые их прегрешения и оплошности во время войсковой стажировки. А по ее результатам им, как правило, выставлялась высокая оценка. Знали о таком отношении к ним и курсанты-стажеры, которые рассматривали временное пребывание в войсковых подразделениях как некую отдушину от уже надоевшей обыденности училища. И с таким настроением они отправлялись в войска.

Одна из групп, убывающая на стажировку в войска в 1973 г., в которую я попал, была сформирована из курсантов разных взводов роты. В соответствии с предписанием нам предстояло стажироваться на должностях командиров разведвзводов в Таманской дивизии, расположенной в Московском воен-

ном округе. Узнав эту новость, мы поначалу обрадовались. Нам виделось, что в свободное от службы время мы будем болтаться по Москве, знакомясь с ее достопримечательностями и местными девушками. Но проза армейской жизни оказалась куда суровее. Как только мы прибыли в расположение дивизии, нам тут же вручили другое предписание - следовать дальше, в Тоцкие лагеря, расположенные в Горьковской области, куда уже выехал разведывательный батальон, где нам предстояла стажировка. Прибыв в лагерь, мы приуныли.

Во-первых, топая пешком к месту дислокации батальона от электрички, на которой мы добрались до станции, расположенной в районе лагерей, мы попытались остановить попутную машину. Ей оказался ГАЗ-66, который медленно ехал по дороге с открытым верхом, и в его кузове сидело всего несколько солдат с печальными лицами. Невзирая на призывы остановиться, машина медленно проехала мимо нас, не притормозив. То, что мы хотели сказать вслед уезжающего ГАЗ-66, замерло у нас на устах. Мы увидели, что в кузове был установлен гроб с телом какого-то офицера (позже мы узнали, что он погиб из-за своей неосторожности во время учений).

Во-вторых, прибыв в батальон, мы узнали, что жить предстоит не в казарме, а в палатках, и что местность в районе расположения лагеря – болотисто-лесистая, а не та, что в районе Старе, где почва была песчано-суглинистой.

В связи с этим обстоятельством в летний период в Тоцких болотах, окружавших лагерь, разводилось громадное количество, как нам казалось, комаров-монстров, чьи размеры поражали. Поймаешь такого кровососа в руку, и видишь, что с одной стороны сжатой ладони торчит его голова, а с другой выглядывают ноги. К тому же они обладали зверским аппетитом, и зудели над ухом днем и ночью.

Во время дневных занятий в поле всё то, что движется, было окружено этим гнусом, который создавал плотный ореол из своих тел над челове-

скими головами, который придавал им нимб великомучеников. И в палатках от этих тварей тоже покоя не было. Слегка спасало нас от их атак разжигание сосновых шишек в банке из-под консервов, чей едкий дым частично влиял на кровососов, однако и нам в палатке дышалось с трудом. Вымотанные во время дневных занятий, ночью мы пытались заснуть, но, увы, это не удавалось. В палатке гнус был везде – в воздухе, под одеялом, под полотенцами, которыми мы обматывали лицо во время сна, спасаясь от него. Снимешь, бывало, это полотенце с лица после попыток уснуть, а все оно красного цвета от крови. Утром, так и не выспавшись от непрерывных атак звенящей рати, и выйдя из палатки, предстояло совершить героический поступок – пройти процедуру умывания и сходить в туалет. Как только ты обнажал свое тело, оно немедленно укрывалось густым покровом этих кровососов.

В–третьих, нам впервые довелось действовать на болотисто-лесистой местности. Часто почва под ногами пружинила, так как под тонким слоем отложений сверху, снизу была бездонная трясина, куда часто проваливалась бронетехника. Повсюду на равнине торчали большие кочки с чахлыми деревцами, было много маленьких озер, в которых нельзя было купаться из-за топкости берегов. В довершение пейзажа местности, на которой мы проходили стажировку, и во время учений, в которых мы как разведчики участвовали, - зарядил непрерывный дождь. И над всей этой “красотой” непрерывно гудел гнус.

Так как разведподразделениям, которыми мы командовали, было положено передвигаться скрытно, не пользуясь дорогами, ох и нахлебались мы во время этих учений болотной жижи! К третьей неделе стажировки в войсках наш вид являл печальную картину: плохо умытые, в форме, покрытой болотистой грязью, и не выспавшиеся, мы все время чесались и зевали. Хотя с поставленными задачами на учении мы справились неплохо. Мы также прониклись уважением к подвигу тех солдат и офицеров, которые во время Великой Отечественной войны воевали в таких же болотистых местах, но в

Белоруссии. Взять хотя бы эпизод ее освобождения от немецко-фашистских захватчиков.

Операция по разгрому немецко-фашистских войск в Беларуси, получившая название «Багратион», началась утром 23 июня 1944 г. Наступление на группировку войск Вермахта “Центр” осуществляли 1-й, 2-й и 3-й Белорусские, 1-й Прибалтийский фронты, 1-я армия Войска Польского и другие формирования. Все инженерные оборонительные сооружения армии “Центр” были удачно увязаны с естественными и очень выгодными для обороны условиями местности – реками, озерами, болотами, лесами и т.д. Крупные города гитлеровцы превратили в сильные узлы сопротивления, укрепленные системой хорошо развитых траншей, дотов и дзотов. Города Витебск, Орша, Могилев, Бобруйск, Борисов и Минск приказом Гитлера были объявлены «укрепленными районами», которые должны были обороняться любой ценой. Наступая на эту группировку, наши войска под непрерывным огнем противника упорно преодолевали болота, настилая гати для техники, некоторое вооружение солдаты тащили на себе, утопая в болотистой трясине. В результате операции «Багратион» 17 вражеских дивизий были уничтожены полностью, 50 дивизий потеряли более половины своего состава! А за мужество и героизм, проявленные при освобождении Беларуси, 1500 офицеров и солдат получили звание Героя Советского Союза, орденами и медалями было награждено более 402 тысяч воинов. Более 600 воинских частей и соединений, наиболее отличившихся при освобождении Беларуси, получили почетные наименования от названий городов и рек Беларуси.

По итогам учений командир разведывательного батальона остался нами доволен. И в виде поощрения выдал указание убыть к месту постоянной дислокации Таманской дивизии на неделю раньше, дав нам отличные характеристики. Он рассчитывал, что за оставшиеся до конца стажировки дни мы “придем в себя”, отоспимся и приведем свой внешний вид в порядок, чтобы в “нормальном” виде вернуться в училище. Добираться до места постоянной

дислокации нам предстояло с оказией на автотранспорте, который должен был выезжать туда через два дня после окончания учений. Как только мы узнали, что в штабе дивизии нам никаких отметок в предписании ставить не нужно и что в пункте постоянной дислокации никто за нами надзирать не будет, мы немедленно проявили инициативу, чтобы нас отпустили в путь самостоятельно.

На самом деле в наших головах мгновенно созрел авантюрный план: зачем семь дней терять просто так сидя в казарме, когда их можно употребить в “благое дело”, разъехавшись из Москвы кто - куда, и там отдохнуть в соответствии со своими потребностями.

Подумано – сделано. Комбата мы быстренько уговорили и отправились в путь. А добираться из лагерей до Москвы предстояло более 300 км. Весь этот путь мы проделали на электричках, последовательно пересаживаясь от одной конечной станции следования до другой, и к исходу суток от момента начала нашей поездки мы были уже в Москве, не заплатив ни копейки за этот вояж. Деньги мы сэкономили для приобретения билетов к тем местам, где мы планировали “прийти в себя” после стажировки. В Москве мы договорились, что в определенный день и час встречаемся в киевском лесопарке, расположенном возле нашего училища.

И этот авантюрный план сработал! Несмотря на то, что: нас в группе было пятеро и все с разными характерами, которые могли сказаться на времени препровождения незапланированного отпуска, места, где мы планировали отдохнуть, были расположены в разных точках Советского Союза, при этом важную роль на своевременность возвращения в училище играл погодный фактор; также на нашем пути туда и обратно могли встретиться военные патрули, которые каждого из нас могли задержать, так как у нас не было соответствующих предписаний, кроме как в Киев, и так далее. Отдохнув дома в Ростове-на-Дону, я, с замиранием сердца, через семь дней в назначенное время подошел к условленному месту нашей встречи. Там меня уже ожидали

три курсанта из нашей группы, а затем через пару минут подошли и остальные авантюристы. Теперь уже ни от кого не скрываясь, мы гордо продефилировали в училище, где доложили ротному, что стажировка прошла успешно, замечаний не было, и что в училище мы прибыли вовремя.

Выпускные экзамены

Замечено, что иногда экзамены доводят до дрожи в коленках. Тем более - государственные, от которых будет зависеть, какой диплом получишь – “красный” или “синий”. Если “синий”, значит, в том числе и с тройками по итоговым предметам обучения. А это может уже сыграть свою отрицательную роль при распределении в войска. Ведь в первую очередь правом выбора места дальнейшей службы пользовались те, кто имел “красный” диплом с пятерками. В ту пору в нашем училище на государственные экзамены выносились четыре предмета – научный коммунизм, тактика, огневая подготовка и иностранный язык. По двум предметам - научному коммунизму и иностранному языку экзамены мы сдавали на кафедрах в училище. А эпопея по сдаче “удовлетворительных знаний на хорошо и отлично” по огневой подготовке и тактике проходила в учебном центре в Старе.

Поочередно туда выезжал весь выпускной курс училища, преподаватели, командование КВОКДКУ и госкомиссия, сформированная из офицеров гарнизонных ВВУЗов и штаба округа. На государственных экзаменах наша 7-я рота была разделена на два потока. Сначала 1-й и 2-й взводы нашей роты выехали в училищный учебный центр для сдачи госов по тактике и огневой подготовке, а 3-й и 4-й взводы остались в Киеве, чтобы сдавать экзамены по научному коммунизму и иностранному языку. Сдав эти предметы, взводы менялись местами.

При этом курсанты выступали на госах в качестве испытуемых на прочность знаний, полученных в стенах училища, а наши преподаватели – в

качестве экзаменаторов, хотя в сущности это была проверка их умения научить нас военным дисциплинам за четыре года. В наилучшем положении были иные члены госкомиссии. Они, в зависимости от настроения, могли и карать и миловать испытуемых по своему усмотрению. Чтобы настрой комиссии был на должном уровне, в учебный центр выезжало командование училища, чье руководство было озабочено уровнем среднего балла за сдачу экзаменов и для этого последовательно занималось повышением уровня настроения у членов комиссии от состояния “благожелательного” до - “хорошего или даже отличного”. А батальонные и ротные офицеры, также озабоченные уровнем среднего балла, выступали в качестве посредников между комиссией, курсантами и экзаменаторами.

Не скрою, что перед началом госэкзаменов было заведено негласно собирать добровольно сдаваемую курсантами денежную дань на повышение уровня настроения комиссии. Плюс к этому копилка взносов пополнялась из финансовых и продовольственных фондов училища. И это все для того, чтобы приемная комиссия все время была в хорошем настроении, могла пить и есть от души, обретая при этом благодущие и сговорчивость. Нам же было себе дороже игнорировать мораль армейской хохмы, про взаимосвязь гастрономии с качеством боевой подготовки. Согласно этой байке утром первого дня проверки уровня знаний по боевой подготовке рота, сдающая госы, могла не потянуть даже на “удовлетворительно”. Однако после правильно организованного недурственного обеда для “хорошей” оценки недоставало только достойного ужина. А поутру следующего дня, страдая от похмелья, у членов из проверяющей комиссии было лишь одно на уме: «Где ж этот посредник? Он думает роту “отличной” делать?!».

Первым из экзаменов для нашего взвода, сдаваемых в училище, был экзамен по марксизму-ленинизму.

В день его сдачи все шло по отработанному сценарию. Знакомая аудитория на кафедре. Покрытый кумачом стол приемной комиссии. На нем ста-

каны и минералка, экзаменационные билеты и прочие причиндалы. За столом, спиной к окну, сидят члены госкомиссии и наши преподаватели. Через открывающуюся дверь появляются курсанты, по очереди сдающие экзамены. Взяв билеты, рассаживаются за столы, и начинают готовиться к ответу. Одни сосредотачиваются, пытаясь вспомнить то, чему их учили педагоги в течение всего цикла преподавания марксизма-ленинизма и научного коммунизма. Другие, не надеясь на свою память, потихоньку от экзаменаторов из карманов достают шпоры. За их действиями со стены с укором наблюдают портреты бородатых и усатых классиков марксизма-ленинизма, а живые педагоги делают вид, что они не замечают эти незаконные манипуляции. И это было немудрено, ведь нам за весь период обучения столько напихали знаний первоисточников по этому предмету, да еще с различными интерпретациями, что в голове у нас воцарилась полная каша из цитат, дат событий и названий работ классиков марксизма-ленинизма.

Хорошо еще, что мы сдавали экзамены по этому предмету, когда личность И.В. Сталина была развеяна, Н. С. Хрущева тоже низвергли, а подхалимаж по отношению к Л. И. Брежневу еще не набрал силу. Иначе нам бы пришлось дополнительно зубрить его “Малую землю” и “Целину”, позднее превозносимые как мощный вклад в теорию и практику научного коммунизма. Но и без них на экзаменах хватало забот.

Мало того, что надо было внятно рассказать о том, когда, зачем и что было написано Лениным, Марксом и Энгельсом в период их творческой активности (эти классики всегда поражали нас своей плодovitостью). Также надо было ещё описать все перипетии становления КПСС, ее героические деяния, а также когда состоялись знаменательные съезды компартии, и о чем там говорилось. Плюс ко всему надо было увязать действия Партии и Правительства в эпоху суровых испытаний для нашего государства, будь то Гражданская или Отечественная война, или же строительство развитого социализма.

И все это надо было вспомнить за 20 минут, отведенных на подготовку к ответу по билету. Поэтому этот экзамен мы шли сдавать по очереди, определяемой жребием. Самым лучшим считалась четвертая очередь при сдаче экзамена. В этом случае экзаменуемый имел максимальное время для подготовке своего ответа.

Неплохо оценивалось и место в конце списка сдающих экзамен. Время на сдачу научного коммунизма было лимитировано обедом, который был строго по расписанию, да и к концу экзаменов приемная комиссия уже была несколько утомлена словесным потоком, льющим из наших уст. Плохо было отвечать первым, когда мозги экзаменаторов были еще “свежими”, а времени на подготовку было мало. И уж совсем отчаянные или наглые могли отвечать на экзаменационные вопросы комиссии без подготовки. Так как на “отлично” выучить все то, что было перечислено выше, было просто невозможно. Во всяком случае, таких гениев в нашей роте не было.

Как правило, ответ по билету протекал с вдохновенным лицом курсанта. У опытных демагогов, которых среди нас было немало, затасканные от злоупотребления слова лились рекой, без остановки и зазрения совести. Что касается ответа на конкретные вопросы билета, то ни на полноте изложения, ни на его соответствии линии Партии и Правительства уровень нашего словоблудия не сказывался. Но это если слушать, а не глазеть на экзаменуемого. Ибо актеры из нас были – хоть куда. Главное - звонко докладывать, избегая острых углов в виде дат и конкретных постановлений КПСС, превознося гениальность провидцев марксизма-ленинизма и его последователей из действующего Политбюро.

Для “отличной” оценки надо было также к месту ввернуть какую-либо цитату из классиков, подчеркнуть ту заботу, которую проявляет компартия к народу своей страны и ко всему мировому пролетариату, плавно переведя эту заботу на курсантов училища. Хорошо, если во время такого словесного поноса госкомиссия дремала, убаюканная вдохновенным враньем сдающего сей

предмет. Слушая, как мы “загибаем”, преподаватели кафедры скрежетали зубами, но молчали. Ведь они были тоже озабочены высоким уровнем среднего балла по своему предмету. Но плохо, если кто-то из комиссии не спал. Тогда после такого шоу могли быть заданы уточняющие и дополнительные вопросы, ответы на которые словно шелуху отделяли словесную белиберду, которую мы несли, от истинного уровня знаний этого предмета. Если, к счастью курсанта, он знал ответ на такой вопрос, оценка была высокой, а нет – на балл ниже.

Хотя не следует сбрасывать со счетов и другие факторы, так же влияющих на результат. Вот только один пример. Наш сокурсник и обаятельнейший лоботряс - Сережа Л. начал ответ на госэкзамене по научному коммунизму с фразы: *«Я и Карл Маркс считаем...»*. Часть последовавшего вслед за этим изложения, обалдевшие от его самомнения члены комиссии, пропустили мимо ушей. Когда же, придя в себя, один из них решился помочь делу наводящим вопросом о Каутском, то был наказан за инициативу восторженным возгласом: *«А! Дегенерат Каутский! Знаю!»* Вот уж слышал звон... Общеизвестное ленинское определение Каутского – *“ренегат”*, в отличие от часто употребляемого *“дегенерат”*, в лексикон Сереги не входило. Да этого и не требовалось вовсе, ведь комиссия от услышанного уже разве что не хрюкала, пригнувши головы низко к столу. Не выставить удовлетворительно за такое удовольствие было бы черной неблагодарностью. А Серега на большее и не рассчитывал.

Где не помогали шпаргалки – так это на экзаменах по иностранному языку. На этом экзамене все твои знания были как “на ладони”, ибо шел он на иностранном языке, словоблудие было ограничено твоим запасом слов, конкретные вопросы требовали также ясных и конкретных ответов. Словом, на этом экзамене сдающему госыставлялась наиболее объективная оценка за то, как он усвоил этот предмет в течение всего срока обучения. Насколько я помню, никаких из ряда вон выходящих приключений со сдачей этого эк-

замена курсантами нашего взвода не произошло, поэтому в моей памяти каких-либо ярких воспоминаний не осталось.

Сдав два первых экзамена в стенах училища, наш взвод выехал в учебный центр.

В рамках огневой подготовки, экзаменовались как теоретические знания, так и навыки с умениями курсантов вести огонь из стрелкового оружия. Последние, из-за простого мандража при стрельбе, выливались, бывало, в неприятные сюрпризы, вроде смены цвета диплома, венчавшего годы прилежной учебы.

Сдача теоретических знаний по этому предмету была тоже не из легких. Для получения приличной оценки в ходе устных экзаменов следовало: уверенно доложить тактико-технические характеристики стрелкового оружия, которое было принято на вооружение в Советской Армии в звене солдат – взвод – рота – батальон - полк; уметь грамотно рассказать, как это оружие хранить и обслуживать; выполнить один из нормативов по его сборке и разборе; и решить задачу по баллистике. При отсутствии теоретических знаний, восполнить этот пробел в головах курсантов при их ответах на вопросы экзаменационных билетов помогали шпаргалки, да и сами преподаватели кафедры, видя, что его подопечный “поплыл”, иногда шепотом скороговоркой и тайком от иных проверяющих подсказывали правильные ответы.

Далее следовала проверка навыков и умения курсантов стрелять, как из легкого вооружения, так и из оружия, установленного на танках и БТРах. Как говориться - тут шпаргалкой дело не исправишь. Сумеешь сосредоточиться и отрешиться от посторонних дел во время стрельбы – фортуна будет на твоей стороне, а нет - сам виноват.

И уж совсем было обидно, когда причиной низкой оценки по стрельбе был лишь дурной характер кого-то из членов приемной комиссии.

Госкомиссию по огневой подготовке в тот год возглавлял полковник из штаба округа как раз с таким характером. Чего он только не вытворял в сво-

ем слепом служебном рвении и при дурном характере. Например, ему претили тропинки, по которым двигались стрелки, выполняя упражнение. Несообразно ровные, на его взгляд, дорожки. Вот он и приказывал двигаться в стороне от них, по колено в траве и колдобинам. Как раз в тех местах, откуда было положено стрелять на ходу.

То ему грезились манипуляции с электроприводом мишенной обстановки, которые он тут же пытался изобразить лично, носясь как угорелый к мишеням после каждой стрельбы. Там специального цвета мелками он отмечал новые пулевые отверстия. Рассчитывая либо совсем не обнаружить их, либо найти следы от щебенки, которую, бывало, насыпали перед мишенью специально, с целью симулировать попадание разлетающимися камнями.

Но нас, к его огорчению, готовили к зачетной стрельбе достаточно серьезно - времени, патронов и мишеней для этого не жалели. А уж за пару дней до экзамена курсанты, расходуя патроны цинками, так наловчились палить, что после наших выстрелов мишени превращались буквально в кружева. Как следствие этого натаскивания - один стрелок за другим показывал сплошь отличные результаты.

Не мудрено, что в голове у этого проверяющего родилась идея о наличии где-то у нас за спиной снайпера с прибором бесшумной беспламенной стрельбы, а попросту с глушителем. Обшарив все холмы и деревья в бинокль, и поняв несостоятельность надуманной придирки, он продолжал неумоимо строить новые козни. Пока, наконец, не добился желаемого результата. Очередной стрелок, занервничав, отстрелялся всего лишь на “три балла”. И вот ведь ирония судьбы, парень-то был кандидатом в мастера спорта по стрельбе. Ну, прямо – беда, ведь эта “тройка”, игравшая на экзамене по огневой определяющую роль, под самый финиш лишала бедолагу заслуженного диплома “с отличием”.

Уж и не знаю, как удалось нашим педагогам уломать этого типа, но в порядке исключения было позволено стрелять повторно. Утверждается, что

лучше десять завистников, чем один сочувствующий. Мы же за исход «переэкзаменовки» болели всем скопом, включая преподавателей и командиров. Но куда больше чем сочувствие и поддержка ему помог навык спортсмена собирать волю в кулак. Вот и справился на отлично! А там уж путем деления суммы обоих результатов пополам вышла и «хорошая» оценка.

Во время экзаменов по огневой подготовке над танковой директрисой также царила разноголосица стрельб. Под лязг гусениц и рев двигателей сухо кашляли пулеметы и отрывисто ухали пушки. Запахи пороха, горячего металла и масла, пыли и выхлопных газов будоражили кровь. Подпитывая свойственную стрельбам атмосферу возбуждения, сопутствующую так же экзаменам, соревнованиям или публичным выступлениям.

На госах мы стреляли контрольные упражнения из ПТ-76 - легкого разведывательного плавающего танка. По целям дружно молотили одновременно из трех машин, двигавшихся параллельно на одном направлении. Каждый экипаж по мишеням в своем секторе. По одним работали из пулемета, по другим - из пушки с вкладным стволом.

На экзаменах экипаж ПТ-76 состоял из трех человек. Механики-водители комплектовались из солдат, а командиры и заряжающие - из курсантов, сдающих экзамен, которые меняясь ролями и местами в танке. Очередная пара курсантов, отстрелявшись, уступала место другой паре, сдающей зачетные стрельбы. Отличная оценка по стрельбе из танка здесь во многом зависела от слаженности экипажа и от мелочей, которые не всегда можно было предусмотреть.

Например, если механик-водитель не вовремя среагирует на команду стреляющего «*Короткая!*», подаваемую им при обнаружении цели. Поэтому часто голосовые команды дублировались... сапогами. Именно так. Ведь в ПТ-76 при известном росте с места командира в башне можно дотянуться до механика ногой. Толкать в плечо не дело, из-за рычагов в его руках. Спина

прикрыта сиденьем. Оставалась лишь голова незадачливого механика, куда и был нацелен сапог курсанта.

Либо во время стрельбы отказывала связь с вышкой, или переговорное устройство с экипажем. Тогда все команды приходилось орать, перекрывая рев двигателя и надеясь, что в это время с вышки не последует какая-либо вводная от проверяющего. Особенно в этом деле поднаторел наш преподаватель полковник В. Романько с кафедры огневой подготовки. Фронтвик, казавшийся нам уже старым и чудаковатым. Поджарый, и с неугомонным характером, он будто бы состоял в родстве с Суворовым. Те же схожие неугомонность, афористичность и склонность к импровизациям и к внезапным вводным.

Взять, к примеру, стрельбу из танка на тренажере-качалке. Команда *«Короткая!»*, подаваемая стреляющим, им, бывало, умышленно игнорировалась. Танк, как ни в чем не бывало, продолжало болтать на качалке из стороны в сторону. Необходимой для стрельбы остановки не происходило. А считанные секунды, на которые появлялась мишень, проносились катастрофически быстро. Попавшим в такой переплет приходилось принимать самостоятельное решение. И если цель стрелком поражалась что называется «сходу» то отличная оценка и похвала - *«О, це дуже гарний танкист!»* гарантировались.

Или же во время стрельбы заклинивало оружие. Хорошо, если выйдет из строя электропривод наведения, тогда оружие можно перезарядить вручную. При этом все зависело от действий заряжающего, в чью обязанность входило обнаружение и устранение таких неисправностей. При этом надо было учитывать, что типы клиновых затворов в танках отличаются друг от друга. И что какой-то из них опускается вниз лишь после достижения своего верхнего положения. А при неправильных действиях по устранению снаряда, заклинившего в стволе с таким затвором, заряжающему светила верная потеря крайних фаланг трех пальцев.

При устранении таких неисправностей важно было не запаниковать, а во время экзаменов именно волнение часто превалировало над другими чувствами. Поэтому, очевидно, каждому знакомы приходящие в критических ситуациях в голову идиотские мысли и сравнения. Один из курсантов нашей роты, попавший в такой переплет во время контрольной стрельбы, позже рассказывал, что в тот момент в его голове нежданно-негаданно всплыл анекдот о военном советнике, вернувшемся из плена во Вьетнаме. На все расспросы он бубнил одно и то же: *«Хлопцы! Учите матчасть! Пытаются люто, а казать нечего!»* Однако вернемся к теме волнения.

С совсем уж плохо, когда от этого волнения сдающий зачет по стрельбе перепутывал свои мишени с чужими, невольно помогая соседнему экипажу поражать цели. Бывало и другой экипаж, запутавшись в мишенной обстановке палил по твоим мишеням, и тогда в знак благодарности, если у тебя оставались патроны до завершения стрельбы, ты намеренно поражаешь соседские цели.

И страшно подумать, что будет, если, потеряв ориентировку, экипаж танка вместо целей в поле, ошибочно объектом для стрельбы выберет наблюдательную вышку с проверяющими.... Ни «перезэкзаменовки», ни даже «удовлетворительной» уценки по стрельбе таким стрелкам не видать как своих ушей. А будет только «мат–перемат», адресованный в их сторону из уст экзаменаторов, чудом выживших после такой пальбы. Слава Всевышнему, сие не случилось во время наших госов.

По сравнению со стрельбой экзамен по тактике был попроще. Хотя и он требовал достаточно широких знаний по структуре и тактике своих войск и армий вероятных противников. На этих экзаменах, которые также состояли из двух частей – теоретической и практической, мы также, как и на огневой подготовке, тянули билеты.

На теоретической части экзаменов нам предстояло ответить на ряд вопросов, включающих: знание оргструктуры, возможностей и тактики дейст-

вий своих боевых и обеспечивающих подразделений во время основных видов ведения боя, в обычных и особых условиях, с применением ядерного оружия и без; аналогичные вопросы были сформированы и по армиям вероятных противников; далее следовали контрольные вопросы по видам тылового, технического и иного обеспечения боевых действий.

Здесь проблем, как правило, не возникало. Этот предмет нам преподавали в КВОКДКУ довольно хорошо, поэтому полученные знания прочно закрепились в наших головах, особенно по армиям вероятных противников. Их с лихвой хватило не только на госы, но и на службу в войсках, вплоть до поступления в последующем в академии. А тем, кто мандражировал на экзаменах, помогали вечные спутницы беспамятных и трусливых – шпаргалки.

На практической части экзаменов тоже проблем не было. Выйдя на тактическое поле учебного центра надо было уметь правильно провести ориентирование на местности, устно доложить комиссии боевой приказ в соответствии с легендой тактической вводной и поставить задачу подчиненному подразделению по выполнению той или иной боевой задачи.

А так как мы это тактическое поле знали, как собственные пять пальцев и языки у нас были подвешены на должном уровне (сказывалось, что личный состав нашей роты был несколько специфичен), мы лихо ориентировались на местности, браво докладывали данные об обстановке, громко и внятно ставили боевые задачи, вызывая слезу умиления у преподавателей кафедры тактики. В это время проверяющие, страдающие от головной боли после вчерашнего, лишь одобрительно кивали, с нетерпением дожидаясь опохмелки.

В общем, экзамен по тактике для нашей роты прошел, как говорится, без сучка и задоринки. После сдачи госов в поле наш взвод вернулся в Киев, где нас ожидала весьма волнующая пора.

Распределение молодых офицеров к местам их дальнейшей службы

После сдачи государственных экзаменов от заветных лейтенантских погон нас оделяло лишь три события: распределение будущих офицеров к местам их дальнейшей службы; вручение погон и прощание с училищем; а также “пир на весь мир” и получение предписания к месту дальнейшей службы. О моментах получения предписаний к местам дальнейшей службы уже было сказано в начале повествования об отцах-командирах 7-ой роты, поэтому на этом моменте останавливаться не будем. Здесь следует добавить только то, что в свой последний отпуск из ВОКУ перед началом службы в офицерском звании мы убывали уже в лейтенантских погонах.

На распределение будущих офицеров к местам их дальнейшей службы во многом влиял ряд обстоятельств и факторов.

Первое из них – желание самого курсанта служить в тех или иных разведывательных подразделениях и частях Вооруженных Сил. Выбор здесь был достаточно широкий: подразделения спецназа по видам и родам войск; войсковая и армейская разведка; радио и радиотехническая разведка; морская пехота; воздушно-десантные войска; военные переводчики в штабах и аналитических органах управления различного уровня; и наконец – “простая пехота”. До выпуска осталось совсем мало времени, и все суется. Кто мог, поднимал свои связи через родственников и знакомых для получения желаемого распределения. Но таких в нашей роте было мало.

В основном все зависело от представителей отдела кадров Сухопутных войск, которые распределяли выпускников училища - кому и куда ехать служить. От этого первого шага во многом зависела дальнейшая судьба офицера. Попадешь в нормальную, боевую часть, в дружный коллектив, смотришь, и пошла служба. Или окажешься в какой-нибудь “дыре”, каких хватало в Союзе, сопьешься, опустишься и будешь либо вечным лейтенантом, либо ждет тебя петля или пуля в голове...

Больше всего никто из нас не хотел попасть в Забайкальский и Дальневосточный военные округа. У многих курсантов нашей роты отцы семейств, чью фамилию они носили, были военными, и с детства им пришлось поскидаться с ними по заброшенным в захолустные места военным гарнизонам в бескрайних забайкальских степях, в монгольской пустыне или дальневосточной тайге. Поэтому они на практике знали, что такое попасть в “глухой гарнизон” и старались избежать этой участи.

Престижным считалось попасть в группы советских войск за границей. Ко времени нашего выпуска из ВОКУ таких групп войск было несколько: в Германии, в Польше, Чехословакии, Монголии и в Венгрии. И к всеобщему удивлению с этим особых проблем у нас не было. Наш выпуск удачно попал "в струю", когда шла большая замена офицеров из групп советских войск за границей, поэтому отказывали в желании начать службу там только откровенным "залетчикам". Правда, многие из нас тогда не понимали, что после службы за границей по возвращению в Союз - прямая дорога куда-нибудь в “глухомань”.

Второе, что учитывалось при распределении – степень готовности будущего офицера к службе в тех или иных разведывательных подразделениях и частях. Она определялась в зависимости от качества учебы курсанта по предметам обучения и его уровня физической подготовки. А так как выпускники нашей роты, как уже было сказано ранее, были физически развиты отлично и поголовное большинство из них имели спортивные разряды, последнее обстоятельство уравнивало всех “под одну гребенку”. Поэтому правом первого выбора дальнейшего места службы обладали те, кто имел “красный диплом”.

На этот выбор оказывало существенное влияние и оценка за войсковую стажировку. И уж совсем было хорошо, когда курсант, прибыв в училище после неё, привозил с собою отношение с хвалебной характеристикой, подписанной высоким командованием.

На распределение также оказывало влияние уровень дисциплины во время пребывания курсанта в стенах училища и его взаимоотношения со своими командирами. Если они были “нормальными”, то ротный и взводные офицеры способствовали тому, чтобы их протеже попали бы служить в более благопристойное место. А так как нашим ротным был мизантроп А. Свита, многим из нас светило служить где-нибудь “у черта на куличках”. Здесь на него начиналось так называемое “блатное давление”, которое оказывали на него заступники курсантов, коих было весьма мало у ребят из нашей роты.

Но все эти телодвижения и пожелания меркли перед двумя факторами.

Первый из них - реальная потребность в офицерах-разведчиках в тех или иных родах войск. Она определялась Главным управлением кадров Минобороны на основании заявок Генштаба и командования военных округов и групп войск Вооруженных Сил, и спускалась в училище в качестве разнарядки.

Второй фактор – это состояние военно-политической и стратегической обстановки в мире и в окрестностях СССР. И так как в 1974 г. наша “вечная дружба навек с Китаем” была, чуть ли не на грани войны, многим из нас “светила” служба на границе с этим восточным соседом Советского Союза. Во всяком случае, наши разведчики-китаисты именно туда и паковали свои чемоданы. А остаться в училище на блатной должности офицера курсантского батальона среди нас никто даже и не мечтал, хотя нам этого также не предлагали. Поэтому по выпуску из училища все разведчики разлетелись из Киева кто куда.

Но перед этим нам предстояла церемония вручение погон и прощание с училищем.

Нам предстояло прожить в училище последнюю «золотую неделю». Это то время, когда выпускные экзамены уже сданы, документы отправлены на подпись министру, а выпускники заняты исключительно подготовкой к торжествам. Хотя только по названию она казалась праздной. В действи-

тельности дел хватало. В строевой части кипела работа по оформлению документов для выпускников. Другое, не менее важное дело, которое нас внешне обошло, но касалось непосредственно нас – кто-то заполнял дипломы выпускникам.

А мы уже вроде и не курсанты, но ещё и не офицеры. Какое-то такое состояние невесомости. Ротные и взводные командиры воспринимают тебя как уже состоявшегося, полноправного офицера и требуют только того, чтобы вовремя приходили на репетиции торжеств. Всегда строгий командир батальона смотрит несколько снисходительно, только суровый заместитель начальника училища неизменно придирчив, хотя даже он старается не обращать внимания на мелкие нарушения дисциплины и формы одежды.

В эти дни выпускники, заняты сами собой. Это, пожалуй, самое беззаботное время во всей офицерской жизни, время, когда уже не надо думать про учёбу и подготовку, но ещё и нет забот о службе, личном составе, обеспечении твоего подразделения и многом, многом другом, что неизменно сопровождает офицера на всём его жизненном пути.

Было ещё одно дело, весьма приятное – получение офицерского обмундирования. С непривычки трудно было представить, сколько положено имущества лейтенанту после выпуска из училища. Особенно, если приходится собирать его в одно место, паковать максимально компактно и потом тащить на себе. Но если зимний бушлат, тёплое бельё и остальные прозаические вещи просто получались на складе и убирались в чемоданы, то шинели, повседневный и парадный мундиры с брюками в сапоги шились в ателье. Поэтому самое главное на золотой неделе было – примерка и подгонка офицерской формы.

Пошив лейтенантской формы происходил в ателье. Приезжаешь на примерку, надеваешь, смотришь в зеркало, а там не привычный курсант, а какой-то незнакомый молодой лейтенант, настолько преображает форма не только внешне, но и внутренне. Каждый старается посмотреть на себя глаза-

ми будущих подчиненных, и потому напускает на себя важность, которой еще нет, изобразить во взгляде строгость, которой тоже пока нет, а в душе прыгают веселые чертики - какой же я "орел"!

За четыре года курсанты сами уже давно познали секреты того, как должна сидеть форма, а с помощью опытных модельеров из училищного ателье этот процесс напоминал священнодействие: *«Так, молодой человек, повернитесь. Очень хорошо. Тут добавим, там подошьём. Красота! Готовый генерал!»*. Потом тщательно размечались места под знаки – классность, «краб» - знак об окончании суворовского училища. Особое отношение к месту под «поплавок» - его пока ещё нет, да и в стройном ряду знаков отличия пока зияет пустота. Но разметить надо так, чтобы он влился в ряд своих братьев, как родной.

Важным элементом подготовки формы к выпуску являлось "глаженье" сапог. По моде, пришедшей к нам из Московского ВОКУ, хромовые сапоги стали носить не "гармошкой", а "бутылочкой", когда в прослойку между кожей впихивалась какая-нибудь вставка, для чего неплохо подходили фотопластины от рентгена, затем в голенище вставляли деревянную форму, разделенную на две части, и распирали эти части клинышками.

Затем происходило само "глажение" утюгом, которое проводилось в несколько этапов. На пару сапог уходило несколько банок сапожного крема. На первый раз задача - пропитать кремом кожу горячим утюгом и придать первоначальную форму голенищу, и здесь, главное, не ошибиться. Не рассчитаешь, заузишь голенище, значит, не сможешь запихать в сапог ногу. Излишне расклинишь деревянную форму, значит, голенище будет слишком широко, и сапог будет болтаться на ноге, что тоже недопустимо. Потому все гладили по принципу - "семь раз замерь, один раз погладь".

После идет сам процесс глаженья, когда утюгом крем "вплавляется" в новенькую хромовую кожу, придавая ей твердость и блеск. Крем уходит банка за банкой, на его расход не обращаешь внимания. Самое главное - равно-

мерно его распределить. И так несколько этапов, пока голенище не приобретает твердую упругую форму. Правда, сапоги становятся раза в два тяжелее обычных за счет вплавленного в них крема, но чем не пожертвуешь ради форса и красоты. Зато теперь, когда начистишь их кремом, натрешь до блеска бархоткой, наденешь это сверкающее чудо на ноги - ощущаешь себя гусаром, кавалергардом, и просто не можешь вести себя по-другому.

И я, следуя этой моде, готовил свои новые сапоги, преобразуя их в "бутылочки". О чем, прибыв в войска, горько пожалел. В этих "бутылочках" можно только щеголять по городу, но, ни в коем случае на полигоне.

Была ещё одна забота, и как бы - главнее всех предыдущих. Необходимо было привести в порядок свои дела с местными дамами, за которыми мы, будучи курсантами, ухаживали.

Для уже "женатиков" и позднее примкнувших к ним - всё было просто. Весь четвёртый курс – время свадеб. Перерывы были только на время стажировки и государственных экзаменов. Кто не уложился в этот год, играли свадьбы в первый офицерский отпуск. И, конечно же, все эти свадьбы осеняла "любовь своими крылами соединяющиеся сердца". Да вот надолго ли, если это делалось впопыхах по выпуску? Иногда такие скоропостижные свадьбы приносили только горе. Молодые семьи рушились за считанные месяцы, не справившись с трудностями быта. Да, скорее всего, и не любовь это была, а так – страсть. Некоторые, не решившись разрубить этот узел, уезжали с этой проблемой в войска и оттуда мучительно пытались выправить положение.

Наконец все дела были сделаны. Настал день прощания со ставшей за четыре года родной «альма-матер». Утром на плацу было построено все училище в парадной форме. Туда же прибыли гости и родные курсантов.

Открыл церемонию начальник училища генерал-лейтенант Ляшко Вениамин Иванович. Он поздравил выпускников со знаменательной датой в их жизни и напомнил о том, какую ответственность накладывает на них звание

выпускника Киевского высшего общевойскового командного дважды Краснознаменного училища им. М.В. Фрунзе. *«Мы гордимся нашими выпускниками. В каких бы отдаленных гарнизонах они ни проходили службу, их всегда отличает добросовестное отношение к выполнению своего служебного долга, честность и высокая принципиальность»*, - подчеркнул В. И. Ляшко.

Приказ Министерства обороны РФ о присвоении выпускникам звания лейтенантов на плацу зачитал заместитель начальника училища, полковник Погорелов В.Т. Над училищем грянули звуки гимна Советского Союза.

После этого началось вручение знаков об окончании училища и офицерских погон. И опять, как каждый год до этого: *«Товарищ генерал-лейтенант! Курсант... Пардон! Лейтенант... прибыл!»*. И разносится над плацем: *«Лейтенант Бондарь!»*, *«Лейтенант Войнов!»*, *«Лейтенант Печенин!»* Сегодня – день лейтенантов.

Далее к выпускникам и гостям церемонии обратился представитель Верховного Совета Украины. *«Сегодняшнее событие по-особому значимо для всех присутствующих, значимо оно и для страны. Советская Армия пополняется новыми профессиональными кадрами, - заявил он - Офицерский корпус во все времена служил надежной опорой Советского Союза, с честью защищал суверенитет и достоинство Родины, а советские офицеры всегда являлись примером патриотизма, гражданственности, верности долгу. Сегодня, поднимаясь на новую ступень своей военной карьеры, вы должны помнить и чтить эти славные традиции»*. Он также выразил благодарность и старшим офицерам, преподавателям училища. Обратился он и к родителям выпускников, которые, по его мнению, могут по праву гордиться своими сыновьями.

«Ваша задача - самим в совершенстве овладеть новейшим поколением техники и вооружений. И, конечно, обучить этому своих подчиненных», - напутствовал молодых офицеров начальник политотдела полковник Левковцев В.И.

Кульминацией церемонии стала клятва выпускников на верность Родине, в которой они обещали с достоинством и честью нести звание офицера, свято выполнять воинский долг и быть преемниками славных боевых традиций нашей армии.

После получения "путевки в жизнь" лейтенанты отдали дань уважения военной святыне: преклонив колено, они прощались с Боевым Знаменем училища. Фуражку на сгиб левой руки. В едином порыве офицеры опускаются на правое колено.

Завершилась церемония торжественным маршем выпускников на плацу училища. И снова, как много раз раньше, и ещё несчётно раз на долгие годы службы: *«Училище! К торжественному маршу! Поротно! Равнение на ПРАВО, на одного линейного дистанция, сводная офицерская рота прямо! Остальные напраа-ВО! Шагооом-МАРШ!»*.

Оркестр грянул марш. Вторя барабану сотни ног дружно опустились на асфальт, вздрогнул воздух, оживились несколько затихшие гости. Лейтенанты, чеканя шаг, шли по плацу, ставшему за долгих четыре года родным, плацу, политому их потом, плацу, на котором была стоптана не одна пара каблучков, шли в последний раз.

Впереди у них будет ещё много прохождений. Кто-то будет идти в торжественном строю по Красной площади мимо главной трибуны страны, а кто-то, поднимая клубы пыли, по импровизированному плацу в далёкой Афганской степи. Но этот плац, эта трибуна и стоящее на ней руководство училища, это последнее торжественное прохождение останутся в памяти навсегда.

«Коробка» нашей роты мерно качалась в такт маршу. Локти слегка касались локтей товарищей. Чёткое равнение в шеренгах выдавало достаточный опыт и уверенность в себе и в своих товарищах. Точно в таком строю, но не так уверенно они проходили мимо этой трибуны четыре года назад. Стены «альма-матер» покидали более 250 выпускников общевойскового училища.

Из них шестеро были удостоены золотых медалей, а еще 20 -получили дипломы с отличием. Батальон выпускников, рота за ротой покидал плац, сразу за плацем роты останавливались и по команде рассыпались. Выпускники спешили к своим гостям, выслушать поздравления, похвастаться дипломом, сфотографироваться на память и снова бежать в общежитие.

В общежитии царил беспорядок. Выпускники в белых рубашках, с расстёгнутыми галстуками хаотично бродили из комнаты в комнату, новенькие парадные кителя в полном беспорядке валялись на койках. Ожидание короткого банкета от имени командования и без того томительное, многократно усиливалось только что пережитым напряжением.

Наш взвод собрался в одном из кубриков общежития. Громкое троекратное «Ура» нарушило монотонный шум общаги. В потолок дружным залпом ударили пробки бутылок шампанского, пенящаяся жидкость рванулась наружу вслед за пробками, обливая всё вокруг. Радовались вместе со всеми, наливая игристое вино товарищам из других взводов, гостям, случайно забредшим в кубрик в поисках своих выпускников.

После томительного ожидания, после трёх часов на плацу, под жарким июльским солнцем в строгом парадном мундире, после трепетного прощания со Знаменем и училищем глоток искрящегося, пенящегося вина, не успевшего согреться в тёмном углу под дальними койками, был так кстати. Далее все поспешили на училищный банкет.

В столовой училища были накрыты три длинных стола – по количеству выпускных рот. Впереди, на возвышении – стол для начальника училища, комбата и других офицеров. Офицеры подразделений – среди своих курсантов. Вернее, офицеры – среди своих офицеров. Никаких длинных речей. Тост один – от начальника училища с пожеланиями успешной службы. Всё! Весь мир у ног и месяц отпуска впереди. Оставлялись адреса, телефоны. Всё шумно, весело, но грустной ноткой звучала мысль: «Ребята, а когда теперь встретимся?». Хотя в этот вечер нам предстояло еще одно волнительное событие –

прощальный ужин в ресторане. Каждый взвод 7-ой роты для этого специально арендовал в городе какой-нибудь приличный ресторан.

На выпуск наш взвод арендовал ресторан «Три богатыря» в Киевском академическом городке, расположенном в пригороде. Не мы, конечно, а вездусущий Кирилл Акимович Кошман. В ресторан он привез с собою поваров из Интуриста и массу деликатесов. Он же арендовал несколько номеров в гостинице академгородка, так как предвидел, что после буйного застолья некоторым из нас будет трудно добраться до общежития.

До утра мы пили вместе со своими приглашенными родными и близкими, вспоминали прошедшие годы учебы и клялись всегда друг другу помогать. Мы понимали, что никогда в жизни больше не соберемся в таком составе, понимали, что кто-то может погибнуть. Мы стремились вспомнить и за короткую ночь снова прожить эти четыре года учебы, некоторые плакали и нисколько не стыдились своих слез.

Запомнился момент, как мы “обмывали” первые лейтенантские звездочки.

На празднично накрытых столах стояли вазы с цветами. Настал момент, когда, следуя офицерской традиции, надо было обмыть звездочки.захотелось сделать это так, чтобы каждый из нас причастился к общему кубку. Цветы одной из ваз полетели прочь долой, за пределы веранды, где мы пировали. Дружно забулькав сразу из двух бутылок, в вазу полилась водка, она наполнила её до краёв. Туда же были высыпана целая горсть маленьких золотых звёздочек. Ваза пошла по кругу, водка периодически подливалась, лейтенанты говорили много, желали друг - другу успешного продвижения по службе, хороших гарнизонов, послушных солдат и ещё много всякой совершенно никому не понятной всячины. Казалось, они ещё не понимали, что завтра всего этого не будет, не будет этой беззаботной, во всём правильной и какой-то уж очень ухоженной армии, а будут дальние гарнизоны, в которых

про уставы, конечно, знали, но в повседневной жизни руководствовались чаще жизненным опытом и служебной необходимостью.

Какие общие и разные судьбы или “цыплят по осени считают”

Прошли многие годы, с тех пор как мы, надев лейтенантские погоны, разлетелись из Київського вищого загальновійськового двічі Червонопрапорного командного училища в разные гарнизоны нашей необъятной Родины. На дворе уже XXI век, и многие из нас уже вышли в “запас” или в “отставку”, отбарабанив положенный срок офицеру в рядах Вооруженных Сил. У каждого из питомцев КВОКДКУ по-разному сложилась судьба. Одни, так и не понюхав порошу, мирно дослужились до высоких званий. Другие, коих большинство, вдоволь нахлебались будней войны, где бы она ни шла в эпоху развала Советского Союза и Варшавского Договора: Афганистан, Чечня, Приднестровье, Нагорный Карабах, Южная Осетия, Абхазия, Балканы, да в других горячих точках планеты также побывали мои друзья-однокашники из 7-ой роты. В каких только экзотических странах и местах некоторые из них не побывали! Некоторые из них, до сих пор, связанные тайной военной службы, не могут поделиться своими воспоминаниями ни с друзьями, ни с родственниками. Понимая это, простим им, что они в этих воспоминаниях выступают лишь в качестве “читателей”, а не “рассказчиков”.

Эпилог. Некоторые размышления полковника запаса...

Проблемы “перманентной военной реформы” и возможные пути их решения

Вот уже второй десяток лет, начиная с 1989 г., то есть с момента начала развала Советского Союза, в рамках совершенствования военной организации государства идет так называемая “реформа” Вооруженных Сил. За это время, каких только преобразований в Армии и на Флоте не было! Изменялись виды и рода войск, объединялись и размежевывались военные округа, постоянной реформе подвергались органы военного управления и структура соединений и частей, неуклонно сокращалась численность и финансирование Вооруженных Сил, а вместе с ними неуклонно падал престиж военной службы в России. Структурная чехарда в высших эшелонах Армии и на Флоте как "перманентная военная реформа", сопровождаемая снижением прав и реальной нищетой офицерского корпуса, не могла не привести к росту страшного социального явления в ВС РФ – к распаду ее профессиональной ткани.

Из Вооруженных Сил начали уходить высокие профессионалы своего дела и патриоты военной службы, недовольные изменениями в военной организации государства. В ней оставались лишь те, кто надеется получить от Минобороны обещанную законом жилплощадь, и те, кто приспособился к мнению старшего начальства, возглавляющего "перманентную военную реформу". А так как уровень их компетенции в таких преобразованиях оставляет желать лучшего, многие из затеваемых ими реформ – провалились. Так канула в Лета идея перехода к профессиональной Армии, ничего не вышло с заменой прапорщиков и мичманов сержантским составом, переход к трехзвенной системе управления постоянно дает сбои.

К этому времени большинство из моих однокашников по суворовскому и общевоинскому училищам по возрасту лет уже уволились из рядов Воо-

руженных Сил. Но “прикипев” к военной службе, они с горечью наблюдают за теми псевдореформами, которые проводятся новым руководством Вооруженных Сил, неминуемо снижающими военную мощь России. На традиционных встречах однокашников эта проблема постоянно затрагивается в ходе бесед, где ветераны Вооруженных Сил волей-неволей сравнивают, что было и что стало как с обликом Армии и Флота, так и с системой военного образования.

А в это время, чтобы как то выправить сложившееся положение дел в ходе "перманентной военной реформы", в Минобороны постоянно собираются совещания высокого уровня, на которых реформаторы высшего уровня управления пытаются либо оправдаться перед руководством страны, либо найти выход из проблемных ситуаций, сложившихся в ходе преобразований состава и структуры военной организации государства.

Так, в марте 2011 г. состоялось очередное расширенное заседание коллегии Министерства обороны РФ. Тот факт, что в работе коллегии принял участие Президент России - Верховный Главнокомандующий ВС РФ Д.А.Медведев, говорил о государственной важности мероприятия, в ходе которого были подведены итоги деятельности Вооружённых Сил Российской Федерации в 2010 г. и уточнены задачи на ближайшую и среднесрочную перспективы военной реформы.

Проанализировав доклады на заседании коллегии Минобороны РФ главных действующих лиц очередного реформирования Вооруженных Сил страны, можно прийти к следующим выводам¹³.

Реформирование ВС РФ до настоящего времени проводится интуитивно, бессистемно, поспешно, без интеллектуальной и информационной поддержки принимаемых решений. Публичное внимание руководства страны к проблемам Вооруженных Сил, к сожалению, не дает очевидных существен-

¹³ А. Тазехулахов "Декларации экспресс - реформы: много шума - и ничего". Независимое военное обозрение №17 (563) от 13мая 2011г.

ных результатов в повышении боевого потенциала и в социальной сфере. Совет Безопасности страны, отвечающий за военную безопасность государства, как бы остается “в стороне” от этих реформ. А Минобороны реформирует само себя, рапортуя только об успехах, достигнутых на этом поприще. И сколько еще этапов такого реформирования предстоит пройти Вооруженным Силам и чем все должно (или может) закончиться – не известно.

При этом отсутствуют фундаментальные военно-научные исследования и разработки, достоверный прогноз перспективных военных опасностей и угроз для России, направлений развития армий других государств и др.

Именно по этим и другим причинам все происходящее в Вооруженных Силах подвергается нелицеприятной критике практически во всех средствах массовой информации, вызывает раздражение и недовольство многих слоев населения страны. Одновременно нарастают и укрепляются в стране и Вооруженных Силах негативные явления, которые обусловлены проведением непродуманной реформы.

Всем становится очевидна “декларативность мероприятий” затеваемых Минобороны РФ. Видно и отсутствие четких целей реформы и поспешность, с которой она проводится без учета мнения военной общественности, что вызывает все большее недовольство среди кадровых военных и ветеранов Вооруженных Сил.

Так, утраты в численности личного состава офицерского корпуса, которые были поспешно проведены в рамках реформирования ВС РФ недавно, для любой другой армии были бы равносильны ее полному уничтожению. Еще не успели уволить 205 тысяч офицеров (из них около 50 тысяч – из числа младшего офицерского состава) согласно предыдущему «выстраданному» решению, теперь предстоит вновь набрать офицеров. Несмотря на эту недальновидность, за которую авторов этих реформ следовало бы наказать, либо уволить, Президент России согласился с доводами руководства Министерства обороны РФ об их “некой поспешности в этой области”. И для ис-

правления создавшейся ситуации принял решение об увеличении численности офицеров в Армии и на Флоте на 70 тысяч. Хотя, казалось бы: приостановите увольнение тех, кто еще находится в распоряжении и за штатом, заключите контракты с теми, кого успели принудительно уволить и проблема будет решена.

Нет, Генеральный штаб ВС РФ не ищет “легких путей”. По мнению его главы Н.Е.Макарова – это «отработанный» материал: *«...мы не собираемся кого-то возвращать обратно. Этих офицеров придется готовить не только в высших военно-учебных заведениях, кое-кого возьмем из гражданских технических вузов, ведь нужны, прежде всего, инженеры...»*¹⁴. Создается впечатление, что уволили 205 тысяч дворников, а не высококлассных специалистов военного дела, на обучение которых были потрачены многие миллионы из государственной казны. Весьма циничное с точки зрения военачальника и аморальное с общегражданской позиции заявление.

Кроме того, в последнее время в отечественных и зарубежных СМИ появилась публичная критика представителями высшего руководства Минобороны отечественных вооружения, военной и специальной техники, которая наносит вред собственно Вооруженным Силам, разработчикам вооружений и оборонно-промышленному комплексу страны в целом.

Звучащие из уст высшего военного руководства оценки российского вооружения - «морально устарело», «не соответствует современным требованиям», «нет современных вооружений» и другие подобные являются игрой на публику и ничего не улучшают. Более того, заявления такого характера расшатывают веру военнослужащих в российское оружие, убеждают население страны в том, что мы, как нация, в вопросах разработки и модернизации вооружений себя исчерпали, а деньги налогоплательщиков тратятся не понятно на что.

¹⁴Н.Е.Макаров – выступление 26 марта 2011 года на общем отчетно - выборном собрании Академии военных наук, http://nvo.ng.ru/concepts/2011-04-01/5_diagnoz.html

Вместе с тем, общеизвестно, что нет однозначного классического понятия в части вооружений «морально устарело». Вооружением и военной техникой, которые наши военные руководители называют “морально устаревшими”, оснащены вооруженные силы многих стран, как СНГ, так и мира. Эти вооружения и военная техника до сих пор модернизируются и считаются современными и эффективными. Это, во-первых.

А, во-вторых, закупка вооружений у зарубежных производителей приводит к технической, технологической и политической зависимости государства-покупателя от государства-продавца. Разумеется, можно закупить (через третьи страны) единичные образцы заграничных вооружений для их последующей разборки и изучения конструкции и технологий изготовления, но не более того. Так как подсаживание на “иглу зависимости” от государства-продавца приводит кроме всего прочего к деградации отечественного военно-промышленного комплекса.

Об этом открыто говорят руководству страны, как профессионалы, так и простые люди. Вспомнить хотя бы эпизод общения премьер-министра В.В. Путина (15 декабря 2012г.) с народом в телепрограмме “Встречи с Путиным. Продолжение”, где ему прямо говорилось, что такого министра как А.Э.Сердюков надо убрать. Он не справляется с возложенными на него обязанностями. Будучи весьма далеким от решения военно-стратегических проблем, в свое время он был назначен на этот пост, чтобы сократить хищение финсредств в Минобороны. Однако при нем каждый 5-й рубль, выделенный на оборонные нужды страны, продолжал расхищаться, а государственный оборонный заказ на 2011 г. оказался сорванным. Зато руководимая им "перманентная военная реформа", ведущая к снижению обороноспособности России, продолжается.

Облик современных Вооруженных Сил России

Как же известно, основу важных решений государственного уровня, как правило, составляет стремление ликвидировать противоречие между “желаемым и действительным”, где логика принятия решений играет одну из ведущих ролей. При этом в развитых государствах мира широко используется один из принципов таких решений - «обгонять, не догоняя» (т.е. использование ассиметричных мер). И такое решение может быть признано “инновационным”, если ожидаемый результат и результат реализации полностью соответствуют друг другу.

Так, желание что-то “улучшить” (совершенствовать) побуждается недовольством чем-то существующим, общественной потребностью либо опасностью. Один из способов реализации таких желаний в масштабе страны – проведение реформ. Которые могут иметь “естественную” (когда обществом осознается необходимость их проведения и появляются соответствующие предпосылки) или “искусственную” (например, в интересах вышестоящего руководства) природу. Они также бывают поверхностными (косметическими), частичными или радикальными. В любом случае путь реформ - это путь постепенного, эволюционного изменения.

Поскольку ниже речь пойдет о некоторых проблемах современного этапа реформирования Вооруженных Сил России, сразу оговорюсь, что “реформирование” и “улучшение” (совершенствование) синонимами не являются.

Реформа¹⁵ - это преобразование, изменение, переустройство какой-либо стороны общественной жизни (порядков, институтов, учреждений и проч.), не уничтожающее основ существующей структуры. То есть, результаты реформы могут быть как положительные, так и отрицательные. Также следует подчеркнуть, что реформа не должна уничтожать основу существующей

¹⁵ От латинского слова – *reformato* — “преобразовываю”.

структуры, в противном случае – это не реформа, а “революция” (радикальное, коренное, глубокое, качественное изменение, сопряжённое с открытым разрывом с предыдущим состоянием). И успех либо провал реформы – это результаты, которые зависят от многих объективных и субъективных обстоятельств.

В частном случае (в части касающейся Вооруженных Сил России), для принятия решения о реформировании с предполагаемым положительным, а тем более, инновационным положительным результатом, необходимо учитывать, как минимум, следующие вопросы, приняв по ним соответствующие решения:

основные причины, по которым реформирование военной организации государства являются жизненно необходимыми;

долгосрочные и краткосрочные тенденции изменений военно-политической и стратегической обстановки в мире, масштаб и характер войн/военных конфликтов будущего, потенциальные противники и союзники России, настоящие и перспективные военные опасности и угрозы для неё, предполагаемые формы и способы применения военной силы;

существующие и перспективные задачи обеспечения национальной безопасности в части, касающейся Вооруженных Сил;

боевой потенциал (состав, укомплектованность личным составом; техническая оснащённость Армии и Флота современным вооружением и военной техникой, способность к ее модернизации;

уровень оперативной, боевой и мобилизационной готовности, военное мастерство, моральный дух личного состава Вооруженных Сил, уровень подготовки военных кадров и войск (сил флота) и уровень развития военного искусства (наличие военно-научных обоснований перспективных форм и способов военных действий;

наличие накопленных резервов и запасов материальных средств, наличие, состояние разработки новых видов, систем, образцов вооружения, воен-

ной и специальной техники, средств управления и связи, готовность промышленности к их производству в необходимых количествах в заданные сроки, состояние и возможности государственного резерва, оборонно-промышленного комплекса и других обеспечивающих систем (мобилизационного развертывания, мобилизационной подготовки страны и др.);

какие Вооруженные Силы необходимо иметь для успешного ведения войны/военных конфликтов (или наиболее рациональный вариант – для того, чтобы война не началась) и какие экономические, финансовые, научно-технические возможности есть у государств по обеспечению военной реформы, в том числе состояние и потенциал оборонно-промышленного комплекса;

наличие и состояние законодательной, правовой, военно-научной и методической баз реформирования и кадровый потенциал, его способность обеспечить достижение целей реформы, ее очередность и сроки проведения;

кто руководит проведением реформы и непосредственно отвечает за конечный результат, и кто осуществляет всестороннее обеспечение мероприятий реформирования, их возможные побочные (негативные) последствия, способы и средства минимизирования негативных последствий;

и, наконец, кто контролирует ход реформы, формы и способы этого контроля, периодичность, содержание и формы отчетности, и многие другие, частные вопросы.

Все вышесказанное не “ликбез” в части подготовки и проведения реформы, а логическое построение, преследующее экспертную цель: понять, при каких условиях была начата и как проводится в настоящее время реформа Вооруженных Сил России, каковы ее поэтапные результаты. И в этой логической цепочке давайте вместе, уважаемый читатель, рассмотрим основные этапы и проблемы реформирования ВС РФ.

Так, приведение структуры, вооружений, боевых возможностей Вооружённых Сил Российской Федерации в соответствие современным требова-

ниям, было названо Президентом РФ триединой задачей: «...новые вооружения, новое качество управления войсками и новый статус офицера»¹⁶.

В интересах решения вышеназванной задачи Д.А.Медведев определил на заседании коллегии МО обороны РФ следующие приоритеты¹⁷: *«Первое. Необходимо максимально эффективно реализовать новую Государственную программу вооружения.... Второе. Необходимо кардинально повысить качество управления войсками.... Третье. Дальнейшей оптимизации требует структура Вооружённых Сил. В этом году должна быть создана единая система воздушно - космической обороны. Нужно объединить под общим управлением существующие системы противовоздушной и противоракетной обороны, предупреждения о ракетном нападении и контроля космического пространства. Причём делать это нужно не абстрактно, на бумаге, а в контексте текущей ситуации, включая решение вопроса о нашем участии или неучастии в создаваемой системе европейской противоракетной обороны.... Четвёртое - защита наших рубежей на всех направлениях.... Пятый и безусловный приоритет, ... это социальный статус офицера, включая общую задачу дальнейшего укрепления офицерского корпуса, усиление социальных гарантий военнослужащих и военных пенсионеров...»*.

Таким образом, выступление Д.А.Медведева о задачах, стоящих перед военной организацией государства, понятно и прозрачно, чего нельзя сказать о выступлении Министра обороны РФ на той же коллегии, которое вызывает не только вопросы, но и в некоторых случаях противоречит сказанному Президентом РФ.

Попробуем разобраться. Ниже приводятся некоторые цитаты из выступления А.Э. Сердюкова¹⁸ и комментарии автора к ним.

Так, А.Э.Сердюков считает, что: *«... в 2010 году завершён первый, наиболее сложный этап создания нового облика Вооружённых Сил... и*

¹⁶ Сайт Президента России - <http://www.kremlin.ru/news/10677>

¹⁷ Там же

¹⁸ Российское военное обозрение №3 (83) март 2011 года

...Основной задачей следующего этапа военной реформы является повышение боевых возможностей группировок войск на стратегических направлениях». Из сказанного можно сделать вывод о том, что существует некая (известная только ограниченному кругу лиц) детальная, тщательно подготовленная программа совершенствования Вооруженных Сил, предусматривающая их поэтапное реформирование.

Вместе с тем, выступление на коллегии начальника Генштаба ВС РФ Н.Е.Макарова свидетельствуют как раз об обратном. Из его выступления следует, что провести серьезную подготовку реформы не удалось и ее научно-обоснованного плана не существует: *«...когда в 2008 г. Министром обороны России стал Анатолий Эдуардович Сердюков, а я – начальником Генерального штаба, перед нами встала четкая, ясная картина того, что надо сделать в первую очередь. Мы поняли, что численность Вооруженных Сил должна быть не более одного миллиона человек...; «...1 июня 2009 года завершился первый этап большой работы, которую мы проводим с целью реорганизации Вооруженных сил Российской Федерации. «...Нужно было срочно выводить армию из кризиса. Поэтому мы пошли на кардинальное реформирование даже при отсутствии достаточной научно-теоретической базы...»¹⁹.*

Таким образом, сопоставляя два выступления высших должностных лиц Вооруженных Сил РФ, можно прийти к выводам с рядом вопросов, пока остающихся без ответа.

Первое. Сердюков А.Э. и Макаров Н.Е. сами поняли, что численность должна быть не более одного миллиона человек, либо или эту цифру им навязали (Совет Безопасности РФ или другие государственные структуры)? Ни в первом, ни во втором случае нет обоснований численности ВС РФ с точки

¹⁹ Интервью Н.Е.Макарова 5 июня 2009 года в здании Минобороны перед представителями российских СМИ, Москва, 17 июня 2009 г., ОРУЖИЕ РОССИИ, <http://nstarikov.ru/club/2503>

зрения обеспечения военной безопасности государства с учетом существующих и перспективных военных угроз для страны.

И второе. Совершенно не понятно, когда же завершился первый («наиболее сложный», «этап большой работы») период реформирования в 2009 или в 2010 году? Когда начнется, когда и чем должен закончиться второй период/этап реформы? А сколько этих этапов вообще?

Также А.Э.Сердюков на заседании коллегии доложил: *«...Остановлюсь на основных результатах проделанной работы... Принципиально обновлены системы боевой готовности, управления войсками, материально-технического обеспечения и подготовки войск... Главным итогом прошедшего года стало создание структуры и системы управления современной армией и флотом....* В тоже время на этом же заседании Президент РФ поставил на ближайшую перспективу вторую по важности задачу – “кардинально повысить качество управления войсками”.

Исходя из противоречия между сказанным на коллегии Минобороны А.Э.Сердюковым и Д.А.Медведевым, можно сформировать третью группу вопросов.

Получается, что структуру и систему управления то ли уже создали, то ли принципиально обновили (по словам А.Э.Сердюкова), но качество управления войсками при этом осталось неприемлемо низким и требуется его кардинальное (в полном объеме, коренным образом) повышение (требование Президента РФ). Тогда в чем суть создания или обновления структуры и системы управления? Только в сокращении численности и количества органов, пунктов и уровней управления?

Вновь цитируем А.Э. Сердюкова: *«...К 2016 г. обеспеченность Вооружённых Сил вооружением и военной техникой достигнет 100 процентов. Уровень современных образцов будет доведён до 30 процентов...»*. Опять вопросы, - о какой обеспеченности идет речь? Неужели мы сохраним в Вооруженных Силах объединения, соединения и воинские части в состоянии по-

стоянной боевой готовности, и в тоже время не обеспеченные вооружением, военной и специальной техникой?

Сравним эту цитату с другим заявлением (в феврале 2010 г.) начальника Генерального штаба ВС РФ, который сообщил: «... *Сегодня сформировано 85 бригад. Все они находятся в постоянной готовности и в течение часа готовы к выполнению боевой задачи. Они полностью укомплектованы личным составом, вооружением и военной техникой...*»²⁰. Так кому из этих начальников стоит верить?

А.Э.Сердюков на коллегии также сообщил: «...*Большое внимание в прошлом году уделялось полноценной боевой учёбе. Проведено более 2 тысяч мероприятий... Наиболее крупными из них стало оперативно-стратегическое учение «Восток-2010...*», а далее по тексту выступления идет перечисление сил и средств, принимавших участие в учении. Чтобы подчеркнуть масштабность этого мероприятия Министр обороны привел сведения о численности личного состава, который принимал участие в учениях, - 56 тысяч военнослужащих, хотя представители управления пресс-службы и информации Министерства обороны оперировали более скромными цифрами – около 20 тысяч военнослужащих»²¹.

Дело не в этой нестыковке численности, хотя на коллегии присутствовал Верховный Главнокомандующий ВС РФ, которому ежедневно дается обзор отечественных и зарубежных СМИ, описывающие наиболее масштабные события, к которым, безусловно, можно отнести оперативно-стратегическое учение «Восток-2010».

Хотелось бы обратить внимание читателя на то, что было проведено беспрецедентное по важности и масштабам учение, которое должно было подтвердить или опровергнуть успешность очередного этапа реформы Вооруженных Сил в части их нового облика. Ведь с момента его окончания про-

²⁰ Военно-промышленный курьер № 7 (373) 23 февраля 2011 года

²¹ Военно-промышленный курьер №12 (378) 30 марта 2011 года

шло более полугода, был проведен анализ его результатов и сделаны выводы. Почему бы Министру обороны в выступлении не опереться на результаты учения, как свидетельство правильности выбранного пути реформы?

Видимо потому, что, не смотря на хвалебные отзывы о ходе учения некоторых СМИ, лояльных нынешнему руководству МО РФ, его результаты выявили не только текущие проблемы (и это нормальное явление), но и не подтвердили в основном ожидавшиеся результаты нынешнего этапа реформы. Так, в западных СМИ эксперты, проанализировав учение «Восток-2010», пришли к выводу, что ВС РФ в их нынешнем состоянии просто небоеспособны к выполнению задач в современной войне.

И других вопросов по выступлению на коллегии А.Э. Сердюкова, также очень много. Остановимся только на положении, по которому даже у дилетанта, не говоря уж о военном эксперте, появляется много вопросов.

Так, А.Э.Сердюков считает, что: *«... изменения численности рассматриваются, как перспективные, и связаны с ... созданием войск воздушно-космической обороны. ...Для этого в 2011 году мы планируем ...создать войска воздушно-космической обороны...».*

Напомним, что в выступлении Президента России речь шла о создании системы (выделено автором) воздушно-космической обороны: *«...В этом году должна быть создана единая система воздушно - космической обороны. Нужно объединить под общим управлением существующие системы противовоздушной и противоракетной обороны, предупреждения о ракетном нападении и контроля космического пространства...».*

Так что же планируется в течение 2011 года создать: войска (элемент) или систему воздушно-космической обороны (единый комплекс элементов завязанный воедино)?

Вот что сказал по этому вопросу начальник Генштаба: *«...Что касается недавнего решения об увеличении численности Вооруженных Сил на 70 тысяч офицеров, то это связано с созданием новых высокотехнологических*

структур в армии и на флоте. В том числе воздушно-космической обороны...», и далее: «...У нас есть концепция создания воздушно-космической обороны до 2012 года. В ней расписано: что, когда и как делать. В этом важнейшем для страны и государства вопросе мы не имеем права ошибиться. Поэтому некоторые позиции концепции сейчас пересматриваются. Орган управления ВКО формируется при Генеральном штабе, и управлять им будет также Генштаб... Что касается систем ПВО, которые переданы в округа, то никто оттуда забирать их не собирается. Они будут организованы в войсковую ПВО...»²².

Как говориться “все, что можно было запутать - запутали”. Попробуем распутать.

Предположим, что спичрайтеры Министра обороны ошиблись в терминологии, отождествив понятия “войска воздушно-космической обороны” (ВКО) и “система ВКО” (ошибка для профессионалов непростительная). Это предположение основывается на том, что ни в Концепции ВКО, ни в Военной доктрине России, ни в выступлении Медведева Д.А. даже намек на намерение создания войск ВКО нет! В вышеназванных документах рассматривается и обосновывается необходимость создания и совершенствования системы ВКО. Хочется верить в то, что это действительно ошибка, а не очередной реформаторский сюрприз, который Минобороны собирается преподнести.

Не вносят ясности в этот вопрос и выступление начальника Генштаба. Уж кто, как ни он должен в тонкостях знать для чего, что и в какие сроки создается, или ликвидируется в Вооруженных Силах. А расплывчатые фразы в его выступлении о создании каких-то «*новых высокотехнологических структур в армии и на флоте. В том числе воздушно-космической обороны...*» свидетельствуют о том, что даже у Макарова Н.Е. нет ясных представлений о будущем системы ВКО.

²² Военно-промышленный курьер № 7 (323) 24 февраля 2010 года

Еще большее удивляет его утверждение о том, что *«орган управления ВКО формируется при Генеральном штабе, и управлять им будет также Генеральный штаб...»*. Кем или чем будет управлять Генеральный штаб? Воздушно-космической обороной или органом? Что значит *«при Генеральном штабе»*?

Являясь основным органом стратегического управления Вооруженными Силами, Генеральный штаб осуществляет планирование применения Вооруженных Сил, других войск, воинских формирований и органов. Кто и каким документом поставил Генеральному штабу задачу непосредственного управления войсками (силами) и наделил его функцией непосредственного боевого управления?

Это противоречит не только Положению о Генеральном штабе ВС РФ²³, но, главное – противоречит исторически сложившимся основам организации работы штабов. Практически ни в одной армии мира у штаба такого уровня не было и нет задачи и функции непосредственного управления военными действиями (войсками, силами).

Как исключение, такая функция управления была у германского Генерального штаба (Generalstabes des Heeres) накануне и во время Второй мировой войны, которая в последующем была упразднена как избыточная²⁴.

В части, касающейся воздушно-космической обороны (не системы ВКО, а обороны) российский Генеральный штаб решает задачи стратегического планирования, обеспечения и общего руководства. И не больше. Непосредственно управлять и командовать войсками (силами), в том числе при проведении стратегической воздушно-космической операции, должен не *«орган, созданный при Генеральном штабе»*, а соответствующие командующие войсками (силами) военных округов (оперативно-стратегических командований, флотов).

²³Положение о ГШ ВС РФ, <http://www.mil.ru/847/852/1153/1339/1826/index.shtml>

²⁴См. http://www.igstab.ru/materials/black/ism_GermStabes.htm

Несколько лет тому назад реформаторами Вооруженных Сил был создан подобный прецедент. Так, в проекте “Наставления по подготовке и ведению военных действий ВС РФ в части организации стратегической воздушно-космической операции” (СВКО) предписывалось: планирование СВКО осуществляет Главный штаб ВВС, который на период планирования и проведения операции становится структурным подразделением Генерального штаба. К счастью, это предложение было отвергнуто здравым смыслом и практически не было реализовано.

Озабоченность Президента РФ военной безопасностью страны в целом и состоянием ВКО в частности, вполне понятны. Так, потенциальным оппонентом (так принято сейчас называть вероятных противников РФ) в феврале 2011 г. Объединенным комитетом начальников штабов вооруженных сил США была опубликована Национальная военная стратегия. Из нее можно узнать следующее: *«... Мы усилим сдерживание в воздухе, на земле и в киберпространстве... Объединенные Силы США должны гарантировать досягаемость, свободу маневра и способность к выполнению глобальных задач руководства во всех сферах... Воздушные силы – обеспечат безраздельное господство в воздухе, блокирование воздушного пространства, оперативную глобальную маневренность, глобальную интегрированную разведку и наблюдение.... Руководство и управление при этом сохраняют способность к выполнению поставленных задач в отдаленном воздушном пространстве в условиях противодействия средств противовоздушной обороны»*²⁵.

Содержание этого стратегического по значению документа не оставляет никаких сомнений, что интенсивность противоборства сил и средств системы ВКО и средств воздушно - космического нападения в воздухе и космосе в ближайшем будущем многократно возрастет. И этот документ необходимо рассматривать, как основание для принятия действенных асимметричных мер, о чем и говорит Д.А.Медведев: *«...Нужно объединить под общим*

²⁵ The National Military Strategy of the United States of America, 2011

управлением существующие системы противовоздушной и противоракетной обороны, предупреждения о ракетном нападении и контроля космического пространства ...».

Следует заметить, что о воздушно-космической обороне в последние десять-пятнадцать лет не пишет и не высказывает свое мнение только ленивый, не говоря уж о мнениях, высказанных профессионалами в этой области. Все знают, что и как необходимо делать, да вот только в Минобороны «воз и ныне там».

Очевидно, это одна из причин, которой и обусловлено отданное в достаточно расплывчатой форме распоряжение Д.А.Медведева: *«...В этом году должна быть создана единая система воздушно - космической обороны».* В “расплывчатой форме” потому, что им не определено: кто конкретно будет создавать, срок начала и завершения работ, кто непосредственно организует работу, руководит и отвечает за результат, кто осуществляет ресурсное обеспечение, контроль и т.д.

Также поражает ещё одно обстоятельство: с какой целью должностные лица руководства Минобороны принимают авторитарные решения в части создания такой сложной системы, как система ВКО, и какова цена этих решений? Почему не воспользоваться результатами давно проведенных военно-научных работ по созданию системы ВКО²⁶ и положениями Концепции ВКО? О каких системах ПВО говорит начальник Генерального штаба⁸ и что означает: *«...они будут организованы в войсковую ПВО»?*

Распутать этот клубок противоречивых заявлений-намерений пока не удастся. Это лишь одна иллюстрация характеризующая путаницу в головах нынешних реформаторов Вооруженных Сил и их недалекость.

Но, как говорить в русской пословице – “нет худа без добра”. Один большой плюс этой головоломки, которую создали реформаторы – пока

²⁶ К примеру - результаты комплексного проекта системы ВКО, НПО «Протон» и МАК «Вымпел» (1993-1996 гг.); системного проекта «Система ВКО РФ» (2003г.); комплексные научно-исследовательские работы по реализации Концепции ВКО (2006 – 2008 гг.) и др.

спецслужбы других государств будут ломать головы, тратить время, силы и средства на то, чтобы разобраться в вопросах ВКО РФ, Минобороны под руководством «эффективного менеджера» к концу 2011 г., не важно, что – войска или систему ВКО, все равно создаст и отапортует: “нами повышены эффективность, боевые возможности, уровни боевой готовности, безопасности и другие показатели”.

Вместе с тем, существует и иной путь реального решения задачи, поставленной Президентом РФ на расширенном заседании коллегии Министерства обороны РФ:

очевидно, было бы целесообразно назначить решением Президента РФ должностное лицо (ранг – не ниже первого вице-премьера), которое возглавило бы работу по системе ВКО, и было бы уполномочено осуществлять распорядительную координацию действий Минобороны и организаций ОПК, подключив к этой работе Совет Безопасности России;

также следовало бы на современном этапе реформирования ВС РФ пресечь искусственно созданные внутренние противоречия внутри Минобороны (между Генеральным штабом, Главным командованием ВВС и командованием Космических войск по вопросу: кто главный и кому все подчинить?).

И наконец, почему из руководства государства никто не ставит вопрос: а кто ответит за всю существующую путаницу во время реформирования Вооруженных Сил и создания новых систем? Ведь в отечественных СМИ уже несколько лет подряд многие авторы аналитических статей о реформе Вооруженных Сил неоднократно зывали к руководству страны: пожалуйста, назовите фамилии авторов проводимой реформы! Но – нет, их авторы до некоторого времени оставались безымянными.

И наконец-то занавес приоткрыт благодаря выступлению А.Э. Сердюкова на той же коллегии: *«...Хочу подчеркнуть, что изменения в Вооружённых Силах проходили под руководством Президента, при активном участии*

Правительства и Федерального Собрания России.... В 2011 году в стране пройдут выборы депутатов Государственной Думы. Необходимо обеспечить условия для участия в голосовании военнослужащих, членов их семей, военных пенсионеров и ветеранов...».

Получается, что с одной стороны – “стрелки переведены” (мол, Минобороны – простой исполнитель, а руководил-то сам Президент!), а с другой стороны – “необходимо обеспечить условия для участия в голосовании”. Весьма многозначительное заявление, особенно перед выборами в ГД РФ, а в последующем и перед президентскими выборами.

Создается впечатление, что какие-то неведомые силы собираются или могут воспрепятствовать военнослужащим, членам их семей, военным пенсионерам и ветеранам добровольно проголосовать, за того или иного кандидата на выборах, или же за партию.

Военная наука и военное образование после реформ

Затеянные реформы коснулись и военной науки, и профессионального военного образования как системы обучения и воспитания командного состава ВС РФ всех уровней. Анализ их состояния после псевдореформ позволяет констатировать следующее.

На общегосударственном уровне не решены и даже не ставятся задачи для военной науки по решению основополагающих проблем военной защиты страны, включая:

разработку государственной идеологии воинской службы и профессиональной военной этики офицерского корпуса;

реанимацию национальной военной мысли;

преобразования системы профессионального военного образования на основании разработки и введения системы государственных профессиональных военных образовательных стандартов;

изменения системы прохождения службы офицерским составом Вооруженных Сил;

формирования экономических условий, информационного и правового поля, обеспечивающих безусловную престижность воинского труда и так далее.

В результате псевдореформ за пределами современных военных исследований также остались важнейшие вопросы государственного и военного строительства. Так, например, военная мысль не предложила государству четкой модели единой системы управления государством, способной эффективно управлять страной в мирное и военное время, и рациональные алгоритмы перехода из одного ее состояния в другое.

Это связано с тем, что на стратегическом уровне военной науки произошли кардинальные изменения, приведшие к снижению качества военных исследований.

Так, в Генеральном штабе практически прекратил свое существование Центр военно-стратегических исследований (ЦВСИ ГШ ВС РФ), выполнявший до этого функцию координатора и руководителя военной науки в целом, проводя при этом самостоятельные исследования на стратегическом уровне. Теперь эта организация обеспечивает учебный процесс академии Генерального штаба.

Хотя ранее ЦВСИ был ответственен за разработку предложений по военной организации государства, структуре, составу и численности Вооруженных Сил, их боевого применения в войне и локальных военных конфликтах. Ни одно важное учение не проводилось без участия представителей ЦВСИ, проводивших анализ действий войск и сил, участвующих на этих учениях. Представители этого Центра также анализировали практические действия войск, сил в военных операциях и кампаниях, будь то на Кавказе, либо на Балканах и в других горячих точках планеты. По результатам их исследований подготавливались предложения военному руководству страны в

части касающейся стратегии и состава группировок войск, а также перспективной структуры Вооруженных Сил применительно к условиям будущей войны.

Теперь структурные изменения в Вооруженных Силах рождаются исключительно в высших кабинетах Минобороны и Генштаба, без должного их научного обоснования и независимой военной научной экспертизы, что недопустимо в принципе. Нет сколько-нибудь важных и научно обоснованных предложений по структуре Министерства обороны применительно к мирному и военному времени. Реальное разделение прав и обязанностей Аппарата Минобороны и Генштаба пока носит поверхностный характер.

Нет военных исследований современных локальных войн и военных конфликтов как с участием российских соединений и частей, так и анализа опыта иностранных армий. Вне поля зрения военной науки остались миротворческие операции НАТО, ЕС, СНГ и собственно России. Не проанализирована военная составляющая «цветных революций», ни новые тенденции «твиттерных революций».

Отечественная военная мысль, после определенного рывка вызванного необходимостью осмыслить боевой опыт Второй мировой войны и тенденций связанных с появлением оружия массового поражения, в настоящее время несколько отошла от изучения и развития фундаментальных основ военного дела и сделала крен в направлении развития прикладных и видовых его разделов. Практически нет фундаментальных военно-научных трудов стратегического уровня, в том числе и прогностического характера. А если таковые имеются, то дальше стен оборонных НИИ эти разработки не выходят и в систему военного образования не вводятся.

На сегодняшний день в России также нет военно-научных школ как направлений национальной военной теоретической мысли и современной военной практики. Например, нет научных школ связанных с именами Александра Суворова, Федора Ушакова, Михаила Драгомирова, Дмитрия Милю-

тина, Михаила Скобелева, Николая Юденича, Александра Свечина, и так далее. Тысячелетняя история России, история ее Армии в военное образование не вводится. Она начинается с "победы Красной армии над немцами под Псковом и Нарвой 23 февраля 1918 года", как будто до того - в славной военной истории России не было ни Александра Суворова, ни Петра I, ни победы на Поле Куликовом²⁷.

В войсках и военных учебных заведениях практически отсутствуют современные учебные пособия (типа "Тактика в боевых примерах", на которых училось поколение офицеров и генералов Советской армии), в которых бы был профессионально описан опыт боевых действий взвода, роты, батальона в Афганистане и Чечне.

А это означает - реальный опыт боевых действий войск не изучается, а значит - теряется. Раньше, для советских офицеров издавались специальные серии книг. До Великой отечественной войны - "Библиотека командира" – это около тридцати книг западных и отечественных военных классиков²⁸. Занимался этой работой один из выдающихся отечественных военных теоретиков - Александр Свечин, а государство находило для этого деньги и возможности. В СССР издавалась "Библиотека офицера", переводились и выпускались труды зарубежных классиков военной мысли²⁹. Сегодня ничего подобного – нет.

Лучшие военные библиотеки имеют, в основном, историко-архивную ценность, так как в течение последних десяти лет они были лишены возможности собирать, переводить и обрабатывать современную зарубежную военную литературу и даже наши национальные источники, в том числе по опыту Афганской и Чеченской и других войн. Вместе с тем, Россия обладает уникальным военным научным наследием, которое до сих пор остается неиз-

²⁷ "Об инновационных Вооруженных Силах России, национальной военной мысли, военной науке и профессиональном военном образовании". Владимиров А. , вице-президент коллегии военных экспертов, кандидат политических наук, генерал-майор <http://fvo.spbu.ru/wp-content/uploads/2010/10/1.htm>

²⁸ Мольтке, Шлифен, Клаузевиц, и так далее.

²⁹ Например, труды Лиддела Брет Гарта и Дж. Кингстон-Макклори и других специалистов военного дела.

вестным и поэтому, не введенным в военно-научный оборот, а значит и в практику военного образования, и в действия войск. Это касается военного наследия всех эпох, от стратегической переписки А. Суворова, до трудов российской военной мысли в изгнании после революции, документов анализирующих причины наших военных неудач в Великой Отечественной войне и даже в Афганской и в Чеченских кампаниях.

Вызывает тревогу, как само состояние национальной военной мысли, так и тот факт, что офицерский корпус практически прекратил читать профессиональную литературу и литературу общекультурного плана. И в существующих условиях отсутствия источников культуры в отдаленных гарнизонах – образно говоря, офицеры "дичают".

Это вызвано не только скудным содержанием военных библиотек, которые не имеют денег, чтобы выписывать профессиональные российские и, тем более зарубежные журналы, но и тем, что основные военные библиотеки для многих офицеров в войсках недоступны. Библиотеки в гарнизонах и частях находятся в плачевном состоянии, а военные библиотеки ведущих академий не оцифровываются. Также не оцифрованы "Военный энциклопедический словарь" и "Военная энциклопедия", что резко снижает качество научных исследований и учебного процесса в ВВУЗах.

Следует также отметить, что после военной агрессии НАТО в Косово наблюдается "пепелище" мирового права в области ведения войны, которое необходимо восстанавливать и совершенствовать. Многие из офицеров сегодня не знают не только важных аспектов международного военного права и последних достижений военно-правовой мысли ведущих государств мира, но и отечественных разработок в этой сфере. В России до сих пор нет ни национального Кодекса военного права, ни Хрестоматии военного права.

На сегодняшний момент в России нет ни одной структуры на государственном уровне, которая была бы полномочна (то есть, имела бы такое служебное предназначение) и отвечала бы: за кодификацию национального во-

енного права; за разработку концепций и законов военного права; курировала бы работу над ними; собирала и издавала бы их отдельным изданием; отвечала бы за их изучение в ходе учебного процесса в учреждениях профессионального военного образования; следила за текущими изменениями в военном праве, своевременно вносила необходимые изменения в него и доводила их до войск.

Сегодня военно-правовым законотворчеством занимается Государственная Дума Федерального Собрания России (военный бюджет и законы федерального уровня), договорно-правовые управления и отделы структур Минобороны и других силовых ведомств страны (которые в основном занимаются "правовой текучкой") и так далее. Эти структуры зачастую не знают, что делают их "соседи". А всю огромную работу в области национального военного права никто не координирует. Минюст даже не имеет соответствующего военного правового управления, как нет ничего похожего ни в Минобороны, ни в Совете Безопасности России.

Кроме того, реальное состояние учебного процесса в Армии и на Флоте таково, что подавляющее большинство офицеров тактического и оперативного звеньев, не имеют боевого опыта и личного опыта организации и проведения учений с боевой стрельбой (начиная с ротных и батальонных и заканчивая тактическими учениями с боевой стрельбой полков, бригад и дивизий). Теряются знания и опыт управления боем и сражением, что для ВС РФ и государства является губительным. Скоро может оказаться, что в Армии вообще никто и ничего уметь, кроме подготовки выгодных для начальства докладов, организации показов, парадов и "мелких стычек, зачисток и контртеррористических операций" не будет. Боевой опыт изучается не по боевым документам, а по учебникам, которые дают лишь общее представление "о мнении начальников по поводу событий".

Следует также отметить, что в национальном военном образовании идет открытое заимствование чужих взглядов, подходов и методик военно-

научного анализа и профессиональной подготовки, и попыток их внедрения в национальную образовательную ткань. Этот процесс идет одновременно с пренебрежением к национальному историческому военному опыту, и при игнорировании современного боевого опыта.

В лучшем случае, есть определенное методологическое "натаскивание", но офицер в ВВУЗах не переходит на новый уровень общей культуры, не растет как профессиональный руководитель, так как все программы всех этих ВВУЗов устарели и требуют кардинальной переработки.

Кроме того, в военных училищах (институтах) сейчас, как правило, командуют ротами и батальонами курсантов и преподают им тактику нигде не воевавшие и не служившие в войсках, бывшие курсанты этих же училищ. Так, по этим причинам, никто из опрошенных недавно курсантов Московского командного училища не обнаружил элементарных и необходимых профессиональных знаний. Например: как оборонять дом, мост, опушку леса, этаж здания, высоту, деревню; как правильно расположить войска в лесу, в поле, и так далее. Чего же ждать от таких офицеров в войсках?

В связи с вышеизложенным, в современных условиях возникает объективная необходимость обучения всего офицерского корпуса и высшего руководства государства тем методам, приемам, навыкам и умениям организации масштабных общевойсковых и государственных военных мероприятий, которыми блестяще владело поколение ветеранов. Но, к сожалению, на этом пути существует несколько препятствий:

во-первых, в Минобороны и в Генеральном штабе почти не осталось ни научных структур, ни специалистов, способных профессионально и стратегически верно оценивать и анализировать предлагаемые им экспертные исследования стратегического характера, а также выносить по ним свое корректное суждение. Зачастую нынешние специалисты смотрят на своих прямых начальников, которые, в силу разного рода причин, знают эти темы еще хуже;

во-вторых, лица, принимающие стратегические решения с носителями идей и авторами теорий лично не встречаются, а, значит, зависят от мнения исполнителей;

в-третьих, практика принятия сущностных решений идет путем бесконечных согласований, которая порочна сама по себе, так как приводит любое решение или теорию к своей полной противоположности, и снимает всякую персональную ответственность со всех участников этих решений;

Основными причинами такой ситуации, являются:

отсутствие в государстве общенациональной идеи и, адекватной ей военной концепции по военной защите этой идеи;

высшее гражданское управление военной организацией государства комплектуется из людей, не имеющих практических навыков и теоретических знаний в этой области, и тем более в практическом управлении силовой сферой государства, как в мирное, так и в военное время. Все те, которым положено заниматься этой проблемой по должности – часто не имеют ни соответствующего уровня знаний, ни опыта, ни авторитета в Армии и на Флоте. Нет у них и своих собственных взглядов на существо проблем, ни, даже желания вникнуть в суть дела, а тем более осмелиться принять самостоятельное решение и нести за него ответственность.

Вместе с тем, военные преобразования в царской России и СССР было удовлетворительным потому (и до тех пор), пока ими лично занимались первые лица государства - Цари и Генеральные секретари КПСС. К сожалению, сегодня этим вопросом не занимается практически никто из руководителей такого уровня.

Отсутствие руководства этим вопросом со стороны высших должностных лиц государства и ВС РФ, неизбежно приведет к разрушению военной научно-образовательной структуры и учреждений профессионального военного образования, к вырождению национальной военной мысли.

В совокупности это означает, что интересы государственной военной реформы требуют действенного изменения как самих подходов к реформированию военной организации страны на базе военной науки, так и реформы системы профессионального военного образования, включая учебные планы учреждений военного образования и выработки новых профессиональных стандартов.

Только в этом случае Россия получит офицерский корпус и высший командный состав Вооруженных Сил, способные успешно решать задачи любой сложности и выполнять свое главное предназначение - обеспечивать безопасность развития страны: в мирное время - своей готовностью, решимостью и очевидной мощью не допускать войны, а с ее началом - побеждать в войне.

Возможные подходы к решению существующих проблем

Сразу оговоримся, основные подходы к решению существующих проблем взяты из статьи³⁰ генерал-майора А. Владимирова, Председателя Общероссийского Союза кадетских объединений, который в свое время получил самое полное профессиональное военное образование, которое было в СССР (СВУ, ВОКУ, Военная академия им. М.В. Фрунзе и ВАГШ). Являясь также вице-президентом коллегии военных экспертов и кандидатом политических наук, А. Владимиров не понаслышке знает существующие проблемы военной реформы и профессионального военного образования. Поэтому автор этой книги, получивший аналогичное профессиональное военное образование и достаточно долго проработавший в Генеральном штабе и имеющий ученые звания, разделяет подходы А. Владимирова к решению существующих проблем.

³⁰ Владимиров А. "Об инновационных Вооруженных Силах России, национальной военной мысли, военной науке и профессиональном военном образовании". <http://fvo.spbu.ru/wp-content/uploads/2010/10/1.htm>

В своей статье “Об инновационных Вооруженных Силах России, национальной военной мысли, военной науке и профессиональном военном образовании” А. Владимиров подчеркивает, что в докладе на Госсовете РФ 8 февраля 2008 г. “О стратегии развития России до 2020 года”, говоря о необходимости новых подходов к военному строительству, Президент РФ В. Путин сказал: *“... Нам необходима, если угодно, инновационная армия, где к профессионализму, техническому кругозору и компетентности военных предъявляются требования принципиально иного, самого современного уровня. Для укрепления национальной безопасности в целом необходима новая стратегия строительства вооруженных сил до 2020 года.”*³¹.

Опираясь на этот тезис В. Путина, А. Владимиров считает, что для процесса национального военного строительства важно в современных условиях не нужно искать либо выдумывать принципиально иные методы работы, или, что еще хуже, пытаться привносить в Вооруженные Силы чуждые по духу и сути зарубежные военно-строительные изыски. Необходимо тщательно и скрупулезно изучить многовековой опыт истории России, ее Армии и Флота и найти в нем отработанные веками, эффективные и необходимые сегодня инновационные методы и способы решения этой задачи, закрепить их в новой правовой базе и применить в государственной практике.

Так, история войн и армий мира убедительно доказывает, что вложение в человека в погонах, в конечном счете, всегда важнее вложений в оружие. Поэтому при всех важности технических аспектов и компонентов Вооруженных Сил, главное направление их нового инновационного образца - формирование принципиально нового качества офицерского корпуса.

Разумеется, ВС РФ должны иметь и инновационное оружие, но, прежде всего они должны стать высочайшего уровня профессиональной государственной военной корпорацией, имеющей собственную профессиональную генетику. А российская военная наука должна разработать и предложить госу-

³¹ В. Путин Доклад на Госсовете РФ 8 февраля 2008 г. “О стратегии развития России до 2020 года”

дарству концепцию "ликвидации государственной военно-стратегической безграмотности", без прохождения которого, государственных чиновников высшего ранга назначать нельзя.

В современных геополитических и стратегических условиях развития России в мире военное профессиональное образование также нуждается в реформе. Это касается, как сокращения числа военных кафедр гражданских ВУЗов, так и сокращения числа военных учреждений высшего образования и перевода их в новое качество.

Видится целесообразным, что число военных академий достаточно иметь по одной на Вид Вооруженных Сил, плюс Военно-медицинскую и Академию тыла. Военные училища общевойскового профиля целесообразно сделать интегрированными, то есть включить в их состав цикл обучения на правах отдельных факультетов все рода войск участвующие в общевойсковом бою (мотострелков, танкистов, артиллеристов, инженеров, химиков, связистов и т. д.).

Обязательным условием реформы военного профессионального образования является - сбережение учебных центров родов войск и Видов ВС, а также научных школ. В них должна быть развернута современная система курсов подготовки командиров рот, батальонов, полков и бригад, без окончания которых офицер не может быть назначен на следующую должность. Концентрация военной мысли в учебных центрах должна привести к поднятию статуса военного профессионального образования, престижности преподавания и росту его качества, и, что немаловажно, повышению должностных категорий профессорско-преподавательского состава и администрации ВВУЗов.

При этом командные и преподавательские кадры военных дисциплин учреждений профессионального военного образования должны комплектоваться исключительно офицерами, имеющими войсковой опыт службы в должностях: в военных училищах (минимально) полкового (бригадного) зве-

на; в военных академиях (минимально) дивизионного (корпусного) звена. Этот принцип должен исключить возможности служебного роста офицеров ("от курсанта - до генерала, не выходя из одного подъезда").

Преподавание общенаучных дисциплин в учреждениях профессионального военного образования необходимо осуществлять путем найма по контракту выдающихся экспертов, ученых, общественных деятелей и лучших педагогических сил. Так как в настоящее время профессорско-преподавательский состав учреждений военного образования комплектуется "случайными" людьми (по принципу наличия квартиры в городе). Экономически он обеспечен безобразно и стимулов к совершенствованию своего труда не имеет.

Безупречность офицерского корпуса России также зависит от качества и общей тональности государственной идеологии воинской службы, его профессиональной этики и, во многом, от того профессионального образования, которое должен получить офицер в ходе своей службы, как военный профессионал и гражданин России.

А профессиональная военная школа должна готовить военных профессионалов способных воевать (в терминах С. Хантингтона - "управлять насилием") и в буквальном смысле этого слова, пригодных к этому. Оно должно иметь конкретную деловую цель, а каждая его ступень должны приводить воспитанника (офицера) к следующему уровню его служебной карьеры. Это предполагает, что государственный стандарт (или заказ) для профессиональной военной школы должен распространяться не только на уровень знаний выпускников, но и на уровень их воспитанности, при однозначной государственной социализации и корпоративной пригодности.

Кроме того, военная профессиональная школа и сама система прохождения воинской службы должны способствовать непрерывности образовательного процесса и вырабатывать у офицеров внутреннюю потребность и

привычку к совершенствованию собственного профессионального уровня путем самообразования (привить вкус к самообразованию).

В связи с этим, проблема разработки нового поколения государственных профессиональных военных образовательных стандартов является одной из ключевых во всей системе преобразований профессионального военного образования, без решения которой невозможно никакое новое его качество.

Это значит, что интересы России требуют выработки новых государственных образовательных и воспитательных профессиональных военных стандартов, новых подходов ко всей системе воспитания военнослужащих и граждан страны, а значит и внесения существенных корректив в национальную систему профессионального военного образования и ткань образовательного процесса.

Как представляется, новое поколение национальных государственных профессиональных военных образовательных стандартов должно состоять из трех взаимоувязанных учебными планами компонентов: профессионального военного; широкого гуманитарного общеобразовательного; и воспитательного.

Реформа российской профессиональной военной школы должна основываться, кроме всего прочего, на соблюдении нескольких базовых аксиом.

Первое - профессиональное военное образование должно быть непрерывным.

Общий подход к нему должен основываться по линии развития и поддержки профессиональной военной пригодности различных категорий военнослужащих, путем его непрерывного профессионального (очного, заочного и самостоятельного) образования.

Непрерывность профессионального военного образования также должна обеспечивать профессиональное развитие военных кадров России, то есть обеспечивать способность их перехода к деятельности на другом качественном профессиональном уровне.

Второе - фундаментальное профессиональное военное образование необходимо для последовательного перехода военнослужащего на новый уровень военного профессионализма. К примеру:

стать военным специалистом с потенцией профессиональной военной карьеры возможно при обучении (с детства) в СВУ и равных им образовательных учреждениях начального профессионального военного образования;

стать профессиональным военным (офицером) допустимо только при получении базового военного профессионального образования;

переход к профессиональному оперативно-стратегическому уровню потенциален только по получению высшего военного профессионального образования, то есть после окончания Военной академии;

переходу на государственный уровень должно предшествовать получение образования в “Государственной академии” (об этой академии будет сказано отдельно).

Третье - все остальные служебные промежуточные ступени профессиональной военной карьеры должны сопровождаться соответствующей курсовой подготовкой, которая должна максимально гибко реагировать на новые геополитические и военно-технологические изменения. А самостоятельное профессиональное военное образование должно считаться и являться неотъемлемой частью профессионального военного образования (в том числе и высшего), и должно быть соответствующим образом вписано в систему командирской и оперативной подготовки.

Исходя из базовых аксиом, структурно-логическая система профессионального военного образования может выглядеть следующим образом:

Первый уровень - первичное военное образование - Суворовские (Нахимовские) военные училища, военные лицеи и кадетские корпуса;

Второй уровень - базовое профессиональное военное образование - высшие военные училища Видов Вооруженных Сил РФ;

Третий уровень - специальное профессиональное военное образование - система курсов по подготовке военных кадров по конкретной воинской и родственным специальностям, существующих при Видах Вооруженных Сил и родах войск;

Четвертый уровень - высшее профессиональное военное образование - военные академии Видов Вооруженных Сил РФ (по одной на вид);

И, наконец, *пятый уровень* - высшего профессионального государственного образования - Государственная академия (сейчас это Военная академия Генерального Штаба и Академия государственной службы).

При этом каждый уровень военного профессионального образования должен соответствовать определенным требованиям.

Первичное военное профессиональное образование

Суворовские (нахимовские) военные училища, военные лицеи и кадетские корпуса, комплектуемые, в основном из детей военных и государственных служащих (а так же из сирот, "сыновей полков" и бездомных детей), должны прививать своим воспитанникам высокие нравственные качества и давать им:

полное сертифицированное общее гуманитарное среднее образование;

отличные знания иностранных языков;

прочные навыки владения компьютером на уровне хорошего пользователя;

базовые навыки в управлении автомобильной и гусеничной техникой;

высокий уровень физической и психологической подготовки;

общие навыки владения стрелковым и холодным оружием, а также боевыми единоборствами;

навыки действий в чрезвычайных обстоятельствах и в условиях выживания;

общие навыки управления воинскими коллективами уровня "отделение - взвод" в мирное и военное время;

умение вести себя в обществе и контролировать свое поведение, и так далее.

Каждое из перечисленных выше начальных профессиональных знаний должно подтверждаться соответствующим сертифицированным дипломом и давать выпускникам право работы по полученным специальностям.

Обучение в этих учреждениях должно начинаться с 10-11 лет и продолжаться в течение 7-8 лет. Должен быть предусмотрен ежегодный выезд в оздоровительные летние лагеря, а на последних двух курсах должна проводиться войсковая стажировка.

Войсковая стажировка на последнем курсе должна носить характер экзамена и учитывать выбранную воспитанником специализацию.

Выпускники Суворовских (нахимовских) военных училищ, военных лицеев и кадетских корпусов должны иметь право первоочередного (без экзаменов) поступления на вторые курсы учреждений базового военного образования.

Таким образом, построенное первичное (начальное) профессиональное военное образование должно обеспечить высокий уровень гуманитарного среднего образования, безусловную государственно ориентированную социализацию своих выпускников, их общую готовность к реальной жизни и к продолжению службы в Вооруженных Силах, а также обеспечить их конкурентоспособность на рынке труда.

Особое значение должно уделяться конкурсному подбору кадров офицеров-воспитателей в учреждения национальной суворовской (кадетской) школы, при этом главным критерием их отбора, кроме безусловного высокого уровня общей культуры и профессионализма, должна стать любовь к детям.

Базовое профессиональное военное образование

Базовое военное образование должно вестись в течение четырех - пяти лет и обеспечивать: получение выпускниками общего гуманитарного высше-

го образования, имеющего в целом гуманистическую направленность, достигаемую за счет углубленного изучения истории, мирового и национального военного наследия, этики и эстетики, педагогики, основ менеджмента, мирового и национального права, иностранных языков; углубление навыков во владении компьютером; стрелковым и холодным оружием; техникой вождения автомобилей и так далее. Особое внимание должно уделяться формированию физической и морально-психологической готовности учащихся к управлению коллективами людей.

Курс собственно военных наук должен включать изучение всех видов боевого и тылового обеспечения, вплоть до практических навыков в их осуществлении, а также прохождение теоретического курса общей тактики, дающего возможность выпускникам ориентироваться во всех видах общевойскового боя тактического уровня.

Обучение на двух последних курсах должно сопровождаться проведением войсковых стажировок в должностях командиров взводов, командиров рот и им равных, с учетом возможной (выбранной) выпускником будущей специальности.

Выпускник учреждения базового военного образования должен иметь диплом о получении сертифицированного общего высшего гуманитарного образования по специальности "менеджер по управлению коллективами" общегражданского государственного образца, и диплом о получении базового (среднего) военного образования, дающего ему право и возможность служебной карьеры до командира полка включительно.

Специальное профессиональное военное образование

Курс специального военного образования, то есть первый из системы курсов по подготовке военных кадров по конкретной военной и родственным специальностям, существующих при Видах Вооруженных Сил и родах войск должен готовить офицеров и специалистов непосредственно к работе по вы-

бранной специальности, в конкретной должности, в конкретном военном округе (флоте).

Они могут быть непродолжительными, но обучение на них должно стать необходимым условием получения следующей, очередной в служебной карьере офицера, должности, вплоть до уровня командира отдельной части.

Высшее профессиональное военное образование

Офицер или специалист может получить высшее военное профессиональное образование только успешно окончив одну из военных академий Видов Вооруженных Сил РФ, (по одной на Вид ВС РФ, в том числе и на Тыл ВС РФ).

Главной особенностью этих академий должно явиться то, что они должны готовить профессиональную военную элиту, способную командовать бригадами, армиями и флотами, на уровне общевойсковых операций, то есть в них необходимо совместить уровни знаний существующих военных академий и Академии Генерального Штаба.

Высшее профессиональное государственное (стратегическое) образование

Высшее государственное образование, это образование получаемое генералами и гражданскими государственными служащими, отобранными или избранными, для назначения на высшие посты государственного управления на федеральном уровне, а также представители региональных элит, избранных населением на высшие управленческие должности в своих регионах³².

Для этого должна предназначаться - Государственная академия России (сейчас это Военная академия Генерального Штаба и Академия государственной службы).

³² Это Президент России, высшие чиновники его Администрации, председатели и руководители Палат и комитетов Федерального Собрания РФ, члены Кабинета министров Правительства РФ и его аппарата, губернаторы и руководители региональных дум и так далее. В собственно военной сфере, это уровень Министров и их заместителей, стратегических и территориальных командований, Управлений Центрального аппарата Минобороны и Генерального (Объединенного) штаба и так далее.

Эта академия должна готовить государственную управленческую элиту и вырабатывать Государственную стратегию развития России. Главными предметами обучения в ней должны стать - философия и практика государственного строительства и управления государством.

Кроме этого, только в системе профессионального военного образования можно по-настоящему развивать и фундаментальную военную науку.

Еще один важный момент. Россия сегодня официально не воюет, поэтому и не нужно "гнать" учебный процесс. Сроки обучения в учреждениях военного образования должны диктоваться не существующей губительной логикой "ускоренной подготовки командного состава Армии и Флота" (например, сокращение сроков обучения в Общевойсковой академии с трех до двух лет привело к появлению плохо образованных командиров среднего звена, которые со временем неизбежно будут формировать высший командный состав ВС РФ), а только логикой получения полноценного и качественного профессионального военного образования.

Это также предполагает полный отход от существующей кадровой политики в отношении воинских званий и служебно-должностных соответствий командного и профессорско-преподавательского состава в системе национального профессионального военного образования. Печальный опыт борьбы за "сокращение генеральских званий" в военной науке и образовании, убедительно доказывает простую истину - экономия на статусе постоянного состава учреждений военного профессионального образования, есть путь губительный, так как ведет не к "экономии государственных средств", а только к ликвидации образования как такового.

Важным является осознание высшей государственной властью и высшим военным командованием той истины, что отличительным признаком инновации является воплощение ее на практике, которая должна характеризоваться как радикальным, так и постепенным изменениям в процессах деятельности, стратегии и состоянии организации.

От способности руководства страны и Вооруженных Сил самим перейти на инновационные методы работы и от внедрения в практику государства и Армии новых инновационных идей и подходов к военному строительству, их личного профессионального, культурного и нравственного уровня, и ответственности - зависит будущее нашей Армии, а, значит и историческое будущее России. Как говорил фельдмаршал М. Кутузов на совете в Филях: "Сохраним Армию - сохраним Россию. Не сохраним Армию - не сохраним ни Москвы, ни России".

Напоминание этих слов великого полководца было сделано только затем, чтобы еще раз подчеркнуть, что передовая национальная военная мысль, военная наука и профессиональное военное образование в современных условиях жизненно необходимы для России и ее Вооруженным Силам.

Военные эксперты и ветераны Вооруженных Сил продолжают надеяться, что руководство страны обратит более пристальное внимание на сложившееся положение дел в Армии и на Флоте в результате псевдореформ, подключив к преобразованиям военной составляющей государства Совет Безопасности который на основе научно обоснованных решений продолжит совершенствовать состав и структуру Вооруженных Сил России.

Москва

февраль 2012 г.

Опубликовано на правах рукописи.

Использованы фотографии:

из архивов Юрия Селютина, Игоря Ревина, Олега Войнова, Олега Печенина, Евгения Александрова, Анатолий Качан.

www.kvoku.org, www.7-1974.kvokdku.org

Оформление Анатолия Качан.

©Ю.Морозов, 2012

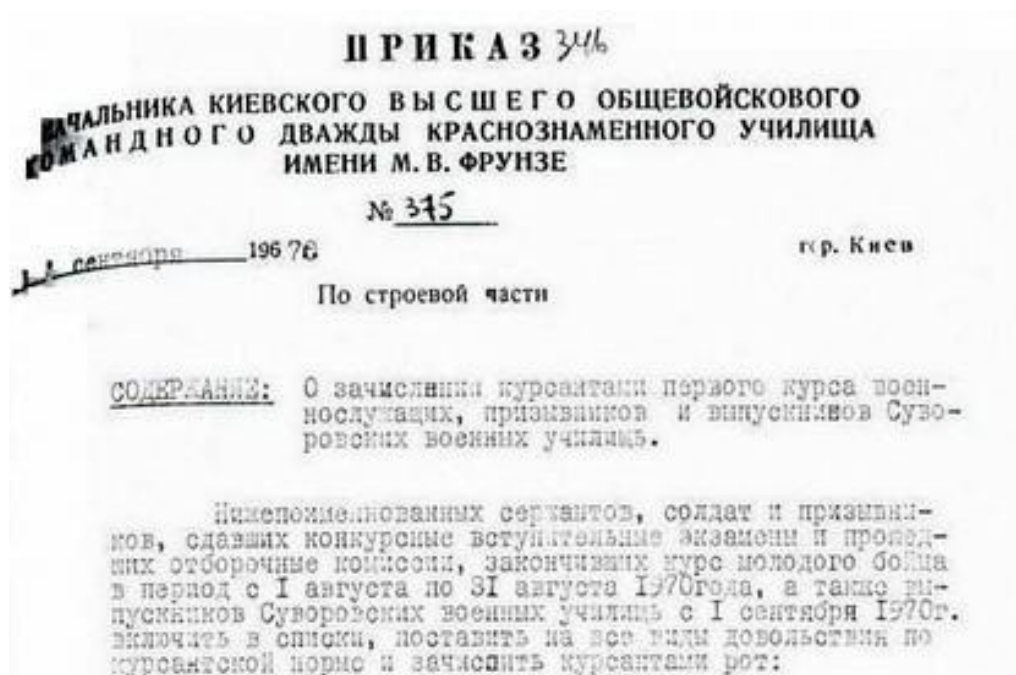
morozovyury51@yandex.ru

ПРИЛОЖЕНИЯ

СТРАНИЦА ПАМЯТИ 7 РОТЫ

**КОПИЯ ВЫПИСКИ ИЗ ПРИКАЗА
О ЗАЧИСЛЕНИИ КУРСАНТАМИ 7 РОТЫ**

249. АНТОНЮК Виктор Петрович
250. АВРАМЕНКО Василий Николаевич
251. АЛЕКСАНДРОВ Евгений Николаевич
252. АЛЕКСЕЕВ Евгений Дмитриевич
253. АСТАШОНОК Вячеслав Владимирович
254. БАГДЮКОВ Николай Николаевич
255. БУТХУДЗЕ Вадим Вахтангович
256. БОШУЛА Владимир Николаевич
257. БУДЯНСКИЙ Сергей Лукьянович
258. БАБАЕВ Винамин Александрович
259. БЕЛОУСОВ Николай Александрович
260. БОНДАРЬ Петр Владимирович
261. БОЧКАРЕВ Владимир Васильевич
262. БУТКЕВИЧ Николай Николаевич
263. БУСЕЛ Василий Иванович
264. БОБКОВ Николай Иванович
265. БЕРЛОТА Анатолий Сергеевич
266. БУРЛАК Александр Владимирович
267. БОЛДЫРЕВ Валерий Сергеевич
268. БАРИН Валерий Иванович
269. ВАРЕНИК Сергей Леонидович
270. ВОИНОВ Олег Орленович
271. ВОРСОВСКИЙ Александр Иосифович
272. ВОЙЧЕНКО Владимир Павлович
273. ВОЛОХ Федор Константинович
274. ВОРОБЬЕВ Юрий Валентинович
275. ВАСИЛЬЕВ Владимир Матвеевич
276. ВОРОНОВ Николай Алексеевич
277. ВОЛКОВ Игорь Николаевич
278. ГРУШЕВО Владимир Иванович
279. ГАЛИЦКИЙ Виктор Моисеевич
280. ГОРОХОВ Владимир Николаевич
281. ГУЛЯКОВ Павел Кириллович
282. ГАМЛЯВЫЙ Владимир Владимирович
283. ГОРБУНОВ Сергей Григорьевич
284. ГОРДАШ Анатолий Степанович
285. ДУХНИН Михаил Павлович
286. ЕЛХОВ Александр Васильевич
287. ЕРШОВ Николай Павлович
288. ЗАХАРОВ Владимир Владимирович
289. ЗАБЕЛИН Владимир Антонович
290. ЗАДОРЖНЫЙ Валерий Федорович
291. ЗАЯКИН Борис Николаевич
292. ИНЖЕВСКИЙ Вячеслав Ильич
293. ИВАЩЕНКО Александр Иванович
294. КОСТЫЛЕВ Валентин Андреевич
295. КОШМАН Александр Кириллович
296. КАЗАНЦЕВ Александр Петрович
297. КИРЬЯНОВ Михаил Иванович
298. КРИВОНОГОВ Анатолий Семенович
299. КОЛОСКОВ Виктор Евгеньевич
300. КОТЛЯРОВ Олег Николаевич
301. КУДРЯЦОВ Сергей Петрович
302. КУРОЧКИН Александр Васильевич
303. КОРМУШИН Александр Петрович
304. КСЕНДЗОВ Леонид Иванович
305. КРЮЧКОВ Валерий Николаевич

- 306. КАДУЧЕНКО Петр Андреевич
- 307. КОЛОКОЛОВ Анатолий Григорьевич
- 308. КУШЕНКО Владимир Николаевич
- 309. КОРОЛЕВ Николай Арсентьевич
- 310. КАЧАН Анатолий Николаевич
- 311. КУЛЕШОВ Владимир Васильевич
- 312. КЛИМОВИЧ Евгений Кононович
- 313. КОРОТКИХ Юрий Иванович
- 314. КОРНИЛОВ Евгений Федорович
- 315. КУХАРЕВ Владимир Борисович
- 316. ЛЕБЕДЕВ Александр Леонидович
- 317. ЛАРЧЕНКО Валерий Алексеевич
- 318. ЛИЗУНОВ Александр Глебович
- 319. ЛОМИНАРСКИЙ Петр Григорьевич
- 320. ЛЕОНОВ Владимир Леонидович
- 321. ЛЕВЧЕНКО Василий Федорович
- 322. МАРЧЕВ Олег Ростиславович
- 323. МОНЕТА Игорь Андреевич
- 324. МОРОЗОВ Сергей Борисович
- 325. МАТВЕЕВ Владимир Николаевич
- 326. МОРОЗОВ Юрий Васильевич
- 327. МЕРЗЛИКОВ Александр Анатольевич
- 328. МИНДИЯРОВ Владимир Тимирьянович
- 329. МЕЛЬНИЧЕНКО Михаил Иванович
- 330. НИКИТИН Виктор Григорьевич
- 331. НИКОЛЕНКО Анатолий Петрович
- 332. НАССОНОВ Виктор Григорьевич
- 334. НОВОЖИЛОВ Виктор Борисович
- 335. ПЕЧЕНИН Олег Валентинович
- 336. ПОПОВ Александр Николаевич
- 337. ПОЛЕСИКА Владимир Иванович
- 338. ПЕТСИН Александр Петрович
- 339. ПОЛЯНСКИЙ Валентин Федорович
- 340. ПОРИШКИН Леонид Александрович
- 341. ПОПОВИЧ Алексей Максимович
- 342. ПИЛ Александр Владимирович
- 343. ПИСАРЧУК Юрий Владимирович
- 344. РОДОКОВ Анатолий Николаевич
- 345. РЕВИН Игорь Иванович
- 346. СОЛОВЬЕВ Виктор Алексеевич
- 347. СЕНЬКЕВИЧ Виктор Михайлович
- 348. СЕМЕНОВ Александр Алексеевич
- 349. СУРКОВ Игорь Алексеевич
- 350. СТАСЕНКО Сергей Алексеевич
- 351. СОМОВ Владимир Михайлович
- 352. СЫЧЕВ Владислав Дмитриевич
- 353. СМОКТУНОВИЧ Константин Ростиславович
- 354. СОЛОМКО Александр Сергеевич
- 355. ТИШИН Михаил Викторович
- 356. ТАРАСОВСКИЙ Александр Григорьевич
- 357. ТРОФИМОВ Владимир Александрович
- 358. УЧЕНИК Аркадий Рафаилович
- 359. УСТИНОВ Валерий Александрович
- 360. ФЕДЬКО Сергей Иванович
- 361. ФОКИН Игорь Александрович
- 362. ХОМЕНКО Александр Николаевич
- 363. ХАРЛАМОВ Сергей Александрович

- 364. ХАМЕТОВ Али Идрисович
- 365. ЧИЖИК Валерий Александрович
- 366. ЧУЛАНОВ Виктор Андреевич
- 367. ЧУБАКОВ Анатолий Федорович
- 368. ШУНИН Александр Николаевич
- 369. ШУКИН Сергей Андреевич
- 370. ЮХНЕВИЧ Александр Михайлович
- 371. ЯКОВЕНКО Валерий Витальевич
- 372. ЯНКЕВИЧ Владимир Васильевич

§2.

Младшего сержанта ПЕТРОВСКОГО Игоря Глебовича ранее обучавшегося в училище и отчисленного по не дисциплинированности зачислить в училище условно в 7 роту.

Призывника ПЯТКОВА Валерия Михайловича зачислить в училище в 9 роту условно.

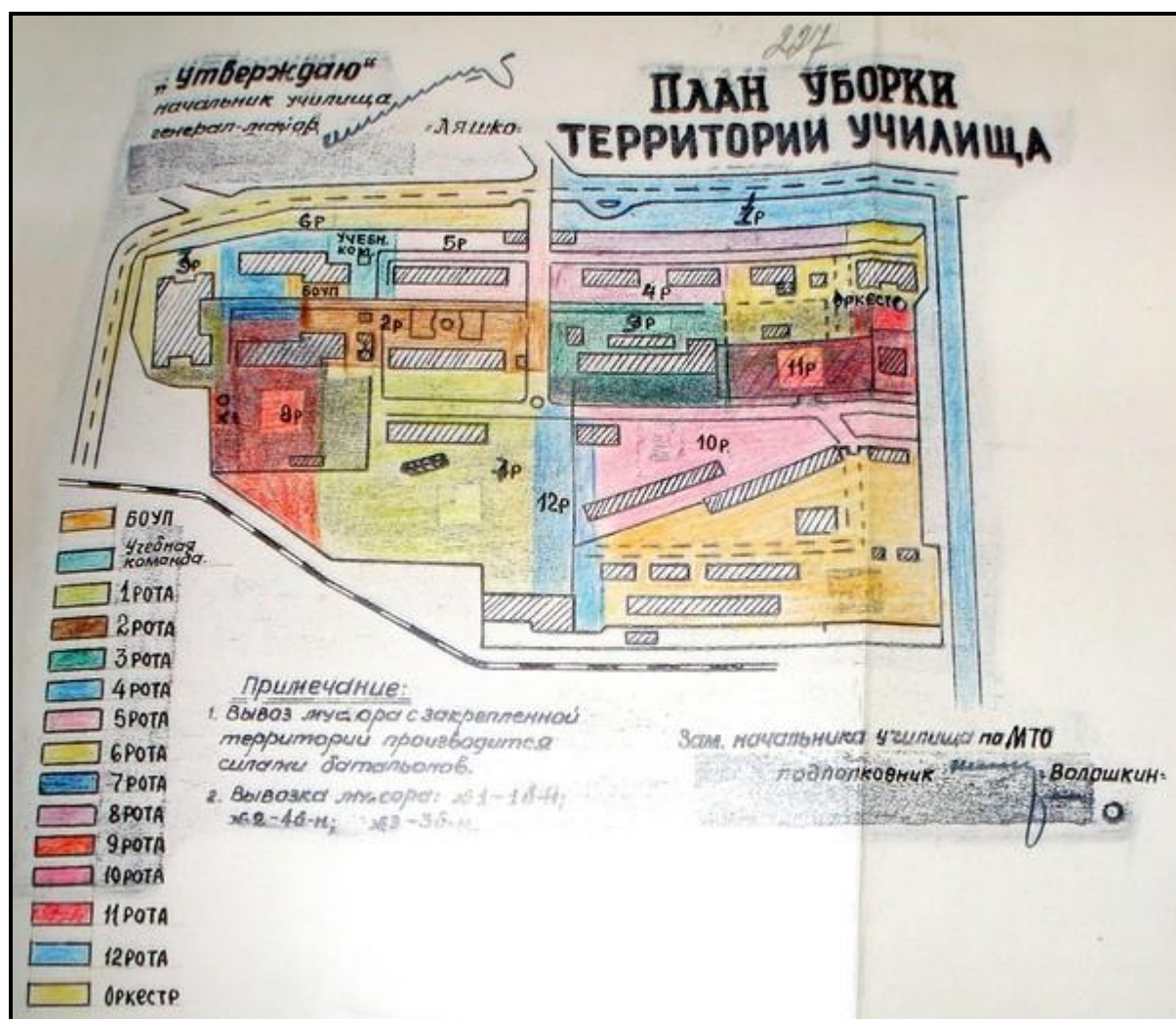
Призывников ИСКИНА Александра Михайловича и ХАНА Наума Сергеевича зачислить в училище в 8 роту условно.

НАЧАЛЬНИК УЧИЛИЩА
ГЕНЕРАЛ-МАЙОР

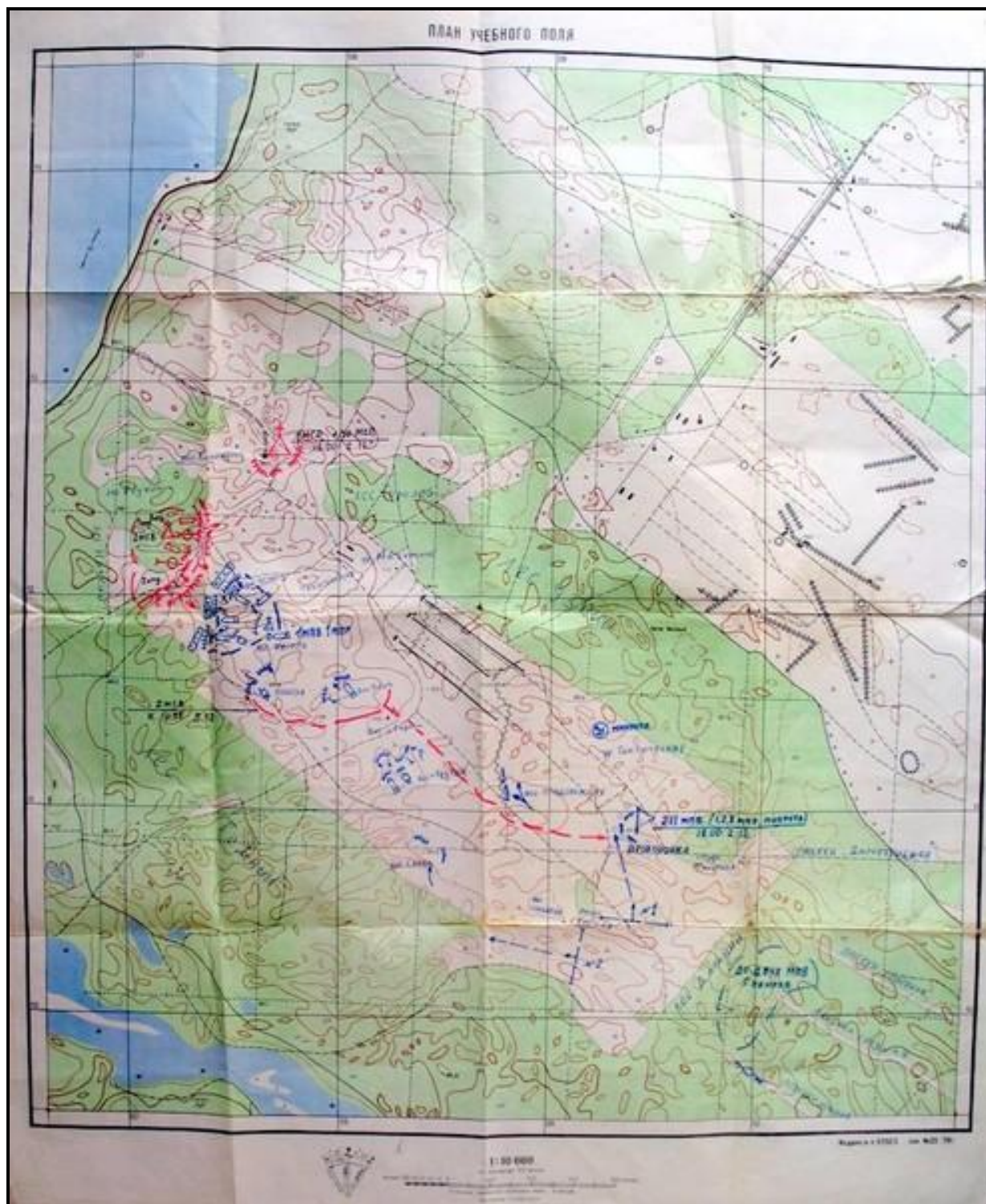

/И.А. БОЛДУЕВ/

ПЛАН УБОРКИ ТЕРРИТОРИИ УЧИЛИЩА

КАРТА
ТАКТИЧЕСКОГО ПОЛЯ В УЧЕБНОМ ЦЕНТРЕ СТАРЕ

КАВАЛЕРИИ КИЕВСКОГО ВЫСШЕГО ОБЩЕВОЙСКОВОГО
КАВАНДНОГО ДВАЖДЫ КРАСНОЗНАМЕННОГО УЧИЛИЩА
ИМЕНИ М. В. ФРУНЗЕ

сентября 1967 г.

гср. Кнев

УДК 62-50:62-50

В соответствии с приказом Министра Обороны Союза ССР № 0187 от 1970 года сего числа вступил в исполнение обязанностей командира Киевского высшего общевойскового командного дважды орденовского училища имени М.В.Фрунзе.

НАЧАЛЬНИК УЧИЛИЩА
ГЕНЕРАЛ-МАЙОР

BOJNEV/

269

№ 321

гор, Киев

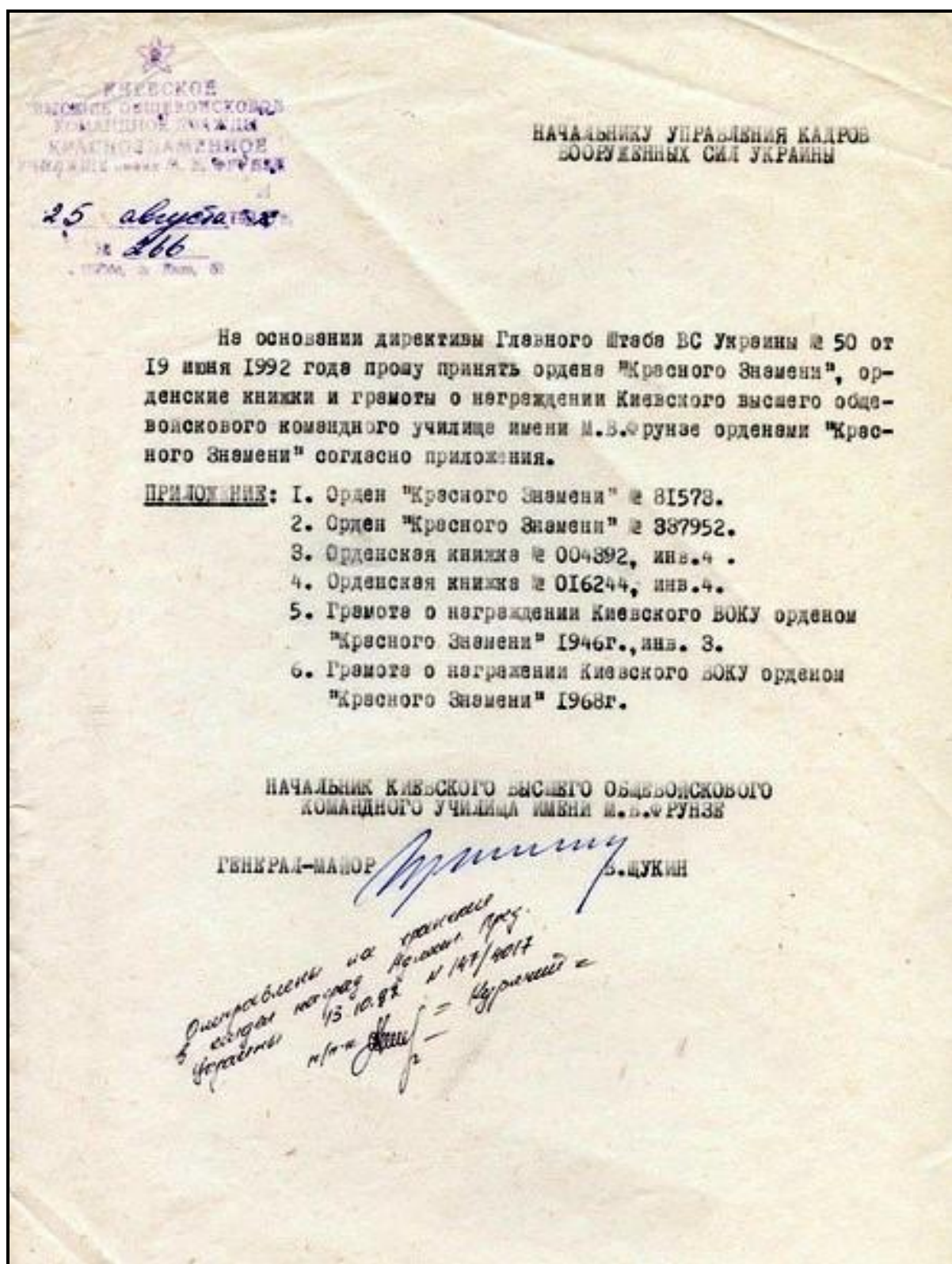
СОДЕРЖАНИЕ: О вступлении в должность начальника училища генерала-майора ЛЯЧКО В.И.

С сего числа вступил в исполнение должности начальника Киевского Высшего общевойсковое командного дважды Краснознаменного училища имени А.С.Фрунзе.

Временно исполняющего обязанности начальника Киевского
Высшего общевойсковое командного звания Краснознаменного училища
имени И. В. Фрунзе, заместителя начальника училища подполковнику ГОРЬКОВУ
Сергею Корниловичу с сего числа приступить к исполнению своих
полных служебных обязанностей.

- 3. ЛАНКО -

О ПЕРЕДАЧЕ В АРХИВ

ОГЛАВЛЕНИЕ:

<i>Предисловие</i>	1
<i>От автора</i>	7
Часть 1. Детство и отрочество	
Пацан из ростовского двора.....	11
Историческая справка о Кавказском суворовском военном училище...	21
Первые впечатления об училище и вступительные экзамены.....	25
Кадетские будни от “Подъема” до “Отбоя”.....	31
Ротный “батя” и офицеры-воспитатели 6 роты.....	49
“Невинные шалости” и другие приключения.....	55
<i>Забавы суворовцев</i>	55
<i>Горные приключения</i>	60
Немного о грустном и нравоучительном.....	66
Барабанные палочки.....	71
Кое-что о песенном фольклоре и о поэзии	75
Новые пенаты для суворовцев - «кавказцев».....	79
Судьба кавказцев в Свердловском СВУ.....	80
Новые пенаты в Казанском училище.....	84
Первая встреча “абреков с Кавказа” с Киевским СВУ.....	91
Краткая история Киевского суворовского военного училища...	98
Все познается в сравнении.....	100
Шесть благоприобретений КвСВУ и очарование Киева	
Заповеди из ученического билета суворовца.....	107
<i>“Земляничная” поляна посреди училища</i>	112
<i>Плюсы и минусы кадетской влюбленности</i>	113
<i>Украинская природа и ландшафт</i>	118
<i>Благоприятные условия для культурного роста</i>	127
<i>Зимние забавы</i>	130
<i>Очарование Киева</i>	132
В ожидании перемен.....	137
Прощание с суворовским училищем.....	145
О тех, кого знаю и помню.....	157
<i>Виртуальный министр обороны (П.А.Березкин)</i>	159
<i>Товарищ генерал-майор! (В.Ю.Горбунов)</i>	163
<i>“Любитель заграницы” (В.А.Мунаев)</i>	169
<i>Двенадцать воинских гарнизонов (В.А.Ковров)</i>	176
<i>“Нормальный гений” (Н.С.Ананикян)</i>	186
<i>Инженер с “китайским уклоном” (М.П.Шабалин)</i>	193
<i>Может ли офицер со странной фамилией стать генералом? (А.А.Тазехулахов)</i>	200
О наболевшем: что было и что будет с военным воспитанием юношей.....	211
<i>Что было до последних времен с суворовской системой воспитания</i>	211
<i>Что будет с военным воспитанием юношей в результате реформ</i>	217
<i>А Васька слушает, да ест</i>	227
Незримая связь времен.....	232
Вместо заключения в воспоминаниях о суворовском училище.....	244

Часть 2. Юношество в погонах

<i>Предисловие. Что же это такое - военная разведка?</i>	246
<i>Тактическая и оперативная разведка</i>	248
<i>Роль аналитических органов</i>	251
<i>Стратегическая разведка</i>	254
<i>Необходимость военной разведки для государства в современных условиях</i>	260
Київське вище загальновійськове командне двічі червонопрапорне училище імені М. В. Фрунзе	267
<i>Витиеватые страницы истории</i>	267
<i>И опять сравнительный анализ “старых” и “новых” пенатов...</i>	271
<i>7 разведывательная рота</i>	282
<i>Отцы – командиры</i>	288
<i>Премудрости познания китайского и других языков мира</i>	295
<i>Постижение других наук и предметов</i>	304
<i>Особенности курсантского быта по сравнению с суворовским училищем</i>	322
Учебный центр КВОКДКУ и события различного масштаба вокруг села Старе	345
<i>Военный городок учебного центра и его окрестности</i>	345
<i>События различного масштаба вокруг села Старе</i>	352
<i>Злополучный караул</i>	358
<i>Плюгавый гриб ядерного взрыва</i>	362
Любовные томления и женитьба	364
<i>Курсантские критерии будущей жены</i>	364
<i>Теория и практика отбора невесты</i>	364
<i>“Свадебный подарок” ротного</i>	367
Финальный аккорд учебы в училище	399
<i>Стажировка в войсках</i>	399
<i>Выпускные экзамены</i>	404
<i>Распределение молодых офицеров к местам их дальнейшей службы</i>	415
<i>Какие общие и разные судьбы или “цыплят по осени считают”..</i>	425
Эпилог. Некоторые размышления полковника запаса	427
<i>Проблемы “перманентной военной реформы” и возможные пути их решения</i>	427
<i>Облик современных Вооруженных Сил России</i>	432
<i>Военная наука и военное образование после реформ</i>	445
<i>Возможные подходы к решению существующих проблем</i>	453
Приложения	465